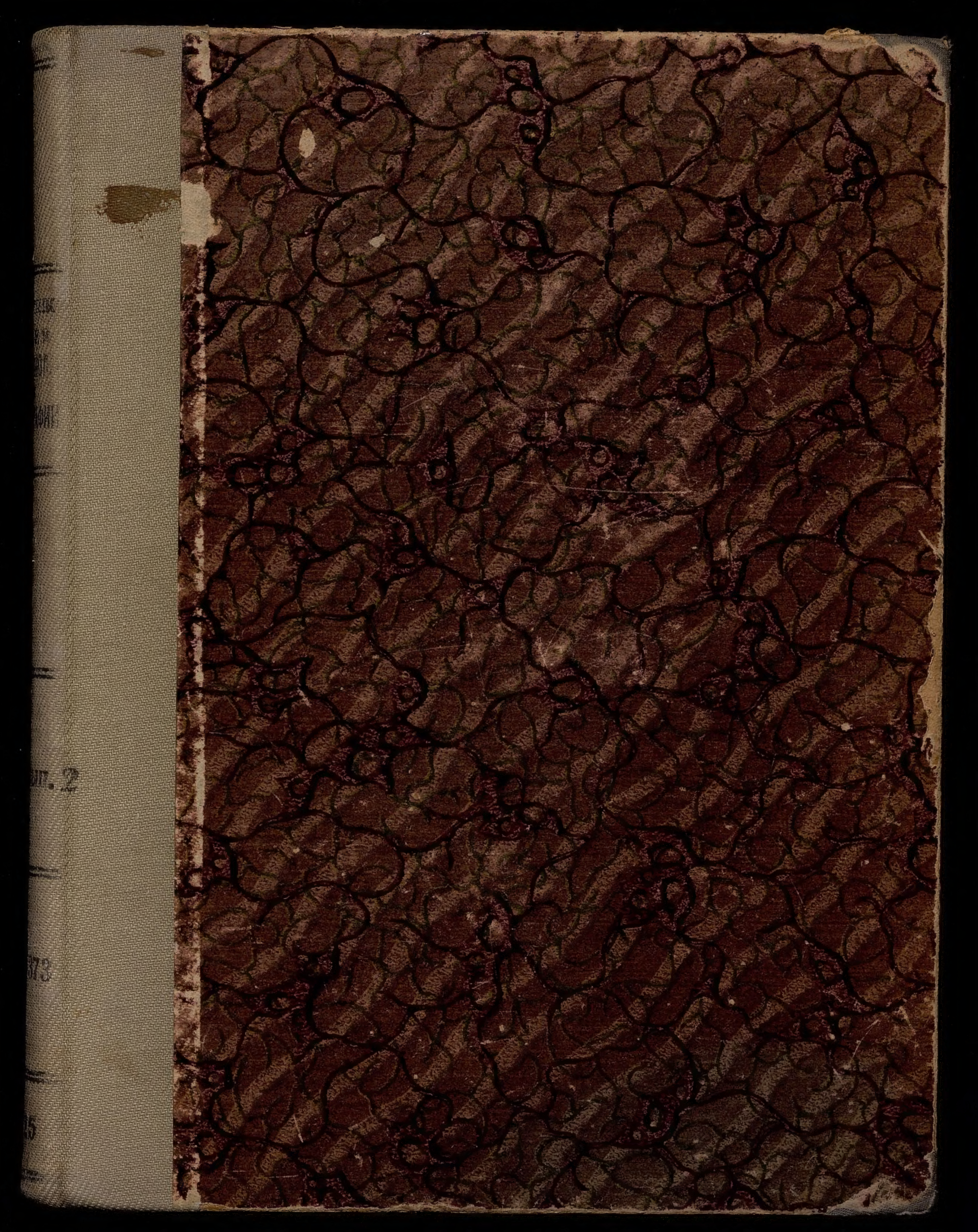
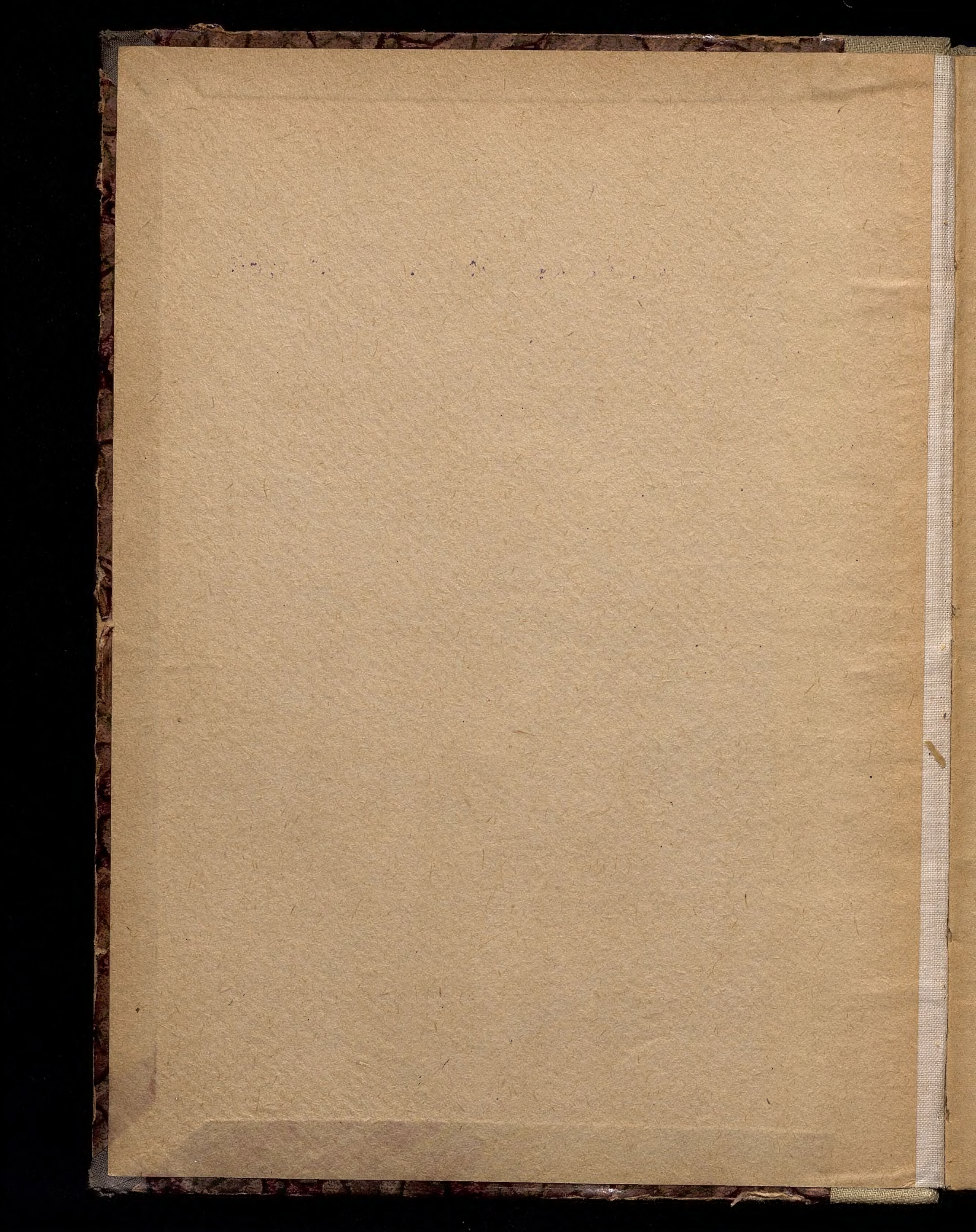

СБОРНИК

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПРИ АКАДЕМИИ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Том V, вып. 2.

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE DES SCIENCES

DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

Volume V, livr. 2.

ЛЕНИНГРАД. 1925. LÉNINGRAD

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

СБОРНИК

МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ПРИ АКАДЕМИИ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Том V, вып. 2.

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE DES SCIENCES

DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

Volume V, livr. 2.

ЛЕНИНГРАД. 1925. LÉNINGRAD

PUBLICATIONS

DU MUSÉE D'ANTHROPOLOGIE ET D'ETHNOGRAPHIE

PIERRE LE GRAND

PRÈS L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Volume V, livr. 2.

Hommage à M. W. Radloff

membre de l'Académie des Sciences

à l'occasion de son 80-me anniversaire

(1837—1917)

MÉMOIRES PAR

MM. B. B. Baradijn, B. J. Vladimircov, V. A. Gordlevskij, K. A. Inostrancev, M. V. Michajlovskaja, E. K. Pekarskij, A. A. Romaskevič, A. D. Rudnev, L. J. Šternberg.

LÉNINGRAD. 1925

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
ПРИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Том V, вып. 2.

Ко дню 80-тилетия

академика

Василия Васильевича Радлова

(1837—1917)

СТАТЬИ:

Б. Б. Барадийна, Б. Я. Владимирцова, В. А. Гордлевского, К. А. Иностранцева, М. В. Михайловской, Э. К. Пекарского, А. А. Ромаскевича, А. Д. Руднева, Л. Я. Штернберга.

ЛЕНИНГРАД. 1925

Напечатано по распоряжению Академии Наук С С С Р.
Сентябрь 1925.
Непременный Секретарь, академик *С. Ольденбург.*

Издательство Академии С С С Р.

Начато набором в 1917. — Окончено печатанием в 1925.

Ленинградский Гублит № 15845 — 47 печ. л. — 600 экз.
Российская Государственная Академическая Типография.
Вас. Остр., 9 линия № 12.

Оглавление 2-го выпуска.

ОТ РЕДАКЦИИ

Второй выпуск настоящего тома, посвященный восьмидесятилетию В. В. Радлова, выходит спустя шесть лет после смерти того, которому он первоначально предназначался, как прижизненный знак уважения и любви его почитателей, друзей и учеников.

Но если Василию Васильевичу не суждено было увидеть этот выпуск при жизни, то появление его после столь долгого невольного перерыва сугубо показывает, что те чувства, которые семь лет тому назад, еще при жизни Василия Васильевича, руководили участниками в составлении его, так же живы и глубоки теперь, какими они были тогда, что память о незабвенном Василии Васильевиче жива и будет жить, пока существуют его труды и все созданное им.

Скорбя о том, что Василию Васильевичу не суждено было увидеть этот выпуск при жизни, участники его черпают утешение в сознании, что Сборник появляется в момент, вдвойне знаменательный для памяти Василия Васильевича.

В этот момент Академия Наук, для пользы и славы которой он так много поработал в течение 35 лет, празднует свой двухвековой юбилей, когда перед лицом всего ученого мира происходит великая перекличка тех, которые прославили юбиляра своими научными подвигами и энтузиазмом к науке. В этом хоре славных имен любовно и громко будет звучать и имя Василия Васильевича.

Но торжество Академии в то же время и торжество любимого детища Василия Васильевича — Музея Антропологии и Этнографии. В этот момент осуществляется мечта, столь

долго лелеянная им при жизни — увидеть Музей, которому он посвятил 25 лет неустанного труда, водворенным в историческом здании Кунсткамеры, расширенным, обновленным, возрожденным к новой широкой жизни подлинного Музея мировой культуры.

С этим чувством удовлетворения мы выпускаем в свет настоящий Сборник, и это чувство, мы уверены, радостно разделят все, которые почитают и помнят светлую личность покойного.

Б. Я. Владимірцовъ.

Монгольскій сборникъ разсказовъ изъ Pañcatantra.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Въ то время какъ разные индійскіе сказочные сборники, напр., Vetālapañcaviṃçatikā, циклъ сказаній о царѣ Vikramāditya, проникли въ монгольскую литературу частью при посредствѣ Тибета, частью путями, не вполнѣ для насъ еще выяснившимися, черезъ Китай и, быть можетъ, черезъ Иранъ, Pañcatantra, одна изъ наиболѣе извѣстныхъ почти во всемъ свѣтѣ индійскихъ книгъ, до послѣдняго времени не была найдена у монголовъ. Имѣлось, правда, указаніе на то, что въ XIII вѣкѣ въ Персіи на монгольскій языкъ была переведена книга «Калӣлаh и Димнаh» — персидская переработка Pañcatantra. Silvestre de Sacy въ своемъ предисловіи къ изданію «Calila et Dimna» первый, кажется, въ Европѣ указалъ, со словъ Х̣āджжи Х̣алифа, на монгольскій переводъ знаменитаго индійскаго сказочнаго сборника, причемъ S. de Sacy извѣстіе это показалось не вполнѣ точнымъ[1]. Впослѣдствіи сообщеніе Х̣āджжи Х̣алӣфа получило подтвержденіе, когда былъ опубликованъ отрывокъ изъ Тарӣх̌-и-Гузидэ[2]; авторъ этого сочиненія, Х̣амдаллāхъ Ḳазвинӣ, сообщаетъ,

---

[1] Silvestre de Sacy. Calila et Dimna. Paris, 1816, p. 52. Haji-Khalfa сообщаетъ слѣдующее (Lexicon bibliograph. V, p. 239): Tum Molla Ali Ben Sálih [Rumi, honorifice Abd-el-wási' Alisi cognomitus et anno 950 mortuus], Anwári Soheili dictione eleganti e lingua persica in turcicam vertit, versionique titulum Humáyún-námeh dedit, et [Iftikhár-ed-dín] Mohammed Bekri Cazwini, librum (Kalilah et Dimnah?) in linguam Tartarorum transtulit.

[2] Description historique de la ville de Kazvin. Extraite du traité Tarikhé Guzidéh de Hamd Allah Mustôfi Kazvini, par M. G. Barbier de Meynard. Journ. As. V série, t. 10, 1857, p. 284, 306. Ср. также А. М. Позднѣевъ. Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895 г., стр. 368—369; замѣтка Hammer-Purgstall'a, J. A. III s., t. 1, 1836, p. 580—581.

что одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ потомковъ Ифтихāръ эддӣнъ Бэкри былъ Меликъ Сāйдъ эддӣнъ Мохаммедъ бэнъ Абу Насръ, владѣвшій въ совершенствѣ монгольскимъ языкомъ. Онъ-то и перевелъ книгу Калила и Димна на монгольскій языкъ и книгу Синдбāда — на турецкій [1]. Во время царствованія Угэдэя Ифтихāръ эддӣнъ Мохаммедъ былъ призванъ къ монгольскому императорскому двору, и ему было поручено заняться образованіемъ царевича Мэнке, который впослѣдствіи, ставъ императоромъ, не забылъ своего учителя. Послѣднее указаніе, мнѣ кажется, имѣетъ большое значеніе, потому что въ значительной степени объясняетъ, почему Ифтихāръ эддӣнъ Мохаммедъ остановился на книгѣ Калила и Димна для перевода на монгольскій языкъ. Pañcatantra — Калила и Димна считалась книгою воспитанія, книгою политики царей [2] и поэтому, конечно, была одною изъ наиболѣе подходящихъ для чтенія царевича Чингисханида. По всей вѣроятности, ради этой-то цѣли Ифтихāръ эддӣнъ Мохаммедъ и предпринялъ свой трудъ. Къ сожалѣнію, въ монгольской литературѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ этого стараго перевода.

Давно уже было отмѣчено, что XVIII — XX главы сказанія о царѣ Caṇḍa-Pradyota, заключающагося въ тибетскомъ Ганджурѣ и переведеннаго А. Шифнеромъ [3], имѣютъ близкую связь съ исторіей мудраго Bilār'a и царицы Īlār, извѣстной по старо-сирійской версіи — Kalilag и Damnag, арабской и ново-сирійской версіи Калилы и Димны [4]. Сказаніе

---

[1] С. Ѳ. Ольденбургъ отмѣтилъ чрезвычайно интересную находку П. К. Козлова въ Хара-хото: фрагменты персидской рукописи, содержащей отрывокъ изъ Китабъ-и-Синдбāдъ (см. С. Ѳ. Ольденбургъ «Матеріалы по буддійской иконографіи Хара-хото», стр. 7. Изъ II т. «Матеріаловъ по этнографіи Россіи». СПБ. 1914); находка эта фактически подтверждаетъ распространеніе извѣстнаго сказанія о «Семи мудрецахъ» на югѣ Монголіи при концѣ Юаньской династіи, хотя бы среди жителей мусульманъ.

[2] Ср. E. Lancereau. Pantchatantra. Paris. 1871, p. XXX. J. Hertel. Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra. II. Einleitung. Leipzig und Berlin, p. 6—7.

[3] A. Schiefner. Mahākātjājana und König Tschaṇḍa-Pradjota. Mémoires de l'Acad. Imp. d. S. d. St.-Pétersb., VII série, t. XXII, № 7, p. 46—66.

[4] См. Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels, Text und deutsche Übersetzung von G. Bickell. Mit einer Einleitung von Th. Benfey. Leipzig, 1876, p. XCII—CV. J. Keith-Falconer. Kalilah and Dimnah or the fables of Bidpai. Cambridge, 1885, p. XXXIII, XLVI, XLXI, LVII. Версія сказанія о царѣ Caṇḍa, заключающаяся въ китайской Tripiṭaka (см. E. Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois. Paris, 1911, t. III, p. 102—113), не содержитъ разбираемыхъ мотивовъ.

о Caṇḍa-Pradyota находится и въ монгольскомъ Ганджурѣ[1]. Но, монгольскій Ганджуръ имѣлъ и имѣетъ въ настоящее время очень ограниченное распространеніе среди монголовъ, и, если онъ и встрѣчается иногда въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно Южной Монголіи, то лежитъ тамъ почти безъ употребленія, являясь мертвымъ сокровищемъ. И если въ монгольской средѣ сказаніе о Caṇḍa-Pradyota извѣстно, то извѣстно отъ ламъ, читающихъ по-тибетски, такъ какъ тибетскій Ганджуръ имѣется въ любомъ монгольскомъ монастырѣ.

Болѣе распространена среди монголовъ другая версія того же сказанія — повѣсть о царѣ Хашаң, его женѣ и мудромъ министрѣ. Сказаніе это, несомнѣнно тибетскаго происхожденія[2], извѣстно въ отдѣльныхъ спискахъ у разныхъ монгольскихъ племенъ — у бурятъ, въ С.-З. Монголіи и у волжскихъ калмыковъ. Вотъ пересказъ этой повѣсти[3]:

Царь Хашаң[4], его жена и мудрый министръ.

Въ какой-то счастливой странѣ жилъ царь, по имени Хашаң. Однажды отправился онъ на охоту, настрѣлялъ дичи, наловилъ рыбы, привязалъ добычу къ сѣдлу и поѣхалъ домой. На дорогѣ царю повстрѣчался Будда, который повѣдалъ о томъ, что пришла пора укротить и просвѣтить того царя. Будда принялъ образъ филина, который съ крикомъ и хлопаньемъ крыльевъ сѣлъ неожиданно на луку царскаго сѣдла. Конь испугался и сбросилъ сѣдока; царь Хашаң упалъ въ обморокъ. Будда тогда изъ филина превратился въ прекраснаго юношу и поймалъ царскаго коня. Царь Хашаң

---

[1] Въ рукописномъ монгольскомъ Ганджурѣ (экземпляръ библіотеки Петроградскаго Универс.) сказаніе о Caṇḍa-Pradyota помѣщено въ концѣ 10-го (ཐ་) и началѣ 11-го (ད་) тома отдѣла ḥДул-ба, въ печатномъ же Ганджурѣ (экземпляръ Парижской Bibliothéque Nationale — Fond Pelliot) — въ 12-мъ (ན་ [illegible]) томѣ того же отдѣла.

[2] Ср. Karl Marx. Hā-schang rgyal-po and Ug-ṭad, a Dialogue. From the Tibetan. Journal of the Asiatical society of Bengal. Vol. LX, p. 37—46. С. Ѳ. Ольденбургъ въ своей рецензіи на эту работу (см. Зап. Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ., т. VII, стр. 375—376) указалъ, что переведенный миссіонеромъ Марксомъ діалогъ — не что иное, какъ передѣлка части сказанія о Caṇḍa-Pradyota, и отмѣтилъ интересъ, возбуждаемый подобными переработками каноническихъ текстовъ. Распространенная среди монголовъ версія разсказа о царѣ Хашаң нѣсколько отличается отъ тибетской, сообщаемой г. Марксомъ, которая къ тому же не имѣетъ конца.

[3] По ойратской (калмыцкой) рукописи библіотеки Петроградскаго Университета, см. F. 64 рукописнаго каталога названной библіотеки.

[4] < тиб. ḥā-шаң.

пришелъ, наконецъ, въ себя, видитъ: Филипа уже нѣтъ, а его лошадь держитъ какой-то прекрасный юноша. Царь очень обрадовался и пригласилъ юношу къ себѣ. Когда они прибыли во дворецъ, царь сказалъ своему спутнику: «Ты оказалъ мнѣ большую услугу, будь, поэтому, моимъ министромъ (тӱшімеlјін појоп)». И прекрасный юноша сдѣлался министромъ царя Хашаң'а.

У царя было двѣ жены. Старшая жена, собираясь на одно празднество, попросила у своего супруга какую-то драгоцѣнность, но тотъ ей отказалъ. Младшая же царица не просила. На слѣдующій день царь Хашаң во время обѣда сталъ пить вино вмѣстѣ со своей младшей женой изъ одного кубка. Старшая царица увидѣла это, позавидовала и надсмѣялась надъ царемъ. Царь разгнѣвался, призвалъ своего министра — прекраснаго юношу и велѣлъ ему убить старшую жену. Мудрый министръ попробовалъ было остановить царя, говоря, что надо беречь драгоцѣнную жизнь человѣка, но царь не захотѣлъ послушаться и пригрозилъ министру, говоря, что онъ убьетъ его самого, если тотъ не исполнитъ его приказа. Тогда мудрый министръ увелъ царицу, скрылъ ее въ безлюдномъ мѣстѣ и, явившись къ царю, доложилъ ему, что, согласно его приказу, убилъ царицу.

Послѣ того царь Хашаң загрустилъ, потерялъ сонъ, вкусъ къ ѣдѣ, къ питью, къ удовольствіямъ и спросилъ совѣта у своего мудраго министра, какъ бы ему избавиться отъ тоски. Министръ, разъясняя царю сущность разныхъ явленій, сказалъ, между прочимъ, что если царь — владыка всѣхъ — совершаетъ грѣхи, то ему не избѣжать ада. Царь Хашаң тогда подумалъ, что министръ, можетъ-быть, и не убивалъ его жены и теперь старается дать понять объ этомъ. Но, когда онъ спросилъ, мудрый министръ заявилъ, что, согласно повелѣнію царя, его супруга убита. Теперь, когда все кончено, царь хочетъ видѣть свою жену, это похоже на слѣдующія исторіи:

Жили были двѣ птицы удоды, мужъ и жена. Когда листья, лежавшія въ ихъ норѣ, подсохли зимою, удодъ-мужъ подумалъ, что листьевъ стало мало оттого, что ихъ поѣла его жена, и убилъ ее. Наступило лѣто, вода стала попадать въ норку удода, бывшіе тамъ листья набухли и опять какъ бы наполнили всю норку. Удодъ-мужъ понялъ тогда свою ошибку и загрустилъ.

Еще жили были два домовыхъ воробья, мужъ съ женой. Было у нихъ семь горошинъ. Три изъ этихъ горошинъ затерялись въ трещинѣ стѣны, гдѣ было устроено ихъ гнѣздо. Тогда воробей подумалъ, что горошины были съѣдены его женой, и убилъ свою воробьиху. Но вотъ наступило лѣто, сырость проникла въ трещинки стѣны, и затерявшіяся тамъ горошинки дали ростки. Воробей понялъ тогда свою ошибку, подошелъ къ трупу своей подруги и сказалъ: вставай! Но тутъ замѣтилъ, что трупъ его жены весь

полонъ червей. Воробей сталъ горевать и сказалъ: всякое дѣло надо дѣлать съ осторожностью.

Разсказавъ это, мудрый министръ продолжалъ свой разговоръ съ царемъ, разъясняя ему послѣдовательно сущность разныхъ явленій. Подъ конецъ министръ сказалъ царю: — «Владыка смерти непремѣнно долженъ явиться; старайся, поэтому, творить дѣла Закона; великая власть царя не вѣчна — она подобна водяной пѣнѣ, и вещи не вѣчны — онѣ подобны меду, а всѣ радости этой жизни подобны сну». И царь Хашаң понялъ истинную сущность бытія. Тогда мудрый министръ привелъ къ царю его старшую жену, нарядную и украшенную разными драгоцѣнностями; но царь въ то время совсѣмъ уже побѣдилъ свои страсти, — онъ не принялъ свою жену и передалъ ее мудрому министру.

Связь этого разсказа, такъ же какъ и XVIII—XX главъ сказанія о Caṇḍa-Pradyota, съ исторіей мудраго Bīlār'а несомнѣнна. Дѣйствительно, какъ версіи Kalilag и Damnag, Kalīlah и Dimnah, такъ и версіи сказанія о Caṇḍa-Pradyota и повѣсти о царѣ Хашаң представляютъ одни и тѣ же мотивы:

1) царь, приказывающій убить свою жену,
2) мудрый министръ, прячущій царицу,
3) бесѣды царя съ мудрымъ министромъ,
4) вставной разсказъ о птицахъ[1].

Монгольская версія повѣсти о царѣ Хашаң не знаетъ только мотива сновидѣнія, встрѣчающагося въ обѣихъ сирійскихъ и въ арабской версіяхъ исторіи Bīlār'а, въ сказаніи о Caṇḍa-Pradyota и въ китайской версіи разсказа о царѣ Caṇḍa и монахѣ Kātyāyana.

Послѣдній «Разсказъ о птицахъ» въ монгольской литературѣ встрѣчается еще въ «Комментаріи», «Толкованіи» (монг. taјilбурi = санскр. vṛtti) на извѣстное произведеніе Сакья-Пандиты Subhāṣitaratnanidhi; здѣсь, какъ и въ соотвѣтствующемъ разсказѣ «Книги Калилах и Димнах», голубь

---

[1] См. Bickell-Benfey. Kalilag und Damnag, IX, p. 93—113. Keith-Falconer. Kalīlah and Dimnah. 14, p. 219—247. М. О. Аттая и Рябининъ. Книга Калилах и Димнах (Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая), переводъ съ арабскаго. Москва. 1889, стр. 180—192 (см. рецензію бар. В. Р. Розена — Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ., т. IV, стр. 425—438).

по подозрѣнію убиваетъ свою голубку[1]. Subhāṣitaratnanidhi, какъ это уже было указано Th. Ed. Foucaux[2], содержитъ много намековъ на сказки Pañcatantra; это произведеніе Сакья-Пандиты[3] пользуется у монголовъ чрезвычайно большимъ почетомъ; оно нѣсколько разъ переводилось на монгольскій и ойратскій (калмыцкій) языки; извѣстно нѣсколько ксилограф. изданій монгольскаго текста, встрѣчается много рукописей разныхъ эпохъ. «Комментарій» на Subhāṣita тоже былъ переведенъ на монгольскій и ойратскій языки и тоже сталъ распространенной книгой среди монголовъ. Помимо «Разсказа о птицахъ» въ «Толкованіи» на Subhāṣita находится довольно много разсказовъ изъ Pañcatantra, приводимыхъ для объясненія намековъ и цитатъ творенія Сакья-Пандиты. Кромѣ разсказовъ изъ Pañcatantra, хорошо извѣстныхъ и по другимъ сборникамъ, въ родѣ «Синій шакалъ», «Левъ и Заяцъ»[4], «Оселъ въ шкурѣ тигра»[5] и т. п., въ «Комментаріи» встрѣчаются и другіе, болѣе «привязанные» къ Pañcatantra, разсказы: «Шакалъ (лиса) и бараны», «Приключенія брахмана Devaçarman», «Птица и море» и «Воронъ, Крыса, Черепаха и Лань»[6].

Нахожденіе въ монгольской литературѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ Pañcatantra и версіи одного разсказа изъ Калила и Димна, конечно, ничего еще не доказываетъ и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ дѣлать какихъ-либо выводовъ относительно распространенія разсказовъ изъ Pañcatantra въ монгольской Гоби. Отдѣльные разсказы, отдѣльные мотивы изъ сказочныхъ сборниковъ и сказочныхъ цикловъ, которыми такъ богата Индія, часто благодаря разнымъ обстоятельствамъ отрываются отъ своихъ рамокъ и попадаютъ въ другія литературныя сочетанія, и поэтому, при нахожденіи одного какого-нибудь изолированнаго разсказа извѣстнаго цикла, да еще

---

[1] Ср. Сергѣй Ольденбургъ. О персидской прозаической версіи «Книги Синдбāда». Сборникъ статей учениковъ профессора барона В. Р. Розена. СПБ., 1897, стр. 268; также и въ Marzlānnāmah.

[2] См. Ph. Ed. Foucaux. Le trésor des belles paroles. Choix de sentences composées en tibétain par le lama Saskya Pandita, traduites pour la première fois en français. Paris, 1858, p. 6. (Foucaux, правда, указываетъ собственно не на Pañcatantra, а на ея переработку — Hitopadeça).

[3] См. A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei. Leipzig, 1900, p. 205—206.

[4] См. ниже, стр. 427—428.

[5] Ср. E. Lancereau. Pantchatantra ou Les cinq livres, traduit du sanscrit. Paris, MDCCCLXXI, p. 383.

[6] См. Johannes Hertel. Tantrākyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra. I Theil. Einleitung. Leipzig und Berlin, 1909, pp. 129—130, 132, 135 (Klugheitsfall).

въ чуждой Индіи странѣ, нужно относиться съ большой осторожностью къ рѣшенію вопроса о распространеніи всего цикла. Нахожденіе въ тибетской и монгольской литературахъ разсказовъ, близкихъ одному изъ сказаній Калила и Димна, и нѣсколькихъ разсказовъ изъ Pañcatantra совсѣмъ еще не доказываетъ проникновенія въ тѣ страны знаменитой книги [1].

II.

Благодаря любезному содѣйствію Е. В. Бурдукова, служащаго торговой фирмы А. В. Бурдуковъ и К°, я получилъ одну небольшую монгольскую рукопись, содержащую 17 краткихъ, но очень интересныхъ разсказовъ, большинство которыхъ оказалось разсказами изъ Pañcatantra. Рукопись эта была пріобрѣтена въ С.-З. Монголіи отъ одного монгола хошуна— удѣла Го(ичїк)-waң'а (сына Лӯ-гуң'а), хошуна, извѣстнаго подъ прозвищемъ іᵘхё-еlцїгёң [2]. Разсказы, заключающіеся въ этой рукописи (ниже sub MS. Burd., теперь собственность Азіатскаго Музея Россійской Академіи Наукъ), не имѣютъ общаго заглавія, но зато нѣкоторые разсказы снабжены особыми подзаголовками; почти всѣ они заканчиваются дидактическими сентенціями.

При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что большинство разсказовъ MS. Burd. очень близко подходятъ къ разсказамъ одного сочиненія, имѣющагося въ трехъ версіяхъ въ библіотекѣ Петроградскаго Университета. Одна версія представлена изданнымъ ксилограф. способомъ на югѣ Монголіи (у чахаръ): [illegible] т. е. «„Драгоцѣнное Украшеніе“ — комментарій на çāstra, подъ заглавіемъ „Капля, питающая людей“» [3]. Другая версія извѣстна въ одной монгольской и нѣсколькихъ ойратскихъ (калмыцкихъ) рукописяхъ и носитъ заглавіе: [illegible] т. е. «Çāstra — „Драгоцѣнное украшеніе“ — комментарій на (сочиненіе) „Капля, питающая рожденныхъ“» [4]. Нѣсколько близкихъ разсказовъ оказалось въ сборникахъ, содержащихъ разныя гно-

---

[1] Ср. Сергѣй Ольденбургъ. О персидской прозаической версіи «Книги Синдбāда». Сборникъ статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена. СПБ. 1897, стр. 265 — 266.

[2] Объ этомъ хошунѣ см. Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. II. СПБ. 1881, стр. 22—23.

[3] См. Xyl.-Q. 595 библіотеки Петроградскаго Университета, ниже sub Ч.-ч.

[4] По монгольской рукописи (№ 323 рукописнаго каталога библіотеки Петроградскаго Университета), ниже sub Ерд.-чїм.

мическія произведенія, напр., «Бесѣды Чингисъ-хана съ сыновьями», отрывки изъ сказанія о царѣ Усун дебіскертў и Subhāṣita, MS., пріобрѣтенномъ J. Jaehrig'омъ въ 1782 г. (теперь находится въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ, отд. I (Jaehrig), № 39), и MS., пріобрѣтенномъ въ 1901 г. А. Д. Рудневымъ (находится въ Азіатскомъ музеѣ А. Н. подъ сигнатурой Рудневъ, № 60). Текстъ этихъ разсказовъ, идентичный въ обоихъ MS., названный отрывкомъ изъ [монгольский текст], т. е. «Çastra, именуемая „Разумѣніе“ [1]», отличается отъ текстовъ Ч.-ч. и Ерд.-чім. и является независимымъ отъ этихъ сочиненій.

Разсказы этихъ сборниковъ никогда, впрочемъ, не даютъ общаго текста и, часто, представляютъ чрезвычайно интересные, для рѣшенія вопроса объ ихъ происхожденіи, варіанты.

Ч.-ч. и Ерд.-чім. являются какъ бы комментаріями, — комментаріями они сами себя называютъ, — къ сочиненію (Арад-і) Тӧрўlкітен-і асаракуі дусул — «Капля, питающая (людей) рожденныхъ». Сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ оказалось въ тибетскомъ Данджурѣ [2]; оно находится въ отдѣлѣ мДо, томѣ го, f. 156v — f. 161r (по пекинскому изданію Данджура) и озаглавлено такъ:

---

[1] Ниже sub Ои.-шас.

[2] См. Georg Huth. Verzeichniss der im tibetischen Tanjur, Abtheilungen mDo (Sūtra), Band 117—124, enthaltenen Werke. Sitzungsberichte d. k. p. Akad. d. Wissen. zu Berlin. 1895, XV, p. 274. Въ Тибетѣ и въ Монголіи извѣстно нѣсколько отдѣльныхъ изданій тибетскаго текста этого сочиненія, — Б. Б. Барадійнъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе одно хорошее ксилограф. изданіе, сдѣланное бурятами. Азіатскому Музею Академіи Наукъ принадлежитъ xyl., изданный, по всей вѣроятности, въ Пекинѣ, содержащій между прочимъ и тибетскій текстъ настоящаго сочиненія (см. Библіот. Аз. Деп. № 547). «Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ на китайскомъ, маньчжурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и санскритскомъ языкахъ, находящимся въ Библіотекѣ Азіатскаго Департамента [которому принадлежалъ названный xyl.] СПБ. 1843» невѣрно указываетъ автора (стр. 91), «какого-то индійскаго ламу, жившаго въ Тибетѣ, въ мѣстечкѣ Сачжа». Бурятами же это сочиненіе было переведено на монгольскій языкъ и издано (ксилограф. способомъ) отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: [монгольский текст], т. е. «Çastra поведенія, именуемая „Капля rasāyana, питающая людей“». Библіотекѣ Петроградскаго Университета принадлежатъ еще два ксилограф. изданія монгольскихъ переводовъ этого сочиненія: одинъ южно-монгольскій — чахарскій (см. Xyl. Q. 395), другой бурятскій — цугольскаго дацана (см. Xyl. Q. 642). Тексты этихъ трехъ монгольскихъ переводовъ почти не отличаются другъ отъ друга, потому что бурятскіе переводчики пользовались болѣе раннимъ чахарскимъ переводомъ.

ལུགས་ཀྱི་བསྟན་བཅོས་[1] སྐྱེ་བོ་གསོ་བའི་ཐིགས་[2] པ་ཞེས་བྱ་བ, т. е. «Nītiçāstra — Капля, питающая людей» (ниже sub Лугс-кjі т.-ч.). Авторомъ этого сочиненія названъ Nāgārjuna[3]; въ текстѣ указано и санскритское заглавіе, но оно такъ искажено[4], что возстановить его было бы очень трудно[5]. На тибетскій языкъ Лугс-кjі т.-ч. было переведено индійскимъ ученымъ Çīlendra Bodhi и ло-ца-ба Пан-де Jе-шес-сде, жившими въ IX в., какъ мнѣ любезно сообщилъ Ѳ. И. Щербатской. Сочиненіе это, начинающееся поклоненіемъ Mañjuçrī, состоитъ изъ стиховъ-строфъ, по большей части четверостишій, дидактическаго содержанія, причемъ указываются, какъ правоучительные примѣры, тѣ или другія животныя, тѣ или другія лица, въ которыхъ легко узнать персонажи хорошо извѣстныхъ индійскихъ разсказовъ, въ томъ числѣ и разсказовъ Pañcatantra.

Чіндамані-jін чімек (Ч.-ч.) — комментарій, объясненіе Лугс-кjі т.-ч. начинается любопытной біографіей Nāgārjuna[6], послѣ которой слѣдуетъ

---

[1] Въ текстѣ Данджура: ཚོས — очевидная ошибка, въ бурятскомъ изданіи — правильно.

[2] Въ пекинскомъ и бурятскомъ отдѣльныхъ изданіяхъ: ཐིག་པ་, ср. Sarat Chandra Dass. A. Tibet.-English Dictionary. Calcutta, 1902, p. 576.

[3] Вопросъ о томъ, былъ ли дѣйствительно Nāgārjuna авторомъ приписываемаго ему сочиненія выходитъ изъ рамокъ моей компетенціи. Ср. G. Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II-er Theil. Strassburg, 1896, p. XXX.

[4] И въ текстѣ Данджура, и въ пекинскомъ и бурятскомъ изданіяхъ.

[5] ཛྲ་ན་ཟུ་ཛེ་ན་ཏུ་ཧྲི་ཧྲུ་ཤཱ་ཥྟྲ་ཨ་ (текстъ Данджура), ཏྲ་ཧྲ་སུ་ཙེ་ན་ཏུ་བི་ན་ཏུ་ཧྲུ་སྟྲ་ཏྲ་ཨ་ (пекинское и бурятское изданіе). См. также Huth. Verzeichnis, p. 274.

[6] Біографія эта въ общемъ сходна съ тѣмъ, что сообщаютъ о Nāgārjuna тибетскіе источники (см. В. П. Васильевъ. Буддизмъ. Ч. III. Исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты. СПБ., 1869, стр. 75—81); любопытны нѣкоторыя детали. По словамъ этого сочиненія, Nāgārjuna (монгольскій текстъ даетъ форму ᠨᠠᠭᠠᠷᠵᠤᠨ᠎ᠠ, На-га-рџу-на по тибетской глоссѣ, тогда какъ обычно въ монгольскихъ текстахъ мы встрѣчаемъ форму ᠨᠠᠭᠠᠷᠵᠤᠨ᠎ᠠ, которую монголы иногда неправильно читаютъ: Наҕанҙанӑ, (ср. A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, p. 30), поклонившись въ храмѣ Ќасарпаṇі Хоңшім бодісато (=Khasarpaṇa-Lokeçvara «По воздуху шествующій Владыка міра», ср. Даранаты, стр. 149—150; A. Foucher. Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde. Biblioth. d. l'Ecole d. Hautes Etudes, Sciences relig. XIII vol.; 2-e part., p. 24—25; Babu Sarat Chandra Dás. Contributions on the Religion, History & c., of Tibet. J. of th. A. S. of B. Vol. LI, p. 115), пришелъ къ воротамъ монастыря Па̄лендра (Nālanda) и сталъ читать çloka. Его услышалъ мудрый волхвъ Сараha,

рядъ, 37, разсказовъ различнаго содержанія, приводимыхъ для разъясненія дидактическихъ сентенцій и примѣровъ Лугс-кјі т.-ч. Каждый разсказъ начинается цитатой изъ этого произведенія Nāgārjuna и оканчивается соотвѣтствующимъ поученіемъ. Ч.-ч. написано прекраснымъ монгольскимъ языкомъ, легкимъ и правильнымъ съ точки зрѣнія «классической» грамматики; стихи часто чередуются съ прозой. Къ сожалѣнію, авторъ Ч.-ч., такъ же какъ и авторъ монгольскаго перевода, остаются для насъ неизвѣстными. Можно говорить объ авторѣ и переводчикѣ потому, что, несомнѣнно, Ч.-ч.— тибетское произведеніе, элегантно перенесенное къ монголамъ, но когда и кѣмъ? — Мы знаемъ только изъ заключительнаго колофона, что xyl. Ч.-ч. былъ вырѣзанъ [illegible] (< тиб. དངོས་གྲུབ་) [illegible], чахаромъ знамени «бѣлаго съ каймой». Нужно прибавить, что традиція, какъ это мнѣ любезно сообщилъ ученый лама Агинскаго дацана Забайкальской области Соднам-Джамцо Жигжидовъ, долго жившій на югѣ Монголіи, приписываетъ переводъ Ч.-ч. на монгольскій языкъ Лубсӑц Цуlтім'у (བློ་བཟང་ཚུལ་ཁྲིམས), писателю XVIII вѣка, болѣе извѣстному подъ именемъ Чакар гебші (Чахарскій гебши).

Ерд.-чім., тоже названное комментаріемъ на Лугс-кјі т.-ч., содержитъ довольно пространное введеніе, повѣствующее о Nāgārjuna, но не дающее его біографіи, и, затѣмъ, рядъ разсказовъ на темы, на которыя намекало Лугс-кјі т.-ч. Почти всѣ разсказы Ерд.-чім., такъ же какъ и Ч.-ч., начинаются тѣми словами, какими намекаетъ на нихъ Лугс-кјі т.-ч.,

---

ввелъ его въ монастырь, обратилъ въ буддизмъ, научилъ читать dhāraṇī, чѣмъ и спасъ Nāgārjuna отъ угрожавшей ему смерти. Говоря о томъ, какъ N. учился у главы монастыря Nālanda (Нāлендра-јіи мк̇ан-по) Рāхула Ƀhадра, настоящій текстъ, повидимому, отличаетъ послѣдняго отъ Сараhа. Царевича Udayana= Antivāhana изъ города Салама нашъ текстъ называетъ Амуƀулаҵ јабудал-ту, подъ какимъ именемъ онъ является и въ извѣстныхъ сказкахъ Сіддhi-кӳр, а его сына, отрѣзавшаго голову N., Ҵалаƀу тегӳс чідал-ту (Suṣakti); ср. легенды о Nāgārjuna въ Kathāsaritsāgara и Bṛhatkathāmañjarī (см. С. О. Ольденбургъ. Матеріалы для изслѣдованія сказочнаго сборника Bṛhatkathā, З. В. О. И. Р. А. О. III, стр. 50). По словамъ настоящей біографіи, N. написалъ много сочиненій, какъ относящихся къ сутрамъ и dhāraṇī, такъ и по медицинѣ и астрологіи; кромѣ того имъ было написано: Амуƀулаҵ јабудал-ту сајін каƀан-дур ilегегсен Ердені ерікс неретӳ шастір — Çāstra — «Драгоцѣнныя четки» — посланіе къ славному царю Antivāhana; Нӧкӳр-ӳн ilегегсен неретӳ шастір — Suhṛllekha; Тӳшімед-тӳр сурƀаƀсан ҵаƀун біlіг-тӳ — (Çāstra), обладающая сотней prajñā для поученія чиновниковъ; и Арад-і теҵігекӳі дусул — Капля, питающая людей; а также много другихъ çāstra.

и заканчиваются дидактическими сентенціями. Авторомъ Ерд.-чім. названъ Öгÿlекÿі јосун сајітур ілҕаҕсан-і баріҕчі (f. 26v.), т. е. «Держащій прекрасное различеніе законовъ рѣчи»[1]. Ерд.-чім. — тибетское сочиненіе; относительно перевода его на монгольскій языкъ сообщается слѣдующее (въ стихахъ), f. 28[2]:

Т. е.—«Сказанія многихъ шастръ и легендъ, прекрасно объяснившихъ (сочиненіе) ,,Каплю, питающую многихъ рожденныхъ", составленное Nāgārjuna — украшеніемъ темени мудрецовъ, о которомъ было предсказано во многихъ сутрахъ и твореніяхъ Писанія[3], перевелъ, по напоминанію обла-

---

[1] Очевидно, переводъ тибетскаго собств. имени или прозвища.

[2] По Ерд.-чім. и ойратскому списку того же сочиненія (Q. 542 рукописнаго каталога библіотеки Петроградскаго Унив.). Двумя другими ойратскими рукописями, имѣющимися въ библіотекѣ Петроградскаго Унив., я не могъ воспользоваться по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

[3] Монгольское причастіе переводится въ данномъ случаѣ пассивной формой на основаніи контекста, на основаніи предисловія Ерд.-чім., въ которомъ подробно разсказывается о предсказаніяхъ относительно Nāgārjuna. Ср. также Bodhicaryāvatāra. Introduction à la pratique des futures Bouddas, poème de Çāntideva. Traduit du sanscrit et annoté par L. de la Vallée Poussin. Revue d'histoire et de littérature religieuse. 1907, t. XII, p. 439, прим. 3.

дающаго чистой Bodhicitta Бошуҕ-ту цінуц'а, который силою двухъ накопленій (Sambhāra), собранныхъ изъ дали (перерожденій), воздвигая и охраняя по закону народное правленіе и религію Будды, сдѣлался милостынедателемъ церкви арја бЦоц-ка-па[1] (Зоцк^x^а-wā, Зуцхўw), обладающій небесною властью Сечен Жабс-друц (ཞབས་དྲུང་) [Шабруц ».

Такъ какъ монгольская исторія знаетъ нѣсколькихъ Бошуҕ-ту (Бошокту) цінуц'овъ[2], то представляется довольно затруднительнымъ рѣшить вопросъ, кто именно изъ нихъ былъ иниціаторомъ перевода Ерд.-чім. Не удалось мнѣ также разыскать какихъ-либо свѣдѣній и о самомъ переводчикѣ Жабс-друц.

Ч.-ч. содержитъ 37 разсказовъ, изъ которыхъ 16 являются близкими Pañcatantra, а Ерд.-чім. содержитъ 31 разсказъ и еще одинъ добавочный разсказъ, помѣщенный въ концѣ, послѣ указанія на то, что сочиненіе Ерд.-чім. окончилось; изъ этого числа 15 являются разсказами, близкими къ разсказамъ Pañcatantra разныхъ версій. Другіе же разсказы этихъ двухъ сборниковъ происходятъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ; встрѣчаются разсказы, близкіе къ нѣкоторымъ повѣстямъ Çukasaptati, пересказъ извѣстной легенды о монахинѣ Utpalavarṇā[3], одинъ разсказъ изъ сочиненія П'ачос, приписываемаго Atiça[4] (Dīpaṅkaraçrījñāna). Оп.-шас. содержитъ

---

[1] О транскрипціи имени основателя извѣстной секты см. Б. Владимірцовъ. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ. Зап. Вост. Отд. И. Русск. Арх. Общ., т. XX, стр. 163. См. также A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, p. 59.

[2] См. M. Courant. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles. Empire kalmouk ou empire Mantchou? Lyon. Paris. 1912, p. 16, 18, 62. П. С. Поповъ. Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ. СПБ. 1895, стр. 18, 48, 119.

[3] См. С. Ѳ. Ольденбургъ. Женщины-буддистки. Русское Богатство. 1899, № 1, стр. 101—115. E. Müller. Die Sage von Uppalavaṇṇā. Archiv für Religionswissenschaft. 1900, B. III, p. 217—246. Schiefner-Ralston. Tibetan tales. London. 1902, p. 216—227 (Kṛçā Gautamī).

[4] Разсказъ 15-й гл. Это сказаніе о волшебствѣ, встрѣчающееся въ Ч.-ч. и Ерд.-чім., было издано отдѣльно на монгольскомъ языкѣ бурятскимъ цугольскимъ дацаномъ, см. Musei Asiatici Petropolitani notitia. VII, p. 082. Petropoli, 1905. Очень близкая версія того же разсказа находится въ ойратскомъ сборникѣ разсказовъ, подъ заглавіемъ: Аршāн номіјін тўці — «Повѣсти нектарнаго Закона», разсказъ № 58, f. 39 — f. 40 (по рукописи библіотеки Петрогр. Унив., Q. 107). Очень близкая версія того же сказанія приведена Edward'омъ Amundsen'омъ (тибетскій текстъ и англійскій переводъ) въ его Primer of standart tibetan. Darjeeling, p. 149—152 (воспроизведена Г. Ц. Цыбиковымъ въ его «Пособіи для изученія тибетскаго языка», ч. I. Владивостокъ, 1908, стр. 71—75).

всего 10 разсказовъ и заключительное поученіе, такое же, какое находится въ Ерд.-чім. передъ послѣднимъ, добавочнымъ, разсказомъ о «Четырехъ дружныхъ животныхъ»; это поученіе Он.-шас. еще ближе къ тексту заключительнаго поученія Лугс-кјі т.-ч., чѣмъ поученіе Ерд.-чім. Вообще, дидактическія сентенціи Он.-шас. ближе къ Лугс-кјі т.-ч., чѣмъ соотвѣтствующія изреченія Ерд.-чім. Можно поэтому пожалѣть, что въ нашемъ распоряженіи находится только небольшой отрывокъ этого произведенія, которое, очевидно, являлось особой, отличной отъ Ч.-ч. и Ерд.-чім., но все же близкой версіей; дидактическія же изреченія Ч.-ч. еще ближе къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ произведенія Nāgārjuna и часто оказываются дословнымъ переводомъ послѣдняго. Изъ 10 разсказовъ Он.-шас. 7 являются разсказами, близкими къ разсказамъ Pañcatantra разныхъ версій.

Повидимому, монголъ, учившій Rev. James Gilmour'a, имѣлъ подъ руками книжку разсказовъ, близкихъ, если не тождественныхъ, съ разсказами Ерд.-чім. и Ч.-ч., поскольку можно о нихъ судить по пересказу Rev. Gilmour'a[1]. Изъ числа пятнадцати приводимыхъ имъ разсказовъ только одинъ (послѣдній, пятнадцатый разсказъ о «Лягушкѣ и двухъ гусяхъ»)[2] неизвѣстенъ нашимъ сборникамъ Ерд.-чім. и Ч.-ч. Всѣ разсказы, сообщаемые Rev. Gilmour'омъ, оканчиваются дидактическими сентенціями («Morals»), обратившими на себя вниманіе англійскаго миссіонера, причемъ онъ очень внимательно отмѣтилъ, что не можетъ отвѣтить на вопросъ, придумалъ ли его учитель-монголъ эти «Morals» «изъ своей головы», или позаимствовалъ откуда-либо, да и, вообще, записаны ли были всѣ эти сказки монголомъ по памяти, или списаны съ какой-либо книги. Теперь, послѣ знакомства съ Ерд.-чім. и Ч.-ч., мнѣ кажется, можно утверждать, что монголъ Rev. Gilmour'a ничего не «выдумывалъ», а просто пользовался какимъ-либо спискомъ «толкованія» на çāstra, приписываемую Nāgārjuna. Rev. Gilmour совершенно правильно отмѣтилъ, что приводимые имъ разсказы — не туземнаго, монгольскаго происхожденія (p. 326).

Разбирая разсказы Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас., легко замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ качествѣ комментарія стиховъ Лугс кјі т.-ч. съ большой натяжкой. Авторы Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас. пользовались, очевидно, богатымъ сказочнымъ матеріаломъ, проникшимъ въ Тибетъ изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ, и черпали свои разсказы изъ разныхъ

---

[1] См. Rev. James Gilmour, M. A. Among the Mongols. London: The Religious tract Society. Chapter XXVIII. Aesop in Mongolia, p. 326—336. (Ниже sub Gilmour).

[2] См. Gilmour. XV.

источниковъ[1]. Примѣровъ такой литературной композиціи извѣстно очень много въ тибетской литературѣ; подобныя произведенія, составленныя изъ повѣстей и разсказовъ, позаимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ сборниковъ, составленныя съ особой цѣлью и проводящія опредѣленную

[1] О распространеніи индійскихъ сказаній въ Тибетѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разсказъ Ронгу чжу, записанный Г. Н. Потанинымъ (см. его «Тибетскія сказки и преданія». Живая Старина, 1912, стр. 419 слѣд.). Начало и первая глава этого разсказа, какъ это было отмѣчено самимъ Г. Н. Потанинымъ, являются переработкой вступленія и первой сказки извѣстнаго Сiддhi-кӯр'а — Vetālapañcaviṃçati. Вопросъ о происхожденіи монгольской версіи «сказокъ Vetāla», о путяхъ, какими онѣ пришли къ монголамъ, какъ извѣстно, оставался открытымъ (ср. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat., p. 227—228). Разсказъ Ронгу чжу теперь проливаетъ свѣтъ на эту проблему. Надо еще прибавить, что тибетская литература даетъ нѣсколько указаній на распространеніе «сказокъ Vetāla» въ «Странѣ снѣговъ». Такъ, въ томѣ ཟ་ собранія сочиненій Гун тан данби донмэ помѣщенъ отрывокъ изъ །རོ་དངོས་གྲུབ་ཅན་གཏམ་རྒྱུད། — «Преданія о волшебномъ трупѣ» (см. xyl. Азiат. Музея: Инв. 1907 г., № 2111, пріобрѣтенъ въ Лавранѣ; указаніемъ на это сочиненіе я обязанъ ламѣ Содnам-Джамцо Жигжидову и Б. Б. Барадійну), соотвѣтствующій 8-му разсказу Сiддhi-кӯр'а о «Живописцѣ и Плотникѣ». О Сiддhi-кӯр'ѣ упоминаетъ еще сочиненіе Нор-бу п̓рец-ба (извѣстное и въ монгольскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ Чiндамані ерiке, ср. B. Laufer, op. cit., p. 225); въ концѣ 22-й главы говорится, что, по указанію Nāgārjuna, царевичъ Antivāhana 13 и 21 разъ ходилъ добывать «волшебный трупъ»; нѣкій paṇḍita составилъ два сборника сказокъ, разсказанныхъ тогда тѣмъ «волшебнымъ трупомъ» царевичу Antivāhana, состоящихъ изъ 13 и 21 главъ; Atīça, отъ лица котораго ведутся разсказы Нор-бу п̓рец-ба, замѣчаетъ, что нельзя распространять эти сказки Vetāla, собранныя указаннымъ paṇḍita, что ихъ надо скрывать.

Далѣе, повѣсть །གཟུགས་ཀྱི་ཉི་མ་ཞེས་བྱ་བའི་བསྟན་བཅོས། (въ монгольскомъ переводѣ: Дӯрсӯнi-наран кемекӯ шастiр), чрезвычайно популярная въ Тибетѣ и у монголовъ, гдѣ она извѣстна въ нѣсколькихъ версіяхъ (Азіатскій Музей и библіотека Петрогр. Универс. располагаютъ нѣсколькими монгольскими и ойратскими рукописями, содержащими эту интересную во многихъ отношеніяхъ повѣсть; MS. съ тибетскимъ текстомъ въ стихахъ мнѣ пришлось видѣть у покойнаго лхарамбы Бадма Боваева, вывезшаго его изъ Лхасы), тоже упоминаетъ о сказкахъ «волшебнаго трупа» (см., напр., ойратскій MS. библіотеки Петроград. Универс. — Q. 195, f. 1). Всѣ эти данныя опредѣленно показываютъ, что «сказки Vetāla» — Сiддhi-кӯр были извѣстны въ Тибетѣ, имѣли тамъ распространеніе и оттуда были перенесены въ Монголію. Какъ извѣстно, ни ламѣ Г. Гомбоеву, ни B. Jülg'у, ни другимъ, занимавшимся Сiддhi-кӯр'омъ, не пришлось видѣть полнаго сборника этихъ сказокъ. Въ настоящее время Азiат. Музей располагаетъ двумя рукописями, одной — монгольской,

тенденцію, въ довольно большомъ количествѣ были переведены на монгольскій языкъ и получили распространеніе среди разныхъ монгольскихъ племенъ. Напримѣръ, въ хорошо извѣстномъ монгольскомъ сборникѣ повѣстей и сказокъ—Ӱlігер-ӱн ном—Книга легендъ, несомнѣнно тибетскаго происхожденія, встрѣчаются разсказы изъ Дзанлуна, причемъ приводится нѣсколько отличная версія «Романа двухъ братьевъ»[1]; разсказъ № 64[2] является своеобразной обработкой разсказа, извѣстнаго по Bétâl-Patchîsî[3]—одной изъ версій Vetālapañcaviṃçati; разсказъ № 108[4] соотвѣтствуетъ разсказу объ одномъ изъ знаменитыхъ судовъ изъ сказанія объ Арджи-Бурджи — rāja Bhoja[5] и, наконецъ, разсказъ № 81[6] почти дословно воспроизводитъ XXVI jātaka изъ Jātakamālā — о серпѣ ruru[7]. Въ тибетской литера-

---

пріобрѣтенной въ С.-З. Монголіи А. В. Бурдуковымъ, и одной — ойратской, пріобрѣтенной мною у торгутовъ на р. Булгунѣ, содержащими полныя версіи Сіддhi-кӱр'а — Vetālapañcaviṃçati.

[1] Разсказъ № 94, f. 122 v.—125 v. по ксилограф. экземплярамъ библіотеки Петрогр. Унив. (Xyl. 36) и British Museum'a (сигнатура: M. 7). Сочиненіе это было составлено, какъ указывается въ колофонѣ (f. 166 v.—167 r.), Рін-чен jе-шес (Ratnajñāna) и дПал-лдан jе-шес (Çrījñāna). B. Laufer смѣшиваетъ это сочиненіе съ другимъ, носящимъ похожее заглавіе и составленнымъ По-то-ба, см. Skizze der mong. Literatur. Keleti Szemle. VIII, p. 224—272. О «Романѣ двухъ братьевъ» см. P. Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. T'oung Pao, vol. XV, p. 225—272. É. Chavannes. Une version chinoise du conte bouddhique de Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara, ibid., p. 469 — 500. Еще одна версія «Романа двухъ братьевъ» находится въ «Толкованіи» на Subhāṣitaratnanidhi (разсказъ № 14).

[2] f. 80 v. — f. 84, см. прим. 1.

[3] См. E. Lancereau. Extraits du Bétâl-Patchîsî. Journ. Asiat. IV-e série, t. 18, p. 9—11. H. Oesterley. Baitâl Pachîsî. Leipzig, 1873, p. 13—16; см. также «приложеніе» въ книгѣ С. О. Ольденбурга. Буддійскія легенды. Bhadrakalpāvadāna. Jātakamālā. СПБ. 1894: суды въ Siṃhāsanadvātriṃçikā и Vikramodaya, стр. 127—128.

[4] f. 163 r.—f. 164 v. см. прим. 1.

[5] См. С. О. Ольденбургъ. Op. cit., стр. 132—134. B. Jülg. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Märchen des Siddhi-kûr..... und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Innsbruck. 1868, p. 202—207. Г. Гомбоевъ. Арджи-Бурджи. Монгольская повѣсть. Общезанимательный Вѣстникъ. 1858, № 1, стр. 2—4. Sagas from the Far East; or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. With historical preface and explanatory notes. By the author of «Patrañas», «Household stories from the land of Hofer» & c. London, MDCCCLXXIII, p. 257—262.

[6] f. 100 r.—f. 101 r. см. прим. 1.

[7] См. С. О. Ольденбургъ. Op. cit., стр. 105—106.

турѣ извѣстно также одно очень любопытное сочиненіе Нор-бу ӊрең-ба[1], переведенное и на монгольскій языкъ, о которомъ только-что было упомянуто, заключающее въ себѣ много разсказовъ различнаго происхожденія, напр., изъ Vetālapañcaviṃçati и Çukasaptati.

Ч.-ч., Ерд.-чім и Он.-шас. относятся къ тому роду тибетской литературы, къ которому принадлежатъ такъ называемыя «толкованія» разныхъ дидактическихъ произведеній, главнымъ содержаніемъ которыхъ являются повѣсти, разсказы, анекдоты и историческія новеллы, приводимыя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ въ качествѣ примѣра того или другого мотива поведенія; повидимому, начало такихъ произведеній надо искать въ индійской буддійской литературѣ. Эта же манера вводить разсказы въ комментаріи, какъ мнѣ любезно замѣтилъ С. Θ. Ольденбургъ, чрезвычайно распространена у джайновъ и въ меньшей, но все же въ значительной степени и въ брахманистической литературѣ комментаріевъ. Монголами такія «толкованія» переводились и распространялись съ большою любовью, причемъ, какъ на особо популярныя, надо указать, кромѣ «Толкованія» на Subhāṣita, сочиненіе Сакья-Пандита, и на «Толкованіе» «Букета бѣлыхъ лотосовъ» — произведенія པཎ་ཆེན་བསོད་ནམས་གྲགས་པ་རྣམ་དཔྱོད་མཆོག་གི་སྡེ Пац̣-чен бСод- рнамс грагс-па рнам - дпјод мчог- гі-сде [2].

Такимъ образомъ, литературный пріемъ авторовъ Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас. не подлежитъ сомнѣнію,—девизу: «je prends mon bien où je le trouve» слѣдовали очень многіе въ тибетской и монгольской литературахъ. Но, повидимому, авторы этихъ сборниковъ имѣли подъ руками какую-то версію Pañcatantra, обратившую ихъ особое вниманіе, изъ которой они и позаимствовали 16, 15 и 7 разсказовъ для своихъ сочиненій, тогда какъ изъ другихъ источниковъ они брали одинъ, два разсказа. Весьма вѣроятно, что и авторъ Лугс-кјі т.-ч., былъ ли то Nāgārjuna или другое лицо, основывался, главнымъ образомъ, на какой-то особой версіи Pañcatantra и, можетъ-быть, прямо выписывалъ оттуда дидактическія сентенціи, подобно тому, какъ въ болѣе позднюю эпоху это сдѣлалъ Mahāpaṇḍita Ānandadhvajaçrībhadra (Сакья-лама). Вопросъ этотъ представится яснѣе, если перейти къ разбору сборника разсказовъ MS. Burd.

---

[1] См. B. Laufer. Op. cit., p. 225.

[2] Ц. Ж. Жамцарано говоритъ объ этомъ сочиненіи, объ этомъ сборникѣ разсказовъ, какъ о входящемъ въ кругъ любимаго чтенія его отца, большого знатока монгольской письменности и старины. См. Образцы народн. слов. монг. племенъ. Т. I. Произведенія народной словесности бурятъ. Собралъ Ц. Ж. Жамцарано Петр. 1918, стр. XI.

III.

MS. Burd. содержитъ 17 разсказовъ, изъ числа которыхъ 16 соотвѣтствуютъ разсказамъ Ч.-ч., 15—Ерд.-чім. и 7—разсказамъ Он.-шас. Хотя разсказы MS. Burd. очень близки по содержанію къ соотвѣтствующимъ разсказамъ Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас., тѣмъ не менѣе они представляютъ и большія отличія. Такъ, всѣ разсказы Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас. начинаются цитатой изъ соотвѣтствующихъ стиховъ Лугс-кјі т.-ч., разсказы же MS. Burd. или вовсе не имѣютъ начальныхъ сентенцій или же начинаются другой цитатой; затѣмъ дидактическія сентенціи MS. Burd., находящіяся въ концѣ почти всѣхъ разсказовъ, сильно отличаются отъ нравоученій Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас. Останавливаетъ вниманіе и то, что порядокъ, въ которомъ расположены разсказы MS. Burd., отличается отъ распорядка Ч.-ч. и Ерд.-чім. Кромѣ того, самый текстъ разсказовъ MS. Burd. представляетъ значительныя отличія, причемъ, какъ это было указано выше, тексты разсказовъ другихъ сборниковъ въ свою очередь значительно разнятся другъ отъ друга. Разсказы Ерд.-чім. и Он.-шас. кратки и сухи, писаны лаконическимъ языкомъ, тогда какъ разсказы MS. Burd. почти каждый мотивъ развиваютъ подробно, писаны языкомъ живымъ, приближающимся къ народной рѣчи; легкость же и живость языка Ч.-ч. не мѣшаетъ этому элегантному, литературно обработанному произведенію сильно отличаться отъ простонародныхъ разсказовъ MS. Burd. Можно видѣть и извѣстную варіацію сюжета въ нѣкоторыхъ разсказахъ. Напр., разсказъ № 4 MS. Burd. о богѣ луны, богѣ солнца и Rāhu, очень близкій къ третьему разсказу, третьей tantra южной Pañcatantra, извѣстной по переводу Dubois[1], значительно отличается отъ соотвѣтствующаго разсказа Ерд.-чім. (№ 11, f. 11 v.—f. 12 v.), который не упоминаетъ вовсе объ участіи бога солнца въ похищеніи rasāyana, заставляетъ Indra-Хормуста самого похищать ее у asura и ничего не говоритъ о Kettu; 11-й же разсказъ Ч.-ч. (f. 15 — f. 16) помимо прочаго отличается тѣмъ, что выводитъ въ качествѣ побѣдителя Rāhu не Vajrapāṇi, а одного yakṣa; послѣдній, добавочный, разсказъ Ерд.-чім. = 37-му разсказу Ч.-ч. о «Четырехъ дружныхъ животныхъ» построенъ совершенно такъ же, въ томъ же порядкѣ, какъ и соотвѣтствующій разсказъ, находящійся въ Ганджурѣ и извѣстный по переводу А. Шифнера[2], разсказъ же о четырехъ живот-

[1] См. L'abbé J.-A. Dubois. Le Pantcha-tantra ou Les cinq ruses, Fables du Brahme Vichnou-Sarma. Paris, MDCCLXXII, p. 160—162.

[2] См. Tibetan tales derived from Indian sources. Translated from the tibetan of the Kan-gyur by F. Anton von Schiefner. Done into English from the German, with an introduction, by W. R. S. Ralston, M. A. Trübner's Oriental Series. London, 1906, p. 302—307.

ныхъ MS. Burd. распланированъ по другому. Почти въ каждомъ разсказѣ MS. Burd. можно найти какой-нибудь мотивъ, неизвѣстный соотвѣтствующимъ разсказамъ Ч.-ч. и Ерд.-чім., или, наоборотъ, можно отмѣтить неизвѣстные разсказамъ MS. Burd. мотивы, встрѣчающіеся въ параллельныхъ повѣстяхъ сборниковъ Ч.-ч. и Ерд.-чім. Вообще, какъ это уже было сказано выше, разсказы MS. Burd., Ч.-ч., Ерд.-чім., а также Он.-шас. никогда не даютъ общаго текста.

На основаніи этого приходится притти къ заключенію, что разсказы MS. Burd., соотвѣтствующіе разсказамъ Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он.-шас., являются особой версіей, а весь сборникъ является особымъ произведеніемъ. Каково же происхожденіе этого сборника? Самый текстъ MS. Burd. не даетъ никакихъ прямыхъ указаній, при полномъ же почти отсутствіи у монголовъ литературной исторіи и литературныхъ традицій невозможно получить прямыхъ указаній и со стороны. Поэтому приходится обратиться къ самому тексту сборника и попытаться, путемъ привлеченія другихъ показаній, выяснить вопросъ о его происхожденіи.

Мнѣ кажется, что текстъ MS. Burd. даетъ много указаній на то, что онъ восходитъ къ тибетскому оригиналу. На это указываютъ, прежде всего, нѣсколько встрѣчающихся тибетскихъ названій (ср. огмін < тиб. ḫог-мін — Akaniṣṭha, jіг < тиб. дбјіг собств. имя, додјаг < тиб. стод-гјогс [додјаг через форму живой рѣчи, напр. халх.-зап. додјіг] ламское верхнее платье; ср. также предлагаемую мною конъектуру, объясняющую появленіе одного слова монгольскаго текста предполагаемымъ тибетскимъ контекстомъ, см. ниже, разсказъ XIII-й, прим.); затѣмъ шакалъ, являющійся въ извѣстныхъ разсказахъ «Женщина и шакалъ»[1] и «Синій шакалъ»[2], замѣненъ въ MS. Burd. лисой совершенно такъ же, какъ и въ параллельныхъ тибетскихъ текстахъ, гдѣ шакалъ индійскихъ сказаній переданъ черезъ wa — лиса. Соотвѣтствовалъ ли предполагаемый тибетскій оригиналъ вполнѣ по составу монгольскому сборнику, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, или нѣтъ, былъ ли онъ полнѣе или, наоборотъ, короче, — пока рѣшить невозможно.

Этотъ тибетскій прототипъ сборника сказочныхъ разсказовъ MS. Burd. имѣлъ близкую связь съ Лугс-кјі т.-ч., Ч.-ч., Ерд.-чім. и Он-шас. Уже то обстоятельство, что многіе разсказы предполагаемаго тибетскаго ориги-

[1] См. Th. Benfey. Pantschatantra. II. Leipzig, 1859, p. 310—312. E. Lancereau. Pantchatantra. Paris, MDCCCLXXI, p. 300—303.

[2] См. J. Hertel. Tantrākhyāyika, die älteste Fassung des Pañcatantra. Leipzig und Berlin, 1909. II, pp. 31—37. I (Einleitung), p. 131—132. Schiefner-Ralston, p. 336—338.

пала MS. Burd.,—13 изъ 17 въ доступной намъ монгольской его версіи,— являются близкими разсказамъ Pañcatantra разныхъ версій, и то, что большинство разсказовъ снабжены дидактическими сентенціями, близкими дидактическимъ стихамъ Pañcatantra, заставляютъ признать ожидаемый тибетскій оригиналъ и его монгольскую версію — MS. Burd. одною изъ особыхъ версій Pañcatantra или одною изъ переработокъ, непосредственно съ ней связанною. Но, кромѣ того, интересно отмѣтить одну деталь, одинъ мотивъ VII-го разсказа MS. Burd., подтверждающій это предположеніе. VII-й разсказъ MS. Burd. = VIII-му Ч.-ч. и Ерд.-чім. о «Мышахъ и кошкѣ» имѣетъ много параллелей[1]; кошка пытается обмануть мышей, притворившись благочестивымъ наставникомъ, что ей и удается, пока мыши, понявъ ея обманъ, ее не перехитрили. Изъ версій Pañcatantra разсказъ этотъ встрѣчается только въ буддійской ея обработкѣ въ Tantrākhyāna[2]. Но, въ старо-сирійской версіи, въ Kalilag и Damnag и въ арабской Kalīlah и Dimnah находится одна глава «О царѣ мышей и его министрахъ»[3], нѣкоторыми чертами приближающаяся къ разсказу Tantrākhyāna[4] и другимъ близкимъ индійскимъ версіямъ. По версіи разсказовъ MS. Burd., Ч.-ч. и Ерд.-чім. мыши обманываютъ кошку, повѣсивъ ей на шею колокольчикъ; мотивъ этотъ неизвѣстенъ ни одной индійской версіи, ни тибетскимъ и другимъ пересказамъ[5], ни книж-

---

[1] См. замѣтку С. О. Ольденбурга къ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худāй-нāмэ. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895, стр. 165—167; см. также рецензію С. О. Ольденбурга на книгу Capt. W. F. O'Connor. Folk Tales from Tibet. Ж. М. Н. Пр., 1908, ч. 56, стр. 227.

[2] См. Cecil Bendall. The Tantrākhyāna, a collection of Indian tales (ниже sub Tantrākhyāna). Journ. of. t. R. As. Soc. of G. B. a. J., v. XX, p. 467, 484.

[3] См. Bickell-Benfey. Kalilag und Damnag. Leipzig, 1876, p. 114—123, CV—CXLIV. Th. Nöldeke. Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern. Abhandl. d. k. Gesell. d. Wissen. zu Göttingen, XXV, histor.-philol. Cl., 5. Аттая-Рябининъ. Книга Калîлаh и Димнаh. Москва, 1889, стр. 277—288.

[4] C. Bendall, очевидно по недоразумѣнію, сравниваетъ разсказъ о «Мышахъ и кошкѣ» съ 5-ой гл. старо-сирійской версіи, тогда какъ надо бы было указать 10-ю гл., см. Tantrākhyāna, p. 467.

[5] C. Bendall, къ сожалѣнію, даетъ самый краткій пересказъ и не упоминаетъ о развязкѣ, см. Tantrākhyāna, p. 484; см. Jātaka № 128—129 (The Jātaka or stories from Buddha's former births. Translated from the Pāli by various hands under the editorship of pr. E. B. Cowell. Vol. I. Cambridge, 1895, p. 281—284). Hitopadeça, I, IV; см. напр. Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе наставленіе. Юрьевъ, 1908, стр. 21—23. Schiefner-Ralston, 344—346. O'Connor. Folk Tales from Tibet, 26—30. Stanislas Julien. Contes et apologues indiens. Paris, 1860 (иначе: Les avadānas. Contes et apologues indiens. Paris, 1859), t. II, p. 152—153.

нымъ, ни народнымъ (поскольку мы ихъ знаемъ, конечно), за исключеніемъ версіи Gilmour'а, версіи монгольской, восходящей, какъ было указано выше, къ серіи разсказовъ, связанныхъ съ Луrс-кјі т-ч., по мотивъ колокольчика въ исторіи мышей и кошки является въ сирійской и арабской версіи: одинъ изъ министровъ царя мышей даетъ совѣтъ «добыть множество колокольчиковъ и повѣсить по одному колокольчику на шею каждой кошкѣ, дабы, при ея приходѣ и уходѣ, слышавши звонъ колокольчика, мы могли уберечься отъ нея, укрываясь въ свои норки»[1]. Разсказъ MS. Burd. какъ бы приводитъ въ исполненіе совѣтъ министра сирійской и арабской повѣсти. Th. Nöldeke предполагаетъ[2], что глава о «Царѣ мышей» не индійскаго, а персидскаго происхожденія. Едва ли можно согласиться съ аргументаціей знаменитаго оріенталиста, тѣмъ болѣе что одинъ изъ мотивовъ этого разсказа—борьба мышей съ кошкой—хорошо извѣстенъ, какъ видно изъ предыдущаго, индійской литературѣ: объ «обѣтахъ кошки» упоминаютъ уже законы Manu[3], мотивъ этотъ встрѣчается и въ Mahābhārata[4]. Мотивъ же колокольчика, который хотятъ повѣсить или вѣшаютъ на шею кошки ею притѣсняемыя мыши, встрѣчающійся въ старо-сирійской (и арабской) версіи и въ разсказахъ MS. Burd., Ерд.-чім. и Ч.-ч., заставляетъ предполагать для нихъ одинъ общій первоисточникъ. По всей вѣроятности, подобный разсказъ и заключался въ древней версіи Pañcatantra, отъ которой съ одной стороны произошли пехлевійская и другія «западныя» версіи, а съ другой ея индійскія, буддійскія и джайнскія обработки, проникшія потомъ въ Ти-

---

Édouard Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois et traduits en français. Paris, 1911, t. II, p. 414—416 (№ 388). Gilmour. VII. Н. Марръ. Сборники притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы. Ч. I, стр. 21, 367. СПБ. 1899. Повѣсть о котѣ-обманщикѣ мышей въ монгольской литературѣ встрѣчается еще въ сборникѣ разсказовъ о Гесне-ханѣ (ср. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat., p. 229), являясь «вставнымъ» разсказомъ повѣсти 18-й деревянной фигуры трона царя Vikramāditya. Котъ, желая обмануть мышей, переодѣвается въ красно-желтую одежду и объявляетъ мышамъ, что онъ принялъ обѣты буддійскаго монаха. Мыши выбираютъ его тогда своимъ княземъ (nojan), а котъ начинаетъ ихъ потихоньку поѣдать. Мыши, наконецъ, замѣчаютъ обманъ и разбѣгаются (см. MS. библіотека Петроград. Универс.—Q. 591, f. 102 v.).

[1] См. Аттая-Рябининъ. Op. cit., стр. 286; ср. Bickell-Benfey, p. 122.

[2] Nöldeke. Mäusekönig, p. 5.

[3] Какъ это уже указалъ C. Bendall, см. Tantrākhyāna, p. 484.

[4] См. замѣтку С. Ѳ. Ольденбурга въ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худâй-нâмэ. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895. стр. 166—167.

бетъ и далѣе въ Монголію. Не будучи согласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи Pañcatantra, который даетъ J. Hertel въ своей Tantrākhyāyika[1], думаю все-таки, что трудно возражать противъ его указаній на связь пехлевійской редакціи съ индійскими народными обработками Pañcatantra и textus simplicior, но, въ такомъ случаѣ, присутствіе мотива колокольчика въ двухъ версіяхъ, наслѣдницѣ пехлевійской и родственницѣ textus simplicior, еще больше подтверждаетъ мысль о томъ, что разсказъ съ подобнымъ мотивомъ, т. е. разсказъ о томъ, какъ мыши избавляются отъ кошки при помощи колокольчика, заключался въ ихъ общемъ первоисточникѣ.

Но сборникъ MS. Burd. не имѣетъ извѣстной рамки Pañcatantra, не знаетъ знаменитыхъ шакаловъ Karaṭaka и Damanaka, и ничто не позволяетъ думать, чтобы предполагаемый тибетскій оригиналъ обладалъ подобной рамкой. Мнѣ кажется, это обстоятельство не можетъ помѣшать признанію сборника MS. Burd., вѣрнѣе—его тибетскаго оригинала, за одну изъ версій, одну изъ обработокъ Pañcatantra. Уже на индійской почвѣ извѣстны сказочные сборники, непосредственно связанные съ Pañcatantra, не имѣющіе такой рамки; таковы, напр., джайнская версія Pañcatantra[2], Tantrākhyāna — ея буддійская обработка[3]; одна изъ индо-китайскихъ версій Pañcatantra — Mulla-Tantai имѣетъ уже другую рамку[4]. J. Hertel, одно изъ лицъ, наиболѣе въ настоящее время компетентныхъ въ вопросѣ о Pañcatantra, полагаетъ, что буддисты и джайны отбросили, при обработкѣ Pañcatantra, ея рамку потому, что въ ней особенно сильно сказывался духъ nītiçāstra, противный доктринѣ dharmaçāstra[5].

Такимъ образомъ, я предполагаю, что сборники Ч.-ч., Ерд.-чім. и Оп-шас., такъ же какъ и сочиненіе, приписываемое Nāgārjuna, Лугс-кјі т.-ч., имѣли въ виду и основывались на какой-то особой версіи Pañcatantra — всего вѣроятнѣе, на какой-нибудь буддійской ея переработкѣ въ родѣ Tantrākhyāna; авторъ Лугс-кјі т.-ч., во всякомъ случаѣ, былъ знакомъ съ какой-то версіей Pañcatantra и пользовался ею для своихъ дидак-

---

[1] Hertel, Tantrākhyāyika. I, Einleitung. Ср. рецензію проф. S. Lévi, Journal Asiatique, X-ème s., t. XIV, 1909, p. 530—535.

[2] См. J. Hertel. Über die Jaina-Rezensionen des Pañcatantra. Berich. d. philol.-histor. Kl. d. k. Sächs. Gesell. d. Wissen. zu Leipzig, 1902, p. 32.

[3] Tantrākhyāna, p. 470.

[4] См. Dr. J. Brengues. Une version laothienne du Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 364—370; замѣтка L. Finot, ibid., p. 359—360. J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 400.

[5] J. Hertel Op. cit., p. 399—400. J. Hertel. Tantrākhyāyika, p. 5—6.

тическихъ сентенцій и примѣровъ. Сборникъ же разсказовъ MS. Burd. восходитъ къ тибетскому оригиналу, являющемуся самостоятельной переработкой этой неизвѣстной версіи Pañcatantra, а, можетъ-быть, даже и ея отрывкомъ.

Съ этой точки зрѣнія нашъ сборникъ, MS. Burd., пріобрѣтаетъ извѣстный интересъ и вообще для вопроса о Pañcatantra, потому что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на одну изъ тѣхъ версій знаменитой книги, знать которыя необходимо, по словамъ J. Hertel'я, для болѣе полнаго освѣщенія «textus simplicior»[1]; кромѣ того, MS. Burd., Ч.-ч., Ерд.-чім. и Оп.-шас. показываютъ, что тибетская и монгольская литературы, быть можетъ, доставятъ при дальнѣйшихъ изысканіяхъ еще новый матеріалъ о Pañcatantra и позволятъ лучше освѣтить вопросъ о буддійскихъ источникахъ знаменитой книги и вообще объ отношеніи разсказовъ Pañcatantra къ буддійской литературѣ[2].

IV.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о характерѣ разсказовъ MS. Burd., монгольскій текстъ которыхъ и русскій переводъ приводятся ниже. Хотя можно предполагать, и съ большой долей вѣроятія, что разсказы этого сборника восходятъ къ тибетскому оригиналу, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя особенности текста MS. Burd. заставляютъ сомнѣваться въ томъ, является ли этотъ сборникъ, — настоящій списокъ, по крайней мѣрѣ, — переводомъ съ тибетскаго. Прежде всего, нельзя обойти молчаніемъ языкъ, стиль разсказовъ MS. Burd. Языкъ текста MS. Burd. чрезвычайно легокъ, простъ и, насколько это позволяютъ условія монгольской письменности, приближается къ живой рѣчи монголовъ. Обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, повтореніе подлежащаго, смѣшанное употребленіе мѣстоименій «ты» и «вы»; встрѣчается много словъ чисто разговорныхъ, употребляемыхъ въ живой монгольской рѣчи, даже словъ діалектическихъ, извѣстныхъ только халх.-зап. говору и никогда не встрѣчающихся въ «классическомъ» письменномъ языкѣ монголовъ. Напримѣръ, въ разсказѣ «Мыши и котъ-наставникъ» кошка названа не общемонгольскимъ литературнымъ словомъ міɣуі или міс, а словомъ мӯр (муур). Мӯр — слово, заимствованное съ китайскаго, 猫 (兒) мао-р[3], чисто разговорное и у монголовъ С.-З. Мон-

---

[1] J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1908, p. 398.

[2] Ср. рецензію É. Chavannes'а на книгу J. Hertel'я Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra, въ T'oung Pao, série II, vol. X, p. 530—532.

[3] Китайцы, китайскіе торговцы, повидимому, первые ввели домашнихъ кошекъ въ Монголію. И теперь кошекъ въ Монголіи держатъ по преимуществу китайцы и русскіе, а изъ монголовъ только тѣ, которымъ по разнымъ обстоятельствамъ прихо-

голіи, гдѣ была пріобрѣтена и, почти безъ сомнѣнія, написана рукопись Burd., отчасти иносказательное, соотвѣтствующее, напр., нашему «котъ-мурлыка». Затѣмъ, въ томъ же разсказѣ можно видѣть еще одну особенность, которую не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія. Въ повѣсти о «Мышахъ и котѣ-наставникѣ» MS. Burd. говорится, что котъ подходитъ и останавливается надъ мышиной норкой; далѣе, мыши устраиваютъ для кота сидѣнье изъ камней въ большой ямѣ. Очевидно, разсказъ имѣетъ въ виду живущихъ въ норкахъ степныхъ мышей, которыхъ такъ много въ Монголіи, жизнь которыхъ монголы хорошо знаютъ [1]. Между тѣмъ, во всѣхъ параллельныхъ разсказахъ являются мыши, живущія въ домѣ; дѣйствіе происходитъ въ домѣ, въ закрытомъ помѣщеніи, что вполнѣ естественно, потому что повѣсти о «Мышахъ и кошкѣ» были распространены среди осѣдлыхъ народовъ. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что и въ соотвѣтствующемъ разсказѣ Ч.-ч. и Ерд.-чім. дѣйствіе происходитъ въ домѣ. Въ монгольской версіи, въ MS. Burd., разсказъ, такимъ образомъ, приноровленъ къ условіямъ мѣстной монгольской жизни. Надо замѣтить, что подобное приноровленіе чужеземныхъ разсказовъ къ особенностямъ монгольской жизни, внесеніе въ повѣствованіе того, что называется «couleur locale», встрѣчается и въ сборникахъ Ерд.-чім. и Ч.-ч. Напр., въ разсказѣ «Синяя лиса (шакалъ)» лиса находитъ синюю краску на мѣстѣ кочевки, а не въ домѣ, какъ объ этомъ разсказывается въ индійскихъ версіяхъ Pañcatantra и въ соотвѣтствующей сказкѣ тибетскаго Ганджура. Въ разсказѣ MS. Burd. лиса тоже является на покинутую кочевку, хотя въ общемъ разсказъ сохраняетъ отпечатокъ своего индійскаго происхо-

---

дится жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, напр., монахамъ, горожанамъ, караульщикамъ общественныхъ складовъ. Буряты заимствовали слово для обозначенія кошки, какъ и слѣдовало ожидать, отъ русскихъ въ формѣ хōшхă (хори-бурят. говоръ),—см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Вып. 2. Тексты. СПБ. 1913, стр. 36. Вып. 3. Переводъ и прим. СПБ. 1913—1914, стр. 024,—сохранивъ въ то же время и свое монгольское названіе. Долженъ, все-таки, замѣтить, что въ соотвѣтствующемъ (VIII-мъ) разсказѣ Ч.-ч. кошка названа словомъ [illegible] муур-а, что, впрочемъ, совсѣмъ неудивительно, потому что южные монголы, въ томъ числѣ и чахары, гдѣ появилось Ч.-ч., раньше другихъ монголовъ ближе познакомились съ китайцами и начали заимствовать отъ нихъ многое и въ области матеріальной, и въ области духовной культуры, въ области языка. Нахожденіе близкаго, но не тождественнаго слова муур-а въ одномъ чахарскомъ произведеніи, между которымъ и MS. Burd. можно установить литературную связь, не можетъ противорѣчить вышеприведенному мнѣнію относительно слова мӯр въ сборникѣ MS. Burd.

[1] См. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Западная Монголія и Урянхайскій край. Т. I. СПБ. 1914, стр. 500—501. Г. Н. Потанинъ. Ерке. Культъ сына неба въ сѣверной Азіи. Томскъ. 1916, стр. 5—6.

жденія, даже въ деталяхъ. Затѣмъ въ XVI-мъ разсказѣ MS. Burd., соотвѣтствующемъ XV-й сказкѣ Сіддһі-кӱр'а, вмѣсто тысячи paṇḍita, гадателей и врачей повѣсти Vetāla появляются ламы. И въ этой детали опять нельзя не видѣть приспособленія чужеземнаго разсказа къ понятіямъ принявшей его новой среды; дѣйствительно, у монголовъ врачами, гадателями, «мудрецами» — paṇḍita являются почти исключительно представители буддійскаго духовенства (ламы). Въ IX-мъ разсказѣ MS. Burd. черепаха собирается угостить обезьяну чаемъ; какъ извѣстно, животныя сказаній Pañcatantra дѣйствуютъ и поступаютъ, какъ люди, въ данномъ же случаѣ любопытно отмѣтить опять-таки монгольскую (или тибетскую?) бытовую черту — угощеніе чаемъ. Ч.-ч., Ерд.-чім. и Оп.-шас не знаютъ этого эпизода.

Вотъ эти детали и заставляютъ предполагать, что разсказы MS. Burd., по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ имѣемъ, являются не переводомъ, а скорѣе пересказомъ. Нѣтъ только никакихъ указаній на то, является ли MS. Burd. пересказомъ или вольнымъ переводомъ съ тибетскаго, или же пересказомъ другого монгольскаго, болѣе точнаго перевода. Впрочемъ, не исключена возможность и того, что извѣстное «искаженіе» текста, его приспособленіе къ живой рѣчи и понятіямъ монголовъ произошло благодаря переписчикамъ постепенно. Монгольской литературѣ небезызвѣстны подобные «пересказы», переработки произведеній, занесенныхъ въ Монголію изъ Индіи, Тибета и Китая. Такимъ переработкамъ подвергаются чаще всего, конечно, сочиненія, пріобрѣвшія популярность, сдѣлавшіяся любимымъ чтеніемъ монголовъ. Какъ на примѣръ такой «литературной» композиціи, можно указать на сказанія о царѣ Ӧгармецід`ѣ — Vikramāditya. Параллельно со списками, содержащими этотъ циклъ сказаній разныхъ версій, среди монголовъ извѣстны рукописи, заключающія въ себѣ то же сказаніе, но въ очень сокращенномъ пересказѣ, — пересказѣ, сдѣланномъ, несомнѣнно, монгольскимъ авторомъ, основывавшимся на общеизвѣстной полной версіи сказанія о Vikramāditya. Даже бѣглый просмотръ текста полной и сокращенной версій достаточенъ, чтобы убѣдиться въ этомъ и опредѣлить форму передѣлки[1].

---

[1] См. MS. Азіатскаго Музея Акад. Н.: Рудневъ, № 9 и № 250. Ср. А. М. Позднѣевъ. Замѣчанія на дневникъ путешествія О. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 г. Зап. И. Русск. Геогр. Общества по общей географіи, т. XXII, № 1, стр. 140—141.

V.

Общій index разсказовъ MS. Burd. съ указаніемъ важнѣйшихъ параллелей.

MS. Burd.	Паралл.
I. Женщина и лиса (шакалъ).	Pañc. B.[1] IV, viii. Pañc. L.[2] IV, ix. Pañc. F. textus simpl.[3] IV, xi. Purn.[4] IV, viii. Schiefner-Ralston. XII[5]. Julien. Avadānas. LXXV[6]. Chavannes. № 111[7]. Ч.-ч. I. Ерд.-чім. I. Он.-шас. I.
II. Kalandaka и ястребъ.	Hertel. Tantr.[8] I, x. Mulla[9]. V. N.-

[1] Th. Benfey. Pantschatantra: Fünf Bücher. Indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen. I. Leipzig, 1859. II Theil, p. 310—313. I Theil, Einleitung, p. 468—469.

[2] E. Lancereau. Pantchatantra ou Les cinq livres, recueil d'apologues et de contes, traduit du sanscrit. Paris, MDCCLXXI, p. 300—303, 383.

[3] Ludwig Fritze. Pantschatantra. Ein altes indisches Lehrbuch der Lebensklugheit in Erzählungen und Sprüchen. Leipzig, 1884. (Textus simplicior).

[4] Dr. Johannes Hertel. The Panchatantra. A Collection of Ancient Hindu Tales in the recension, called Panchakhyanaka, and dated 1199 A. D., of the jaina monk, Purnabhadra critically edited in the original sanskrit. The Harvard Oriental Series, v. 12. Cambridge, Massachusetts, 1908. Переводъ: Das Pañcatantram (textus ornatior). Eine altindische Märchensammlung zum ersten Male übersetzt von Richard Schmidt. Leipzig, Lotus-Verlag.

[5] Tibetan tales derived from Indian sources. Translated from the tibetan of the Kah-gyur by F. Anton von Schiefner. Done into English from the German, with an introduction, by W. R. S. Ralston, M. A. London, 1906 (Trübner's Oriental series).

[6] Stanislas Julien. Les Avadānas. Contes et apologues indiens inconus jusqu'à ce jour suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises. Paris, MDCCCLIX, t. I, II, III.

[7] Édouard Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois et traduits en français. Paris, 1911, t. I, II, III.

[8] Johannes Hertel. Tantrākhyāyika. Die älteste Fassung des Pañcatantra. Aus dem anskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen. I, Einleitung. II, Übersetzung und Anmerkungen. 1909. Leipzig und Berlin. Druck und Verlag von B. G. Teubner. (Рецензія S. Lévi: Journ. As. X-e série, t. XIV, 1909, p. 530—535. Рецензія É. Chavannes'a: T'oung Pao. Série II. Vol. X, p. 530—532. Рецензія F. W. Thomas'a: Journ. of the R. Asiat. Soc. 1910, 2, p. 966—976). Такъ какъ въ этой книгѣ Hertel'я указаны самыя многочисленныя параллели и приложена особая таблица (Hertel. Tantr., I, p. 128—141), то я ограничиваюсь только ссылкой на Hertel. Tantr. въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются разсказы, общіе MS. Burd. и Tantrākhyāyika.

[9] Dr. J. Brengues. Une version laothienne du Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1909, p. 357—395.

	P.[1] XIII. Ч.-ч. III. Ерд.-чім. III. Он.-шас. III.
III. Мать врача и нищій монахъ.	
IV. Богъ луны, богъ солнца и Rāhu.	Южн. Pañc.-Dubois[2]. III, III. Ч.-ч. XI. Ерд.-чім. XI.
V. Вши и блохи.	Hertel. Tantr. I, VII. Mulla. I. N.-P. X. Schiefner. Tibet. Lebensbeschr.[3]. Ч.-ч. IV. Ерд.-чім. IV. Он.-шас. IV. Gilmour. III.
VI. Обезьяна и kalandaka.	Hertel. Tantr. I, XIV. Mulla. X. N.—P. XXI—XXII. Ч.-ч. V. Ерд.-чім. V. Он.-шас. V. Gilmour. XI.
VII. Мыши и котъ-наставникъ.	Tantrākhyāna 38. Jātaka[4] №№ 128—129. Kalilag-Damnag[5] 10. Kalīlah-Dimnah. Царь мышей[6]. Schiefner-

---

[1] J. Hertel. Le Mulla-Tantai et le Pañcatantra. Journ. As. 10-e série, t. XII, 1909, p. 397—434.

[2] L'abbé J.-A. Dubois. Le Pantcha-tantra ou Les cinq ruses. Fables du Brahme Vichnou-Sarma; Aventures de Paramarta, et autres contes. Paris, MDCCCLXXII, p. 160—162.

[3] A. Schiefner. Tibetische Lebensbeschreibung Çākyamuni's. Mém. prés. par dif. sav., t. VI, livr. 3. Pétersbourg, 1849, p. 231—232; p. 96 отдѣльнаго оттиска.

[4] The Jātaka or stories of the Buddha's former births. Translated from the Pāli by various hands under the editorship of professor E. B. Cowell, vol. I. Translated by Robert Chalmers, B. A. Cambridge, 1895, p. 281—284 (Biḷāra-jāt., Aggika-jāt.). И. П. Минаевъ. Индійскія сказки. Жур. Мин. Народ. Просв. 1871, ч. 158, стр. 115—118.

[5] Kalilag und Damnag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von Gustav Bickell mit einer Einleitung von Theodor Benfey. Leipzig, 1876, p. 114—123. Книги F. Schulthess'a Kalila und Dimna. Syrisch und Deutsch. Berlin, 1911, видѣть не пришлось (см. рецензіи: F. Nau — J. A. X s, 1911, 17, p. 549 — 552; Th. Nöldeke — Z. D. M. G. 65, p. 578—588; J. Scheifer. Kalila und Dimna. Deutsche Literaturzeitung. 1916, № 25, p. 1139—1141. Указаніемъ на послѣднюю рецензію я обязанъ И. Ю. Крачковскому).

[6] М. О. Аттая и М. В. Рябининъ. Книга Калилаh и Димнаh (Сборникъ басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ басенъ Бидпая). Переводъ съ арабскаго. Москва, 1889, стр. 277—288, глава о царѣ мышей и его министрахъ. Th. Nöldeke. Die Erzählung vom Mäusekönig und seinen Ministern. Abhandl. d. k Gesell. d. Wiss. zu Göttingen. Band XXV, histor.-philolog. Kl. 5.

	Ralston. XL. Chavannes. № 388. Julien. Avadānas. CXXV. O'Connor[1]. V. Ч.-ч. VIII. Ерд.-чім. VIII. Hitopadeça I, iv[2]. Gilmour. VII.
VIII. Брахманъ, роняющій при смѣхѣ жемчугъ, и распутная царица.	Çuk[3]. V—IX. Tūtī-n.[4] XXII. Chavannes. № 421. Jātaka № 536[5]. Ч.-ч. IX. Ерд.-чім. IX.
IX. Обезьяна и черепаха.	Hertel. Tantr. IV. Chavannes. № 36, № 425. O'Connor. XX. Ч.-ч. X. Ерд.-чім. X. Оп.-шас. VII.
X. Левъ и заяцъ.	Hertel. Tantr. I, vi. Ч.-ч. XV. Ерд.-чім. XV. O'Connor. IX. Оп.-шас. IX. Gilmour. I.
XI. Слонъ и мыши.	Hertel. Tantr. II. Ч.-ч. XVI. Ерд.-чім. XVI. Оп.-шас. X. Gilmour. IX.
XII. Благодарныя животныя и неблагодарный человѣкъ.	Purn. I, ix. Pañc. B. I, ii (Nachtrag). Kathāsaritsāgara — Tawney. II, 103—104[6]. Mulla. VII. N.-P. XVIII. Южн. Pañ.[7] I, v. Chavannes. № 49. Jāt. № 73.[8] Ч.-ч.

[1] Capt. W. F. O'Connor, C. I. E. Folk tales from Tibet with illustrations by a tibetan artist and some verses from tibetan love-songs. London, 1906. (Рецензія С. О. Ольденбурга: Новыя книги о Тибетѣ. III. Жур. Мин. Нар. Просв. 1908. Ч. 56, стр. 226—233).

[2] Д. Кудрявскій. Хитопадеша. Доброе наставленіе. Сборникъ древне-индійскихъ разсказовъ, составленный Нараяной. Юрьевъ, 1908, стр. 21—23.

[3] Richard Schmidt. Der textus ornatior der Çukasaptati. Ein Beitrag zur Märchenkunde. Stuttgart, 1896 (Erzähl. 5, 6, 7, 8, 17), p. 22, p. 37. Richard Schmidt. Die Çukasaptati. Textus simplicior. Kiel, 1894, p. 14—23.

[4] W. Pertsch. Ueber Nachschabi's Papageienbuch. Zeitschr. d. D. Morgenl. Gesel. 21. 1867, p. 529—530.

[5] Jātaka. Vol. V. Translated by H. T. Francis, M. A. Cambridge, 1905, p. 234—236, 240 (Kuṇāla-jāt.). И. П. Минаевъ. Индійскія сказки. Ж. М. Н. П. 1876, ч. 183, стр. 392—395, 396.

[6] C. H. Tawney, M. A. The Kathá Sarit Ságara or Ocean of the Stream of Story translated from the original sanskrit. Calcutta, 1884, vol. II, p. 103—104.

[7] J. Hertel. Über einen südlichen *textus amplior* des Pañcatantra. Z. d. D. M. G. 61. 1907, p. 24—25, 70.

[8] Jātaka. V. I, p. 177—181 (Saccaṁkira-jāt.).

	XVII. Ерд.-чім. XVII. Schiefner-Ralston. XXVI.
XIII. Синяя лиса (шакалъ).	Hertel. Tantr. I, VIII. Chavannes. № 389. Ч.-ч. XIX. Ерд.-чім. XIX. Schiefner-Ralston. XXXVI. Gilmour XIII.
XIV. Черепаха и птицы.	Ч.-ч. XX. Ерд.-чім. XX.
XV. Колодезная лягушка и морская лягушка.	Paйс. B. Paй. L. I, I. Ч.-ч. XXI. Ерд.-чім. XXI. Gilmour. II.
XVI. Царевичъ и сынъ брахмана.	Сіддhі-кӯр[1]. XV. Ч.-ч. XXXVI.
XVII. Четверо дружныхъ животныхъ.	Schiefner-Ralston. XXIV. Jātaka. № 37[2]. Julien. Avadānas. LXXVII. Chavannes. № 481. Ч.-ч. XXVII. Ерд.-чім. XXXII.

Замѣчанія.

Разсказъ I MS. Burd. является очень близкимъ къ версіи Paй. и Purn.; довольно близки стихъ Paй.[3] и отвѣтъ лисы (шакала) разсказа MS. Burd. Он.-шас. указываетъ имя мужа героини разсказа: Васуг (Васук) [Он.-шас. f. 29 v. по MS. Jacrig'a, f. 7 v. по MS. Руднева]. Въ китайской версіи этого разсказа, такъ же какъ и въ монгольской, является не шакалъ, а лиса[4].

C. H. Tawney, въ предисловіи къ своему переводу Kathākoça, отмѣчая[5], что соотвѣтствующій разсказъ находится съ одной стороны въ джайн-

---

[1] Галсанъ Гомбоевъ. Шидди-куръ. Собраніе монгольскихъ сказокъ. Переводъ съ монгольскаго на русскій языкъ. Этнографическій Сборникъ, изд. И. Р. Географ. Общ. Вып. IV. СПБ. 1864, стр. 73—76. B. Jülg. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Märchen des Siddhi-Kür nach den ausführlicheren Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Insbruck, 1868, p. 147—152. Sagas from the Far East; or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. With historical preface and explanatory notes. By the author of «Patrañas», «Household stories from the land of Hofer», & c. London, MDCCCLXXIII, p. 157—164.

[2] Jātaka. Vol. I. Cambridge, 1895, p. 92—95 (Tittira-jāt.).

[3] Paй. B. p. 309—310. Paй. L. p. 299.

[4] См. Chavannes. № 111. t. I, p. 381. Julien. Avadānas. LXXV, t. II, p. 11—13.

[5] The Kathākoça; or, Treasury of Stories, Translated from Sanskrit Manuscripts by C. H. Tawney, M. A. With Appendix, contending notes, by professor Ernst Leumann. Oriental Translation Fund. New series. II, vol. VI, London, 1895, p. XVII—XIX.

ской литературѣ и съ другой—въ буддійской, а именно въ китайскомъ буддійскомъ канонѣ, видитъ въ этомъ одно изъ доказательствъ того, что именно буддисты разносили по свѣту произведенія фольклора Восточной Индіи,—источника, изъ котораго черпали, какъ джайны, такъ и сами буддисты. Монгольскія версіи разсказа о «Женщинѣ и шакалѣ» MS. Burd., Ерд.-чім., Ч.-ч. и Он.-шас. вмѣстѣ съ канонической версіей тибетскаго Ганджура, о которой C. H. Tawney, кстати сказать, не упоминаетъ, даютъ новый матеріалъ для подтвержденія теоріи англійскаго изслѣдователя. Версія Culladhanuggaha jātaka[1], какъ это уже отмѣтилъ C. H. Tawney, въ концѣ представляетъ тотъ же сюжетъ.

II разсказъ MS. Burd. довольно сильно отличается отъ индійскихъ версій. Какъ въ MS. Burd., такъ и въ индійскихъ параллеляхъ наказаннымъ гордецомъ является птица, но другія детали разсказа индійскихъ версій совершенно непохожи. Разсказъ же Он.-шас. отличается отъ параллельныхъ разсказовъ MS. Burd., Ч.-ч. и Ерд.-чім. тѣмъ, что не знаетъ старика-ловца птицъ и заставляетъ птенца чваниться передъ своимъ избавителемъ-пѣтухомъ, отрицая его заслугу. Въ «Толкованіи» на Subhāṣita находится версія этого разсказа, въ общемъ приближающаяся къ редакціи Tantr. (разсказъ № 45).

MS. Burd. III. Мнѣ не удалось найти ни одной болѣе или менѣе близкой параллели этого разсказа. Повидимому, этотъ разсказъ тибетскаго происхожденія, можетъ-быть, народный, рисующій народный бытъ и народные взгляды.

MS. Burd. IV очень близокъ къ разсказу одной версіи южной Pañcatantra, причемъ надо отмѣтить, что сказаніе это, пока, оказалось только въ одной редакціи Pañcatantra. Среди разныхъ монгольскихъ племенъ бродитъ много пересказовъ о Rāhu и о производимыхъ имъ затменіяхъ луны и солнца; но, повидимому, пересказы этой древней индійской легенды[2] проникли въ Монголію самыми разнообразными путями, черезъ буддійскія сочиненія[3], разсказы ламъ, тибетскія и китайскія астрологіи, терминологическіе

---

[1] Jātaka № 374, vol. III. Cambridge, 1897, p. 146—148.

[2] Cp. Edward Moor. The Hindu Pantheon. London, 1810, p. 281—284, 286. A. A. Macdonell. Vedic Mythology. G. d. I.-A. P. III. B. 1, p. 160.

[3] Cp. L. Feer. Fragments extraits du Kandjour. Sutras de la lune et du soleil. Annales du Musée Guimet. Paris, 1883, t. V, p. 410—413. Émile de Schlagintweit, L. L. D. Le Bouddhisme au Tibet. Annales du Musée Guimet. P. 1881, t. III, p. 72—74. Cp. Ed. Huber. Études de littérature bouddhique. VII. Termes persans dans l'astrologie bouddhique chinoise. Bull. d. l'École Franç. d'Extr. Orient. t. VI—1906, p. 40.

словари, и нѣтъ никакихъ основаній приписывать ихъ происхожденіе сочиненію, извѣстному по MS. Burd.; среди монгольскаго простонародья эти версіи получали иногда своеобразную обработку. Но ни одинъ пересказъ, какъ и Ч.-ч. и Ерд.-чім., не упоминаетъ о Kettu, и въ этомъ отношеніи разсказъ MS. Burd. удивительно приближается къ версіи южн. Panc. Dubois. Вообще же этотъ разсказъ MS. Burd. разными деталями довольно сильно отличается отъ соотвѣтствующихъ разсказовъ Ч.-ч. и Ерд.-чім.

Разсказъ V MS. Burd. тоже очень близокъ къ индійскимъ версіямъ Pancatantra, только царь индійскихъ версій замѣненъ буддійскимъ монахомъ-отшельникомъ, и всему разсказу приданъ буддійскій колоритъ. На другую буддійскую обработку разсказа о «Блохѣ и вшахъ», переданную А. Шифнеромъ, было уже указано Benfey'емъ[1]. Разсказъ же Он.-шас. представляетъ незначительную варіацію сюжета; то же надо сказать и о версіи Ерд.-чім. и въ особенности Ч.-ч. Въ послѣднемъ сочиненіи отшельникъ не убиваетъ вшей, что было бы такъ непристойно буддійскому монаху, а только сбрасываетъ ихъ на землю. Любопытная деталь, рисующая, какъ странствующій сюжетъ приноравливается къ понятіямъ принявшей его новой среды.

VI MS. Burd. также близокъ къ соотвѣтствующимъ версіямъ Pañcatantra.

Въ концѣ 34 разсказа «Толкованія» на Subhāṣita цитируется çloka Лугс-kji т.-ч. и вкратцѣ передается соотвѣтствующій разсказъ «Обезьяна и Kalandaka». Далѣе «Толкованіе» опять приводитъ этотъ разсказъ въ болѣе пространной редакціи (разсказъ № 56).

VII MS. Burd. Объ отношеніи этого разсказа къ другимъ версіямъ Pañcatantra см. выше[2], стр. 419—421, причемъ надо замѣтить, что версіи Hitopadeça и Jātaka довольно сильно отличаются отъ разсказа MS. Burd., Ерд.-чім. и Ч.-ч., выводя другіе персонажи и развивая новые мотивы. Какъ ни отличны версіи, приводимыя Н. Я. Марромъ, все-таки и онѣ, несомнѣнно, имѣютъ связь съ древней индійской сказкой о кошкѣ и мышахъ. Въ С.-Западной Монголіи этотъ разсказъ сдѣлался очень популярнымъ, и такъ какъ всѣ народные устные пересказы буквально, во всѣхъ подробностяхъ воспроизводятъ версію MS. Burd., то можно думать, что всѣ они происходятъ именно отъ редакціи, представленной MS. Burd. Особенно часто приходилось мнѣ слышать сказку о «Мышахъ и котѣ-наставникѣ» на

---

[1] Bickell-Benfey. Kalilag und Damnag, p. CXXV.

[2] Въ монгольскомъ Ганджурѣ разсказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston, XL, находится въ томѣ na, отдѣла ḥДул-ба, f. 255v.—f. 256v. (по экземпляру печатнаго монг. Ганджура Парижской Національной Библіот. — Fond Pelliot).

р. Хангильцыкѣ[1] отъ баитовъ[2] и халхасцевъ-ельджигеновъ, т. е. какъ разъ въ томъ районѣ, гдѣ былъ пріобрѣтенъ MS. Burd. Но, кромѣ того, сказку эту приходилось мнѣ слышать и около города Кобдо. Въ С.-З. Монголіи кошку очень часто въ шутку называютъ мӯр бакшї — «котъ-наставникъ», хулуɣнā бакшї — «мышиный наставникъ», совершенно такъ же, какъ VII разсказъ MS. Burd.

VIII разсказъ MS. Burd. довольно сильно отличается какъ отъ версій «Сказокъ попугая», такъ и отъ версій двухъ разсказовъ Jātaka № 536[3]. Китайская версія (Chavannes. № 421) чрезвычайно любопытна, какъ буддійская обработка нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, сведенныхъ въ одно цѣлое; многіе мотивы этой версіи близко подходятъ къ VIII-му разсказу MS. Burd., который вообще надо признать за одинъ изъ наиболѣе интересныхъ во всемъ сборникѣ. Одинъ мотивъ, извѣстный китайской версіи и соотвѣтствующимъ разсказамъ Ч.-ч. и Ерд.-чім., о томъ, какъ воръ лицемѣрно возвращаетъ соринку, случайно приставшую къ его платью въ чужомъ домѣ, неизвѣстенъ VIII-му разсказу MS. Burd. Среди монгольскихъ племенъ широко распространено нѣсколько устныхъ версій сказанія объ обманутомъ мужѣ и распутной царицѣ, въ общемъ довольно близкихъ къ разсказу MS. Burd. Сказаніе это встрѣчается на Волгѣ, у калмыковъ[4]; гр. А. П. Беннигсенъ записалъ очень любопытную версію въ Карашарѣ[5]; мнѣ приходилось слышать подобную же сказку, — въ общемъ

---

[1] Объ этой мѣстности см. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Западная Монголія и Урянхайскій край. Т. I. СПБ. 1914, стр. 167—168, 357. А. Б. Бурдуковъ. Очеркъ баитскаго хошуна князя Тюмы-Баиръ-гуна. Томскъ, 1915, стр. 4—6.

[2] О баитахъ см. Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. II. СПБ. 1881, 33—34. Б. Владимірцовъ. Отчетъ о командировкѣ къ баитамъ Кобдоскаго округа. Изв. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азіи. № 11, сер. II, стр. 100—104. СПБ. 1912.

[3] См. Jātaka. V, p. 234—236, 240. Минаевъ. Ж. М. Н. П. 1876, ч. 183, стр. 392—395, 396. Ср. Emmanuel Cosquin. Le prologue-cadre des Milles et une Nuits, les légendes perses et le livre d'Esther. Extraits de la Revue biblique internationale publiée par l'Ecole pratique d'Études bibliques des Dominicains de Jérusalem. — Janvier et Avril 1909. Особенно см. p. 4—11. Ср. также Chavannes. № 109; Charles B. Maybon. Un conte chinois du VI-e siècle. Bulletin de l'École Française de l'Extrême Orient. 1907, p. 360—363 (рецензія E. Chavannes'a: T'oung Pao. Série II, Vol. IX, p. 599—601); Jātaka № 436.

[4] См. Нойманъ Бадмаевъ. Сборникъ калмыцкихъ сказокъ (на русскомъ языкѣ). Астрахань, 1899, № 26. «Субсутай», стр. 99—105.

[5] Гр. А. П. Беннигсенъ. Легенды и сказки центральной Азіи. СПБ. 1912. «Сказка объ Ирембылъ-тушмылѣ», стр. 23—26.

мало чѣмъ отличающуюся отъ VIII разсказа MS. Burd., — въ Улясутаѣ. Такое широкое распространеніе сказочнаго сюжета — Волга, Карашаръ, Улясутай — заставляетъ предполагать существованіе неизвѣстныхъ намъ списковъ сборниковъ, такого же типа, какъ MS. Burd., Ерд.-чім. и Ч.-ч., или же — существованіе отдѣльнаго сказанія или цѣлаго цикла, изъ котораго оно было позаимствовано разными монгольскими племенами.

IX разсказъ MS. Burd. является очень близкой версіей чрезвычайно популярнаго въ Индіи разсказа, какъ въ буддійской литературѣ, такъ и въ не буддійской[1].

X разсказъ MS. Burd. тоже очень близокъ къ соотвѣтствующимъ индійскимъ версіямъ. Этотъ же разсказъ въ близкой редакціи встрѣчается въ «Толкованіи» на Subhāṣita (разсказъ № 11) и въ «Комментаріи» на сочиненіе «Букетъ бѣлыхъ лотосовъ», о которомъ было упомянуто выше (разсказъ № 32). Въ монгольской средѣ извѣстны и очень похожіе народные пересказы[2].

XI разсказъ MS. Burd. отличается отъ индійскихъ версій въ деталяхъ; особенно разнится начало разсказа.

XII разсказъ MS. Burd. отличается въ частностяхъ отъ версій Purn. Mulla. N.-P. Южн. Пан. и Schiefner-Ralston[3]. Въ монгольской литературѣ извѣстна еще одна версія этого разсказа — это 22 гл. сборника различныхъ разсказовъ на ойратскомъ (калмыцкомъ) языкѣ, подъ заглавіемъ

---

[1] См. С. О. Ольденбургъ. Новыя книги о Тибетѣ. III (Рецензія на книгу capt. O'Connor'a, Folk tales from Tibet). Ж. М. Н. Пр. 1908, ч. 56, стр. 228—229.

[2] Найманъ Бадмаевъ. Op. cit. № 11 «Заяцъ и Левъ», стр. 22—23. Пересказъ Наймана Бадмаева настолько близокъ къ версіи Ерд.-чім. и MS. Burd., что позволяетъ предполагать его источникомъ ойратскую (калмыцкую) редакцію Ерд.-чім. (библіотека Петроград. Унив. располагаетъ 3-мя ойратскими рукописями Ерд.-чім.). Н. Б. Бадмаевъ говоритъ (op. cit. «Вмѣсто предисловія») о какомъ-то «подлинникѣ» своего сборника сказокъ, но, къ сожалѣнію, точно не указываетъ его характеръ, т. е. были ли его сказки взяты изъ книжной или живой народной литературы.

[3] См. также Th. Benfey. Pantschatantra. I, p. 193—195. Въ монгольскомъ Ганджурѣ разсказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston XXVI, находится въ томѣ на, отдѣла ḥДул-ба, f. 212—f. 213 (по экземпляру печатнаго Ганджура Парижской Національной Библіотеки — Fond Pelliot.). Въ первой фразѣ этого текста: уріда il болуҔсан Бā-рā-ṇа-сī балҔасун-дур АріҔун-ӳге-тӳ кемекӳ kаҔан il улустур kаҔан болцу, — встрѣчается любопытное слово il народъ (ср. Б. Владимірцовъ. Турецкіе элементы въ монг. яз. З. В. О. И. Р. А. О., XX, стр. 176—177).

Аршāн номіјін тӯці — «Сказаніе нектарнаго Закона»[1]. Вотъ пересказъ этой версіи[2]:

Жили нѣкогда два человѣка: одинъ — праведникъ, другой — грѣшникъ. Однажды они заспорили: праведникъ говорилъ, что хорошее будущее перерожденіе можно пріобрѣсть только добрыми дѣлами; грѣшникъ же говорилъ, что его можно заслужить неправыми дѣлами. Когда они обратились за разрѣшеніемъ спора къ одному постороннему человѣку, избравъ его посредникомъ, тотъ присоединился къ мнѣнію грѣшника, такъ какъ заранѣе былъ тѣмъ подкупленъ. Праведникъ, проигравъ состязаніе, долженъ былъ, согласно условію, отдать грѣшнику все свое имущество, въ томъ числѣ и свою лодку, на которой онъ перевозилъ всѣхъ желающихъ черезъ одну быструю и глубокую рѣку; такъ, перевезъ онъ однажды лису, змѣю, мышь и пчелу.

Праведнику, послѣ того какъ онъ потерялъ свое состояніе, нечего было дѣлать на родинѣ, и онъ ушелъ скитаться по землѣ. Забрелъ праведникъ разъ въ одну пещеру и встрѣтилъ тамъ лису, которую ему раньше пришлось переправить на лодкѣ. Лиса захотѣла отблагодарить праведнаго человѣка. Она побѣжала, достала мяса съ царскаго пира и передала его своему другу. Но царскіе слуги по слѣдамъ лисы добрались до той пещеры, схватили праведника и посадили его въ тюрьму. Тамъ къ нему явилась на помощь змѣя, раньше перевезенная имъ на лодкѣ. Она капнула на безымянный палецъ праведнаго человѣка лѣкарство, а царю причинила глазную болѣзнь. Царь объявилъ тогда, что онъ отдастъ свою дочь и множество сокровищъ тому, кто его вылѣчитъ. Праведникъ помазалъ глаза царя лѣкарствомъ, даннымъ ему змѣей, и вылѣчилъ царя. Но царь не захотѣлъ сразу отдать тому человѣку свою дочь, а приказалъ разсыпать мѣшокъ рису въ темномъ мѣстѣ и сказалъ праведнику, что отдастъ свою дочь только въ томъ случаѣ, если праведный человѣкъ сумѣетъ собрать весь разсыпанный рисъ до одной рисинки. Тогда праведнику оказала помощь мышь, которую онъ раньше перевезъ на своей лодкѣ. Она созвала множество мышей, которыя быстро собрали весь разсыпанный рисъ. Тогда царь сказалъ праведнику, что отдастъ ему свою дочь, если онъ сумѣетъ отличить ее отъ другихъ дѣвушекъ, ея подругъ. Тутъ пчела вывела праведника изъ затрудненія. Предупредивъ его, она сѣла на глазъ царевны, и праведникъ такимъ образомъ легко ее узналъ.

---

[1] См. ойратскую рукопись библіотеки Петрогр. Унив. Q. 107 по рукописному каталогу, f. 17 r.—f. 18 v. Ср. J. Hertel, Über einen südlichen textus amplior des Pañcatantra. Z. d. D. M. G. 61. 1907, p. 24—25.

[2] Начинается этотъ разсказъ словами: баса уріда цаг̌ту Бујан-ӱјіlедӱг̌чі Нӱl-ӱјіlедӱг̌чі хојор буі, — и кончается: теjімiјін тула ном ӱјіlедӱг̌чі бӱкӱн бујан-ду седкіl-луҕа (sic) ӱlӱ хаҕацан, номі чу аңхарун абху кереǧтеі буі.

Царь, послѣ этого, восхвалилъ умъ праведнаго человѣка, далъ ему въ жены свою дочь и несмѣтныя сокровища.

А грѣшникъ, между тѣмъ, впалъ въ бѣдность; прослышавъ о судьбѣ человѣка, имуществомъ котораго онъ когда-то завладѣлъ, онъ пошелъ къ праведнику и попросилъ о помощи. Праведный человѣкъ не отказалъ ему.

Въ «Толкованіи» на Subhāṣita находится еще одна версія этой повѣсти, въ общемъ близкая къ редакціи MS. Burd. (разсказъ № 55).

C. H. Tawney сближаетъ соотвѣтствующій разсказъ изъ Kathāsarit-sāgara о «Благодарныхъ животныхъ и неблагодарной женщинѣ» съ XIII-мъ разсказомъ Сiддhi-кӯр'а[1]; но редакція послѣдняго представляетъ такія отличія, какъ въ отдѣльныхъ мотивахъ, такъ и въ общемъ сюжетѣ, что подобное сопоставленіе представляется рискованнымъ.

XIII разсказъ MS. Burd. очень близокъ къ индійскимъ версіямъ. Китайская версія (Chavannes. № 389) отличается только незначительными деталями; въ данномъ случаѣ и въ китайскомъ разсказѣ является шакалъ, а не лиса. Въ заключеніи этого разсказа MS. Burd. и Ерд.-чiм. упоминаются стихи оi-јiн тңрi — лѣсного божества; цитированьемъ стиховъ божества оканчивается и разсказъ Schiefner-Ralston XXXVI[2]; въ Ч.-ч. соотвѣтствующіе стихи произносятъ deva съ неба, такъ же какъ и въ китайской версіи (Chavannes. № 389)[3]. Всѣ эти gāthā очень близки другъ къ другу. Этотъ же разсказъ встрѣчается въ «Толкованіи» на Subhāṣita (№ 17) и въ «Толкованіи» на «Букетъ бѣлыхъ лотосовъ» (№ 37).

XIV разсказъ MS. Burd. принадлежитъ къ группѣ разсказовъ, очень популярныхъ въ Индіи, въ которыхъ слабое животное спасается отъ козней сильнаго животнаго[4]. Болѣе близкой параллели мнѣ подыскать не удалось.

---

[1] См. C. H. Tawney, M. A. The Kathá Sarit Ságara or Ocean of the Streams of Story. Translated from the original sanskrit. Vol. II, p. 104. Разсказы о «Благодарныхъ животныхъ и неблагодарномъ человѣкѣ» въ разныхъ версіяхъ широко распространились по всей Азіи, ср. Adhémard Leclère. Contes laotiens et Contes cambodgiens. Collection de Contes et Chansons populaires. Paris, 1903, p. 111—115.

[2] p. 338. Въ монгольскомъ Ганджурѣ разсказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston XXXVI, находится въ томѣ па отдѣла ḫДул-ба, f. 266—f. 267 (по экземпляру печатнаго монг. Ганджура Парижской Національной Библіотеки — Fond Pelliot).

[3] Chavannes. t, II, p. 418.

[4] Ср. замѣтку С. О. Ольденбурга въ статьѣ бар. В. Р. Розена: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ Худāй-нāмэ. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895, стр. 165—167.

XV разсказъ MS. Burd. является версіей, повидимому, очень древней басни, извѣстной еще Чжуанъ-цзы[1]. Въ Pañcatantra о ней только упоминается[2] въ стихахъ I, ı. Очень близкій разсказъ былъ записанъ А. Д. Рудневымъ отъ одного тумута (вост.-монг.), только-что пріѣхавшаго въ Забайкалье[3].

XVI разсказъ MS. Burd. является очень близкой версіей XV гл. извѣстнаго сборника Сіддhі-кӳр. Соотвѣтствующій разсказъ Ч.-ч. называетъ главныхъ героевъ: царевича — Ц̦алаҕу (Юноша), а сына сановника — Ӱнеген (Лиса); Ерд.-чім. понимаетъ слова Ц̦алаҕу, Ӱнеген въ буквальномъ смыслѣ, т. е. «молодая лиса», и, не приводя какого-либо иллюстрирующаго разсказа, ограничивается однимъ примѣромъ (Ерд.-чім., f. 26 v.). Извѣстны среди монголовъ и народные пересказы; напр., на р. Кобдо, недалеко отъ города Кобдо, мнѣ пришлось слышать одну довольно близкую версію. Вообще, надо замѣтить, разсказы Сіддhі-кӳр'а чрезвычайно популярны среди монголовъ, у которыхъ они имѣются въ разныхъ спискахъ разныхъ редакцій и версій и, кромѣ того, извѣстны во многихъ, иногда очень оригинальныхъ, пересказахъ[4].

XVII (послѣдній) разсказъ MS. Burd. очень близокъ къ версіи Schiefner-Ralston XXIV[5], — только разсказъ MS. Burd. распланированъ нѣсколько по другому, о чемъ уже упоминалось выше. Версія Tiṭṭira-jātaka (№ 37)[6] нѣсколько отлична, — тутъ дѣйствующими лицами являются только трое: куропатка, обезьяна и слонъ, какъ и въ китайской версіи, которая является самой краткой[7]. «Толкованіе» на соч. «Букетъ бѣлыхъ лотосовъ»

---

[1] См. The writings of Chuang-tze. The Sacred Books of the East. XXXIX, p. 375, 388—389. Этимъ указаніемъ я обязанъ В. М. Алексѣеву.

[2] Pañ. B. II, p. 6. Pañ. L., p. 10.

[3] См. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. СПБ. 1911, стр. 44—45 (монг. текстъ и русск. переводъ).

[4] Ср. О. Ковалевскій. Монгольская хрестоматія. Т. I. Казань. 1836, стр. 376; см. ниже, стр. 439.

[5] Въ монгольскомъ Ганджурѣ разсказъ, соотвѣтствующій Schiefner-Ralston XXIV, находится въ томѣ ңа отдѣла ḥДул-ба, f. 112r—f. 116v (по экземпляру печатнаго Ганджура Парижской Національной Библіотеки — Fond Pelliot), причемъ монг. текстъ представляетъ нѣкоторыя отличія сравнительно съ тибетской версіей, которою пользовался А. Шифнеръ. Текстъ разсказа монг. Ганджура начинается такъ: ерте болуҕсан Касіка улус-ун ніген ц̦уц̦аҕан оі-дур дӧрбен амітан оросіҕчі ітаҕу кігед таулаі бечін ц̦аҕан болаі (ср. Schiefner-Ralston, p. 302).

[6] Jāt. I, p. 93—95.

[7] Chavannes. № 481. t. III, p. 272—273. Разсказъ этотъ очень популяренъ въ буддійскихъ кругахъ, чрезвычайно популяренъ въ Китаѣ, гдѣ служитъ

тоже содержитъ этотъ разсказъ въ редакціи, близкой Schiefner-Ralston (разсказъ № 83).

VI.

Какъ видно изъ выше приведенныхъ примѣровъ, разсказы сборника MS. Burd. или близкія къ нимъ книжныя версіи получили довольно большое распространеніе въ монгольской устной народной литературѣ. Еслибы наши познанія въ области монгольской народной словесности были обширнѣе и глубже, вѣроятно нашлись бы и другія параллели. Сказочная литература индійскаго происхожденія оказала огромное и, можетъ-быть, роковое вліяніе на монгольскую народную словесность, монгольскую живую старину вообще. Сказки и легенды индійскаго происхожденія, проникшія въ Монголію вмѣстѣ съ буддизмомъ, почти совсѣмъ уничтожили монгольскую національную сказку, смѣшались съ ней, отодвинули ее на задній планъ. Современный монголъ, будь то халхасецъ изъ-подъ Улясутая и Урги, калмыкъ съ береговъ Волги, торгутъ съ Алтая, постоянно слышитъ и самъ разсказываетъ сказки далекой Индіи и только иногда возвращается въ кругъ родныхъ легендъ и сказаній. Такое распространеніе иноземныхъ сказокъ происходило, главнымъ образомъ, книжнымъ путемъ, путемъ заимствованія народомъ разныхъ повѣстей, сказокъ, легендъ и разсказовъ изъ буддійскихъ книгъ.

Сравненіе устныхъ народныхъ монгольскихъ сказокъ и легендъ съ соотвѣтствующими книжными версіями съ несомнѣнностью обнаруживаетъ источникъ народныхъ пересказовъ и объясняетъ, иногда очень подробно, какъ и какимъ образомъ зародилось то или другое народное устное сказаніе, народный пересказъ. Въ дѣлѣ распространенія буддійскихъ сказокъ индійскаго происхожденія среди монголовъ большую роль сыграли ламы и степные грамотеи. О слабомъ и незначительномъ распространеніи грамоты среди монголовъ часто говорили европейскіе путешественники и изслѣдователи. Конечно, точныхъ статистическихъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, но, мнѣ кажется, мнѣніе это значительно преувеличено.

Буддизмъ всегда и всюду любилъ сказочные разсказы, любилъ, придавая имъ особое значеніе, пользоваться ими для своихъ цѣлей, для распространенія своего ученія[1]. Монгольскіе ламы всегда слѣдовали и слѣдуютъ

темою для лубочныхъ картинъ; ср. тибетскую версію, записанную Г. Н. Потанинымъ (см. его «Тибетскія сказки и преданія». Живая Старина, 1912, стр. 408—409).

[1] Ср. É. Chavannes. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois. Paris, 1911, t. I, p. VIII—XX. Сергѣй Ольденбургъ. Буддійскія легенды и буддизмъ. З. В. О. И. Р. А. О., т. IX, стр. 157—165. Félix Lacôte. Essai sur Guṇāḍhya et la Bṛhatkathā. Paris, 1908, p. VII—VIII, 231—236. Ср. свидѣтельство Даранаты о переходившихъ «изъ ушей въ уши» разсказахъ о былыхъ перерожденіяхъ Будды, — см. В. П. Васильевъ. Буддизмъ. ч. III, стр. 100.

этой старой традиціи. При посѣщеніи буддійскаго монастыря, при встрѣчѣ съ ламой въ степи, простой монголъ постоянно слышитъ отъ монаха какое-нибудь сказаніе, какую-нибудь сказку. Ламы любятъ объяснять разныя явленія прошлой и настоящей жизни своими буддійскими сказаніями, приводить по разному поводу и по разнымъ житейскимъ обстоятельствамъ легенды, хорошо имъ знакомыя изъ буддійскихъ книгъ. Эти разсказы подхватываются міряпами и широко распространяются, иногда въ чистомъ, иногда въ искаженномъ видѣ. Такъ распространились среди монголовъ разныя сказанія изъ жизни Будды, о его прошлыхъ перерожденіяхъ, о жизни буддійскихъ святителей Индіи, Тибета и Монголіи, разсказы о славныхъ монастыряхъ, легенды о прошлыхъ перерожденіяхъ разныхъ героевъ.

Но, быть можетъ, степные грамотеи послужили еще болѣе дѣлу распространенія среди монголовъ сказокъ далекой Индіи. Степной грамотей — особый типъ. Путешественники до извѣстной степени правы, говоря о маломъ количествѣ грамотныхъ, а тѣмъ болѣе образованныхъ лицъ среди монголовъ. Такихъ лицъ, дѣйствительно, немного. Но зато сколько полуграмотныхъ, самоучекъ, читающихъ по складамъ! Такіе степные грамотеи не рискуютъ сами писать, переписывать, но они все-таки читаютъ и читаютъ, и особенно охотно и легко разбираютъ свои собственныя, хорошо имъ знакомыя книги, чаще всего рукописныя. У монгольскаго степного грамотея обычно бываетъ немного книгъ: нѣсколько сутръ, одно, два астрологическихъ сочиненія, да двѣ, три повѣсти, — вотъ и все, да и это встрѣчается далеко не у каждаго. Но зато книги, которыхъ на рукахъ такъ мало, а достать неоткуда, да и нѣтъ достаточной энергіи, читаются и перечитываются много разъ подъ рядъ, такъ что какой-нибудь грамотей, обычно едва разбирающій по складамъ, начинаетъ читать свою привычную книгу очень бѣгло. Часто онъ читаетъ какое-либо сказаніе вслухъ или, еще чаще, разсказываетъ его, припоминая почти дословно, своимъ пріятелямъ и случайнымъ посѣтителямъ своей юрты. Тѣ подхватываютъ слышанное и, при случаѣ, пересказываютъ, кто какъ умѣетъ, запомнившійся разсказъ, и онъ распространяется по всей округѣ. Если въ какой-либо мѣстности живетъ монголъ-грамотей, имѣющій, напр., нѣсколько главъ сказанія о Гесеръ-ханѣ, можно быть увѣреннымъ, что большинство монголовъ во всей округѣ, даже женщины, хорошо знаютъ именно эти главы и часто совершенно точно могутъ указать на опредѣленное лицо, какъ на источникъ своего знанія. Монголы часто отличаются превосходной памятью и могутъ, прослушавъ 2 — 3 раза какое-нибудь понравившееся имъ и поразившее ихъ сказаніе, повторить его почти дословно. Мнѣ часто приходилось слышать и записывать отъ совершенно неграмотныхъ монголовъ сказки, которыя почти слово въ слово повторяли книжную версію. Большую роль при

распространенія книжныхъ буддійскихъ сказаній среди монгольскихъ племенъ на большомъ пространствѣ играютъ также странствующіе нищенствующіе монахи, такъ называемые «бадарчи». Переходя отъ одного монастыря къ другому, обходя встрѣчныя княжества, забѣгая почти въ каждую попадающуюся на пути юрту, бадарчи всегда пользуются случаемъ запомнить тотъ или другой разсказъ, то или другое сказаніе, потому что такое знаніе часто можетъ имъ пригодиться, оказать имъ услугу; бадарчи ищетъ, вѣдь, вниманія; ему надо расположить незнакомыхъ людей къ себѣ, выставить самого себя съ лучшей стороны. И бадарчи обыкновенно охотно, при посѣщеніяхъ и обходахъ встрѣчепныхъ юртъ, пускаются разсказывать сказки и легенды о видѣнныхъ ими святыняхъ, о монастыряхъ, о чудесахъ перерожденцевъ; переходятъ они часто и къ болѣе «свѣтскимъ» темамъ и на забаву своихъ слушателей принимаются передавать, кто какъ умѣетъ, сказанія, слышанныя ими въ монастыряхъ отъ грамотныхъ ламъ или отъ образованныхъ чиновниковъ. И сказаніе, извѣстное, напр., среди чахаръ,— извѣстное какъ опредѣленное литературное произведеніе, — заносится вдругъ, такимъ образомъ, на Алтай, къ торгутамъ и прививается тамъ по той или другой случайной причинѣ, найдя себѣ благопріятную почву въ видѣ даровитыхъ и памятливыхъ слушателей. Подобнымъ-то путемъ распространялись среди монголовъ любимые ими разсказы изъ Damamūka (монг. Ӱliгер-ӱн далаі), сказаніе о Біrармецід'ѣ — Vikramāditya, сказки Vetāla, китайско-тибетскій романъ о богинѣ Tārā[1]. Подобнымъ же образомъ распространились и разсказы MS. Burd. и сходныхъ версій. Этимъ я, конечно, не хочу отрицать значенія дѣйствительно образованныхъ, хорошо грамотныхъ, по крайней мѣрѣ, монголовъ для распространенія индійской и тибетской повѣствовательной литературы; наоборотъ, и ихъ значеніе велико и очевидно. Не надо забывать при этомъ, что ламы и даже очень ученые, часто отлично знаютъ не только одну тибетскую, но и монгольскую письменность, а, съ другой стороны, свѣтскія лица, имѣвшія возможность получить хорошее образованіе, — напр., князья, ихъ дѣти, чиновники, — часто владѣютъ и тибетскимъ языкомъ.

[1] Объ этомъ романѣ см. Musei Asiatici Petropolitani notitia. VII, стр. 057 (7). Азіат. Музей и библіотека Петроград. Универс. располагаютъ нѣсколькими отличными рукописями, представляющими это въ высшей степени любопытное сказаніе въ двухъ версіяхъ; см. MS. Азіат. М.: Юрганова-Вяткина № 10, IX–1011, Жамцарано (1904 г.) 7; MS. библіот. П. Универс.: № 1259. Одна изъ главъ «Романа о Tārā» на ойратскомъ языкѣ была пріобрѣтена мною въ С.-З. Монголіи. Романъ этотъ не имѣетъ ничего общаго со сказаніемъ о Баӷамаі (<санскр. Mahāmāyā) катун~ Ҙара еке (Tārā), извѣстнымъ по пересказу Г. Н. Потанина (см. его «Очерки С.-З. Монголіи». В. IV, стр. 310—320).

Иногда книжная повѣсть искажается въ устной передачѣ: пересказчикъ забываетъ, путаетъ, мѣшаетъ собственныя имена, а иногда и цѣлые мотивы и сюжеты. Порой такая искаженная въ устной передачѣ книжная повѣсть фиксируется какимъ-нибудь искуснымъ разсказчикомъ, который умѣетъ придать ей связный и законченный видъ, и тогда такое передѣланное сказаніе начинаетъ бродить иногда даже параллельно съ версіей, лучше переданной, восходящей непосредственно къ книжному оригиналу. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна сказка «Бадӑрчӭ̈ӊ», помѣщенная въ «Образцахъ монгольской народной литературы» Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднева[1]. Разборъ этой сказки ясно показываетъ намъ, какъ въ рамку своеобразнаго бытового разсказа о нищемъ монахѣ-паломникѣ была вставлена одна изъ сказокъ извѣстнаго Сiддhi-кӯр'а (№ 11)[2], и въ то время какъ соотвѣтствующій разсказъ Сiддhi-кӯр'а въ чистомъ видѣ очень хорошо извѣстенъ въ устной монгольской литературѣ, широкую извѣстность получила и новая устная обработка «Бадӑрчӭ̈ӊ» и именно въ опредѣленномъ, зафиксированномъ видѣ. Ц. Ж. Жамцарано записалъ эту сказку въ Халхѣ — въ Ургѣ[3]; мнѣ пришлось слышать ту же сказку почти безъ всякихъ варіацій въ Улясутаѣ и на р. Кобдо среди мингатовъ и элэтовъ[4].

---

[1] Вып. I. Халхаское нарѣчіе (тексты въ транскрипціи). СПБ. 1908, стр. XXXV—LX.

[2] См. Г. Гомбоевъ. Шидди-куръ. Этнографическій Сборникъ, изд. И. Р. Г. О., вып. VI, стр. 55—60. B. Jülg. Die Märchen des Siddhi-kūr. Kalmükischer Text mit deutcher Übersetzung und einem kalmükischen-deutschen Wörterbuch. Leipzig, 1866, p. 103—108. Sagas from the Far East. London, MDCCCLXXIII, p. 120—129.

[3] Op. cit., стр. 8.

[4] Извѣстна и другая монгольская народная обработка того же 11-го разсказа Сiддhi-кӯр'а, см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Выпускъ 3. Переводъ и примѣчанія. СПБ., 1913—1914, стр. 071—072 (XIX. Семья съ чудотворнымъ бурханомъ); см. также стр. 0114. Представляется чрезвычайно любопытнымъ, что соотвѣтствующій разсказъ встрѣчается въ народныхъ аннамитскихъ сказкахъ, причемъ онъ также вставленъ въ особый бытовой разсказъ, см. Abel des Michels. Contes plaisants Annamites. Paris, 1888, p. 1—5 (Traduction française. — La Fille qui veut épouser un roi). Очень интересно отмѣтить, что въ джайнскомъ сборникѣ Kathākoça находится разсказъ, чрезвычайно приближающійся къ разсматриваемой 11-ой сказкѣ Сiддhi-кӯр'а; см. The Kathākoça; or, Treasury of Stories. Translated from Sanskr. Manuscr. by C. H. Tawney. London, 1895, p. 130—135. (Story of the Hypocritical Ascetic and the Two Maidens). Тотъ же разсказъ встрѣчается въ Tantrākhyāna, Kathāsaritsāgara и другихъ индійскихъ произведеніяхъ (см. C. Bendall. Tantrākhyāna, p. 482).

Сравнивая сказаніе о происхожденіи дэрбэтскихъ князей, записанное А. В. Бурдуковымъ[1] отъ одного чиновника-грамотея, съ другими сказаніями дэрбэтовъ и ойратовъ объ ихъ князьяхъ[2], легко видѣть, какъ на старую, быть можетъ, національную, тотемистическую легенду напластовалось извѣстное сказаніе о devī Manoharā, очень распространенное среди монголовъ[3].

Прошло уже нѣсколько столѣтій послѣ введенія буддизма въ Монголіи, и за это время индійскія сказки, индійскія книжныя повѣсти, придя къ монголамъ разными путями, успѣли почти совершенно заполнить монгольскую народную литературу. И для правильнаго представленія о монгольской народной словесности, для правильнаго ея освѣщенія, для того, чтобы можно было съ увѣренностью отдѣлить національные мотивы и сюжеты отъ заимствованныхъ, необходимо основательное знакомство съ книжной повѣствовательной, сказочной литературой Монголіи и Тибета. Пока въ этомъ направленіи сдѣлано немного; европейскимъ изслѣдователямъ извѣстны только нѣсколько повѣстей изъ Ганджура, сборникъ Damamūka[4], да отрывки изъ Сіддhі-кӯр'а и изъ сказаній цикла царя Vikramāditya, и довольно богатыя коллекціи Азіатскаго Музея и библіотеки Петроградскаго Университета ждутъ еще своихъ изслѣдователей.

---

[1] А. В. Бурдуковъ. Преданіе о происхожденіи дэрбэтскихъ князей. Труды Троицк.-Кяхт. отд. Приамур. отд. И. Р. Г. О., т. XIV, вып. 1—2 и послѣдній, стр. 54—59.

[2] См. ibid., стр. 54, примѣчанія В. Л. Котвича.

[3] См. С. Ѳ. Ольденбургъ. Буддійскія легенды. Ч. I. Bhadrakalpāvadāna. Jātakamālā. СПБ. 1894, стр. 43—47, 80. Schiefner-Ralston. V. Sudhana Avadana; соотвѣтствующій монгольскій текстъ находится въ монг. Ганджурѣ, т. кʻа, отдѣла ḥДул-ба, f. 291 v. — томъ га того же отдѣла, f. 14 (по печатному экземпляру Парижской Національной Библіотеки — Fond Pelliot). Библіотека Петрогр. Универс. располагаетъ нѣсколькими монгольскими и ойратскими рукописями, содержащими текстъ того же сказанія въ нѣсколько иной редакціи, см. Q. 408, Q. 569, Q. 530.

[4] Новыя свѣдѣнія о Damamūka сообщаютъ: J. Takakusu (Tales of the Wise Man and the Fool, in Tibetan and Chinese. J. R. A. S. 1901, p. 447 — 460) и проф. P. Pelliot (Notes à propos d'un catalogue du Kanjur. J. A. 11 s. t. VI, p. 139). Нѣкоторые списки монгольской версіи этой книги указываютъ имя монгольскаго переводчика Гушi цорцiба, исполнившаго свою работу въ монастырѣ Ердені Зӯ по порученію Амутаі (Абатаі)-хана. Колофоны пекинскихъ изданій монгольской версіи Damamūka, какъ и монгольскаго Ганджура, не имѣютъ этого указанія.

Къ изданію текста.

(О трехъ періодахъ развитія монгольскаго письменнаго языка).

MS. Burd. — 14 × 26 сант., 36 + 3 ff., въ 9 lin.; 3 f. служатъ обложкой, на нихъ выдержки изъ дальнѣйшаго текста, не хватаетъ одного f. (f. 28). Бумага — тонкая китайская; MS. сброшюрованъ въ формѣ кит. бэнь-дзы. Почеркъ — современно-монгольскій, довольно четкій. Подзаголовки нѣкоторыхъ разсказовъ выставлены на поляхъ.

Текстъ настоящей рукописи писанъ не только со всѣми особенностями, которыя отличаютъ современную монгольскую свѣтскую письменность, допускающую извѣстное вторженіе живой рѣчи и пытающуюся примирить это съ правилами «классическаго» письменнаго языка, но и съ особенностями, привлекающими исключительный интересъ. Эти отличія заключаются въ еще бо́льшемъ проникновеніи явленія живой рѣчи и оригинальномъ способѣ транскрибировать слова и формы народной рѣчи и примѣнять ихъ къ требованіямъ монгольской письменности. Явленій этихъ въ текстѣ такъ много, что можно, съ извѣстной оговоркой, признать его діалектическимъ. На текстѣ MS. Burd. отразились, главнымъ образомъ, особенности, свойственныя вообще всѣмъ современнымъ халхаскимъ говорамъ, но иногда можно отмѣтить характерныя отличія именно халх.-зап. говора, въ районѣ котораго и была пріобрѣтена настоящая рукопись.

Письменный монгольскій языкъ отнюдь не является чѣмъ-то разъ навсегда установившимся; онъ знаетъ нѣсколько ступеней развитія [1] и въ томъ

---

[1] Ср. Г. І. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. СПБ. 1908, стр. I—II, 1—5. Ср. также А. Поздпѣевъ. Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895, стр. 368. Нѣкоторыя указанія на особенности языка древнѣйшей монгольской письменности можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: A. von Schiefner. Ein kleiner Beitrag zur mongolischen Palaeographie. Mélanges Asiatiques, t. II, p. 487 — 489; А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1849, стр. 147; В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз. СПБ. 1902, стр. 129 — 130; P. Pelliot. Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinois. I. Mängü et Möngkä (*Mȯṅka). Journ. As. XI s., t. I, p. 451 — 459. Нельзя не согласиться съ А. М. Поздпѣевымъ, сказавшимъ, что

видѣ, въ какомъ его представляютъ намъ всѣ наши грамматики, установился сравнительно недавно.

О древнѣйшемъ періодѣ развитія монгольскаго письменнаго языка мы знаемъ очень мало; нѣсколько небольшихъ памятниковъ, сохранившихся отъ XIII и XIV вѣковъ, не даютъ намъ полной картины [1]; но, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ терять надежду на расширеніе и углубленіе нашихъ знаній въ этой области. Могутъ быть разысканы новые памятники той эпохи; затѣмъ, параллельное изученіе памятниковъ уйгурской буддійской письменности и детальное изученіе позднѣйшихъ монгольскихъ буддійскихъ сочиненій, которыя нерѣдко являются только переработанными болѣе древними произведеніями, навѣрное, дадутъ намъ цѣнный матеріалъ для сужденія о письменномъ монгольскомъ языкѣ древнѣйшей эпохи. Періодъ этотъ характеризуется, прежде всего, тѣмъ, что тогда монголами употреблялось безъ всякихъ измѣненій уйгурское письмо; затѣмъ тогдашній письменный языкъ монголовъ представляетъ нѣсколько особенностей съ точки зрѣнія орѳографіи, морфологіи и лексики. Какъ показываютъ документы, разобранные G. J. Ramstedt'омъ [2], и памятникъ, разобранный В. Л. Котвичемъ [3], эти особенности сохранялись по традиціи довольно долго, даже тогда, когда начали опредѣляться иныя черты, когда стали вырисовываться черты монгольскаго письменнаго языка второго періода.

Ко второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка относятся переводы и другія литературныя произведенія монголовъ отъ начала XIV вѣка до начала XVII в., т. е. за время пребыванія монголовъ, монгольской династіи въ Китаѣ, паденія этой династіи, за «темный» періодъ

I. J. Schmidt, собственно говоря, совершенно не изслѣдовалъ языка писемъ Гулагидскихъ султановъ (см. Позднѣевъ, op. cit., стр. 368), оставшагося и до сихъ поръ неизученнымъ.

[1] Памятники такъ называемаго квадратнаго письма, какъ бы много они ни давали для исторіи монгольскаго языка вообще, въ данномъ случаѣ должны быть оставлены въ сторонѣ, потому что языкъ этихъ памятниковъ сильно отличался отъ языка старо-монгольской письменности (уйгурскаго письма); то же самое приходится сказать и о такомъ памятникѣ, какъ Юань-чао-ми-ши, который дошелъ до насъ въ транскрипціи китайскими іероглифами, представляющей намъ языкъ, совершенно отличный отъ языка «старо-монгольскаго письменнаго». Ср. противоположный взглядъ, высказанный А. М. Позднѣевымъ въ его «Лекціяхъ по исторіи монгольской литературы». СПБ. 1896 (литографирован. изд. студента Х. П. Кристи), стр. 147—148.

[2] См. G. J. Ramstedt. Mongolische Briefe aus Idiqut-Schähri bei Turfan. Sitzungsber. d. P. Akad. d. Wissen. 1909, XXXII, p. 838—848.

[3] См. В. Л. Котвичъ. Монгольскія надписи въ Эрдэни-дзу. V т. «Сборника Музея А. и Э. Р. А. Н.», стр. 205—214.

монгольской исторіи вплоть до начала буддійскаго ренессанса въ Монголіи. Отъ этого періода развитія монгольской письменности до насъ почти не дошло подлинныхъ документовъ и мы принуждены обращаться къ произведеніямъ той эпохи, дошедшимъ до насъ въ рукописяхъ болѣе новыхъ. Къ особо интереснымъ памятникамъ монгольскаго письменнаго языка этого періода надо отнести произведенія Чой-чжи одзера (Чос-ску[кjі]одзер)[1], дѣятельностью котораго, собственно говоря, и начинается для насъ этотъ второй періодъ исторіи монгольскаго письменнаго языка.

Отъ Чой-чжи одзера осталось нѣсколько переводовъ, дошедшихъ до насъ въ рукописяхъ разныхъ эпохъ[2]. Несомнѣнно къ этому же періоду, по языку, даже, вѣроятно къ самому его началу, т. е. къ первой половинѣ

---

[1] О Чой-чжи одзерѣ см. Georg Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II Theil, Strassburg, 1896, p. 160—165; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. лит. I, стр. 192—194; Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по, т. I. Извѣст. Восточн. Инстит., т. XXX, Владивостокъ, 1910, стр. XIII (замѣчу при этомъ, что ни А. М. Позднѣевымъ, ни Г. Ц. Цыбиковымъ приводимыя ими слова колофона сочиненія Pañcarakṣā вѣрно не переведены); энциклопедія мКʻас-паḥі ḥбјуң-гнас — Мергед ҕарку-јін орон указываетъ (отдѣлъ пʻар-ӈјін, f. 13), что Чос-ску од-зер'а называли и Чос-кjі од-зер.

[2] Среди этихъ переводовъ особое вниманіе вызываетъ переводъ Чой-чжи одзера на монгольскій языкъ знаменитаго сочиненія Çantideva: Bodhicaryāvatāra. До насъ этотъ трудъ дошелъ въ новой рукописи, пріобрѣтенной проф. О. Ковалевскимъ, содержащей переводъ Чой-чжи одзера, исправленный въ незначительной степени, какъ объ этомъ говорится въ заключительномъ колофонѣ, да-ламой монастыря Сунъ-чжу-сы, уратскимъ Гуші-біліг-ӱн далаі при содѣйствіи Чжанчжа-хутухты въ началѣ XVIII в. (ср. О. Ковалевскій. Монгольская хрестоматія, т. II. Казань, 1837, стр. 459 — 460). Въ настоящее время эта цѣнная рукопись принадлежитъ Казанской Духовной Академіи, любезно предоставившей ее въ долговременное пользованіе библіотекѣ Петроградскаго Университета. Bodhicaryavatāra впослѣдствіи была вторично переведена на монгольскій языкъ, въ XIX в., бурятами и издана ксилографическимъ способомъ; переводъ этотъ дословный, сервильный, не имѣетъ ничего общаго съ работой Чой-чжи одзера; 10 гл. Bodhicaryavatāra вышла, кромѣ того, отдѣльнымъ ксилограф. изданіемъ въ переводѣ одного бурята, который, хотя и былъ знакомъ со старымъ переводомъ Чой-чжи одзера, тѣмъ не менѣе далъ свой совершенно самостоятельный переводъ. Имѣются извѣстія о томъ, что Зая-Пандита перевелъ Bodhicaryavatāra на языкъ ойратскій, — такъ по крайней мѣрѣ говоритъ его біографія (см. К. Ѳ. Голстунскій. Монголо-Ойратскіе Законы. СПБ. 1880, стр. 124; А. Позднѣевъ. Калмыцкая хрестоматія. СПБ. 1907, стр. 171), — но до сихъ поръ этотъ переводъ не былъ нигдѣ обнаруженъ. Изъ другихъ старыхъ переводовъ временъ Юаньской династіи надо отмѣтить: Буркан баҕші-јін арбан kојар ӈоқіјаӈҕуі, — второй томъ этого сочиненія, переведенный

XIV в., относится и переводъ Subhāṣitaratnanidhi, произведенія Сакья-Пандиты[1]. Дошло до насъ еще нѣсколько сочиненій, сохранившихся въ

Шес-раб сең-ге, дошелъ до насъ въ старой рукописи, по всей вѣроятности XVII—XVIII в., принадлежащей библіотекѣ Петроград. Унив.: Q. 361; Pañcarakṣa,—дошла до насъ въ ксилографическомъ пекинскомъ изданіи, въ текстѣ, повидимому, переведенномъ Чой-чжи одзеромъ, просмотрѣнномъ и поправленномъ позднѣйшими переводчиками (Азіатскій Музей располагаетъ еще нѣсколькими переводами Pañcarakṣa временъ Юаньской династіи: переводъ съ тибетскаго и уйгурскаго Шес-раб сең-ге,—MS.—Жамцарано № 130; переводъ Есен темӱр деб-а та при императорѣ Тоҕан темӱр'ѣ, — xyl. — VI, 48. О Шес-раб сең-ге см. G. Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. II, p. 166; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. литерат. I, стр. 196).

[1] Произведеніе это дошло до насъ въ одной старинной рукописи, содержащей тибетскій текстъ Subhāṣita и подстрочный монгольскій переводъ неизвѣстнаго автора; MS. этотъ принадлежитъ библіотекѣ Петрогр. Унив. (подъ сигнатурой Q. 561. А. М. Позднѣевъ обращалъ уже вниманіе на эту рукопись, см. его «Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ». Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895, стр. 368; этою же рукописью пользовался и К. Ѳ. Голстунскій для своихъ «Критическихъ замѣчаній на изданіе проф. Юльга: „Die Märchen des Siddhi-Kür"», приложеніе къ XI т. Запис. Акад. Наукъ, № 4. СПБ. 1867, passim). По нѣкоторымъ особенностямъ письма тибетскаго текста и по случайнымъ калмыцкимъ глоссамъ можно думать, что рукопись эта ойратскаго происхожденія и была привезена калмыками на Волгу изъ Джунгаріи; она принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, которыя были распространены среди ойратовъ до изобрѣтенія письма Зая-Пандиты. Поэтому, можно сдѣлать предположеніе, что рукопись эта восходитъ къ самому началу XVII в., а, можетъ-быть, даже и къ XVI в. По языку же,—мы говоримъ, конечно, только о монгольскомъ переводѣ,—она гораздо старше; языкъ ея настолько архаиченъ, что его безъ колебаній можно поставить рядомъ съ произведеніями XIV в., напримѣръ, съ переводами Чойчжи одзера. Именно черезъ сравненіе языка переводовъ Чой-чжи одзера съ языкомъ монгольскаго текста разсматриваемой рукописи передъ нами и встаетъ картина монгольскаго письменнаго языка второго періода, какъ со стороны морфологической, такъ и со стороны лексической; много цѣннаго матеріала дается и для фонетики. Замѣчу, кстати, что Азіатскій Музей Акад. Н. располагаетъ еще одной рукописью, уже новой, содержащей переводъ Subhāṣita совершенно той же редакціи, что и разсмотрѣнный выше (см. MS. подъ сигнатурой Tibet. № 33); отрывки монгольскаго перевода этого извѣстнаго произведенія Сакья-Пандита, — опять-таки той же редакціи, что и переводъ, заключающійся въ двухъ вышеуказанныхъ MS.,—находятся въ одномъ рукописномъ сборникѣ гномическихъ сочиненій, пріобрѣтенномъ А. Д. Рудневымъ у бурятъ (теперь находится въ Азіатскомъ Музеѣ Акад. Н.: Рудневъ, № 60), и въ одномъ сборникѣ, тоже гномическихъ произведеній, пріобрѣтенномъ J. Jaehrig'омъ въ 1782 г. (MS. Азіатскаго Музея, I, 39).—любопытное свидѣтель-

рукописяхъ болѣе или менѣе древнихъ[1], которыя мы можемъ тоже отнести къ этому второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка. До насъ дошелъ также громадный матеріалъ — монгольскій Ганджуръ въ рукописи XVII в., т. е. времени его редакціи на монгольскомъ языкѣ при Лекданъ-ханѣ чахарскомъ. Собственно говоря, монгольскій Ганджуръ только частями можетъ относиться ко второму періоду развитія монголь-

ство о распространеніи старинпаго перевода Subhāṣitaratnanidhi (новыхъ переводовъ этого произведенія у монголовъ имѣется нѣсколько; всѣ они безусловно независимы отъ интересующаго насъ старинпаго перевода и не имѣютъ съ нимъ ничего общаго).

[1] Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ памятниковъ этого рода является старая рукопись, пріобрѣтенная А. Д. Рудневымъ въ цецензановскомъ аймакѣ Халхи и пожертвованная имъ Азіатскому Музею Акад. Н. (Рудневъ, № 119). MS. этотъ содержитъ сказаніе о Maudgalyāyana, любопытное по своему содержанію, какъ новая версія этого распространеннаго буддійскаго разсказа (о другой монгольской версіи, болѣе обычной, см. А. Поздиѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ эрихэ». СПБ. 1883, стр. 293—299); языкъ же этого текста является передъ нами въ необычайно архаической формѣ, какъ со стороны морфологіи, такъ и со стороны лексики; удивительно архаичны и графика этого MS. и его ороографія. Рукопись эта даетъ прекрасно сохранившійся образчикъ монгольской письменности второго періода, когда старое уйгурское письмо было только слегка видоизмѣнено монголами, — вѣрнѣе сказать, ими былъ установленъ нѣсколько особый почеркъ уйгурскаго письма, когда все еще послѣдовательно писали k ([illegible]) передъ i въ словахъ «задняго ряда». Съ точки зрѣнія же морфологіи и лексики текстъ этого MS. представляетъ много особенностей, характерныхъ именно для второго періода развитія монгольской письменности, такъ сближающихъ его съ произведеніями Чой-чжи одзера и переводомъ неизвѣстнаго автора Ердені-jін сац—Subhāṣita. Впослѣдствіи, при императорѣ Канъ-си, текстъ этого сказанія былъ изданъ ксилограф. способомъ, причемъ онъ былъ переработанъ въ духѣ монгольскаго «классическаго» языка; напр., вм. сӯ цалі MS. Rudnevi мы находимъ чоƃ цалі (см. xyl. Азіат. М.—IX, 1030, f. 8 v.). Библіотека Петрогр. Унив. и Азіатскій Музей Акад. Н. располагаютъ еще нѣсколькими рукописями, болѣе или менѣе старыми, которыя могутъ дать намъ хорошій матеріалъ по языку монгольской литературы второго періода. Къ этому надо еще прибавить нѣсколько отрывковъ рукописей и ксилографовъ, найденныхъ полк. П. К. Козловымъ въ Хара-Хото, и MS., вывезенные Ц. Ж. Жамцарано изъ Ордоса (см. Ц. Жамцарано. Поѣздка въ Южную Монголію въ 1909—1910 гг. Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Серія II, № 2. СПБ. 1913, стр. 48, 52). Очень можетъ быть, что придется отнести, по языку, къ этому періоду камнеписные памятники, открытые въ Западномъ Китаѣ проф. P. Pelliot и въ Юнь-нани command. d'Ollone'омъ. То же самое придется сказать и о монгольскихъ фрагментахъ, найденныхъ въ Восточномъ Туркестанѣ (см. изложеніе реферата В. Л. Котвича: О вновь открытыхъ памятникахъ монгольской письменности XIII и XIV вѣковъ. Запис. Восточн. Отд. Русск. Археолог. Общ., т. XIX, 1909, стр. XX—XXI).

скаго письменнаго языка, потому что его составители внесли въ него безъ большихъ передѣлокъ, а иногда и совсѣмъ интегрально, много переводовъ разныхъ частей буддійскаго Писанія, сдѣланныхъ въ болѣе раннюю эпоху [1]; но, тѣмъ не менѣе, въ составъ монгольскаго Ганджура вошло много другихъ переводовъ, сдѣланныхъ въ XVII в., которые по языку будутъ уже относиться къ третьему, послѣднему періоду развитія монгольскаго письменнаго языка. Монгольскій Ганджуръ является, такимъ образомъ, памятникомъ двухъ эпохъ, памятникомъ двухъ ступеней развитія [2].

Конечно, трудно провести рѣзкую линію разграниченія между первымъ

---

[1] Напримѣръ Долуӯан ебӯген перетӯ одун-у судур (въ рукописномъ монгольскомъ Ганджурѣ, принадлежащемъ библіотекѣ Петроградскаго Унив., находится въ отдѣлѣ Elдеб, т. 31, f. 152—f. 162; въ печатномъ монг. Ганджурѣ — экземпляръ Парижской Національной Библіотеки, Fond Pelliot, въ отдѣлѣ Elдеб, т. 32, f. 378 v.—f. 382 r.). Колофонъ этой сутры (ср. B. Laufer. T'oung Pao, 1907, pp. 395, 397; P. Pelliot. Notes à propos d'un catalogue du Kanjur. J. A. 11 s., t. IV, 1914, p. 145—146) въ печатномъ изданіи Ганджура нѣсколько подновленъ. На монгольскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько переводовъ этой сутры, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы съ китайскаго.

[2] Еще менѣе имѣетъ права быть отнесённой ко второму періоду развитія монгольскаго письменнаго языка «Исторія» Сананъ-Сецена, тѣмъ болѣе что дошла она до насъ въ новыхъ рукописяхъ (за послѣднее время, замѣчу кстати, въ Азіатскій Музей Акад. Н. поступило еще нѣсколько списковъ «Исторіи» Сананъ-Сецена, пріобрѣтенныхъ въ разныхъ частяхъ Монголіи, позволяющихъ критически пересмотрѣть изданіе I. J. Schmidt'а, но и эти всѣ рукописи — новыя), хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ она писана языкомъ, близкимъ къ литературному языку второго періода. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что детальное изученіе монгольскаго Ганджура и многихъ другихъ произведеній монгольской литературы, въ томъ числѣ и «Исторіи» Сананъ-Сецена, въ особенности же, повторяю, анализъ старыхъ частей такой сокровищницы, какъ монгольскій Ганджуръ, дадутъ намъ богатый матеріалъ для представленія себѣ полной картины монгольскаго письменнаго языка второго періода, и тогда, въ значительной мѣрѣ, будетъ пролитъ свѣтъ на состояніе письменнаго языка и болѣе древняго, перваго періода; для установленія текста «Исторіи» Сананъ-Сецена, а, значитъ, и для выясненія ея языка, можетъ оказаться полезнымъ китайскій переводъ труда Сананъ-Сецена; см. Fr. Hirth. Über eine chinesische Bearbeitung der Geschichte der Ost-Mongolen von Ssanang Ssetsen. Sitzungsber. d. Bayer. Akad., München, 1900, Heft II, p. 195—198; E. Haenisch. Die chinesische Redaktion des Sanang Setsen im Vergleiche mit dem mongolischen Urtexte. Mitteilungen d. Seminars f. orient. Sprachen. B. VII, Abt. I, 1904, p. 173—199. Нѣкоторыя замѣчанія о языкѣ «Исторіи» Сананъ-Сецена разбросаны въ «Примѣчаніяхъ» «Монгольской хрестоматіи» проф. О. Ковалевскаго (см., напр., т. II, стр. 366, 434 etc.).

и вторымъ періодомъ, такъ какъ многое изъ стараго было передано новому, однако, литературный языкъ монголовъ за періодъ времени отъ XIV—XVII вв., ихъ письменность, представляетъ намъ достаточно много особенностей, чтобы выдѣлить періодъ этого развитія въ особую группу. Этотъ второй этапъ исторіи монгольскаго письменнаго языка характеризуется нѣкоторымъ приспособленіемъ стараго уйгурскаго письма, выработкой нѣсколько отличнаго «монгольскаго» почерка[1] и созданіемъ болѣе развитого литературнаго языка, причемъ, повидимому, языкъ старательно разрабатывалъ полученное отъ предшествующей эпохи наслѣдство и ревниво оберегалъ себя отъ всякихъ иноязычныхъ и, въ особенности, діалектическихъ вторженій, благодаря чему литературныя произведенія той эпохи сохранили въ лексическомъ отношеніи много древнихъ элементовъ, въ томъ числѣ и старыхъ турецкихъ заимствованій.

Третій періодъ развитія монгольскаго письменнаго языка начинается, grosso modo, съ буддійскимъ ренессансомъ въ Монголіи, съ XVII в. За время этого третьяго періода окончательно вырабатывается та форма литературнаго языка монголовъ, которая становится, признается «классической». Происходитъ окончательное приспособленіе стараго уйгурскаго письма, вырабатывается, наконецъ, окончательно настоящее «монгольское» письмо, опредѣляется нѣсколько видовъ почерковъ и одновременно съ этимъ обрабатывается и самый литературный языкъ, какъ со стороны морфологіи, такъ и со стороны лексики и стиля. Этотъ новый періодъ характеризуется уже большими измѣненіями по сравненію со старымъ періодомъ, причемъ широко открываются двери разнымъ вліяніямъ, тибетскому и, особенно, діалектическому; очень замѣтно стремленіе очистить языкъ отъ формъ, словъ и выраженій старыхъ, ставшихъ непонятными, какъ бы

[1] Теперь, я думаю, можно утверждать съ большей долей вѣроятія, что всѣ сообщенія монгольскаго сочиненія Ц̦ірӱкен-ӱ толта-јін тајілбурі и hор-чос-бјуӊ объ «изобрѣтеніи» и «усовершенствованіи» монгольскаго письма Сакья-Пандитой и Чой-чжи одзеромъ — не что иное, какъ легенда, возникшая въ позднее время (названныя сочиненія были изданы въ XVIII и XIX вв.; Сананъ-Сеценъ, — и это важно отмѣтить, — подобныхъ свѣдѣній не сообщаетъ), возникшая, вѣроятно, благодаря памяти о дѣятельности среди монголовъ этихъ святителей и наличію разныхъ литературныхъ работъ Чой-чжи одзера, можетъ-быть, и грамматическаго сочиненія: Ц̦ірӱкен-ӱ толта; ср. А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. литерат. I, стр. 154—157, 193—197; Berthold Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 185—186. То же самое приходится сказать и о གྲུབ་མཐའ་ཤེལ་གྱི་མེ་ལོང།, составленномъ въ XVIII в., см. Sarat Chandra Dás. Contributions on the Religion, History &c, of Tibet. J. of th. A. S. of B.; v. L, p. 187; vol. LI, p. 67—68.

мертвымъ грузомъ традиціи передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ давнихъ временъ[1]. Монголами даже дѣлаются попытки синтезировать, дать теорію этого новаго литературнаго языка; съ такой именно точки зрѣнія мы можемъ разсматривать сочиненія: Мергед ȝарку-јін ороп[2], Ці̣рўкеп-ў толта-јін тајілбурі[3] и разные словари, изданные стараніями манджурскихъ императоровъ[4]. — Появляется «классическій» монгольскій письменный языкъ.

Всѣ европейскіе грамматики, занимавшіеся монгольскимъ письменнымъ языкомъ[5], обозрѣвали и изучали почти исключительно этотъ новый

---

[1] Мы располагаемъ очень любопытнымъ свидѣтельствомъ одного литературнаго дѣятеля о томъ, что письменный языкъ монголовъ второго періода кажется непонятнымъ литературно-образованному монголу XIX вѣка. Барама Ратна, бурятъ, переводчикъ 10 главы Bodhicaryāvatāra (— | སྤྱོད་འཇུག་གི་སྤྱོད་ལམ | Чарј-а аватара-јін ірўгеl) въ заключительномъ колофонѣ, говоря о старомъ переводѣ, сдѣланномъ Чойчжи одзеромъ, замѣчаетъ слѣдующее: [illegible] т. е. — «имѣется (въ этомъ старинномъ переводѣ) многое, несходное съ языкомъ народа этой стороны». На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь имѣется въ виду бурятское нарѣчіе, родное автору перевода; но это не такъ; самъ авторъ далѣе указываетъ, что онъ перевелъ 10-ю гл. Caryāvatāra на баргу(-бурятско)-монгольскій языкъ ([illegible]), тогда какъ, въ дѣйствительности, языкъ его перевода есть настоящій «классическій» письменный языкъ монголовъ новой формаціи. Поэтому, выраженія переводчика: «языкъ этой стороны», «баргу-монгольскій языкъ» надо понимать какъ «поэтическія» вольности, допущенныя авторомъ въ колофонѣ, написанномъ, кстати сказать, стихами (см. бурятскій xyl. библіотеки Петроград. Унив. sub: Q. 633, f. 11 v.—f. 12 r.).

[2] Объ этомъ произведеніи см.: О. Ковалевскій. Монг. хрестоматія. II, стр. 429—433; A. von Schiefner. Mélanges Asiatiques. Vol. I. St.-Pétersburg, 1852, p. 411; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. литер. т. III, стр. 155—170; Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. Извѣст. Восточн. Инстит. XXX. Владивостокъ, 1910, стр. XX—XXI.

[3] См. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 214; А. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монг. лит. I, стр. 150, 153, 155, 172, 192—193, 199; III, стр. 103.

[4] См. B. Laufer. Op. cit., p. 175—180.

[5] Перечень этихъ работъ данъ B. Laufer'омъ. Op. cit., p. 166—169. Къ этому списку надо прибавить: Г. Ц. Цыбиковъ. Пособіе къ практическому изученію монгольскаго языка. Владивостокъ, 1915; Г. І. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. Переводъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ СПБ. Унив., съ перваго нѣмецкаго изданія; подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднева, съ дополненіями автора. СПБ. 1908.

литературный языкъ; къ тому же они, повидимому, были склонны считать этотъ письменный монгольскій языкъ новаго періода тождественнымъ съ литературнымъ языкомъ монголовъ болѣе древней эпохи, причемъ основывались, главнымъ образомъ, на текстахъ, изданныхъ ксилографическимъ способомъ въ Пекинѣ [1].

[1] Г. І. Рамстедтъ, устанавливая въ общемъ правильный взглядъ на монгольскій письменный языкъ (см. Фонетика, стр. І—II, 1—5), тѣмъ не менѣе не обращается къ изученію текстовъ, а считаетъ возможнымъ ограничиться однимъ «лингвистическимъ» анализомъ случайнаго матеріала; «я пока, — говоритъ онъ на стр. 3, — словами «письменный (литературный) языкъ» обозначаю то письменное изображеніе монгольскихъ словъ, которое, судя по аналогичнымъ явленіямъ, самое древнее». Благодаря этому въ его работѣ нерѣдко попадаются монгольскія слова въ формахъ, не только никогда не существовавшихъ въ древности, но и вообще неизвѣстныхъ монгольской письменности, напр. «jерӯн» (стр. 30), «ʒӯjіл» (стр. 41), «кӧгӧркен» (стр. 23). Очень много монгольскихъ словъ и формъ приведено Г. І. Рамстедтомъ въ томъ видѣ, въ какомъ они встрѣчаются только въ рукописяхъ, подвергшихся діалектическому вліянію, хотя имъ самимъ, впервые въ монголовѣдѣніи, было высказано совершенно правильное пожеланіе о томъ, «чтобы дѣйствительныя письменныя формы отличались какимъ-нибудь знакомъ (въ словаряхъ) отъ другихъ, которыя представляютъ лишь плодъ невѣжества или небрежности писца» (op. cit., стр. 4).

А. Д. Рудневъ въ своей работѣ «Хори-бурятскій говоръ» (Петроградъ, 1913—1914) тоже приводитъ много формъ якобы монгольскаго письменнаго языка, въ дѣйствительности же никогда не встрѣчавшихся, не существовавшихъ въ монгольской письменности какого бы то ни было періода, а только теоретически созданныхъ на основаніи хори-бурятскаго говора или попадающихся только въ малограмотныхъ и также подвергнувшихся діалектическому вліянію рукописяхъ; напр. «*-ƅараітуі» (Хори-бурятскій говоръ. Вып. 1. Опытъ изслѣдованія, стр. LXXIV), Genet. «-гіі(н)», «-аjі(н)» (стр. LV), Accusat. «-ігі» (стр. LVII), Plusquamperf. «-ƅа аƅсан» (стр. LXXXI), «кӯмӯн аƅшіб» (стр. XXXIX), etc.

Вообще монголисты, занимаясь монгольскимъ письменнымъ языкомъ, рѣдко обращали вниманіе на время и мѣсто появленія используемаго ими матеріала, а также и на правильность или неправильность, съ точки зрѣнія «классической» грамматики изслѣдуемыхъ текстовъ; казалось, монгольскій письменный языкъ не имѣлъ исторіи развитія. Въ этомъ отношеніи замѣчательна «Грамматика монгольско-калмыцкаго языка» Алексѣя Бобровникова (Казань, 1849), значительное большинство примѣровъ которой взято изъ монг. текста сказанія о Гесеръ-ханѣ (см. Подвиги исполненнаго заслугъ героя Богды Гесеръ-хана, геройское преданіе монголовъ....; съ напечатаннаго въ Пекинѣ экземпляра вновь изданное подъ наблюденіемъ Я. И. Шмидта. СПБ. 1836), между тѣмъ какъ это сказаніе въ томъ видѣ, въ какомъ его представляютъ только-что названныя изданія, писано совершенно особымъ языкомъ, совершенно отличнымъ отъ языка другихъ монгольскихъ сочиненій, изданныхъ въ Пекинѣ ксилографическимъ

Третій періодъ развитія монгольскаго письменнаго языка совпалъ съ большимъ, чѣмъ это было прежде, распространеніемъ грамотности и на болѣе широкомъ пространствѣ, среди всѣхъ монгольскихъ племенъ, а также съ развитіемъ книгопечатанія, какъ на югѣ, въ Пекинѣ и у чахаръ, такъ и, позднѣе, на сѣверѣ, у нашихъ бурятъ. Огромное большинство монголовъ объединяется подъ властью манджурской династіи, объединяется одинаковыми учрежденіями, объединяется, наконецъ, буддизмомъ, окончательно, въ формѣ секты желтошапочниковъ. Все это способствуетъ развитію письменности, распространенію книгъ на новомъ литературномъ языкѣ, тѣмъ болѣе что манджурское правительство проявляетъ много энергіи въ этомъ дѣлѣ. Но тутъ же начинаютъ дѣйствовать и другіе соціальные факторы, въ прямо противоположномъ направленіи. Буддизмъ въ Монголіи—вѣрнѣе, секта желтошапочниковъ—скоро, по разнымъ основаніямъ, оставляетъ монгольскій языкъ и совершенно переходитъ на тибетскій, который дѣлается языкомъ церкви, языкомъ богослуженія, языкомъ высшаго, доступнаго монголу образованія. Монгольскій языкъ, уступая мѣсто тибетскому, уходитъ въ канцеляріи, въ

способомъ; произошло это, помимо обычнаго отношенія къ монгольскому письменному языку, еще и оттого, что сказаніе о Гесеръ-ханѣ считалось монгольскимъ, — «геройское преданіе монголовъ» называетъ его Я. И. Шмидтъ, — между тѣмъ какъ оно, несомнѣнно, тибетскаго происхожденія (см. B. Laufer. Skizze d. mong. Literat. Keleti-Szemle, 1907, VIII, p. 238—241, — указана литература Гесеріады). Это положеніе нисколько не можетъ убавлять интереса къ языку монгольской редакціи сказанія о Гесеръ-ханѣ; подробное изслѣдованіе этого любопытнаго памятника должно выяснить вопросъ о перенесеніи его на монгольскую почву, выяснить вопросъ объ отношеніи его къ подлиннику и, что особенно интересно, опредѣлить, охарактеризовать, наконецъ, такой отличный отъ языка «классическаго» языкъ этого сказанія, поставить его на опредѣленное мѣсто въ исторіи развитія монгольской письменности; замѣтимъ по этому поводу, что библіотеки Петрограда располагаютъ для подобной работы цѣннѣйшимъ матеріаломъ: въ Публичной библіотекѣ хранится одинъ изъ большихъ тибетскихъ изводовъ сказанія о Гесерѣ, привезенный Г. Н. Потанинымъ; библіотека же Петрогр. Университета и Азіатскій Музей располагаютъ пекинскими изданіями монгольской версіи и, кромѣ того, многими рукописями, — причемъ нѣкоторыя изъ нихъ очень старыя, — содержащими отдѣльныя главы этого славнаго въ Центральной Азіи сказанія, неизвѣстныя изданію акад. Шмидта; тамъ же хранится нѣсколько ойратскихъ рукописей, дающихъ ойратскую версію всего «Гесеръ-хана» или отдѣльныхъ его главъ. Далѣе, въ Азіатскомъ Музеѣ хранится рукопись Ц. Ж. Жамцарано — записанная имъ при помощи русской лингвистической азбуки огромная бурятская народная эпопея «Гэһер Богдо» (см. Образцы народной слов. монг. племенъ. Т. I. Произведенія народной словесности бурятъ. Собралъ Ц. Ж. Жамцарано. Петр. 1918, стр. XIX—XXVII).

ставки князей, въ юрты свѣтскихъ лицъ, но и тамъ встрѣчаетъ себѣ соперниковъ въ лицѣ опять же тибетскаго языка,—который во всеоружіи своей громадной литературы стремится завоевать новыя и новыя области монгольской духовной жизни,— и въ лицѣ языка манджурскаго, дѣлающагося или, вѣрнѣе, старающагося сдѣлаться офиціальнымъ языкомъ Монголіи, языкомъ свѣтски хорошо образованнаго класса. Борьбу съ манджурскимъ монгольскій литературный языкъ выдерживаетъ, не уступаетъ ему, но съ тибетскимъ бороться не въ состояніи, и тибетскій языкъ дѣлается какъ бы вторымъ литературнымъ языкомъ монголовъ XVIII и XIX вв., отводя монгольскому письменному языку второстепенное мѣсто. Въ Монголіи не только буддійское духовенство начинаетъ старательно изучать тибетскій языкъ, писать на немъ, вести богословскіе диспуты, но и свѣтское общество обращается къ этому языку, монгольскіе князья и чиновники,—вообще всѣ, кто только стремятся стать образованными, начинаютъ изучать тибетскій языкъ. Монголія знаетъ нѣсколькихъ выдающихся писателей, монголовъ по происхожденію, но писавшихъ по-тибетски, сумѣвшихъ сдѣлаться извѣстными даже въ «Странѣ снѣговъ»[1], и почти не знаетъ писателей-творцовъ на родномъ языкѣ. Такое положеніе монгольскаго литературнаго языка не замедлило отразиться на немъ самомъ, на его развитіи, на его составѣ, морфологіи, лексикѣ, стилѣ. Языкъ монгольской чисто буддійской литературы какъ бы замираетъ, развитіе его прекращается, потому что, можно сказать, почти совсѣмъ прекращается и литературная дѣятельность этого рода. Не появляется больше новыхъ переводовъ буддійскаго Писанія, твореній буддійскихъ святителей; не появляется и оригинальныхъ сочиненій, посвященныхъ той или другой области буддійскаго ученія. То здѣсь, то тамъ, въ разныхъ частяхъ Монголіи, появляются, правда, новыя изданія буддійскихъ сочиненій на монгольскомъ языкѣ, или новые списки, появляются, изрѣдка, даже новые переводы[2], но все это не выходитъ за предѣлы уже сдѣланнаго раньше.

Судьба же новаго литературнаго языка въ современной свѣтской письменности совершенно другая. Хотя объемъ монгольской свѣтской лите-

---

[1] Вспомнимъ, хотя бы, Агванъ Дандаръ лхарамбу, съ которымъ насъ знакомитъ Ѳ. И. Щербатской въ предисловіи къ изданію тибетскихъ переводовъ Saṃtānāntarasiddhi и Saṃtānāntarasiddhiṭīkā и одного произведенія самого Агвана (Bibliotheca Buddhica. XIX. Петроградъ, 1916, стр. III—XII). Агванъ Дандаръ, впрочемъ, поработалъ и для монгольской литературы: имъ былъ составленъ тибетско-монгольскій словарь ཟླ་བའི་འོད་ [illegible], ср. Г. Ц. Цыбиковъ. Лам-рим чэн-по. Владивостокъ, 1910, стр. XXI—XXII.

[2] Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность бурятскихъ дацановъ.

ратуры мало чѣмъ обогатился за послѣднія два столѣтія, хотя попрежнему онъ заключается въ повѣстяхъ, лѣтописяхъ, исторіяхъ, китайскихъ романахъ, — это уже новинка по сравненію съ болѣе ранней эпохой, — гномическихъ произведеніяхъ, сборникахъ пѣсенъ, наконецъ, офиціальныхъ бумагахъ и частныхъ письмахъ, тѣмъ не менѣе, самъ языкъ, литературный языкъ этихъ произведеній терпитъ большія измѣненія.

Вновь выработавшійся монгольскій письменный языкъ дѣлается духовнымъ достояніемъ большинства монгольскихъ племенъ, распространяясь благодаря историческимъ условіямъ и среди ойратовъ[1], имѣвшихъ свою отличную письменность, и, даже, среди племенъ не-монгольскихъ, говорящихъ на другихъ языкахъ[2], но задѣтыхъ монгольской культурой. Но этотъ общій письменный языкъ монголовъ третьяго періода, такъ же какъ и его предшественникъ—литературный языкъ монголовъ болѣе ранней эпохи, или ойратскій письменный языкъ Зая-Пандиты, не создаетъ, по разнымъ условіямъ, живого, общаго «разговорнаго» литературнаго языка, не создаетъ того, что принято называть языкомъ «національнымъ». И письменный монгольскій языкъ продолжаетъ существовать на ряду съ разнообразными монгольскими говорами, не выработавъ даже единаго, однообразнаго чтенія своихъ знаковъ. Теперь, попадая къ разнымъ монгольскимъ племенамъ, говорящимъ на разныхъ нарѣчіяхъ, новый литературный языкъ монголовъ начинаетъ подвергаться вліянію той среды, въ какой ему суждено было очутиться[3]; нерѣдко вліянія эти дѣлаются настолько велики и опредѣленны, что получаютъ силу традиціи, санкціонируются мѣстными грамотеями: появляются какъ бы новыя литературныя нарѣчія, представляющія собою пеструю, но въ то же время организованную смѣсь новаго монгольскаго письменнаго языка и діалектическихъ элементовъ. Благодаря различнымъ условіямъ, благодаря большому, все-таки, отличію «классическаго» письменнаго языка

---

[1] Такъ, монг. письменный языкъ въ XIX в. сталъ распространяться и постепенно вытѣснять Зая-Пандитовскій среди ойратовъ С.-З. Монголіи, подчинившихся манджурамъ въ половинѣ XVIII в.; то же происходитъ и у ойратскихъ племенъ, вернувшихся съ Волги на старую родину.

[2] Среди урянхайцевъ и, отчасти, среди чуйскихъ телеигитовъ, см. Н. Ѳ. Катановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка. Казань, 1903, стр. 1; Б. Владимірцовъ. Отчетъ о командировкѣ къ баитамъ Кобдоскаго округа. Извѣст. Русск. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азіи. Серія II, № 1, 1912, стр. 100.

[3] Ср. Г. I. Рамстедтъ. Сравнит. фонетика монг. письмен. яз. и халх.-ург. говора, стр. 3—5; Г. I. Рамстедтъ, долженъ я оговориться, указывая на «смѣшанный» составъ теперешняго литературнаго языка монголовъ, не дѣлаетъ вывода, приводимаго мною ниже.

монголовъ отъ ихъ живыхъ говоровъ, а также особому положенію монгольской письменности, о которой говорилось выше, отсутствію школъ и общей малограмотности, въ настоящее время трудно встрѣтить въ Монголіи рукопись, если это только не будетъ старый списокъ, языкъ которой былъ бы чистымъ «классическимъ» письменнымъ языкомъ монголовъ. Языкъ каждой современной монгольской рукописи носитъ на себѣ слѣды, и подчасъ очень яркіе, своего происхожденія, т. е. слѣды того нарѣчія, того говора, тѣхъ традицій, среди носителей которыхъ она возникла. Повторяю: особенности эти бываютъ настолько послѣдовательны, что можно говорить объ отличныхъ другъ отъ друга монгольскихъ письменныхъ нарѣчіяхъ. Въ зависимости отъ разныхъ соціальныхъ условій такія діалектическія особенности проявляются въ томъ или другомъ сочиненіи, въ той или другой рукописи въ большей или меньшей степени, но, во всякомъ случаѣ, онѣ встрѣчаются всегда и всюду въ современной монгольской письменности.

MS. Burd. въ этомъ отношеніи является чрезвычайно характернымъ, яркимъ образцомъ; но, кромѣ того, MS. Burd. представляетъ еще большій интересъ, потому что является не только типичнымъ представителемъ халхаско-монгольскаго литературнаго языка, но носитъ на себѣ еще и другія діалектическія вліянія, обнаруживая черты западно-халхаскаго говора, говора халхасцевъ-эльджигеновъ.

Особенности современной халхаско-монгольской письменности и халхаско-монгольскаго литературнаго языка обнаруживаются какъ на самомъ письмѣ, на начертаніи буквъ, затѣмъ на правописаніи, такъ и на морфологіи и на лексическомъ составѣ. Такъ какъ южно-монгольская письменность, въ частности чахарская, съ давнихъ поръ, съ XVI—XVII в., стала импонировать и вліять на халхаскую, то ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что халхасцы восприняли многое, внесенное въ монгольскую письменность еще чахарами; иногда эти «новшества» соотвѣтствовали не только чахарскому, но и халхаскому нарѣчію, но иногда такого соотвѣтствія не было, и, тѣмъ не менѣе, эти «чахарскія» особенности, безъ которыхъ теперь, развѣ только случайно, обходится современная халхаская рукопись, были восприняты халхасцами и получили у нихъ силу традиція. Напр., въ виду того, что въ говорахъ южныхъ монголовъ, въ томъ числѣ и въ говорѣ чахаръ, сохранились африкаты ц̦ и ч < *ц̦ и *ч[1], въ южно-монгольской письменности постоянно и регулярно встрѣчаются начертанія ᠼᠢ ц̦і и ᠴᠢ чі тамъ, гдѣ въ классическомъ письменномъ языкѣ стояли бы ц̦ + а (е, о, ӧ, у, ӱ) и

[1] Ср. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. СПБ. 1911, стр. 178.

ч + а (е, о, ö, у, ÿ), потому что мнемонически графемы ꭡі и чі ассоціируются, по правиламъ монгольской письменности, съ воспроизведеніемъ звуковъ ꭡ и ч. Подобныя же начертанія чрезвычайно часто встрѣчаются и въ халхаско-монгольской письменности, хотя въ ихъ нарѣчіи въ данномъ случаѣ *ꭡ > ʒ, а *ч > цʻ. Другой примѣръ: — у чахаръ историческое н передъ д, ꭡ и ч произносится, какъ ŋ[1], что постоянно и отмѣчается ими на письмѣ, гдѣ вмѣсто «классическаго» н появляется ŋ. И опять это явленіе заимствуется халхасцами, хотя они въ данныхъ случаяхъ произносятъ н, и даже признается халхаскими грамотеями за обязательное правило; по этой манерѣ писать ŋ передъ д, ꭡ и ч халхаскіе «ученые» судятъ о степени грамотности того или другого произведенія, того или другого лица.

Особенности, отличающія современную халхаско-монгольскую письменность и проявляющіяся въ графикѣ, орѳографіи, морфологіи и лексикѣ, стали обнаруживаться рано,—повидимому, одновременно съ распространеніемъ новаго письменнаго монгольскаго языка,—но особенно онѣ развились, нормировались и получили силу традиціи въ XIX вѣкѣ. Приблизительно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка по Халхѣ распространяется новый почеркъ монгольскаго письма, новая манера писать монгольскимъ письмомъ; этотъ почеркъ и манера, повидимому, не были выработаны самими халхасцами, а заимствованы ими съ юга, гдѣ возникли подъ вліяніемъ развившейся тогда манджурской скорописи[2]. Съ той поры халхасцы и пишутъ этимъ разгонистымъ, рѣзкимъ почеркомъ, который можно назвать почеркомъ «современной скорописи». Можно отмѣтить слѣдующія характерныя особенности: діакритическія точки ставятся далеко не всегда,—очень часто ихъ ставятъ для обозначенія ƃ на концѣ слоговъ ([illegible]); также ставятся точки при с передъ і для обозначенія произношенія ш ([illegible]); нерѣдко появляются діакритическія точки, поставленныя на манеръ манджурскаго письма, съ правой стороны для отличія д отъ т и ƃ отъ k. Въ противоположность рукописямъ болѣе стараго періода, тщательно отличаютъ ꭡ отъ ч, причемъ ꭡ во вторыхъ слогахъ изображается особо, въ родѣ длинной черты съ крючкомъ. Тщательно выписываются ƃ, k ([illegible]) въ началѣ словъ, иногда писавшіяся особымъ образомъ въ предыдущіе періоды монгольской письмен-

---

[1] Ср. Г. І. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 34.

[2] Ср. Письмо профессора А. М. Позднѣева къ барону О. Р. Остенъ-Сакену съ замѣчаніями на «Дневникъ О. Палладія по Монголіи, веденный въ 1847 г.» Записки Русск. Геогр. Общ. по общей географіи, т. XXII. № 1, СПБ. 1892, стр. 140.

ности[1]. Можно отмѣтить и другія особенности, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ попадаются только спорадически.

Что же касается особенностей въ области орѳографіи современной халхаско-монгольской письменности, то ихъ можно отмѣтить очень и очень много. Появляются онѣ въ зависимости отъ разныхъ условій, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ живой рѣчи, благодаря стремленію внести въ письменность и сочетать съ ея правилами данныя живыхъ говоровъ халхасцевъ. Главнѣйшія особенности въ области орѳографіи, ставшія общепринятыми, какъ бы регламентированными, будутъ слѣдующія:

Окончанія Accusat. ji и Genetiv. у прибавляются безразлично по отношенію къ окончанію основы; эти аффиксы ji и у сдѣлались какъ бы идеограммами, сложными графемами, долженствующими вызывать у читателя представленія объ Accusat. и Genetiv.[2] По той же причинѣ и другія падежныя окончанія и окончанія «притяжаній» пишутся какъ бы не подвергаясь гармоніи гласныхъ того слова, къ которому онѣ относятся, безъ обращенія вниманія на окончанія основы; такъ, напр., пишутъ: lӱге послѣ слова aka, бен послѣ слова ҕаџар, etc. Окончаніе Accusat. съ притяжаніемъ всегда пишется съ двумя у: [3]. Очень часто Accusat. отмѣчается при помощи i въ тѣхъ случаяхъ, когда въ классическомъ языкѣ являлось бы ji, въ особенности если за окончаніемъ слѣдуютъ притяжательныя

---

[1] На что уже было обращено вниманіе К. О. Голстунскимъ, см. его «Критическія замѣчанія на изданіе проф. Юльга „Die Märchen des Siddhi-Kûr“», приложеніе къ XI т. Запис. Акад. Н. № 4. СПБ. 1867, стр. 6.

[2] Подобныя начертанія, встрѣчающіяся теперь постоянно въ монгольскихъ рукописяхъ Халхи и другихъ частей Монголіи, вводятъ въ заблужденіе неопытныхъ монголистовъ, принимающихъ эти формы за классическія; ср. монгольско-японскій словарь 蒙 和 辭 典 (1917 г.), предисловіе: . Подобныя же явленія затрудняли проф. B. Jülg'a, который съ большой тщательностью отмѣтилъ ихъ, но не далъ имъ надлежащаго объясненія; см. Bernhard Jülg. Mongolische Märchen-Sammlung. Die neuen Märchen des Siddhi-Kûr und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Innsbruck, 1868, p. 105, passim.

[3] Въ ойратскихъ рукописяхъ постоянно встрѣчается подобное же начертаніе: jо̄ҕӓн, что и было отмѣчено проф. А. Поповымъ, см. Грамматика калмыцкаго языка. Казань, 1847, стр. 55. Ср. также относящееся къ этому правописанію: А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточ. Монг., стр. 191; G. J. Ramstedt, Ueber mong. pronomina. Journ. d. l. Soc. Finno-Ougrienne. XXIII, 3, p. 6.

мѣстоименія міну, чіну, іну; напр.: . Очевидно, подобная ороографія появилась подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ живой рѣчи халхасцевъ, да и другихъ монголовъ: амī-мён, нерīн, etc. На этомъ же основаніи появляются начертанія: ар для выраженія Instrument., аса для Ablativ.; напр.:

Далѣе, въ виду того, что долгое ī современныхъ халхаскихъ говоровъ соотвѣтствуетъ еji (еі) «классическаго»[1] письменнаго языка, очень часто вмѣсто еji, еі теперь пишутъ і, въ особенности въ концѣ словъ; напр.: бітегі, меlекі, нерідбе[2], імӳ (іме). И наоборотъ, въ современной письменности можно отмѣтить появленіе начертанія еji тамъ, гдѣ классическій языкъ даетъ і, потому что въ данномъ случаѣ долгое ī живого языка халхасцевъ хотѣли подвести подъ общее правило монгольскаго языка: монг.-письм. еji = халх. ī; такимъ-то образомъ появились начертанія: кеjікӳ, кеjігсен < халх. хīхĕ, хīсӱ (хīгсӧн)[3]. Или долгое ī живого языка изображаютъ при помощи і, іі, напр.: < халх. т‘анīг[4] || монг.-письм. тан-і (Accusat. отъ та), гереl-іін, ҕацар-ііи < халх. герĕlīн, газăрīн || монг.-письм. гереl-ӳн, ҕацар-ун. Очень часто также въ современной халхаско-монгольской письменности встрѣчаются начертанія ii или і || еji классическаго письменнаго языка, напр. кіідесе < халх. хīдēс || монг.-письм. кеjід-ече; інгĕні < халх. īнгĕн[1] || монг.-письм. еjін генў.

Изъ другихъ особенностей ороографіи современной халхаской письменности надо отмѣтить очень часто встрѣчающееся неправильное, съ точки зрѣнія классическаго языка, обозначеніе гласныхъ не перваго (неударнаго) слога; объясняется это явленіе очень легко тѣмъ, что гласные соотвѣтствующихъ словъ и выраженій живой рѣчи халхасцевъ подверглись разнымъ измѣненіямъ, редуцировались, исчезли, наконецъ, вовсе[5]. Въ этой области теперь въ халхаско-монгольской письменности царитъ полный произволъ; въ одной и той же рукописи, порой на одной и той же страницѣ, можно встрѣтить слова одни и тѣ же, но совершенно различно написанныя въ отно-

---

[1] См. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 55—56.

[2] Подобное «неправильное» начертаніе попало въ изданіе текста «Исторіи» Сананъ-Сецена, см. I. J. Schmidt. Geschichte d. Ost-Mongolen, p. 60, l. 13: .

[3] Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 4.

[4] Ср. B. Jülg. Mong. Märchen-Sammlung... Siddhi-Kür... und... Ardschi-Bordschi-Chan. Innsbruck, 1868, p. 120.

[5] См. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 48—50.

шеніи гласныхъ не перваго слога; подобное же явленіе констатируется и для монгольской письменности второго періода; то же самое можно встрѣтить и въ произведеніяхъ, даже печатныхъ, писанныхъ «классическимъ» языкомъ[1].

Далѣе, въ современной халхаско-монгольской письменности постоянно попадаются слова, представляемыя не въ формѣ письменнаго «классическаго» языка, а такъ, — приблизительно, конечно, поскольку вообще транскрипцію живой рѣчи допускаетъ монгольскій алфавитъ,— какъ онѣ являются въ живой рѣчи халхасцевъ; постоянно, поэтому, и послѣдовательно встрѣчаются такія начертанія: одо < халх. одō (теперь), < халх. долō̧ (семь), аріkі < халх.-Ург. ȧріх[2], халх.-зап. ȧрі̆ᵏхі̆ (водка), бісӳгеі, бӳсӳгӳі < халх. біс-гō[3], бӳс-гō (женщина), шӳні < халх. шӳні̆ (ночь), шіреі < халх. шірē (сталъ), öргеі < халх. ȯргō̄[4], болбал < халх. бо̧лwӧл, , jорал, jораḃал < халх. jорōл[5] (дно), , ууші,

[1] См. Б. Я. Владимірцовъ. О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ. Извѣстія Акад. Н. Петроградъ, 1916, № 5, стр. 351.

[2] Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 50.

[3] Въ современныхъ халхаскихъ говорахъ и, въ особенности, въ халх.-зап. подъ вліяніемъ губныхъ согласныхъ гласные е, у, ӳ «измѣняются» въ і, напр. бӳр >|| бір вѣтка, бӳс >|| біс поясъ, etc.; см. Владимірцовъ, op. cit., стр. 350—351.

[4] Вообще при написаніи словъ, звучащихъ въ живой рѣчи съ долгимъ гласнымъ, въ современной халхаско-монгольской письменности замѣчается опредѣленная тенденція отмѣчать, подчеркивать это отличіе гласныхъ по количеству, почти неизвѣстная «классической» письменности; поэтому, постоянно и послѣдовательно встрѣчаются такія начертанія: , kошуучі, kошіучі < халх. хошӳчі̆ || монг.-письм. kосіḃучі; ноусу < халх. нōс, нōсӳ || монг. письм. ноḃусун шерсть; најілцуур < халх. на̇ӧлӡӳр || монг.-письм. најілцаḃур; , kаріḃуу, каріуу < халх. харⁱӳ || монг.-письм. kаріḃу; ендегӳӳрегсен || монг.-письм. ендегӳрегсен; или, наоборотъ, долгіе гласные живой рѣчи отмѣчаются одной буквой, тогда какъ въ классической письменности стояли бы v. + ḃ(г) + v.; напр.: вм. баḃатур, долулан < халх. долӳла̇ц || монг.-письм. долуḃула; ḃартан < халх. г̧артац || монг.-письм. ḃар-таḃан; улан < халх. улā̧ || монг. письм. улаḃан; etc.

[5] Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 51—52. Подобныхъ случаевъ обозначенія на письмѣ «переломовъ», обычныхъ въ живой рѣчи, современная халхаско-монголь-

убші < халх. oʷші, ywші (upāsaka), kap < халх. хар (черный), etc.[1]

Много отличій и особенностей представляетъ современная халхаско-монгольская письменность въ области морфологіи и лексики. Морфологическія особенности всѣ — одного порядка: онѣ всѣ, можно сказать, возникли подъ вліяніемъ живой рѣчи, живой рѣчи халхасцевъ, потому что, хотя бы онѣ возникли и въ другихъ частяхъ Монголіи, на почвѣ иныхъ нарѣчій и были просто заимствованы халхасцами письменнымъ путемъ, все-таки онѣ нашли себѣ поддержку въ соотвѣтствующихъ явленіяхъ живой халхаской рѣчи. Изъ главныхъ морфологическихъ отличій нынѣшней халхаско-монгольской письменности можно отмѣтить слѣдующія:

I. Глагольныя формы.

Въ общемъ, можно сказать, почти всѣ формы халхаскаго глагола, которыми такъ богато это нарѣчіе, въ томъ или другомъ видѣ, поскольку это

ская письменность представляетъ очень много: напр.: jepÿrel, jöpÿrel вм. монг.-письм. ipÿrel, jама, jамаҕан вм. монг.-письм. імаҕан, мака вм. міка; неге вм. монг. письм. ніген, ц̧урҕа вм. монг.-письм. ц̧ірҕуҕан; jÿlдÿ вм. монг.-письм. ilдÿ.

[1] Легко можно было бы привести еще много примѣровъ особенностей орѳографіи современной халхаско-монгольской письменности и доказать зависимость ея отъ живой рѣчи. Въ виду того, что многія явленія фонетики и морфологіи общи почти всѣмъ монгольскимъ современнымъ нарѣчіямъ, подобныя особенности орѳографіи могутъ встрѣтиться не только въ «халхаской» письменности, но и, напр., въ южно-монгольской; и подчасъ бываетъ трудно точно установить, является ли данная орѳографическая особенность письменнымъ заимствованіемъ, или же она возникла непосредственно подъ вліяніемъ живой рѣчи, явилась результатомъ стремленія (хотя бы и безсознательнаго) сблизить письменный языкъ съ разговорнымъ.

Изъ другихъ особенностей орѳографіи отмѣчу еще одно: въ теперешней халхаско-монгольской письменности заимствованныя тибетскія слова, обычно, пишутся согласно тому, какъ они произносятся въ живой рѣчи халхасцевъ, тогда какъ въ «классической» письменности они являются литерально транскрибированными съ тибетскаго, напр.: || монг.-письм. < тиб. ; || монг.-письм. < тиб. , etc.

Большинство вышеприведенныхъ примѣровъ орѳографическихъ особенностей современной письменности взято мною изъ: (переводный китайскій романъ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Ц̧ідаң хÿшăң), MS.,

позволяютъ вообще условія монгольскаго алфавита, проникаютъ въ современную халхаско-монгольскую письменность[1]; встрѣчаются, напримѣръ, такія формы, совершенно неизвѣстныя «классическому» письменному языку:

Повелительныя и желательныя формы[2]: 1. Concessiv.: бajiгi, iрег; 2. Optativ.: болоса; 3. Potential.: ćурам-ꞔа, iдемꞔе. Изъявительное наклоненіе[3]: 1. Praesens: медеп-е, ӳкӳне, бajiна; 2. Praesens perfecti: соносла, iдеle. Perfectum perfecti[4]: jабуҕсан асан; Perfectum usus[5]: iдедег асан, kajiралдаҕ асан; Plusquamperfect. асанꞔi, санꞔi[6].

Nomen perfecti и Nomen imperfecti употребляются какъ сказуемыя глaвнаго предложенія, какъ формы «окончательныя», напр.: шiбаҕуп шiгӳӳрен абчу оддуҕсан кемекӳ-дӳр[7]...; ем-е кеӳкед мiну кӳlijeꞔӳ бajiҕа[8].

II. Формы падежей.

Genetiv.: kад-iiн || монг.-письм. kада-jiн, ҕаꞔар-iiн || монг.-письм. ҕаꞔар-ун, мӧр-нi || монг.-письм. мӧр-ӳн; Accusat. съ притяж. чаi-ҕан, ꞔаман || монг.-письм. чаi-бен, ꞔам-ijeн.

Pronomina: Accusat.: съ притяженіемъ: чiмajiҕа[9], Accusat.: намаi,

---

написанный въ Западной Монголіи (Азіатскій Музей Акад. Н. — Бурдуковъ № 21); [illegible] (романъ о богинѣ Tarā), MS., писанный въ центральной Халхѣ (Азіатскій Музей — Юрганова-Вяткина № 10); Исторія Амурсаны, офиціальныя бумаги, частныя письма, — MS., написанные въ С.-З. Монголіи (находятся у меня); MS. Burd.

[1] См. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. Mémoires d. l. Société Finno-Ougrienne. XIX. Helsingfors, 1903, p. VI.

[2] См. Ramstedt Op. cit., p. 8—11, 12, 75.

[3] См. Ramstedt. Op. cit., p. 15—18.

[4] См. Ramstedt. Op. cit., p. 34.

[5] См. Ramstedt. Op. cit., p. 35—36.

[6] || монг.-письм. аҕсан аꞔiҕу; форма санꞔi встрѣчается въ рукописяхъ изъ Западной Монголіи, гдѣ въ живомъ говорѣ (напр. халхасцевъ-эльджигеновъ, сартуловъ) употребляется форма санꞔӥ, ср. ойрат.-письм. санꞔi, дэрб.-Кобд. баит. санꞔӥ, элэт.-Кобд. захач. торг.-Алт. ćанꞔӥ, ср. Ramstedt. Op. cit., p. 93.

[7] XII разсказъ MS. Burd.

[8] X разсказъ MS. Burd.

[9] См. напр.: чiмajiҕа iрене геꞔi кен санала (MS. Наран-герel, — упомянутый выше, f. 26 v.) || монг.-письм. чiмajі iренем геꞔӳ кен саналуҕа — «кто думалъ, что ты придешь».

чімаі[1], чімаjігі, тан-і-ігі[2]; Genetiv.: чінеі, Genetiv.: -і || монг.-письм. іну, ану[3]; міні, чіні[4] || монг.-письм. міну, чіну.

---

[1] Формы Accusat. отъ бі и чі — намаі, чімаі < халх. чахар. намӑ, чӑмӑ очень часто встрѣчаются въ монгольскихъ сочиненіяхъ, писанныхъ даже, въ общемъ, на классическомъ языкѣ; встрѣчаются онѣ и въ пекинскихъ ксилографическихъ изданіяхъ; въ изданіи I. J. Schmidt'a «Исторіи» Сананъ-Сецена обѣ эти формы попадаются почти на каждой страницѣ; ср. Г. Ц. Цыбиковъ. Пособіе къ практическому изученію монгольскаго языка. Владивостокъ, 1915, стр. 38. Изъ другихъ формъ падежей, внѣдрившихся въ монгольскую письменность подъ вліяніемъ живой рѣчи, надо отмѣтить форму Locativ. отъ бі, встрѣчающуюся довольно часто: нада || классич. надур (см. Цыбиковъ. Op. cit. стр. 38; на это явленіе обратилъ вниманіе еще проф. О. Ковалевскій, см. его Монгольскую хрестоматію. Казань, 1836, т. I, стр. 391; ср. также G. J. Ramstedt. Ueber mongolische pronomina. Journ. de la Société Finno-Ougrienne. XXIII, 3, p. 6 — 8. G. J. Ramstedt указываетъ для Accusat. только болѣе новыя формы намаі, чімаі и не упоминаетъ вовсе формъ «классическаго» письменнаго языка: намаjі, чімаjі, что было исправлено въ его «Фонетикѣ» — стр. 36.).

[2] Представляется нѣсколько затруднительнымъ вопросъ, надо ли относить формы въ родѣ чімаjігі, тан-і-ігі, ҕаџарігі etc. къ особенностямъ морфологіи, или же къ особенностямъ орѳографіи? Дѣло въ томъ, что, какъ новый, «классическій» письменный монгольскій языкъ, такъ и письменный языкъ монголовъ предыдущихъ двухъ періодовъ знали, какъ окончанія Accusativ., jі послѣ основъ на гласную и і послѣ основъ на согласную; въ современныхъ же живыхъ говорахъ, напримѣръ, халхасцевъ имъ соотвѣтствуютъ окончанія ī, īг̮ (īг̮ĭ). Въ виду этого, а также и того, что и въ южныхъ монгольскихъ говорахъ установились подобныя же морфемы (ср. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи, стр. 212), монголы стали «читать» окончанія Accusat. і и, въ особенности, jі, какъ īгĭ, īг̮ĭ; благодаря этому-то и въ письменности появились формы въ родѣ чімаjігі, тан-і-ігі. Сами монголисты настолько привыкли читать jі какъ īгі, что указываютъ для «письменнаго монгольскаго» форму «-ігі», совершенно неизвѣстную «классическому» языку (ср.: Рамстедтъ. Фонетика, стр. 42; Рудневъ. Матеріалы по говор. Вост. Монг., стр. 212).

[3] Эту «особенность» можно отмѣтить только въ отношеніи «классическаго» письменнаго языка монголовъ третьяго періода, потому что въ сочиненіяхъ первыхъ двухъ періодовъ развитія монгольскаго письменнаго языка форма -і встрѣчается постоянно; напр.: намдуні (письмо Аргуна къ Филиппу Красивому, 5 строка); беjе олуҕсан-дур-і (вышеупомянутый переводъ Bodhicaryāvatāra, MS. Kowalewsk. f. 1 v.), kурічакуі кігед олџа терігӱтен-дӱр-і тачіjабасу jіртінчӱ-jі тебчін jадаjу (ibid., f. 30 v — f. 31 r, 8 гл., 3.), кöбегӱкед-эче кеџіj-е туса алдакун-і (ibid., f. 31 v, 8 гл., 12.); кромѣ -і Genetiv. отъ *і въ современной монгольской письменности часто является въ формѣ -ні (послѣ словъ, оканчивающихся на гласную); въ общемъ, можно сказать, -і и -ні употребляются безразлично; ср. Ramstedt. Ueber mongolische pronomina, p. 4—6.

Манджурскія, тибетскія и вообще иноязычныя и діалектическія влія-нія особенно сильно отражаются на лексическомъ составѣ современной халхаско-монгольской письменности. На долю китайскихъ и русскихъ словъ падаетъ небольшой процентъ; гораздо болѣе заимствуется словъ съ тибетскаго и манджурскаго, но еще болѣе монгольскихъ діалектизмовъ, діалектическихъ неологизмовъ.

Вотъ всѣ эти отличія и особенности, постоянно и регулярно встрѣчающіяся въ современной халхаско-монгольской письменности, опредѣленно выдѣляютъ ее изъ круга чисто классическихъ произведеній монгольской письменности, произведеній старой литературы, писанныхъ на языкѣ особомъ, а также изъ круга другихъ діалектическихъ монгольскихъ письменностей. Конечно, было бы неправильно всѣ эти особенности объяснять только халхаскимъ нарѣчіемъ, вліяніемъ живого языка халхасцевъ; нѣтъ, многія изъ этихъ особенностей возникли подъ вліяніемъ и другихъ монгольскихъ говоровъ, другихъ, но все же близкихъ, и, попавъ съ силой традиціи къ халхасцамъ, совсѣмъ тамъ привились, найдя себѣ опору въ говорѣ принявшей ихъ среды. Иногда такія особенности, какъ это было показано выше, прививались, не имѣя даже подобной поддержки. Какъ бы то ни было, главная масса особенностей, характеризующихъ современную халхаскую письменность, обязана вліянію на письмо живой рѣчи халхасцевъ и поддержкѣ тѣхъ элементовъ письма, которые находили себѣ отзвукъ въ народныхъ говорахъ Халхи.

MS. Burd. является очень характернымъ образчикомъ такого халхаско-монгольскаго письменнаго языка, настоящимъ представителемъ современной халхаско-монгольской письменности. Дѣйствительно, всѣ особенности, о которыхъ пришлось говорить выше, и многія другія болѣе или менѣе характерныя, встрѣчаются постоянно въ текстѣ MS. Burd., и нѣтъ, можно

D-r Palmyr Cordier указываетъ на удивительное сходство тиб. частицы ནི ni и монг. anу, iny > ni (см. его Cours de tibétain classique. 1-er semestre 1907. Hanoi, MDCCCVII, p. 31), причемъ онъ напрасно отмѣчаетъ болѣе ограниченное употребленіе монг. частицы. Во всякомъ случаѣ вопросъ, поднятый D-r P. Cordier, чрезвычайно интересенъ и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія; обратимъ вниманіе, напр., на такую фразу перевода Чой-чжи одзера Bodhicaryāvatāra: |ཤེད་བསྐྱེད་པར་ནི་གི་བྱ་སྟེ| кӱчӱн-i-iny ӱlӱ егӱскегдекӱi (VIII, 166, MS. Kowalewsk. f. 39). Тиб.-монг. туземные словари, замѣчу кстати, постоянно переводятъ тиб. ནི черезъ монг. ᠠᠨᠤ᠂ ᠢᠨᠤ᠂

[1] Ср. Ramstedt. Op. cit., p. 5—6; Цыбиковъ. Пособіе, стр. 38.

сказать, не только ни одной страницы, но даже почти ни одной строки, которая бы была написана на «классическомъ» письменномъ монгольскомъ языкѣ. А между тѣмъ совершенно невозможно отнести эту рукопись къ числу писанныхъ безграмотно; нѣтъ, это — другое: это — послѣдовательное, регламентированное проявленіе халхаско-монгольскаго письменнаго языка. И въ этомъ заключается интересъ, вызываемый этой рукописью и требующій ея изданія.

Но, кромѣ особенностей, характерныхъ для теперешней халхаско-монгольской письменности вообще, въ MS. Burd. мы постоянно наталкиваемся еще на нѣсколько особенностей, совершенно отличныхъ. Особенности эти — діалектическія халхаскія; на текстѣ рукописи Бурдукова отразилось вліяніе того говора Халхи, среди носителей котораго она была написана. Говоръ этотъ — говоръ халхасцевъ-эльджигеновъ — принадлежитъ къ группѣ западно-халхаскихъ говоровъ [1], очень близокъ къ говору халхасцевъ-сартуловъ и вообще къ другимъ сосѣднимъ халхаскимъ говорамъ; но, кромѣ того, нѣкоторыми особенностями, какъ своей фонетики, такъ и морфологіи, онъ связывается съ болѣе уже далекими лингвистически, но сосѣдними географически, говорами хотогойтовъ, баитовъ и кобдоскихъ дэрбэтовъ [2].

Изъ этихъ «діалектическихъ» особенностей западно-халхаскаго происхожденія изслѣдуемаго текста MS. Burd. можно отмѣтить слѣдующія:

1. гікўі [3] || класс. монг.-письм. гекў; въ говорѣ халх.-эльджиг., такъ же какъ и въ говорахъ баит. и дэрб.-Коб., наблюдается чередованіе е и і, въ особенности послѣ заднеязычныхъ (родъ взаимной ассимиляціи); напр.:

v. гі- || ге говорить, чаще слышится въ первой формѣ; то же самое надо сказать и о формѣ кічіnен < халх.-зап. ^{к}хіч̆їнēц || болѣе рѣдкому ^{к}хėч̆їнēц || < монг.-письм. кедў-чінеген [4]; баит. дэрб.-Кобд. kewic || kiwĭc коверъ; халх.-зап. ɣерĕl || ɣірĕl лучъ.

2. окін (IV, VIII раз. MS. Burd.) < халх.-зап. о^{к}хŏн, о^{к}хĭн дѣвушка, дѣвица, самка, молодая самка, ср. ойр.-письм. оӡон, баит. дэрб.-Коб. окц̦ id. || монг.-письм.

---

[1] Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 5; на стр. IV—VI данъ «Опытъ классификаціи монголовъ по нарѣчіямъ», въ которомъ лингвистическій принципъ спутанъ съ этническимъ.

[2] См. Б. Владимірцовъ. Отчетъ о командировкѣ къ дэрбэтамъ Кобдинскаго округа. Извѣст. Р. К. д. изуч. С. и В. Азіи. № 9. СПБ. 1909, стр. 54—58.

[3] MS. Burd. V, passim; въ современныхъ монг. рукописяхъ изъ Западной Монголіи постоянно встрѣчаются подобныя формы: гін-е, гігеен, гіці, etc.

[4] MS. Burd. XV, passim; въ современной халх.-монг. письменности слово это часто является въ формѣ кечінен.

3. чічаբуу (X MS. Burd.); такъ какъ халхасцы-эльджигены произносятъ это слово ч̒ац̆ӯ, такъ же какъ и халх.-сартул., то въ виду того, что графемы чі асоціируются, по общимъ правиламъ чтенія монгольской письменности, съ произношеніемъ ч̒-+-v, въ текстѣ MS. Burd. и появилось такое начертаніе || монг.-письм.

4. Говоръ халх.-эльджиг. характеризуется довольно сильной палатализаціей историческихъ л и р. MS. Burd., какъ и вообще монгольскія рукописи послѣдней половины XIX в., писанныя въ Западной Монголіи, какъ среди халхасцевъ, такъ и среди ойратовъ, совершенно послѣдовательно обозначаетъ это «смягченіе» черезъ і, т. е. графемы і должны, если онѣ стоятъ послѣ л и р, по этой системѣ, вызывать у читателя представленія о палатализованныхъ л (l) и р (р̦)[1]; такимъ образомъ и появились начертанія, находимыя въ MS. Burd.: (IX. MS. Burd.) kajірілдаբ < халх.-зап. хӓӗр̦̆l̥дӓ̆ɣ || монг.-письм. kajіраладаբ; (XVII. MS. Burd.) najірілтаі < халх.-зап. паӗр̦̆ĭlтē || монг.-письм. najіралтаі; (IV. MS. Burd.) арібідтуբаі < халх.-зап. ар̦̆wĭд̆тхā || монг.-письм. арбідтуբаі, etc.

5. Особенности изъ области морфологіи: (IX. MS. Burd.) болууцаі; конечно, можно разсматривать эту форму, какъ Dubitat., изображенный съ ороографической особенностью, о которой говорилось выше, вм. классич. монг.-письм. болуբуцаі. Но, въ виду того, что форма Dubitat. на -ӯʒā, -w̄ʒā очень распространена въ западно-халхаскихъ говорахъ[2], и въ виду того, что эта форма постоянно и послѣдовательно изображается въ современной халхаской письменности Западной Монголіи черезъ — -ууцаі, можно разсматривать форму болууцаі MS. Burd., принимая ее не за ороографическую, а за морфологическую особенность.

Въ IX разсказѣ MS. Burd. встрѣчается фраза: алаբсан-ijер чі меден-е буііца < халх.-зап. алсāр ч̒і медн̄ā б̯і-ʒᵃ || монг.-письм.

---

[1] Надо отмѣтить, что въ современной монгольской письменности, какъ халхаской, такъ и южно-монгольской, очень часто вмѣсто е не перваго слога классическихъ формъ пишутъ і; такъ, въ теперешнихъ монгольскихъ рукописяхъ постоянно можно встрѣтить начертанія: керіг вм. керег, тергін вм. терген, etc.

[2] Dubitativ. на -ӯʒā, -w̄ʒā, -ӯзā, -w̄зā очень часто употребляется и въ ойратскихъ говорахъ С.-З. Монголіи, а также и у астраханскихъ калмыковъ, ср. В. Л. Котвичъ. Опытъ грамматики калмыцкаго разговорнаго языка. Петроградъ, 1915, стр. 114.

алаҕсан-ijер чі медекӳ буі-ца; то же самое въ VIII разсказѣ: нӧгчімӳі бі-ца < халх.-зап. нӧг̮чӳінā б̮і-з || монг.-письм. нӧгчікӳ буі-ца. Дѣйствительно, всѣ западно-халхаскіе говоры очень любятъ такія сочетанія, напр.: халх.-зап. од̮ō jawнā ᵏхерӗг̮тē теперь надо ѣхать, уҕāнā тусг̮ā мыть безполезно.

6. Особенности лексическія: — текстъ MS. Burd. заключаетъ въ себѣ довольно много словъ, представленныхъ въ чисто разговорной формѣ, въ какой они слышатся въ рѣчи современныхъ халхасцевъ, напр.: одо < халх. од̮ō || монг.-письм. одо-а: iнijед < халх.-зап. інēд̮ || монг.-письм. iнijедӳн; ӧцдӳг < халх.-зап. ӧнд̮ӳг̮ || монг.-письм. ӧндӳген: мӳнӧкі < халх.-зап. мӳ̮нӧᵏхі̆, ӧнӧге едӳр < халх.-зап. ӧнō̆дӳр (сегодня) || монг.-письм. енe едӳр, etc.; но, кромѣ того, въ текстѣ MS. Burd. встрѣчается одно слово, принадлежащее исключительно халх.-зап.: боҕоjібчі (VIII разсказъ MS. Burd.) < халх.-зап. б̮оҕоӗб̮чі̆ [1] браслетъ [2].

---

[1] См. ниже, Списокъ монгольск. словъ MS. Burd.

[2] О легкости и простотѣ языка текста MS. Burd. говорилось уже выше; теперь позволю себѣ обратить вниманіе читателя на слѣдующія фразы, которыя въ морфологическомъ отношеніи особенно приближаются къ живой рѣчи халхасцевъ:

тер дотур-а -ече біде kojар дацчі ilегӳӳ амураҕ, кемеlчен ем-е менекі ӧгӳlерӳн (IX).

сармаҕчін, гер-чіні kаміҕа буі біle, кемен асаҕубасу, міну гер бараҕун jеке далаі-jін дотура, кемебе (IX).

царім менекеі ану, алаҕсан-ijер чі медеп-е буііца (IX).

менекеі ӧгӳlерӳн: нӧкӳр-аа..... ем-е кеӳкед міну кӳlijецӳ баjіҕа; кербе есе одбасу... kудалчі болку тула... цорчін соjурkа; чіну ачі-і марташі-ӳгеі-бі (IX).

чі кӧдӳге гер-тӳ jаҕун-ду есе kеlебе? бі цірӳкеп-ijен абчу ірікӳ керег асан; едӳге jаҕакікӳ біlе, кемекӳі-дӳр, менекеі асаҕурун: цірӳке чіну jаҕакіҕсан, кемекӳі-дӳр, сармаҕчін ӧгӳlерӳн (IX).

аі лама міну, сацвар-ту-чіні гем болууцаі (VIII).

kатун ӳпецкӳ ӳге-бен огӳlӳрӳн: міну чіміг-і кӳмӳн абуҕадуі; едӳр kарацу баjітала, kарчаҕаі шібаҕун шігӳӳреп абчу оддуҕсан, кемекӳ-дӳр, бӳгӳдегер-ijен jікеде аjулчабаі (XII).

Еще одинъ, интересный съ точки зрѣнія исторіи монгольскаго языка, вопросъ возбуждаетъ текстъ разсказовъ MS. Burd., именно вопросъ о личныхъ окончаніяхъ глаголовъ. Изслѣдуемый текстъ даетъ много примѣровъ употребленія мѣстоименій въ качествѣ такихъ личныхъ окончаній, напр.:

ем-е чімаjі kарамуі-бі (I).

намаjі-і саjікап-ijер маҕтабаіічі (II).

Текстъ MS. Burd. издается безъ всякихъ измѣненій, совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ представляется въ рукописи, въ

чам-деген гемшімӱі-бі (IX).
егӱн-ече kојіші ӱlӱ учірамуі-бі (IX).
kаҕуран абчу іреlӱге-бі (IX).
алтан амін-ече-бен kаҕачан алдабаі-бі (IX).
ініјеlгеці јадала кемен сонуслуҕа-бі (VIII).

Вопросъ о личныхъ окончаніяхъ, о спряженіи, у монголистовъ подпимался только при изслѣдованіяхъ бурятскаго и калмыцкаго глагола (см. А. Д. Рудневъ. Хори-бурят. говоръ. I, стр. XXXVIII—XL; В. Л. Котвичъ. Опытъ граммат. калмыцк. разговорн. яз., стр. 104—105, 112—113). Относительно же письменнаго монгольскаго языка отмѣчалось прежними грамматиками, вскользь, о томъ, что личныя мѣстоименія въ извѣстныхъ случаяхъ «полагаются послѣ глагола» (А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1849, стр. 234; ср. В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз., стр. 150—151), но и это положеніе отрицалось (см. А. Д. Рудневъ. Op. cit., стр. XL). А между тѣмъ не только новый монгольскій письменный языкъ, но и письменный языкъ монголовъ перваго и второго періода дастъ много примѣровъ очень частаго употребленія личныхъ мѣстоименій въ качествѣ личныхъ окончаній глаголовъ. Одинъ образчикъ такой конструкціи находится въ письмѣ Ölџеітӱ къ Филиппу Красивому: јаҕу ендекӱн-та (11 строка). Гораздо больше примѣровъ личныхъ окончаній даетъ намъ текстъ перевода Bodhicaryāvatāra Чой-чжи одзера, причемъ нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ этомъ вліяніе тибетскаго оригинала; примѣры:

།རང་གི་ཡིད་ལ་བསྒོམ་ཕྱིར་ངས་འདི་བརྩོམས།

öбер-ӱн седкіl-деген бісілҕакуј-а џокіјаму-бі егӱні (I, 2; MS. Kowalewsk. f. 1 v.).

།ཉེ་བྱེད་པར་བདག་ནམ་ཞིག་འགྱུར།

кеџіј-е амурліҕулуҕчі болку-бі (IX, 166; MS. Kowalewsk. f. 48 v. || новый бурятскій переводъ: амурліҕулун ӱіlедӱгчі-дӱр бі кеџіј-е ніген-е болумуі.

།སེར་སྣ་ཅན་ཁྱོད་ཅེས་མི་བསྲུང།

јакін ӱlӱ kорімуі kарасуҕчі-чі (VIII, 45; MS. Kowalewsk. f. 33). || бурятскій переводъ: кедӱі kарамту чі бер керкіџӱ ӱlӱ сакімуі.

།དེ་ལྟར་ཅི་ཕྱིར་འབྱེར་བར་བྱེད།

едӱге јакін баса буруҕудумуі-чі (VIII, 44; MS. Kowalewsk. f. 33). || бурятскій переводъ: едӱге јаҕун-у тула џігсігӱрен дутаҕамуі.

примѣчаніяхъ же указываются соотвѣтствующія формы «классическаго» письменнаго монгольскаго языка и даются, если это представляется возможнымъ, объясненія той или иной формы, того или другого начертанія. Я позволилъ себѣ только болѣе послѣдовательно разставить діакритическіе знаки, которые въ самой рукописи довольно часто опускаются вовсе, причемъ слѣдовалъ за тенденціей MS. Burd., какъ и вообще современной монгольской письменности, ставить точки при с передъ і ([illegible]) и при ƀ на концѣ слоговъ ([illegible]).

Въ примѣчаніяхъ я не отмѣчалъ такихъ формъ, какъ [illegible] etc. вм. [illegible] etc. «классическаго» языка, [illegible] вм. [illegible], потому что подобныя явленія вообще нерѣдки въ монгольской письменности и были уже отмѣчены нашими грамматиками. Не отмѣчалъ я также формы Genet. на iін послѣ основъ на согласные и формы Genet. и Accusat. на [illegible] послѣ основъ на [illegible][1]; [illegible] вм. [illegible], [illegible] вм. [illegible]; формы на -ці, -чі вм. -цу, -чу; а также ц = классич. и передъ д, т, ц, ч.

།ཟེན་པ་ཙནྡན་རྒྱན་གྱིས་མཆོད།

ерікe чіндан терігӱтен чімег-ӱд-ійер такімуі-чі (VIII, 46; MS. Kowalewsk. f. 33).

|| бурятскій переводъ: ерікe чандан-у чімег-ійер такібаі.

།གང་ལ་གཡོགས་ཀྱང་འདི་ཆགས་པ།

།དེ་མ་གཡོགས་ན་ཅིས་མི་འདོད།

алін-і бӱрібесӱ бер kурічаkуі бӧгесӱ-чі,

мӧн-кӱ есе бӱрігсен-дӱр јакін ӱlӱ kурічамуі (VIII, 48; MS. Kowalewsk. f. 33).

|| бурятскій переводъ: тер метӱ алін-дур бӱркӱбечӱ егӱн-е тачіјаƀчі,

тегӱн-і есе бӱркӱбесӱ керкіціӱ ӱlӱ дурламуі.

Достаточно примѣровъ подобной же конструкціи находимъ мы и въ старомъ переводѣ Subhāṣitaratnanidhi, напр.:

།ཕྱོགས་རྣམས་གསལ་བར་བྱ་ཕྱིར་འདི་སྤྱོད།

бӱгӱде цӱг-і гејігӱlкӱјін тулада егӱні негебе-бі (вышеупомянутый MS. библіотеки Петроград. Ун. f. 81 v.).

[1] См. А. М. Позднѣевъ. Транскрипція палеографическаго текста «Юань-чао-ми-ши» (неоконченное литогр. изданіе), стр. 98—100.

Монгольскій текстъ MS. Burd.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

92

[illegible]

[illegible]

[illegible]

⑦

[illegible]

[illegible]

[illegible] 599 [illegible]

[illegible] 600 [illegible]

[illegible] 601 [illegible]

[illegible] 602 [illegible]

[illegible] 602 [illegible]

[illegible] 603 [illegible]

[illegible] 604 [illegible]

[illegible] 605 [illegible]

[illegible] 606 [illegible]

[illegible] 607 [illegible]

[illegible] 608 [illegible] 609 [illegible] 610 [illegible] 611

[illegible]

[illegible] 612 [illegible] 613

[illegible] ❖

[illegible]

[illegible]

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ.

[1] Классич.: [illegible] Монголы при чтеніи, обычно, произносятъ это слово, протягивая послѣдній слогъ: ацибӯ, что и отразилось на начертаніи; впрочемъ въ монгольскомъ языкѣ довольно много словъ на ӯ, такъ что въ данномъ случаѣ долгота могла явиться по аналогіи. [2] < халх.-зап. дӗрӗмчʻі, гдѣ р произносится почти какъ р̊. Въ современной монгольской письменности очень часто вмѣсто е въ непервыхъ слогахъ пишутъ і. [3] Классич.: [illegible] Въ виду ослабленія гласныхъ, неударныхъ и не долгихъ, въ языкѣ современныхъ монголовъ вообще и въ халх.-зап. въ частности, въ современной монгольской письменности постоянно встрѣчаются подобныя ошибки, т. е. неправильное съ исторической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «классическаго» языка обозначеніе гласныхъ второго и послѣдующихъ слоговъ. Ср. Б. Владимірцовъ, О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монг. языкѣ. Извѣстія Академіи Наукъ. Петроградъ, 1916, стр. 351. [4] Классич.: [illegible] Обозначеніе при помощи двухъ буквъ гласнаго, соотвѣтствующаго долгому гласному въ живой рѣчи — явленіе общераспространенное въ монгольской письменности. [5] Классич.: [illegible] [6] [illegible] = [illegible] «классическаго» языка. Въ новой монгольской письменности [illegible] и [illegible] употребляются часто безъ различія по отношенію къ окончанію слова, послѣ котораго онѣ стоятъ и къ которому онѣ относятся. Но возможно разсматривать это окончаніе, принимая его за Accusat., ср. прим. 10. [7] Классич.: [illegible] ср. прим. 2. [8] Классич.: [illegible] ср. прим. 3. Въ данномъ случаѣ отразился на начертаніи и законъ лабіализаціи, наблюдаемой въ халх.-зап. [9] Классич.: [illegible]; два у на концѣ пишутъ, очевидно, по аналогіи съ [illegible] etc. [10] Классич.: [illegible] [illegible] Въ современной монгольской письменности очень часто встрѣчается такое неправильное употребленіе суффикса Accusat. [illegible] вм. [illegible], потому что монголы, повидимому съ давнихъ поръ, принимаютъ эти окончанія какъ бы за идеограммы и читаютъ, примѣняясь къ живому произношенію, т. е. читаютъ не то, что написано, литтерально, а то, что соотвѣтствуетъ въ устной, современной рѣчи. [11] Слово это очень часто изображается подобнымъ образомъ въ современной монг. письменности и особенно въ С.-З. Монголіи, гдѣ и по-ойратски пишутъ [illegible], вм. классич. [illegible] Ср. выше, «Къ изданію текста». [12] Классич.: [illegible] Подобныя смѣшенія тоже часто встрѣчаются въ современной монг. письменности. [13] Классич.: [illegible] [14] Классич.: [illegible], разъ предшествующее слово оканчивается на гласный. Въ современной монг. письменности постоянно наблюдается неправильное, смѣшанное употребленіе суффиксовъ притяжанія [illegible] [illegible] и Inst. [illegible] [illegible] [15] Классич.:

[illegible]. Окончаніе Genet. [illegible], такъ же какъ и окончаніе Accus. [illegible] являются для монголовъ, въ ихъ современной письменности, какъ бы идеограммами и употребляются безразлично послѣ всякой послѣдней буквы основы. См. выше, «Къ изданію текста». [16] См. прим. 14. [17] < халх.-зап. хошӯ, классич.: [illegible]. [18] < халх.-зап. бī, біј; да и вообще въ современной монгольской письменности это слово чрезвычайно часто изображается подобнымъ образомъ вм. классич. [illegible]. [19] < халх.-зап. сре̄-мере̄, классич.: [illegible]. [20] < халх.-зап. ҕезӗҕ, ҕезӗҕӗ, классич.: [illegible]. [21] Классич.: [illegible]. халх.-зап. намӓӗҕ, ср. прим. 10. Формы намаі-і, такъ же какъ и чімаі-і, часто встрѣчаются въ Ms. Burd. [22] [illegible]. [23] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 3. [24] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 3. [25] Классич.: [illegible]. По всей вѣроятности, черезъ і въ этомъ словѣ пытались, хотя бы и безсознательно, отмѣтить нѣкоторую палатализацію р, наблюдаемую въ современномъ халх.-зап. при сочетаніи его съ передними гласными: халх.-зап. произносятъ џіҕӯртен почти какъ џіҕӯр̀тен, ср. прим. 2; отмѣчать при помощи і, лишняго съ точки зрѣнія классическаго языка, р и л тамъ, гдѣ въ живой рѣчи соотвѣтствуютъ палатальные или палатализованные р и л (р̀, л̀, l)—явленіе очень распространенное въ современной монг. письменности въ С.-З. Монголіи; можно даже признать, что это явленіе постепенно дѣлается традиціоннымъ. [26] См. прим. 21. [27] См. прим. 8. [28] < халх.-зап. нар̀ін (емфат.), классич.: форма [illegible]. [29] Классич.: [illegible]. [30] См. прим. 18. [31] См. прим. 8. [32] См. прим. 14. [33] [illegible]. [34] [illegible]. [35] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 4. [36] См. прим. 23. [37] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 4. [38] Ср. прим. 7. [39] См. прим. 10. [40] халх.-зап. бӑдӓрчī, форма классич.: [illegible]. [41] См. прим. 7. [42] См. прим. 10. [43] [illegible]. Ср. прим. 21. Ср. А. М. Позднѣевъ. Каменисный памятникъ подчиненія Маньчжурами Кореи. ЗВОИРАО., т. V, стр. 46, стрк. 17; стр. 54. [44] Ср. прим. 43. [45] [illegible]. Ср. прим. 21, 43. [46] Классич.: [illegible] ([illegible]), ср. прим. 10. [47] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 4. [48] < халх.-зап. ҕадӓ, классич. форма: [illegible]. [49] < халх.-зап. мо̀рпе̄, мо̀рпī, форма классическаго языка: [illegible]. [50] [illegible]. Ср. прим. 7. [51] См. прим. 46. [52] См. прим. 7. [53] См. прим. 40. [54] Классич.: [illegible]. Употребленіе [illegible] вм. [illegible] встрѣчается довольно часто въ монг. письменности, какъ старой, такъ и новой, что и отмѣчалось нашими грамматиками: см. А. Бобровниковъ. Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. Казань 1849, стр. 180—182; В. Л. Котвичъ. Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка. Изданіе (литограф.) студентовъ Э. Мауринга и Э. Беренса, СПБ. 1902, стр. 132; А. Д. Рудневъ. Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка. Выпускъ I. (Литограф.) СПБ. 1905, стр. 87. [55] См. прим. 40.

[56] См. прим. 46. [57] < халх.-зап. абчір- < абчі-іре-; v. абчір- теперь чувствуется уже какъ одно слово, одинъ глаголъ; классич. форма: [illegible] [58] См. прим. 40, 10. [59] См. прим. 40. [60] Форма классич. языка: [illegible] [61] [illegible] Ср. прим. 57. [62] Классич.: [illegible] См. прим. 3. [63] См. прим. 10. [64] См. прим. 40. [65] См. прим. 54. [66] См. прим. 15. [67] [illegible] См. прим. 34. [68] См. прим. 10. [69] < халх.-зап. jір, форма классическаго языка: [illegible] [70] См. прим. 10. [71] < халх.-зап. сӯ, молоко; классическія формы [illegible] Объ изображеніи конечно ӯ односложныхъ словъ черезъ [illegible] см. Б. Владимірцовъ. О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ. Извѣстія Акад. Наукъ. Петроградъ. 1916, стр. 356—357. [72] См. прим. 10. [73] См. прим. 8. [74] См. прим. 34. [75] < халх.-зап. а̊рі̊х, а̊рі̊ᵏхі (ср. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. СПБ. 1908, стр. 50); классич. форма: [illegible] [76] < халх. асӯрнӓр; классич. [illegible] [77] См. прим. 76. [78] См. прим. 10. [79] < халх.-зап. оᵏхӧн, оᵏхін, ср. ойрат.-письм. оқон, баит., дэрб.- Кобд. окң; классич. [illegible] [80] См. прим. 76. [81] См. прим. 79. [82] См. прим. 76. [83] См. прим. 79. [84] См. прим. 18. [85] См. прим. 76. [86] См. прим. 79. [87] < халх.-зап. сӧну, форма классическаго языка: [illegible] [88] См. прим. 79. [89] См. прим. 76. [90] См. прим. 7. [91] См. прим. 79. [92] < халх. а̊wа̊ечісан, въ монг. рукописяхъ и ксил. иногда встрѣчается соотвѣтствующая форма: [illegible] или [illegible] Ср. К. Ѳ. Голстунскій. Монголо-русскій словарь. Т. I. СПБ. 1895, стр. 18. Недавно появившійся монголо-японскій словарь 蒙辭和典 тоже указываетъ форму [illegible] (стр. 7). [93] Классич.: [illegible] Ср. прим. 2, 4, 25. [94] [illegible] См. прим. 52. [95] См. прим. 76. [96] См. прим. 10. [97] Классич.: [illegible] [98] < халх.-зап. хортӧц, классич. [illegible] Ср. прим. 34. [99] [illegible] Ср. прим. 7, 38. [100] См. прим. 10. [101] См. прим. 98. [102] См. прим. 92. [103] См. прим. 10. [104] См. прим. 43, 45. [105] j въ этомъ словѣ появилось, очевидно, подъ вліяніемъ халх.-зап. jӧрӧl, классическія формы: [illegible] Ср. Г. І. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. СПБ. 1905, ста. 52. [106] См. прим. 43. [107] См. прим. 9. [108] См. прим. 21. [109] Классич.: [illegible] Ср. прим. 2, 4, 25. [110] См. прим. 105. [111] См. прим. 21. [112] Классич.: [illegible] [113] < халх.-зап. v. а̊рwід-, ср. прим. 25, классическая форма: [illegible] См. выше, «Къ изданію текста». [114] См. прим. 105. [115] < халх.-зап. даја̄нчі,

обычная форма классическаго языка: [illegible] [116] Въ монг. письменности обычно встрѣчается такое начертаніе этого слова: [illegible], точно транскрибирующее его тибетскій прототипъ: [illegible]. [117] Классич.: [illegible] [118] См. прим. 18. [119] См. прим. 1. [120] Классич.: [illegible], или Accusat. [121] См. прим. 18. [122] Классич.: [illegible] [123] См. прим. 43, 45. [124] Обычное начертаніе: [illegible] [125] См. прим. 115. [126] Появленіе такого начертанія надо объяснять вліяніемъ формы халх.-зап. намā (Accusat. отъ бі), Ср. прим. 21. См. выше, «Къ изданію текста». [127] См. прим. 121. [128] Въ монг. рукописяхъ и ксил. обычно встрѣчается такое начертаніе этого слова: [illegible], что и отмѣчается нашими словарями Ковалевскаго и Голстунскаго и грамматикой А. Бобровникова (Граммат. монг.-калмыцк. яз. Казань, 1894, стр. 124), хотя правильнѣе было бы писать такъ, какъ указываетъ настоящій текстъ: [illegible] < v. бaрі- + суффиксъ взаимн лда; нашъ текстъ даетъ далѣе уже форму [illegible] [129] См. прим. 1. [130] < халх.-зап. гіᵏхё; форма классическаго языка: [illegible], формы: гі- (халх.-зап.), гі- (хотогойт., баит., дэрб.-Коб.) || монг. письм. ге- употребляются очень часто въ живой современной рѣчи. См. выше, «Къ изданію текста». [131] См. прим. 115. [132] < халх.-зап. таңбāрāг, классическая форма [illegible], ср. также прим. 3. [133] См. прим. 12. [134] См. прим. 131. [135] < халх.-зап. ᵏхīгēдӯі; форма классическаго языка: [illegible] [136] < халх.-зап. іднā, ідёнā, классич. [illegible] [illegible] Вообще форма [illegible] (-на) || халх. -нā, -нā,∞-нă,∞-н, баит. дэрб.-кобд. -нā, -нā, -н, вост.-монг. -на, -нȧ, -нä, -н, -но и пр., || монг.-письм. -нам, -муі встрѣчается очень часто въ современной монг. письменности и возникла, несомнѣнно, подъ вліяніемъ живой рѣчи (ср. О. Ковалевскій. Краткая граммат. монг. книжнаго яз. Казань, 1835, стр. 96). [137] Классич.: [illegible] [138] См. прим. 109. [139] См. прим. 115. [140] См. прим. 131. [141] < халх.-зап. олдōwā, ср. прим. 8, классич. форма: [illegible] [142] Классич.: [illegible] [143] См. прим. 115. [144] См. прим. 12. [145] См. прим. 35. [146] См. прим. 35. [147] [illegible] Ср. прим. 3, 4. [148] См. прим. 35. [149] См. прим. 14. [150] [illegible] ср. прим. 15. [151] < халх.-зап. гішӯ, гёшӯ, форма классич.: [illegible] [152] См. прим. 45. [153] < халх.-зап. тʻапā, классическая форма [illegible] [154] См. прим. 45. [155] См. прим. 126. [156] [illegible] См. прим. 7. [157] Классич.: [illegible] [158] См. прим. 12. [159] < халх.-зап. v. біᵏхіле-, классич. [illegible] [160] Классич.: [illegible] Наши грамматики упоминаютъ формы того же дѣепричастія на -мачі, -мча, -маса, -мса, указывая, что онѣ встрѣчаются въ разговорномъ языкѣ, форма же на -маɓчін до сихъ поръ еще не была зарегистрирована; см. О. Ковалевскій. Краткая граммат.

монг. книжнаго яз. Казань, 1895, стр. 120—121; А. Бобровниковъ. Граммат. монг.-калмыц. яз. Казань, 1849, стр. 141; В. Л. Котвичъ. Лекціи по граммат. монг. яз. СПБ., 1902, стр. 113; А. Д. Рудневъ. Лекціи по граммат. монг. письмен. яз. СПБ., 1905, стр. 51; G. I. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XIX. Helsingfors, 1903, p. 53, 115—116; А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Выпускъ I. Петроградъ, 1913—1914, стр. XC—XCI. 161 См. прим. 10. 162 Классич.: . 163 Классич.: . Въ современной монг. письменности нерѣдки ороографическія ошибки такого рода, ср. прим. 12. 164 См. прим. 14. 165 См. прим. 10. 166 См. прим. 10. 167 См. прим. 126. 168 Классич.: . 169 См. прим. 10. 170 . См. прим. 7. 171 См. прим. 161. 172 <халх.-зап. аwїрї, классическая форма: . Ср. прим. 113, ср. выше, прим. 113. 173 См. прим. 98. 174 Классич.: . 175 См. прим. 1. 176 . См. прим. 7. 177 См. прим. 162, 10. 178 Классич.: . См. прим. 4. 179 . См. прим. 7. 180 Классич.: . 181 См. прим. 10. 182 Классич.: . См. прим. 112. 183 Классич.: или . См. прим. 135. 184 . Ср. прим. 3, 128. 185 См. прим. 10. 186 . 187 См. прим. 1. 188 . 189 См. прим. 183. 190 <халх.-зап. хоцхо̆, форма классическаго языка: . 191 См. прим. 130. 192 Классич.: . См. прим. 57. 193 См. прим. 10. 194 См. прим. 15. 195 См. прим. 10. 196 См. прим. 10. 197 Классич.: . 198 См. прим. 15. 199 <халх.-зап. цʻо̄ᵉхо̆ц, классич. формы: , . Впрочемъ форма встрѣчается иногда въ монг. письменности, что и было отмѣчено К. О. Голстунскимъ (см. его Монг.-русскій словарь, т. 3, стр. 306; эту же форму дастъ и монгольско-японскій словарь 蒙和辭典, стр. 409. 200 См. прим. 10. 201 <халх.-зап. одо̄, классич. форма: . 202 Обычно . 203 См. прим. 14. 204 См. прим. 79. 205 См. прим. 79. 206 См. прим. 10. 207 <халх.-зап. нерїдwа̄, классическ. . См. выше, «Къ изд. текста». 208 См. прим. 79. 209 Въ монг. письменномъ языкѣ частица , не встрѣчающаяся ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ живыхъ монг. говоровъ, можетъ стоять только передъ и въ сочетаніи съ глаголами; поэтому слѣдовало бы: . 210 См. прим. 10. 211 Классич.: . См. прим. 7. 212 <халх.-зап. ецʻӗгӗ, ецʻгӗ, классическая форма: . 213 Классич.: . См. прим. 7. 214 См. прим. 10. 215 Классич.: . Ср. прим. 2. 216 Классич.:

[illegible] [illegible] [217] См. прим. 116. [218] < халх.-зап. додјіг < тибет. стод-гјогс. [219] См. прим. 14. [220] См. прим. 116. [221] См. прим. 167. [222] < халх.-зап. ɓолӯ-з̄ӓ || классич. форма: [illegible] См. G. I. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalka-Mongolischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XIX, p. 90—91. [223] < халх.-зап. v. абчі-, неизвѣстный классическому письменному языку. [224] Классич.: [illegible] Ср. Б. Владимірцовъ. О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ. Извѣстія Академіи Наукъ. СПБ. 1916, стр. 351. [225] См. прим. 10. [226] Классич.: [illegible] См. прим. 7. [227] Классич.: [illegible] См. прим. 7. [228] [illegible] См. прим. 7. [229] <халх.-зап. чінікхі; классич. форма: [illegible] [230] Классич.: [illegible] [illegible] [231] Классич.: [illegible] [illegible]. [232] < халх.-зап. ѳчӯрчі, ѳчірчі, классическая форма: [illegible] [233] См. прим. 18. [234] Очевидная описка, должно стоять: [illegible] [235] < халх.-зап. ін'ēд классич.: [illegible] [236] < халх.-зап. јадлā, классич. [illegible] [237] Классич.: [illegible] [238] См. прим. 21. [239] Второй разъ подъ рядъ встрѣчается форма на ці=классич. цу. [240] <халх.-зап. кхісēң, кхігсēң; форма классическаго языка: [illegible], eji (ei) монг.-письменнаго языка соотвѣтствуетъ халх. ī, см. Г. І. Рамстедтъ. Сравнительная фонетика монг. письменнаго языка и халха'ско-ургинскаго говора. СПБ. 1909, стр. 55. См. выше, «Къ изд. текста». [241] См. прим. 132, классич.: [illegible] [242] Классич.: [illegible] См. прим. 132. [243] Классич.: [illegible] [244] Очевидная описка, слѣдовало бы: [illegible] [245] Классич.: [illegible], халх.-зап. цігӯр, ср. прим. 4. [246] См. прим. 10. [247] Класс.: [illegible] См. прим. 215. [248] < халх.-зап. ӧгӧгін (Genet.) классич.: [illegible] [illegible]; ср. А. Позднѣевъ. Сказаніе о хожденіи въ тибетскую страну Мало-дӧрбӧтскаго Бā̆за-бакши. Калмыцкій текстъ, съ переводомъ и примѣчаніями. СПБ. 1897, стр. XVI—XVII. [249] Классич.: [illegible], конечное ң появилось подъ вліяніемъ халх.-зап. -ң || монг.-письмен. -н на концѣ словъ и въ особенности на концѣ словъ передъ начальнымъ заднеязычнымъ слѣдующаго слова. [250] < халх.-зап. чамāēг, чамāēгі, классическая форма: [illegible] [251] < халх.-зап. ɓѳɓӧēɓчі, классическая форма: [illegible] [252] < халх.-зап. інēд, форма классическаго языка: [illegible] [253] Классич.: [illegible] Ср. прим. 2, 25. [254] < халх.-зап. хāēрілдāг, классич.: [illegible] Ср. прим. 2, 25. См. выше, «Къ изд. текста». [255] <халх.-зап. -сāң || монг.-письмен. аɓсан; [illegible] [illegible] < халх.-зап. хāēрілдāгсāң, см. G. I. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XIX, p. 35—36, 93. См. выше, «Къ изд. текста». [256] См. прим. 201. [257] [illegible]

Ср. прим. 12, 163. [258] Выше на предыдущей стр. это слово являлось въ формѣ [illegible]. [259] Классич.: [illegible]. Ср. прим. 128. [260] См. прим. 1. [261] Классич.: [illegible]. См. прим. 132. [262] См. прим. 1. [263] Ср. прим. 3. [264] См. выше, «Къ изд. текста». [265] Классич.: [illegible]. [266] См. прим. 117. [267] < халх.-зап. менеͤхі, форма классич.: [illegible]. [illegible], Ср. Рамстедтъ. Фонетика, стр. 55. [268] Въ Ms. Burd. при д стоитъ точка, какъ въ манджур. письмен. [269] См. прим. 11, 21. [270] См. прим. 126. [271] См. прим. 69. [272] [illegible]. [273] См. прим. 128. [274] См. прим. 7. [275] См. прим. 10. [276] См. прим. 4. [277] Классич.: [illegible]. [278] См. прим. 10. [279] См. прим. 10. [280] Форма классич. яз.: [illegible], см. прим. 3. [281] См. прим. 7. [282] См. прим. 4, форма классич.: [illegible]. [283] См. прим. 21. [284] См. прим. 7. [285] Подобное начертаніе, очевидно, появилось по аналогіи съ формами [illegible], [illegible], etc.; классич.: [illegible]. [286] См. прим. 18. [287] См. прим. 267, ср. прим. 7. [288] Ср. прим. 222, форма классич.: [illegible]. [289] См. прим. 7. [290] См. прим. 7. [291] См. прим. 7. [292] См. прим. 21. [293] См. прим. 7. [294] [illegible]. [295] См. прим. 229. [296] Ср. прим. 232, форма классич.: [illegible]. [297] Классич.: [illegible]. [298] См. прим. 43. [299] См. прим. 12. [300] См. прим. 7. [301] Можно думать, начертаніе keiiŋlekÿi появилось подъ вліяніемъ халх.-зап., въ которомъ, какъ это уже было отмѣчено выше, историческое е послѣ заднеязычныхъ произносится какъ ė (почти какъ i) и даже чередуется съ i; съ другой стороны историческое i перваго ударнаго слога, послѣ заднеязычныхъ, произносится какъ ė; благодаря этому на письмѣ и происходитъ смѣшеніе е и i; форма классич. яз.: kiliŋlekÿi. [302] См. прим. 14. [303] Ср. прим. 3, классич. форма: [illegible]. [304] Форма классич. яз.: [illegible], ср. прим. 2, 25. [305] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 79. [306] Классич.: [illegible]. Начертаніе, подобное этому, съ лишнимъ знакомъ [illegible] часто встрѣчается въ современной монгольской письменности. [307] < халх.-зап. медӣā-бi-ӡª, ср. прим. 264. [308] Обычно: [illegible] [illegible], ср. прим. 124. [309] Форма классич. яз.: [illegible] [illegible], ср. прим. 13, 306. [310] См. прим. 18. [311] См. прим. 10. [312] [illegible]. [313] < халх.-зап. мōрч, мōрчі, классич.: [illegible], ср. прим. 296. [314] См. прим. 10. [315] См. прим. 303. [316] См. прим. 150. [317] См. прим. 10. [318] См. прим. 57. [319] < халх.-зап. awpwā, awÿpwā, классич. форма: [illegible], ср. прим. 3, 296. [320] Выше нѣсколько разъ встрѣчалось начертаніе [illegible], обѣ эти формы равноправны. [321] См. прим. 10. [322] Классич.: [illegible], начертаніе текста, — навѣрное, орѳографическая ошибка; впрочемъ ср.

прим. 3. [323] См. прим. 306. [324] См. прим. 10. [325] См. прим. 7. [326] < халх.-зап. ірᵏхӗ ᵏхерӗг-сӗц; классич.: форма: [illegible] ([illegible]). [327] См. прим. 18. [328] См. прим. 147. [329] См. прим. 14. [330] См. прим. 7. [331] См. прим. 21. [332] См. прим. 10. [333] См. прим. 147. [334] См. прим. 37, ср. прим. 3. [335] См. прим. 14. [336] См. прим. 21. [337] Ср. прим. 296. [338] См. прим. 224. [339] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [340] См. прим. 37. [341] Ошибочное начертаніе, очень распространенное въ современной монгольской письменности, появившееся, очевидно, по аналогіи съ [illegible] [illegible] etc., классич.: [illegible] [342] См. прим. 2. [343] См. прим. 10. [344] См. прим. 11. [345] Халх.-зап. ᵏхӯндӯі, классич.: [illegible] [346] Классич.: [illegible] ср. прим. 3. [347] См. прим. 7. [348] См. прим. 224. [349] < халх.-зап. мӯпо̄ᵏхі, ср. Рудневъ, Говоры Вост. Монг., стр. 189. [350] < халх.-зап. чӑма̄; конечно, трудно рѣшить, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ старинную форму или проявленіе вліянія живой рѣчи; ср. прим. 21, 43. [351] См. прим. 10. [352] Ср. прим. 320. [353] См. Б. Владимірцовъ, О частицахъ отрицанія при повелительн. наклоненіи въ монг. яз. Изв. А. Н. 1916 г., стр. 356. [354] См. прим. 7. [355] < халх.-зап. урдо̆; начертанія [illegible] [illegible] вм. классич. [illegible] часто встрѣчается въ монгольской письменности, какъ старой, такъ и новой, современной. [356] < халх.-зап. чӑцӯ, см. выше, «Къ изд. текста»; ср. прим. 1. [357] <халх.-зап. чӑмда̄ц, классич. форма: [illegible] [illegible], ср. прим. 12. [358] < халх.-зап. мо̄, ср. Рамстедтъ, Фонетика, стр. 4. [359] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [360] Очевидная описка, д. б. [illegible] [361] Классич.: [illegible], ср. прим. 3. [362] См. прим. 11. [363] См. прим. 10. [364] < халх.-зап. ӯігӗр, ӯігӯр; классич.: [illegible], ср. прим. 3. [365] Выше въ подобныхъ фразахъ стоитъ [illegible] ([illegible]). [366] <халх.-зап. ара̄тӑц, ара̄тӑ, см. выше, «Къ изд. текста». [367] См. прим. 14, [368] См. прим. 224. [369] См. прим. 224. [370] См. прим. 10. [371] См. прим. 18. [372] См. прим. 1. [373] См. прим. 54. [374] См. прим. 18. [375] См. прим. 224. [376] См. прим. 18. [377] Ср. прим. 360. [378] Классич.: [illegible] [379] Обычно: [illegible] [380] См. прим. 14. [381] См. прим. 301. [382] См. прим. 224. [383] Классич. форма: [illegible] [384] См. прим. 18. [385] См. прим. 301. [386] Классич.: [illegible] Ср. Б. Владимірцовъ, Турецкіе элементы въ монг. яз. ЗВОИРАО. XX, 164. [387] Ср. прим. 202. [388] См. прим. 364. [389] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [390] См. прим. 10. [391] Ср. прим. 1. [392] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [393] См. прим. 10. [394] См. прим. 224. [395] См. прим. 21. [396] См. прим. 319. [397] Ср. прим. 15. [398] См. прим. 5. [399] См. прим. 3. [400] См. прим. 224. [401] См. прим. 21. [402] См. прим. 7. [403] См.

прим. 10. [404] См. прим. 360. [405] См. прим. 21. [406] См. прим. 10. [407] См. прим. 360. [408] См. прим. 130. [409] См. прим. 43. [410] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3, 8. [411] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [412] Классич.: [illegible], ср. прим. 2, 3. [413] Ср. прим. 1. [414] См. прим. 399. [415] Классич.: [illegible] [416] См. прим. 7. [417] См. прим. 10. [418] См. прим. 14. [419] Очевидная описка, д. б. [illegible] [420] См. прим. 399. [421] См. прим. 69. [422] Ср. прим. 10. [423] См. прим. 1. [424] Классич.: [illegible]; ср. Рамстедтъ, Фонетика, стр. 29. [425] Классич.: [illegible] ср. прим. 3. [426] См. прим. 7. [427] См. прим. 221. [428] См. прим. 7. [429] См. прим. 319. [430] См. прим. 14. [431] См. прим. 10. [432] См. прим. 105. [433] См. прим. 10. [434] Ср. прим. 4. [435] См. прим. 360. [436] См. прим. 4. [437] См. прим. 7. [438] См. прим. 341. [439] См. прим. 10. [440] Классич.: [illegible], ср. прим. 3. [441] Классич.: [illegible], ср. прим. 3, 7. [442] Ср. прим. 4. [443] <халх.-зап. аб̌чіріі, ср. прим. 57. [444] См. прим. 341. [445] См. прим. 296. [446] См. прим. 7. [447] См. прим. 10. [448] См. прим. 439. [449] Ср. прим. 3; классич.: [illegible] [450] См. прим. 18. [451] См. прим. 439. [452] См. прим. 43. [453] Классич.: [illegible] [454] См. прим. 10. [455] Ср. прим. 4. [456] См. прим. 232. [457] См. прим. 469. [458] См. прим. 18. [459] См. прим. 10. [460] См. прим. 10. [461] См. прим. 469. [462] < халх.-зап. лōсің хад̬ (Sing!). [463] См. прим. 454. [464] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [465] <халх.-зап. ǰӯңд̬ŏ, гдѣ ң, быть можетъ, является по аналогіи съ ǰӯңг̬ēд̬. [466] См. прим. 469. [467] См. прим. 452. [468] Классич. форма: [illegible], ср. прим. 3. [469] < халх.-зап. ǰiᵏхĭд̬ĕ. [470] Классич. форма: [illegible], ср. халх.-зап. г̬арл̥б̆ӑ, ср. прим. 3. [471] См. прим. 5. [472] См. прим. 469. [473] < халх.-зап. орō-, форма классич. яз.: [illegible] [474] См. прим. 18. [475] См. прим. 10. [476] См. прим. 360. [477] См. прим. 454. [478] Классич. форма: [illegible] [illegible], подобныя явленія довольно часто встрѣчаются въ современной монгольской письменности. [479] Ср. прим. 4. [480] См. прим. 481. [481] Очевидная описка, д. б.: [illegible] [482] Форма классич.: [illegible], хотя, даже въ ксилограф. пекинскихъ изданіяхъ нерѣдка форма, даваемая нашимъ текстомъ, возникшая, очевидно, подъ вліяніемъ южно-монгольскаго произношенія; см. выше, «Къ изд. текста». [483] См. прим. 453. [484] См. прим. 469. [485] Ср. прим. 469. [486] < халх.-зап. хар-ерēң, класс.: [illegible] [illegible], ср. прим. 19. [487] См. прим. 18. [488] См. прим. 10. [489] См. прим. 473. [490] См. прим. 10. [491] См. прим. 1. [492] См. прим. 469. [493] < халх.-зап. ᵏхӳнд̬ӳ̆Ідᵉг̬; классич.: [illegible] [494] См. прим. 69. [495] См. прим. 10. [496] См. прим. 3. [497] См. прим. 10.

[498] См. прим. 4. [499] См. прим. 15. [500] См. прим. 10. [501] См. прим. 18. [502] Ср. прим. 411. [503] См. прим. 18. [504] См. прим. 370. [505] См. прим. 21. [506] См. прим. 366. [507] См. прим. 14. [508] См. прим. 353. [509] См. прим. 366. [510] См. прим. 366. [511] Описка, д. б.: . [512] Классич.: , ср. прим. 3, 7. [513] См. прим. 366. [514] См. прим. 10. [515] См. прим. 7. [516] Ср. прим. 370, [517] См. прим. 18. [518] < халх.-зап. ᵏхеlēрā, въ письменности обычно ; въ классич. письменномъ монг. яз. форма эта почти не встрѣчается; см. выше, «Къ изд. текста». [519] См. прим. 201. [520] . [521] См. прим. 14. [522] < халх.-зап. ḃішӯ. [523] См. прим. 7. [524] Ср. прим. 360. [525] См. прим. 1. [526] См. прим. 366. [527] См. прим. 42. [528] См. прим. 12. [529] Классич. форма: , ср. прим. 3. [530] См. прим. 366. [531] См. прим. 370. [532] См. прим. 201. [533] См. прим. 10. [534] Классич.: , ср. прим. 7, 3. [535] См. прим. 366. [536] Ср. прим. 360. [537] См. прим. 360. [538] См. прим. 360. [539] См. прим. 469. [540] Классич.: , ср. халх.-зап. ėрᵏхĭ-wĭшī, ср. прим. 2, 7. [541] См. прим 201. [542] См. прим. 3. [543] См. прим. 366. [544] См. прим. 10. [545] <халх.-зап. манīг, манäёг, классич. форма: . [546] Родъ «грамматикализаціи», встрѣчающейся, спорадически, и въ классическомъ письменномъ языкѣ; подобныя явленія возникли, очевидно, по аналогіи: тегӯн-ӯ || тегӯн-ече || тегӯн-чіlеn || тегӯн дегере || тегӯн улам; классич. . [547] См. прим. 10. [548] См. прим. 79. [549] См. прим. 15. [550] См. прим. 10. [551] См. прим. 267. [552] Въ классич. чаще , ср. прим. 3. [553] Явно безграмотное начертаніе, классич.: . [554] Классич.: , ср. халх.-зап. шуwӯ, шуwӯң. [555] Классич.: , ср. прим. 3. [556] См. прим. 18. [557] < халх.-зап. шаwäр, классич.: . [558] См. прим. 10. [559] Ср. прим. 7. [560] Классич.: . [561] См. прим. 360. [562] См. прим. 21. [563] Классич.: , ср. прим. 3, ср. халх.-зап. алха̄. [564] См. прим. 10. [565] Классич.: . [566] См. прим. 43. [567] См. прим. 10. [568] См. прим. 360. [569] См. прим. 360. [570] См. прим. 552. [571] См. прим. 43. [572] См. прим. 383. [573] См. прим. 43. [574] См. прим. 7. [575] Классич.: ( ), ср. прим. 306. [576] См. прим. 360. [577] <халх.-зап. ȯнӧ̄дӯр; ср. Рудневъ, Говоры Вост. Монг. стр. 189; классич.: . [578] <халх.-зап. неγīн, неγīнī; классич.: , см. прим. 10. [579] См. прим. 360. [580] См. прим. 577. [581] <халх. марḃāш; слово это очень часто употребляемое въ живой рѣчи и обще-распространенное, оно заимствовано отъ халхасцевъ и ихъ сосѣдями, напр. баит., дэрб.-Кобд., захач. etc, въ классич. письм. языкѣ чаще всего эквивалентомъ служитъ слово .

[582] Классич. [583] < халх.-зап. е^к^хё̆іці, ср. прим. 3; классич. [584] См. прим. 267. [585] См. прим. 360. [586] < халх. зарђӑ, ср. прим. 3; классич. форма: [587] См. прим. 10. [588] < халх.-зап. по̆го̄дӯр, ср. Рудневъ, Говоры Вост. Монг. стр. 189; классич.: [589] Ср. прим. 2; классич.: [590] < халх. ʒабдӑ, классич.: [591] Классич.: , ср. прим. 3, 360. [592] Классич.: , ср. халх.-зап. цо̄^к^хоц, ср. прим. 199. [593] Классич.: , ср. прим. 3. [594] См. прим. 267. [595] См. прим. 1. [596] См. прим. 7. [597] См. прим. 3. [598] <халх.-зап. намӑёг, намӑёгі, ср. прим. 250. [599] <халх.-зап. ^к^хі, классич.: , см. выше, «Къ изд. текста». [600] См. прим. 7. [601] См. прим. 7. [602] См. прим. 7. [603] См. прим. 201. [604] См. прим. 10. [605] См. прим. 10. [606] См. прим. 10. [607] См. прим. 4. [608] <халх.-зап. ^к^хічіне, ср. выше, «Къ изд. текста»; классич.: [609] См. прим. 383. [610] См. прим. 10. [611] См. прим. 43. [612] См. прим. 512. [613] См. прим. 10. [614] См. прим. 1. [615] См. прим. 7. [616] См. прим. 3. [617] Классич.: [618] Классич.: , ср. прим. 3, 4, 9. [619] См. прим. 560. [620] См. прим. 598. [621] См. прим. 341. [622] < халх.-зап. о̆рч̆-іlгёwа̄; классич.: [623] См. прим. 10. [624] Классич.: ; ср. халх. хура̄-, см. Рамстедтъ, Фонетика, стр. 30. Я думаю, что объясненіе этого слова, даваемое І. Г. Рамстедтомъ, не совсѣмъ вѣрно. Дѣйствительно, нѣтъ особыхъ основаній предполагать форму kуруђаkу > халх.-Ург., халх.-зап. хура̄хӑ, разъ извѣстны формы монг.-письм.: kура- собираться, kурал собраніе; на основаніи всѣхъ этихъ формъ можно притти къ заключенію, что форма побудительнаго глагола отъ kура- будетъ не kуруђа-, какъ думаетъ І. Г. Рамстедтъ, а kурађа-, отъ котораго и развилась, слѣдуя общему правилу, халх. форма хура̄-. Но, въ монг.-письм., обычно, встрѣчается форма kурija-; трудно предположить, чтобы это была форма искусственно и неправильно образованная, путемъ «архаизаціи» халх. хура̄-. Извѣстное въ старину у монголовъ слово kурілтаі заставляетъ признать «настоящей» и форму монг.-письм. kурija-; очевидно монг. яз. знаетъ двѣ основы: kура- и kурі- (Ср. Дорджи Банзаровъ. «Объясненіе монг. надписи на памятникѣ Исункэ, племянника Чингисъхана». Черная вѣра... и другія статьи Дорджи Банзарова. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. СПБ. 1891, стр. 92). Памятникъ XIV в., разобранный В. Л. Котвичемъ, даетъ форму kурађа- (|| kурija-), подтверждая вышесказанное предположеніе (см. статью В. Л. Котвича въ V т. «Сборника М. А. и Э. при Р. А. Н.» — «Монгольскія надписи въ Эрдэни-дзу», стр. 209—210). [625] См. прим. 301. [626] См. прим. 10. [627] См. прим. 3. [628] Классич.: , ср. прим. 3. [629] Классич.: , ср. прим. 3. [630] Классич.: ,

ср. прим. 105. [631] Классич. формы: [Mongolian script], [Mongolian script], ср. халх.-зап. бӑёна. [632] См. прим. 360. [633] <ідё̆м-ʒё̆, ср. выше, «Къ изд. текста», || классич. [Mongolian script] [634] < халх.-зап. бітё̆гі, классич. форма: [Mongolian script] [635] См. прим. 15. [636] См. прим. 360. [637] См. прим. 617. [638] См. прим. 14. [639] Слово это не отмѣчено нашими словарями; очевидно д. б.: [Mongolian script], ср. ойрат.-письм. моjімі петля, накидываемая на шею лошади; монг.-письм. бођумі; см. ниже, «Списокъ словъ». [640] См. прим. 10. [641] См. прим. 7. [642] См. прим. 10. [643] См. прим. 10. [644] Классич.: [Mongolian script], ср. прим. 2. [645] Д. б.: [Mongolian script], см. ниже, «Списокъ словъ»; слово это въ начертаніи, даваемомъ MS. Burd., т. е. съ лишнимъ [Mongolian script] на концѣ, часто встрѣчается въ современной монгольской письменности. [646] См. прим. 69. [647] Классич.: [Mongolian script], халх.-Ург. ӱlʒӱі̄, халх.-зап. ȯlʒӱі̄, ȯlʒа̄. [648] Классич.: [Mongolian script] [649] < халх.-зап. і̄м, і̄мё̆; классич. форма: [Mongolian script] [650] Ср. прим. 397. [651] См. прим. 253. [652] Классич.: [Mongolian script] [653] < халх.-зап. дȯрwӯlӯң, классич.: [Mongolian script] [654] См. прим. 14. [655] См. прим. 10. [656] < халх.-зап. шӯрҕӯдё̆ҕ, классич.: [Mongolian script] [657] < халх.-зап. шӯрҕӯдё̆ҕ-сё̆ң; асан || классич. ађсан. [658] < халх.-зап. ідё̆дё̆ҕ-сё̆ң. [659] См. прим. 652. [660] Классич. форма. [Mongolian script] [661] См прим. 652. [662] Классич.: [Mongolian script], ср. халх.-зап. ҕутђа̄р. [663] См. прим. 14. [664] См. прим. 652. [665] См. прим. 652. [666] Ср. прим. 583. [667] Классич.: [Mongolian script], начертаніе [Mongolian script] очень часто встрѣчается въ пекинскихъ xyl. [668] См. прим. 253, классич.: [Mongolian script] [669] Ср. прим. 254, классич.: [Mongolian script] [670] Классич.: [Mongolian script], ср. прим. 578. [671] Ср. прим. 224. [672] Классич.: [Mongolian script], ср. прим. 254. [673] Ср. прим. 3, классич. [Mongolian script] [674] Ср. прим. 3. [675] См. прим. 672. [676] См. прим. 132.

ПЕРЕВОДЪ.

Для удобства всѣ разсказы MS. Burd. снабжены мною обычными для разсказовъ Pañcatantra заглавіями, которыя набраны крупнымъ шрифтомъ; переводы же подлинныхъ заглавій, встрѣчающихся иногда въ текстѣ, напечатаны мелкимъ шрифтомъ.

I. Женщина и лиса (шакалъ)[1].

Давно тому назадъ въ одной странѣ на югѣ Индіи жили мужъ съ женой. Жена влюбилась въ совсѣмъ посторонняго чело-

[1] Въ разныхъ тибетскихъ и монгольскихъ сказаніяхъ лиса (ཝ་, ӱнегеn) соотвѣтствуетъ шакалу параллельныхъ индійскихъ сказаній. Напр., въ извѣстномъ разсказѣ о «Синемъ шакалѣ», находящемся въ тибетскомъ Ганджурѣ (по Нартанскому изданію — отдѣлъ ḥДул-ба, т. IV, f. 255v) и въ монгольскомъ Ганджурѣ (по печатному изданію, экземпляръ котораго принадлежитъ Парижской Національной Библіот. — Fond Pelliot, отд. ḥДул-ба, т. ད, f. 266—f. 267; начальныя слова разсказа: уріда болуҕсан нігеn етегед-декі амітан-дур нігеn ӱнегеn ацуҕу [sic]), вмѣсто шакала является лиса. F. Anton von Schiefner переводилъ слово ཝ་ черезъ «шакалъ» въ этомъ и въ другихъ разсказахъ (см. Schiefner-Ralston, 336); надо замѣтить, что, очевидно, Schiefner для своихъ переводовъ сказаній изъ тибетскаго Ганджура пользовался вышеупомянутымъ Нартанскимъ изданіемъ, а не Пекинскимъ, какъ думалъ В. П. Васильевъ (ср. Schiefner-Ralston, p. XXXIV), по крайней мѣрѣ №№ ff. и тома, указываемые въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Schiefner'омъ, соотвѣтствуютъ именно Нартанскому изданію Ганджура, находящемуся въ Азіатскомъ Музеѣ Р. А. Н. Очень можетъ быть, смѣшеніе шакала съ лисой произошло на тибетской почвѣ (ср. ཝ་ лиса и ཝ་མ་སྐྱུང་ шакалъ; возможно что ཝ་ есть только сокращеніе ཝ་མ་སྐྱུང, обычное въ тибетскомъ языкѣ; въ такомъ случаѣ ཝ་ должно значить не «лиса», а «шакалъ»; ср. тибетскій переводъ Bodhicaryāvatāra, VIII, 30). Волжскіе калмыки позабыли слово ӱнегеn и лису называютъ теперь арāтă < apija-ту (форма apija-ту дикій звѣрь, неизвѣстная нашимъ словарямъ, знающимъ только соотвѣтствующую форму plural. apijатаn, встрѣчается иногда въ монгольской письменности, въ особенности старой; напр., эта форма встрѣчается на f. 19 v. стариннаго ксилографа, заключающаго сочиненіе: кутуҕ-ту Манџушірі-jin нере-ji ӱнеn-ijер öгӱlекӱi — Ārya Mañjuçrī nāma saṃgīti, xyl. Азіатскаго Музея А. Н. подъ сигнатурой: Рудневъ, № 104, содержащее любопытный матеріалъ по языку; эта же форма встрѣчается иногда и въ ойратскихъ сочиненіяхъ, см. напр. К. О. Голстунскій. Монголо-ойратскіе законы 1640 г. СПБ. 1880, стр. 15, 51: — арāту; наши словари указываютъ, правда, форму apija-ту, но только въ значеніи «самецъ сайги»), и только въ старой ойратской письменности встрѣчается иногда и слово ӱнегеn. Въ соотвѣтствующемъ разсказѣ Ерд.-чім. калмыцкой версіи стоитъ [illegible] — явно безграмотное начертаніе (см. MS. — Q. 542 библіотеки Петр. Унив. f. 6).

вѣка[1] и назначила ему свиданіе въ одномъ мѣстѣ внѣ дома. Въ то время, какъ она приближалась къ условленному мѣсту, подошелъ воръ и отобралъ у нея разныя украшенія, одежду, все. Тогда та женщина, очутившись совершенно безъ ничего, голой, застыдилась и не могла никуда пойти; она присѣла подъ деревомъ на берегу моря и прикрыла сухими листьями свои тайныя части тѣла. Когда она такъ сидѣла, шла туда лиса, слѣдуя вдоль берега, съ кускомъ мяса въ зубахъ. Лиса, увидѣвъ, что изъ моря высунулась рыба, бросила на землю мясо, бывшее у нея во рту, и кинулась схватить рыбу, но та въ тотъ же мигъ, нырнувъ, ушла на дно моря. А, въ то время какъ лиса возвращалась назадъ, воронъ схватилъ мясо и улетѣлъ къ небу. Лиса, вернувшись назадъ, стала смотрѣть туда и сюда, выпучивъ глаза, и, устыдившись, остановилась въ изумленіи. Тогда та женщина засмѣялась и сказала: — «Ай, лиса, ты бросила на землю мясо, что было у тебя во рту, а, въ то время какъ ты позарилась на рыбу, мясо твое, которое ты уже держала въ зубахъ, схватилъ воронъ и улетѣлъ къ небу, рыба же ушла на дно моря. Что смотришь, неловкая лисишка?» Лиса ей тогда отвѣтила такъ: — «Женщина, ты пошла шляться зря ради другого мужчины, тогда какъ у тебя есть свой прекрасный, законный мужъ, была ограблена воромъ и лежишь, не зная что дѣлать, закрывъ свои лядвія древесными листьями; на тебя, разгульная, скверная женщина, смотрю!» Женщина тогда была страшно пристыжена.

Не надо говорить о порокахъ другихъ, согласно съ пословицей, гласящей: когда обнаруживаютъ пороки другихъ, обнаруживается собственный

---

[1] Въ текстѣ стоитъ: бусуд, plur. отъ бусу; употребленіе единственнаго числа вм. множественнаго въ извѣстныхъ случаяхъ свойственно многимъ монгольскимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ и халх.-зап., въ районѣ котораго былъ написанъ MS. Burd., а также и письменному монгольскому языку, еще древняго періода; ср.: урідус сајід сбӱген сајін ечіге письма гулагидскаго султана Ölцеітӱ къ Филиппу II-му Красивому (13—14 строка); «семилѣтній мальчикъ», обращаясь къ Убаши-хунтайджи, говоритъ ему: нојод (pl. отъ нојон), см. Лама Галсанъ Гомбоевъ. Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ ойратами. Труды Вост. Отд. А. О. ч. VI, Приложеніе, стр. 202—203. То же самое встрѣчается и у Сананъ-Сецена, см. I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. St.-Petersburg, 1829, p. 64. Ср. аналогичныя явленія въ тибетскомъ языкѣ, см. D-r Palmyr Cordier. Cours de tibétain classique, 1-er semestre 1907. Hanoi, MDCCCVII, p. 30 (Suffixes emphatiques).

порокъ; съ пословицей, съ которой сходенъ этотъ разсказъ (о женщинѣ и лисѣ)[1].

II. Kalandaka и ястребъ.

Въ прежнее давнее время жилъ старикъ, ловецъ птицъ. Однажды, когда тотъ старикъ поставилъ свои сѣти, попался птенецъ птицы kalandaka[2]. Старикъ и старуха ударили его нѣсколько разъ палкой и, посадивъ въ земляную печь съ пепломъ, прикрыли сверху камлотомъ. Черезъ нѣсколько сутокъ подошелъ пѣтухъ, котораго то семейство держало, и ударилъ клювомъ по камлоту. Тогда птенецъ kalandaka сказалъ: — «О, святая милость, какъ посмотришь, видишь, что ноги твои похожи на тонкія вѣтви ивы, самъ ты весь похожъ на птицу garuḍa, пестринки на твоемъ тѣлѣ — съ узорами, гребешокъ, какъ привѣшенный на темени красный цвѣтокъ, обладаетъ красою пера павлина. Если бы ты, достигшій высшаго пути, ты, высокорожденный, снялъ этотъ камлотъ, то былъ бы великимъ благодѣтелемъ!» Когда онъ такъ превознесъ пѣтуха, тотъ сказалъ: — «Ты меня хорошо восхвалилъ» и съ этими словами сгребъ камлотъ. Тогда птенецъ kalandaka поднялся едва живой, отдохнулъ немного и перелетѣлъ на дерево. Поворачиваясь тамъ во всѣ стороны, kalandaka сказалъ: — «Хотя меня и побили раза два и бросили подъ камлотъ въ пепелъ голоднымъ на трое сутокъ, и все-таки меня, царя пернатыхъ, не могли убить! Я теперь лечу къ синему небу! Въ то время, какъ я буду жить сотни тысячъ лѣтъ[3], ты, старикъ, сложишь свои кости въ этомъ домѣ». Сказавши это, онъ пересѣлъ на тонкую вѣтвь и встряхнулся; маленькое деревцо тогда пошелохнулось. — «Я сильнѣе вѣтра, — сказалъ kalandaka, — когда я, поправивъ свои перья, вылечу къ синему небу, буду похожъ на парящаго орла. Хотя ты и поколотилъ меня 4—5 разъ палкой, мнѣ ни на ноготокъ не было больно; хотя на трое сутокъ бросилъ меня въ пепелъ, даже маленькаго вреда мнѣ не сдѣлалось. Скверный старикашка, когда-нибудь твой домъ сдѣлается, вѣдь, гнѣздомъ для моихъ дѣте-

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

། གཞན་གྱི་སྐྱོན་དགས་བརྗོད་མི་བྱ།	Не надо говорить о порокахъ другихъ;
། གཞན་གྱི་སྐྱོན་དགས་ཅི་བརྗོད་པ།	говорящій что-либо о порокахъ другихъ,
། དེ་བཞིན་བདག་ལའང་ཡོང་བ་སྐྱེ།	обнаруживаетъ тѣ же у самого себя,
། དཔེར་ན་ཝ་དང་བུད་མེད་བཞིན།	примѣръ: лиса (шакалъ) и женщина.

[2] Монг. текстъ называетъ птенца то kalandaka, то kandara (кандарі).

[3] Въ текстѣ мінҕан тӳмен.

нышей». Когда kalandaka, такъ говоря, произносилъ горделивыя слова и вертѣлся во всѣ стороны, вдругъ на него набросился ястребъ и, зажавъ въ когтяхъ, улетѣлъ.

Сказано: такимъ образомъ пусть оставятъ говорить гордыя слова, не вѣдая о томъ, что сами малы и ничтожны[1].

III. Мать врача и нищій монахъ.

Въ одно прошлое давнее время заболѣла мать Отоčі-jin гегенʼа[2]. Послѣдній не былъ въ состояніи лѣчить и не могъ опредѣлить (понять) болѣзни. Въ то время пришелъ разъ къ его матери одинъ бадарчі лама[3],

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кjі. т.-ч.:

།བདག་ཉིད་ལ་ནི་བསྟོད་མི་བྱ།	Не надо восхвалять самого себя;
།བདག་ཉིད་ལ་ཉི་སུས་བསྟོད་པ།	тотъ, кто восхваляетъ самого себя,
།དེ་ནི་བློ་ཆུང་ཤེས་རབ་ཞན།	малъ умомъ и ничтоженъ познаніемъ,
།དཔེར་ན་ཀ་ལན་ད་ཀ་འདྲ།	примѣръ — kalandaka.

[2] Т. е. святого перерожденца Bhaiṣajyaguru, см. A. Grünwedel. Mythologie des Buddhismus. Leipzig; 1900, p. 118; Paul Pelliot. Le Bhaiṣajyaguru. Bullet. d. l'École Fr. d. E. O. t. III, p. 33—37. Въ настоящее время у монголовъ слово оточі обозначаетъ только «костоправа», но въ литературѣ оно является эквивалентомъ тиб. слова ལྷ་རྗེ་ и обозначаетъ вообще «врача», «лѣкаря». Слово это, повидимому, заимствовано монголами отъ турковъ, ср. уйг. отачі, ком. отацы—лѣкарь < от — лѣкарственное растеніе, причемъ въ монгольскую письменность оно попало при посредствѣ устной рѣчи, гдѣ появилась «лабіализованная» форма оточі < *отачі, но въ старой монг. письменности извѣстна и форма отачі, буквально воспроизводящая уйгурскую. Слово отачі(н) (ᠣᠲᠠᠴᠢ · ᠣᠲᠠᠴᠢᠨ) встрѣчается часто въ монг. Ганджурѣ, см., напр., экземпляръ библіот. П. Университ., отд. ḥДул-ба, т. 10, f. 94. Форма отачі встрѣчается иногда и въ болѣе новыхъ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ, напр. въ кутуҕту оҕтарҕуі Наіман гегеген перетӳ судур (пекинскій xyl.).

[3] Т. е. нищенствующій монахъ; такъ въ Монголіи называютъ разнаго рода монаховъ, отправившихся за сборомъ милостыни. Этимъ общимъ именемъ бадірчі ∾ бадарчі лама, бадарчі (< бадар < бадір — чаша < санскр. pātra, черезъ уйгурское или тибетское посредство) монголы называютъ какъ бѣдняковъ, собирающихъ милостыню въ свою пользу, такъ и гораздо болѣе состоятельныхъ, иногда даже очень богатыхъ монаховъ, отправляющихся со своей свитой за сборомъ подаянія или въ пользу какого-либо монастыря или монастырскаго учрежденія, или на

котораго звали Терге-таӡуӡчі (Гонящій телѣгу). Мать врача предложила тому ламѣ въ изобиліи кушанья и напитки, постаралась развеселить его и сказала: «Лама мой, если вы занимаетесь врачеваніемъ, то соблаговолите вылѣчить меня отъ этой болѣзни. Я мать — Оточі-јін ґеґен'а. Сынъ мой, врачъ, не былъ въ состояніи лѣчить меня, теперь же онъ, врачъ, изволилъ уйти къ сосѣдямъ». Тотъ же лама ничего-то не зналъ. Не найдя никакого средства, онъ подумалъ: — «Какъ я обезкуражу эту старицу?» и сказалъ: — «Тебя легко вылѣчить, двумя дозами лѣкарства вылѣчу. Если ты примешь его съ настоящимъ благоговѣніемъ, то быстро вылѣчишься. Одну дозу прими сегодня, другую же прими въ концѣ третьихъ сутокъ. Мое лѣкарство снаружи, въ телѣгѣ». Сказавши это, онъ вышелъ, взялъ земли съ телѣжнаго пути, завернулъ такъ, что вышло двѣ дозы лѣкарства, отдалъ и поспѣшно ушелъ, съ тѣмъ чтобы удалиться до возвращенія Оточі-јін ґеґен'а.

Старуха же съ великимъ благоговѣніемъ приняла одну дозу, и въ ту же ночь ея болѣзнь сдѣлалась гораздо легче. Послѣ того вернулся Оточі-јін ґеґен и обрадовался тому, что его мать почувствовала себя лучше. Когда же мать его, въ отвѣтъ на его вопросъ, разсказала ему, какъ получила лѣкарство отъ бадарчі Терге-таӡуӡчі, онъ чрезвычайно подивился и подумалъ: «Какъ могъ справиться ничего-то незнающій бадарчі съ этой болѣзнью, съ которой я ничего не могъ подѣлать?» Между тѣмъ какъ онъ продолжалъ такъ дивиться, мать его приняла послѣднюю дозу лѣкарства и выздоровѣла совершенно. Тотчасъ же Оточі-јін ґеґен отправилъ нѣсколько человѣкъ и приказалъ найти и привести къ нему того бадарчі съ телѣгой. Когда посланные люди нашли того бадарчі и разсказали ему о томъ, что случилось, бадарчі подумалъ: «Эти люди говорятъ неправду, старуха та навѣрное

построеніе храма, ступы; именемъ бадарчі монголы называютъ также ламъ высшихъ степеней и ґеґеновъ, — по большей части тибетцевъ, отправляющихся совершать особыя богослуженія, ставить мистическіе танцы — цам'ы, преподавать какое-либо сочиненіе, а также хўшан'овъ, т. е. буддійскихъ монаховъ изъ китайскихъ монастырей (будь то китайцы, южные монголы, тангуты), нерѣдко посѣщающихъ Монголію для сбора подаянія, совершенія нѣкоторыхъ богослуженій и, главнымъ образомъ, врачеванія. Бадарчі иногда занимаются и торговлей. Монголы, въ общемъ, очень хорошо относятся ко всѣмъ бадарчі, нѣкоторымъ же выказываютъ и большое почтеніе. Тѣмъ не менѣе, среди монголовъ можно замѣтить и нѣсколько ироническое, отрицательное отношеніе къ нищимъ монахамъ, какъ къ дармоѣдамъ, лѣнтяямъ, обманщикамъ. Напр., разсказываютъ такой анекдотъ. — Залаяла около одной юрты собака; мальчикъ, находившійся внутри, кричитъ своей матери: «Человѣкъ какой-то пришелъ»; тогда мать ему отвѣчаетъ: «Это не человѣкъ, — бадарчі».

умираетъ» и сказалъ: — «Я не пойду». Когда же онъ сталъ хорохориться, посланцы улучили моментъ, чтобы его связать, схватили и привели къ врачу. Оточі-jін геген тогда очень обрадовался, оказалъ почтеніе и поднесъ ему за излѣченіе матери 500 цѣльныхъ кусковъ сукна и шерстяной матеріи. — «Ну,—сказалъ онъ,—какъ могъ ты справиться съ болѣзнью, которую я не могъ вылѣчить? Это какая болѣзнь? Какое вы[1] дали лѣкарство?» Такъ какъ тотъ бадарчі совершенно ничего не зналъ, то разсказалъ по правдѣ, какъ онъ завернулъ и далъ, какъ лѣкарство, землю изъ-подъ телѣги. Оточі-jін геген тогда удивился, посмотрѣлъ на гаданья и узналъ, что во врачебныхъ, знахарскихъ книгахъ сказано, что прахъ съ 70 переваловъ и съ 70 степей очищаетъ грифовый ядъ. Та же старуха вообще не пила почвенной воды, а все пила воду со скалы или дождевую воду, и онъ узналъ, что она мало-по-малу заболѣла оттого, что пила воду, въ которую помочился грифъ.

Это вотъ и есть, почему говорятъ: не только врачъ, но и знахарь полезенъ при напасти[2].

Послѣ этого, мало-по-малу, Оточі-jін геген сталъ тосковать и, переставъ возрождаться здѣсь, отошелъ на небо Оҕмін[3] (Akaniṣṭha).

---

[1] Въ монг. текстѣ въ рѣчи врача стоитъ вначалѣ мѣстоименіе чі — ты, затѣмъ та — вы, хотя онъ говоритъ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Въ живой рѣчи монголовъ можно наблюдать часто, какъ они путаютъ «ты» и «вы», употребляя то одно, то другое мѣстоименіе при обращеніи къ одному и тому же лицу, въ особенности если лицо это имъ хорошо знакомо или ниже по соціальному положенію.

[2] Очень похожая поговорка оказалась въ небольшомъ сборникѣ пословицъ и загадокъ, вывезенныхъ Ц. Ж. Жамцарано отъ монголовъ Абаҕа (въ южной Монголіи): [illegible] — «Не только врачъ, но и знахарь полезенъ» (см. MS. Азіатскаго Музея Россійск. Акад. Н. подъ сигнатурой Ж. № 61, инв. 1911 г. № 888).

[3] Оҕмін — транскрипція тиб. слова འོག་མིན་, см. Sarat Chandra Das. Tib.-Eng. diction., p. 1118; см. также О. Ковалевскій. Буддійская космологія. Учен. Зап. И. Казанск. Универс. 1837 г. кн. I, стр. 419—421; тибетско-монгольская буддійская энциклопедія — «К'ас-наḥі бjуӊ-гнас» — «Мергед ҕарку-jін орон» указываетъ слово [illegible] аканішта, какъ эквивалентъ тиб. འོག་མིན་ (f. 37 экземпляра библіот. Петрог. Унив. — Xyl. Q. 16) < санскр. akaniṣṭha, — такъ называется буддистами область западнаго неба, гдѣ находится Dhyāni Buddha Akṣobhya; см. также G. Huth. Geschichte des Buddhism. in der Mongolei. Strassburg. 1896, p. 84, прим. 4.

IV. Богъ луны (Candradeva), богъ солнца (Sūryadeva) и Rāhu[1].

Въ давнее прошлое время, когда deva и asura[2] во взаимномъ согласіи помѣшали и взболтали великое Молочное море[3], тогда впервые появились и взошли на небо солнце и луна. Когда они еще помѣшали, появилась кружка крѣпкаго вина[4]; Хормуста[5] соизволилъ его вкусить. Появив-

---

[1] См. Berthold Laufer. Die Bru-ža Sprache und die historische Stellung des Padmasambhava. T'oung Pao. Série II, vol. IX, p. 30, прим. 4

[2] О словѣ asura см. K. R. V. Raja. Asura Maya. F. W. T. Note on the above. Journ. of the R. Asiatic. Soc. of G. B. a J. 1917, part 1, p. 131—132.

[3] Въ монг. текстѣ стоитъ ᠰᠦ сӳ (при помощи ᠦᠦ ӳӳ монголы обозначаютъ недолгое ӳ на концѣ односложныхъ словъ; см. мою статью «О частицахъ отрицанія при повелительн. наклон. въ монг. яз.» Изв. Акад. Н. 1916, стр. 356—358). Сӳ или Сӳн далаі=тиб. འོ་མ་མཚོ, санскр. Kṣīroda — сказочное море, вода котораго похожа на молоко; это «Молочное море» часто упоминается въ разныхъ монгольскихъ сказаніяхъ, встрѣчается даже въ національныхъ монгольскихъ былинахъ, см., напр., халх. былину Боѓдӧ нојӧң Џанраї хаң (Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Рудневъ. Образцы монг. народной лит. СПБ. 1898, стр. CXXIII) — Сум далаї. Упоминается это море и въ ойратскихъ былинахъ. Такъ какъ у современныхъ халхасцевъ и ойратовъ молоко обозначается нѣсколько отличающимися фонетически словами сӳ (халх.) и ӳсн̥ (ойр.) < ӳсӳн, то названіе этого сказочнаго моря перестало у нихъ ассоціироваться съ молокомъ и явилось въ формахъ Сум далаē, Сун далā—море Сумъ, море Сунъ.

[4] Въ монг. текстѣ [illegible] слово это означаетъ ядъ и очень крѣпкое вино, крѣпкую водку. Монголы такъ называютъ нѣсколько разъ перегнанную кумысную водку, то же самое, что у астраханскихъ калмыковъ хорзă; см. Ир. А. Житецкій. Очерки быта астраханскихъ калмыковъ. Изв. И. Общ. Люб. Естеств. Антроп. и Этног., т. LXXVII, вып. I, стр. 16. Москва. 1893.

[5] <уйг. [illegible] въ свою очередь заимствованное изъ Ирана; F. W. K. Müller читаетъ xurmuzta (см. Uigurica. II, p. 106. Abhand. d. k. p. A. d. W. 1910. p.-h. C.); я думаю, что вокализація Müller'а не совсѣмъ правильна и правъ В. В. Радловъ, транскрибировавшій это слово, какъ kормуста (см. Kuan-ši-im Pusar. Biblioth. Bud. XIV, p. 46), что подтверждается данными другихъ языковъ: ср. монг.-пис. kормуста, ойрат.-пис. хормуста, халх. ойрат.-Зап.-Монг. хормӳстă, манджур. хормусда, наконецъ, турецкое — алт. тел. kӧрмӧс злой духъ. Кормуста тңрі, повелитель 33 deva, соотвѣтствующій инд. Indra Çatakratu, Çakra, герой многочисленныхъ буддійскихъ сказаній, превратился въ монгольскомъ народномъ представленіи во многихъ небожителей, въ одного изъ многочисленныхъ Хормӳстн̥ тенгр̥ или

шуюся же еще одну кружку вина взяли asura. При дальнѣйшемъ помѣшиваніи появилась кружка rasāyana, и тогда asura ее забрали.

Послѣ этого царь Хормуста собралъ deva и соизволилъ сказать слѣдующее: «Rasāyana досталась asura. Если asura выпьютъ эту rasāyana, то станутъ настолько сильны, что съ ними будетъ не легко! Хорошо бы было намъ украсть у нихъ!» Сказавши это, онъ послалъ бога солнца со словами: — «Ты попробуй при помощи какой-нибудь уловки ее добыть!» Послѣ этого всѣ deva скрылись среди облаковъ.

Богъ солнца превратился въ очаровательную, прекрасную и увлекательную дѣвушку, достигъ того мѣста, гдѣ asura собрались распить rasāyana, и сѣлъ въ ихъ собраніи рядомъ съ ними. Послѣ этого дѣвушка (богъ солнца) сказала: — «Развѣ вы не будете поступать согласно съ мірскимъ закономъ, когда будете пить эту rasāyana?» Asura ее спросили: — «Какимъ же образомъ надо пить эту rasāyana, чтобы не было вреда?» Тогда дѣвушка (богъ солнца) сказала имъ: — «Вамъ слѣдуетъ пить ее, вымывши свое тѣло и лицо и хорошенько очистившись». Тогда asura, согласившись съ ней, сказали: — «Во всей вселенной женщина ловка и искусна. Ея

одного изъ 33 Хормӯстц̥ теңгр̥ (см. А. В. Бурдуковъ. Преданіе о происхожденіи дэрб. князей. Труды Троиц.-Кяхт. о. П. о. И. Р. Г. О. т. XIV, вып. 1—2, стр. 58—59; см. также Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монг. Вып. IV. СПБ. 1883, стр. 429). Думаю, что такое «паденіе» произошло на почвѣ неправильной этимологіи: выраженіе Кормуста-jін ƃучін ƃурбан тңрі (монг.-письм.) «33 deva Хормусты (подчиненные Хормусты, изъ области Хормусты)» стало пониматься, какъ Хормӯстц̥ гучін гурwц̥ теңгр̥ (ойрат.) — «Хормусты — 33 deva» > гучін гурwц̥ Хормӯстц̥ теңгр̥ — «33 deva Хормусты»; т. е. Genetiv. (Кормуста-jін > халх. ойр. Хормӯстīн) былъ понятъ какъ plur. — Хормӯстц̥ (несуществующая основа кормус-+-тан, plur. отъ -ту; ср. Алексѣй Бобровниковъ, Грамматика монгольско-калмыцкаго языка, Казань, 1849, стр. 227). Въ этомъ видѣ это слово и было заимствовано алтайцами отъ монголовъ, по всей вѣроятности отъ ойратовъ: Курбустан. Такой неправильной этимологіи могли, конечно, способствовать и разныя буддійскія легенды, повѣствующія о томъ, какъ то или другое лицо перерождалось Хормустою. Подобно тому какъ у турецкихъ племенъ — алтайцевъ и телеигитовъ — глава свѣтлыхъ небожителей превратился въ кӧрмӧс'а — злого духа, бѣса, и въ монгольскихъ народныхъ сказаніяхъ можно встрѣтить слѣды такой же диференціаціи представленій о Хормустѣ. Напр., въ баитской былинѣ Хам-Меклā̄, въ которой упоминается и Хормӯстц̥ теңгр̥, появляется владыка злыхъ духовъ Хормӯкчїн (см. также Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монг. Вып. IV. СПБ. 1883, стр. 429—452). Такъ же какъ и тур. слово кӧрмӧс, баит. дэрб.-Кобд. слово Хормӯкчїн является искаженіемъ слова Кормуста, сопутствующимъ искаженію представленія о свѣтломъ небожителѣ.

слова справедливы!» Затѣмъ они сказали ей: — «Дѣвушка, если тебѣ не лѣнь, посиди, покарауль эту rasāyana, мы же пойдемъ помыться въ водѣ, а какъ придемъ, мы удѣлимъ и тебѣ rasāyana!» Съ этими словами они ушли къ водѣ. Дѣвушка же (богъ солнца) взяла кружку съ rasāyana, какъ та была, и ушла къ deva.

Послѣ того пришли asura, посмотрѣли — видятъ: rasāyana унесла дѣвушка; узнавши это, поняли они, что это deva обманомъ забрали у нихъ. Стали они тужить и горевать и сказали другъ другу: — «Теперь пусть одинъ изъ насъ приметъ другой видъ, сядетъ вмѣстѣ съ ними, обманувши, на ихъ пиру и попробуетъ при помощи хитрости унести rasāyana». Сговорившись такъ, asura отправили владыку asura — Rāhu. Тотъ же достигъ области deva, принялъ видъ бога луны и сѣлъ рядомъ съ другими. Въ тотъ день deva Хормуста собрался вкусить rasāyana; поэтому выставилъ на стражу бога луны. Никто изъ deva не узналъ, богъ же луны подумалъ: — «Что это за такой богъ луны, совершенно похожій на меня? Это, навѣрно, Rāhu съ Ketu»[1]. Понявши это, онъ пригласилъ и привелъ Vajrapāṇi, повелителя

---

[1] Въ монг. текстѣ стоитъ [illegible]; слово это неизвѣстно, не указывается ни въ какихъ словаряхъ. Изъ контекста многочисленныхъ индійскихъ легендъ можно заключить, что рѣчь идетъ о Ketu. Ketu появляется и въ соотвѣтствующемъ разсказѣ южной Pañcatantra (см. Dubois, p. 161). Rāhu и Ketu, два asura, по буддійской астрологіи являются восходящимъ и нисходящимъ узломъ созвѣздія Дракона. Они считаются также двумя послѣдними изъ 9 планетъ; они то производятъ солнечныя и лунныя затменія, см. Mahāvyutpatti (рукопись библіот. П. Университ. F. 134): санс. Rāhu, тиб. སྒྲ་གཅན; монг. [illegible] и санс. Kettu, тиб. མཇུག་རིང་, монг. [illegible] 8-я и 9-я планета изъ числа གཟའ་དགུ་ [illegible] — 9-ти планетъ. На нижней крышкѣ тома [illegible] отдѣла ḥДул-ба печатнаго монг. Ганджура (экземпляръ Парижской Національн. Библіот. — Fond Pelliot), содержащаго Prātimokṣasūtra, находятся изображенія Ketu и Rāhu въ краскахъ; Ketu — желтый, Rāhu — зеленый. Монг. версія сутры Наіман гегеп (см., напр., MS. Азіатскаго Музея A. II. I, № 93, f. 29v), перечисляя 8 большихъ планетъ — [illegible], помѣщаетъ на послѣднее мѣсто планету [illegible] Рахула < санскр. Rāhula (вм. Rāhu) и прибавляетъ еще [illegible] Урту сегӱl-тӱ (переводъ тибет. མཇུག་རིང་) — «Съ длиннымъ хвостомъ», т. е. Ketu. Такимъ образомъ объяснить происхожденіе слова [illegible] пока не удается, и только несомнѣнно можно заключить, что оно обозначаетъ Ketu.

Ерд.-чім. не упоминаетъ о Ketu вовсе и вообще даетъ нѣсколько иную версію этого разсказа. По Ерд.-чім., Хормуста самъ превращается въ красавицу и

вредоносныхъ, и сказалъ: — «Соблаговоли ударить Rāhu съ Ketu!» Тогда повелитель вредоносныхъ разрубилъ станъ Rāhu могучимъ сakra съ девятью отрогами. Но такъ какъ Rāhu раньше уже выпилъ rasāyana, то онъ поднялся живымъ и произнесъ пророческое пожеланіе: — «Такъ какъ ты обманомъ унесъ rasāyana, да проглочу я тебя, богъ солнца, въ то время, когда тридцатаго числа ты соединишь узлы орбиты!» И еще произнесъ пророческое пожеланіе: — «Въ воздаяніе за то, что ты, богъ луны, узнавъ меня, указалъ и заставилъ разрубить, да схвачу и пожру я тебя пятнадцатаго числа, во время полнолунія!» Какъ только онъ произнесъ эти пророческія пожеланія, тотчасъ оба бога, солнца и луны, произнесли разомъ вмѣстѣ свои пророческія пожеланія: — «Когда ты будешь глотать насъ, пусть ротъ твой сведется, и если въ то время всѣ живыя существа будутъ творить дѣла добродѣтели и закона, то пусть года жизни ихъ удлинятся, а тѣ сотворенныя дѣла добродѣтели пусть увеличатся до безчисленнаго количества!»[1]

похищаетъ rasāyana, Rāhu даетъ обѣщаніе проглотить только луну. Для объясненія же затменій солнца авторъ Ерд.-чім. добавляетъ (f. 23v): [illegible] т. е. — «Относительно солнечныхъ затменій 30-го числа (луннаго мѣсяца) полагаю, что (Rāhu) по ошибкѣ схватило (солнце), потому что оно приблизилось къ лунѣ».

Еще больше, какъ это было уже указано выше, въ деталяхъ отличается соотвѣтствующій разсказъ Ч.-ч.

Среди монголовъ бродитъ много народныхъ пересказовъ этой старинной легенды о затменіяхъ (ср. Н. Н. Агапитовъ и М. Н. Хангаловъ. Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири. Иркутскъ. 1883, стр. 46—47. Г. Н. Потанинъ. Очерки С.-З. Монголіи. Вып. IV, стр. 191—193. Вып. II, стр. 126—127. Г. Н. Потанинъ. Тангутско-тибетск. окраина Китая, т. II. СПБ. 1893, стр. 283, 316—317, 339, 346. Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя М. Н. Хангаловымъ, О. Н. Затопляевымъ и другими. Зап. Восточно-Сибир. О. Р. Г. О. т. I, вып. 1. Иркутскъ, 1889, стр. 127—128, № 41, «Затменіе луны»). Къ сожалѣнію, Г. Н. Потанинъ и Н. Н. Агапитовъ, встрѣчая у того или другого монгольскаго племени пересказы старинной индійской легенды, считаютъ ихъ національно-монгольскими, объясняютъ и дѣлаютъ разныя сопоставленія, пользуясь данными одной только монгольской живой старины.

[1] Ч.-ч. заканчиваетъ соотвѣтствующій разсказъ сентенціей:

[illegible] т. е. — «Смыслъ разсказа: не вѣрь, поэтому, слову обманщика, не относись съ жадностью къ тому, что принадлежитъ другимъ». Очень похоже на эту сентенцію заключеніе XI-го разсказа Ерд.-чім.

V. Вши и блоха.

Въ одно давнее прошлое время жилъ въ гротѣ одной скалы нѣкій почтенный[1] лама-отшельникъ, предаваясь созерцанію. На его тѣлѣ жило-было семь вшей. Эти вши постоянно кусали его, и поэтому тѣло его зудилось и являлась помѣха для созерцанія. Когда онъ сказалъ имъ, чтобы онѣ его не кусали, вши ему заявили: —«Если мы не будемъ питаться твоимъ тѣломъ, то что же мы можемъ ѣсть?» Тогда почтенный отшельникъ сказалъ имъ:

Монголы внимательно слѣдятъ за лунными и солнечными затмѣніями, во время которыхъ ламы читаютъ благопожеланія —ірӯгеl'ы— и бьютъ въ барабаны, а міряне подымаютъ крикъ, пальбу изъ ружей, стучатъ металлической посудой. Года два тому назадъ мнѣ пришлось быть во время луннаго затменія на р. Булҕ'ѣ въ Зап. Монголіи. Одинъ старикъ-урянхаецъ приказалъ своимъ сыновьямъ стрѣлять изъ ружей, а самъ все повторялъ, глядя на затемненную луну: ікї зоwо̄ді-wāнā, кöркö— «сильно мучится, бѣдняжка», и прерывалъ свои слова неистовымъ воплемъ.

Въ Лугс-кјі. т.-ч. имѣются слѣдующіе стихи:

།གཡོ་ཅན་ངག་འཇམ་ཚིག་ལ་ཉན།	Не слушай лукавыхъ рѣчей и нѣжныхъ словъ;
།དེ་ཡི་ཚིག་ཐོས་ཉན་བྱེད་ན།	если будешь слушать такія слова,
།དཔེར་ན་དབང་པོའི་རྒྱལ་མཚན་གྱིས།	то посмотри на примѣръ, какъ
།སྤྱང་ཀི་ལ་སོགས་བསླུས་པ་ལྟོས།	волки и прочіе были обмануты знаменемъ могучаго.

Ерд.-чім. даетъ такой комментарій (f. 11 v): [illegible] «То, о чемъ было сказано: — надо смотрѣть на то, какъ были обмануты волки и прочіе, есть слѣдующее: побѣдоносный знакъ могучаго есть Хормуста. Волкъ же, хотя и входитъ къ deva, но изъ-за голоса asura, тогда попадаетъ къ asura». Монгольскіе же переводы Лугс-кјі т.-ч. передаютъ послѣдніе два стиха этого четверостишія такъ:

[illegible]

[illegible] т. е. — «Подобно сказанію о томъ, какъ царь deva Хормуста обманулъ asura»; т. е. какъ бы слѣдуютъ комментарію, приведенному въ Ерд.-чім.

[1] Въ монг. текстѣ стоитъ слово аріҕун чистый благородный, соотвѣтствующее иногда санскр. ārya. Текстъ MS. Burd. нѣсколько разъ употребляетъ слово аріҕун въ значеніи «почтенный», для обозначенія буддійскаго монаха, очевидно, соотвѣтствующее тибет. བཙུན་པ་ благородный, почтенный.

— «Я могу васъ перебить и не убиваю только потому, что считаю это грѣхомъ. Вы не кусайте меня, когда я предаюсь созерцанію, въ другое же время питайтесь моимъ тѣломъ по своему желанію!» Тогда онѣ поклялись взаимно, давши другъ другу непоколебимое слово. И вотъ, въ то время какъ эти самыя вши жили согласно условленному, однажды неожиданно явилась блоха и сказала: — «Друзья! оказывается, вы здѣсь. Сдружимтесь!» Вши ей тогда отвѣтили: — «Мы связаны съ этимъ отшельникомъ клятвой при такихъ обстоятельствахъ», — и разсказали о прежнемъ правилѣ. Тогда блоха заявила: — «Ну, я буду жить такъ же», и поселилась съ ними.

Послѣ того, какъ-то блоха сказала: — «Я не давала еще клятвы подобно вамъ; я чувствую голодъ, буду кормиться». Вши на это возразили: — «Кормись, когда онъ закончитъ созерцаніе; если же будешь кусать его теперь, онъ подумаетъ, что это, навѣрно, мы его кусали, и всѣхъ перебьетъ». Хотя онѣ такъ останавливали и запрещали, тѣмъ не менѣе блоха не согласилась и покусала отшельника. Тотъ тотчасъ же разгнѣвался, подумавъ, что вши позабыли клятву. Когда же онъ сталъ искать ихъ, готовясь перебить вшей, блоха прыгнула и не попалась. А прежнія вши хотя и старались объясниться, говоря: — «Это не мы, это блоха», отшельникъ не согласился и перебилъ ихъ, думая о своемъ клятвенномъ обѣщаніи.

Если, такимъ образомъ, сдружишься съ плохими товарищами, то заразишься отъ нихъ такими же пороками. Надо, вѣдь, жить старательно, думая объ этомъ[1].

VI. Обезьяна и kalandaka.

Образецъ того, какъ обезьяна разорила гнѣздо kalandaka.

Въ одно давнее прошлое время обезьяна переговорила съ птицей kalandaka о томъ, какъ бы имъ сдружиться по-хорошему; давши клятву передъ «бурханомъ», kalandaka устроила свое гнѣздо у основанія одного дерева, а обезьяна устроила свое гнѣздо на макушкѣ. Послѣ того, въ лѣтнее

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кjі. т.-ч.:

།གྲོགས་ངན་བསྟེན་པར་མི་བྱ་སྟེ།	Не надо держаться плохихъ друзей;
།གྲོགས་པོ་ངན་པ་སུས་བསྟེན་པ།	кто держится плохихъ друзей,
།ཟ་ཀུ་ཏི་ཉི་བརྟེན་པ་ཡིས།	пусть посмотритъ на то, какъ
།ཤིག་རྣམས་ཕུང་བར་གྱུར་ལ་ལྟོས།	погибли вши благодаря тому, что поддержали блоху.

время, въ періодъ дождей, обезьяна, не сидя спокойно на деревѣ, двигалась туда и сюда, потому что нравъ обезьяны непостояненъ и легокъ[1]; тогда вода съ листьевъ и вѣтвей дерева попала въ гнѣздо kalandaka. Птицѣ стало неудобно, и она сказала: — «Обезьяна, другъ мой! По своимъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ ты быстра и легка; перестань-ка такъ часто вставать и садиться, посиди тихо, спокойно! Вода попала въ мое гнѣздо, и мнѣ неудобно». Когда она сказала такъ, ласково, обезьяна разозлилась и сказала: — «Такая, какъ ты, скверная птица будетъ меня учить! Много еще наговоришь?» И, пылая гнѣвомъ, пришла, разметала гнѣздо и раздавила яйца.

Если будешь дружить съ человѣкомъ очень гнѣвнымъ, свирѣпымъ и необдуманно-торопливымъ, то случится подобно этому. Потому крѣпко держи свой ротъ. Надо, вѣдь, быть осторожнымъ въ своихъ намѣреніяхъ[2].

---

[1] Въ монг. текстѣ: сармаӷчін-іін џаџ аӷалі ану тоӷтуӷурі ӱгеі кӧџген; такое опредѣленіе нрава обезьянъ сдѣлалось у монголовъ ходячимъ, стало какъ бы поговоркой; ср. также фразу, встрѣчающуюся на первыхъ страницахъ такого распространеннаго среди монголовъ и любимаго ими переводнаго китайскаго романа «Си-ю-цзи» (по-монгольски онъ называется: [illegible] или просто [illegible]): бечін џаџ тоӷтуӷурі ӱгеі — «нравъ обезьяны непостояненъ». Съ обезьянами, которыхъ, какъ извѣстно, нѣтъ въ Монголіи, монголы, даже монгольское простонародье, знакомятся во время исполненія мистическихъ танцевъ (цам), на которыхъ выступаютъ маски-обезьяны, обычно очень искусно представляющія настоящихъ обезьянъ (мечӤн дурāџӤ waӤна — «обезьяны дразнятся, подражаютъ», — какъ говорятъ монголы).

[2] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кjі. т.-ч.:

།ངན་པ་རྣམས་ལ་གྲོས་མི་གདབ།	Не давай совѣтовъ негоднымъ;
།ངན་པ་རྣམས་ལ་གྲོས་བཏབ་ན།	если кто даетъ совѣты негоднымъ,
།ལེགས་པར་སྨྲས་ཀྱང་ཉེས་པར་འགྱུར།	то, хотя бы хорошо говорилъ, идетъ къ бѣдѣ.
།སྤྲེའུས་ཀ་ལན་ད་ཀ་ཡི།	Посмотрите, какимъ образомъ обезьяна разорила гнѣздо kalandaka.
།ཚང་བཤིག་པ་ཡི་རྒྱུ་ལ་ལྟོས།	

VII. Мыши и котъ-наставникъ.

Ложь кошки.

Въ давнее прежнее время въ домѣ одного гелюна[1] стала убывать провизія такъ, какъ будто ее кто-нибудь бралъ. Когда это приключилось, гелюнъ, питая подозрѣнія, спрятался ночью и сталъ сторожить. Когда онъ такъ караулилъ, вошла кошка (мӯр), стала искать пищу и стащила четки того гелюна. Лишь только она взяла ихъ, почтенный монахъ[2] погнался за кошкой и схватилъ ее за хвостъ. Но, въ то время какъ онъ таскалъ ее туда и сюда, кошка напрягла силы, оборвала свой хвостъ и ушла.

Кошкѣ той мало-по-малу, послѣ того какъ у нея оборвался хвостъ, стало плохо, не стало у ней силы и крѣпости, чтобы ловить мышей. Когда же она сильно похудѣла, а пища все не находилась, изобрѣла она средство, повѣсила себѣ на шею четки и, перебирая ихъ, подошла къ мышиной норѣ. Когда же она позвала мышь, говоря, чтобы та вышла къ ней, то мышь сказала: — «Ты меня схватишь и съѣшь». Кошка на это ей заявила: — «По своей природѣ я творила зло. Но теперь я выслушала ученіе у Будды и дала обѣты. Я бросила десять черныхъ грѣховъ, причиняющихъ зло живымъ существамъ и прочее, и все думаю о полезномъ для всѣхъ живыхъ существъ». Мышь тогда вышла, посмотрѣла, — оказалось, та навѣсила себѣ четки и со скромнымъ и тихимъ видомъ читаетъ слова Закона такъ, что у ней гудѣло во рту. Опять кошка сказала: — «Такъ какъ много тѣхъ, кто причиняетъ вамъ зло, то вы должны слушать отъ меня святое ученіе; если вы сдѣлаетесь моими учениками, то подъ конецъ мои товарищи перестанутъ вамъ причинять зло, не будетъ и другихъ ужасовъ, и, въ концѣ концовъ, вы обрѣтете святость Будды. Поэтому, ты отправляйся поскорѣе и приходи, собравъ своихъ товарищей». Когда это она сказала, мышь подумала про себя: — «Оказывается, она, поистинѣ, стала совсѣмъ благонамѣренной, и полезно будетъ намъ, мышинымъ толпамъ, благоговѣть къ ней!» Бѣгая туда и сюда, она разгласила и втолковала массѣ мышей о происшедшемъ и явилась къ кошкѣ, собравъ ихъ очень много. Когда онѣ пришли, кошка привѣсила себѣ четки и, закрывши глаза, читала слова Закона такъ, что раздавалось гудѣнье. И когда очень много мышей подошло къ ней совсѣмъ близко, та не скалила зубовъ, а, наоборотъ, еще усерднѣе молилась. Тогда тѣ мыши,

---

[1] = тиб. དགེ་སློང་ = санскр. bhikṣu, буддійскій монахъ, принявшій обѣты и посвященія высшей степени.

[2] См. выше, разсказъ V.

собравшись исподволь, устроили въ одной очень большой ямѣ престолъ-сидѣнье изъ красивыхъ каменьевъ, посадили на него кошку и оказывали ей почетъ, признавъ ее своимъ наставникомъ (баҕші). А та стала три раза въ день проповѣдывать имъ Законъ, по всякій разъ, какъ они возвращались, она стала хватать по одной послѣдней мыши и поѣдать. Тогда мыши обратили вниманіе: мало-по-малу ихъ становится мало. — «Въ то время какъ нѣтъ у насъ врага извнѣ, какимъ образомъ и куда онѣ исчезаютъ? Что приключается?» — говорили онѣ тогда между собой. И сказалъ царь мышей, мышь Рапам[1], другимъ мышамъ: — «Я подозрѣваю наставника. Наставникъ мало-по-малу сталъ полнѣть, видъ и цвѣтъ его стали лучше, чѣмъ были вначалѣ. А мы, мыши, мало-по-малу уменьшаемся. Это какъ будто сомнительно! Я подумалъ, что выяснится, если посмотрѣть калъ наставника, и когда я посмотрѣлъ, то, дѣйствительно, оказались въ немъ кости и волоса мышей». Послѣ этого, понявъ исподволь обманъ наставника, мыши отправились къ нему и спросили: — «Наставникъ, вы какую же пищу кушаете?» — «Я ѣмъ сѣмена злаковъ и плоды, цвѣты, листья», отвѣтилъ имъ учитель. Тотчасъ всѣ мыши, собравшись, стали обсуждать, какимъ бы образомъ обнаружить и поймать наставника. И царь Рапам сказалъ: — «Легко поймать! Хорошо бы было, если бы былъ колокольчикъ». Тогда одна изъ мышей заявила: — «У меня въ норѣ есть одинъ маленькій колокольчикъ». Какъ только, сказавши это, она принесла его, мыши повѣсили колокольчикъ на шею кошкѣ, говоря: — «Наставникъ, мы подносимъ вамъ украшеніе». Такъ какъ кошка была глупа, то она, преподавши ученіе и распустивъ ихъ, бросилась и схватила, не обращая вниманія на звонъ колокольчика, послѣднюю мышь. Когда раздалось дребезжаніе колокольчика, онѣ всѣ, мыши, посмотрѣли, повернувшись назадъ, и все поняли. А Рапам сказалъ: — «Наставникъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы стали твоими учениками, твои, наставникъ, видъ и цвѣтъ стали красивыми, ты пополнѣлъ. А толпы насъ, мышей, стали совсѣмъ малочисленны. Мы тебя обнаружили при помощи колокольчика-украшенія, введя въ него магическія чары (siddhi). Опять же, наставникъ, то, что вы сказали, что ѣдите зерна злаковъ и цвѣты, оказалось ложью. Когда мы посмотрѣли твой[2] калъ, то тамъ обнаружились кости

---

[1] Ерд.-чім.: Рапа (f. 8); Ч.-ч.: Öбер-теген тусату (f. 10 v.) (Себѣ полезный); на основаніи этого можно утверждать, что имя царя мышей Рапам (MS. Burd:) ~ Рапа (Ерд.-чім.) не что иное, какъ транскрипція согласно произношенію тибетскаго слова རང་ཕན་(པ་) «себѣ полезный», даннаго въ переводѣ соотвѣтствующимъ разсказамъ Ч.-ч.

[2] См. выше, разсказъ III.

и волоса мышей. Наставникъ теперь достигъ поры отойти въ нирвану!» Послѣ этихъ словъ всѣ мыши убѣжали.

Отсюда и пошло то, что кошка скрываетъ свой калъ.

Подобно этому примѣру человѣкъ, исполняющій обманнымъ образомъ нравственные обѣты, не будучи самъ монахомъ, подобенъ наставнику мышей (кулуҕана-јін баҕші). Не слѣдуетъ ли это знать и понимать[1].

VIII. Брахманъ Најан̣таі, роняющій жемчугъ изо рта, и порочная царица.

Въ давнее прошлое время жилъ былъ одинъ брахманъ, по имени Најан̣таі[2]. Когда тотъ брахманъ смѣялся, изо рта у него падали драгоцѣнности-жемчужины. Поэтому, царь отдалъ тому брахману-наставнику свою дочь. Брахманъ тотъ съ царевной очень полюбили другъ друга, и у нихъ родился сынъ; имя ему дали Кумара (<санскр. kumāra юноша, царевичъ). Однажды царевна сказала своему мужу-брахману: — «Супругъ, кромѣ тебя мнѣ не надо другого мужа, кромѣ Кумара мнѣ не надо другого сына! И нужно, чтобы мой милый супругъ слышалъ это». Брахманъ согласился съ ея словами и все обдумывалъ ихъ. Потомъ отправился онъ однажды въ другую землю. Но, какъ только онъ прибылъ, вернувшись, въ свой домъ, увидѣлъ онъ, что его жена лежитъ, обнявшись съ какимъ-то постороннимъ мужчиной. «Оказывается, нельзя довѣрять тому, что сказала раньше эта женщина», подумалъ онъ, и душа его стала мучиться скорбью. Въ то время его тестю-царю понадобился жемчугъ; призвавъ однажды своего зятя-брахмана, онъ старался развеселить его разными способами, но онъ тогда не разсмѣялся, потому что раньше уже душа его стала мучиться скорбью. Потомъ опять одинъ царь пригласилъ того брахмана для того, чтобы попросить жемчуга. Тогда брахманъ на дорогѣ, по которой онъ отправился къ тому царю, уви-

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі т.-ч.:

།བརྫུན་གྱི་ཚིག་རྣམས་བརྗོད་མི་བྱ།	Не надо говорить лживыхъ словъ;
།བརྫུན་གྱི་ཚིག་རྣམས་ཅི་བརྗོད་ཀྱང་།	если кто говоритъ какія-либо лживыя слова,
།མྱུར་བར་གཞན་གྱིས་ཤེས་འགྱུར་ཏེ།	то это быстро узнается другими,
།དཔེར་ན་བྱི་ལའི་རྫུན་ཚིག་བཞིན།	какъ, напримѣръ, лживыя слова кошки.

[2] Ч.-ч. (f. 11v.): На-ја. Ерд.-чім. (f. 8v): Нај-а бјал. Соотвѣтствующій стихъ Лугс-кјі т.-ч.: На-ја.

дѣлъ, какъ одинъ попугай, пожелавъ выпить воды изъ прудика, распласталъ свои крылья, боясь, какъ бы въ его ротъ не попали насѣкомыя, и сталъ пить воду, все посасывая. — «Какой прекрасный, сердечный попугай», подумалъ онъ; но когда онъ, пройдя мимо, оглянулся назадъ и посмотрѣлъ, то увидѣлъ, что тотъ попугай, бѣгая туда и сюда, клюетъ и поѣдаетъ насѣкомыхъ и рыбешекъ. Опять душа его стала мучиться скорбью. И когда позвавшій его царь, чтобы заставить его разсмѣяться, показывалъ ему самыя разнообразныя игрища и употреблялъ всякія средства, онъ не сталъ смѣяться, потому что ранѣе того душа его мучилась скорбью.

Потомъ опять, когда нѣкій царь пригласилъ его для того, чтобы попросить жемчужинъ, брахманъ тотъ на пути, по которому онъ отправился ко дворцу того царя, остановился въ одномъ домѣ. Въ то время хозяинъ того дома, пригласивъ къ себѣ гелюна, чествовалъ его и выказывалъ почтенье. Тогда же явилась и его супруга. Въ то время какъ она поклонялась, она уронила свое золотое кольцо, и оно осталось лежать на полу. Тогда тотъ почтенный увидѣлъ это, налѣпилъ на конецъ своего посоха воскъ и, когда уходилъ вонъ, насадилъ на него кольцо. Домохозяинъ замѣтилъ это и сказалъ почтенному: — «Скверный ламишка, ты отдашь взятое тобой золотое кольцо?» Почтенный тогда отвѣтилъ: — «Я гелюнъ, ученикъ Будды, у меня нѣтъ такого обычая, чтобы брать мнѣ не даннаго»; сказавши это, онъ встряхнулъ и показалъ свои верхнія одежды. Тотчасъ домохозяинъ, такъ какъ онъ ясно видѣлъ, какъ тотъ бралъ, досталъ золотое кольцо съ конца посоха со словами: «Ой, лама мой, какъ бы не случилось бѣды твоимъ обѣтамъ». Брахманъ увидѣлъ это, и опять душа его стала мучиться скорбью. И когда призвавшій его царь принялъ его и, показывая разнаго рода игрища, старался развеселить, тотъ не сталъ смѣяться, потому что душа его раньше мучилась скорбью.

Потомъ опять, когда одинъ царь позвалъ того брахмана, такъ какъ нуждался и искалъ жемчуга, брахманъ, достигнувъ мѣстожительства того самаго царя, былъ помѣщенъ въ одномъ дворцовомъ павильонѣ (**карші**). Въ ту же ночь, когда брахманъ бродилъ вокругъ царскаго дворца и совершалъ круговращенія, пришелъ на одинъ дворъ парень-телятникъ, стерегущій царскихъ телятъ. Послѣ того явилась супруга царя. Парень-телятникъ рѣзко обошелся съ ней и побилъ ее палкой, говоря: — «Ты почему раньше не приходила на условленное мѣсто?» Когда онъ ее колотилъ, царица, признавая свою вину, говорила: — «Твоя правда», но, затѣмъ, она ловко уладила дѣло, и они предались любви. Брахманъ увидѣлъ это, и опять душа его стала мучиться скорбью. На другой день, когда царь старался развеселить его разными играми и музыкой, онъ не засмѣялся, потому что душа его мучилась прежней скорбью.

Затѣмъ онъ встрѣтился съ царемъ и съ царицей; лишь только они сѣли вмѣстѣ, царь, играя съ царицей, ударилъ ее соболинымъ рукавомъ. Тотчасъ же царица, хотя ей и не было больно, стала горько и жалобно плакать. Тогда тотъ брахманъ подумалъ: — «Эта царица, когда ее давеча побилъ палкой рабъ-телятникъ, не плакала, а, наоборотъ, уладивъ дѣло, соединялась съ нимъ; и какъ изумительно, что она плачетъ оттого, что ее, молъ, ударилъ рукавомъ царь, по своему положенію могущій ее бить». Подумавши такъ, онъ вдругъ разразился смѣхомъ, и тогда жемчужины выпали въ большомъ количествѣ. Царь тогда взялъ жемчугъ и очень обрадовался. И спросилъ царь брахмана Најаңтаі: — «Да! я слышалъ, что когда ты гостилъ у стольких иныхъ царей, они не были въ состояніи заставить тебя смѣяться. Здѣсь у меня тебя тоже не могли заставить засмѣяться разнаго рода забавами. Что за причина, что ты сегодня засмѣялся вдругъ самъ? Ты скажи мнѣ прямо, по-хорошему!» Тогда брахманъ ему заявилъ: — «О, царь, если ты желаешь знать причину, отчего я смѣялся и не смѣялся, то поклянись, что не накажешь никого, кто бы въ этомъ происшествіи ни сдѣлалъ какое-либо зло или противное. Если такъ, то я ясно изложу тебѣ». Тогда царь поклялся, сказавъ: — «Пусть будетъ такъ!» Брахманъ разсказалъ слѣдующее: — «О, царь, что касается того, что я не смѣялся вначалѣ, то это потому, что оказалось ложью сказанное моей женой: кромѣ Кумара мнѣ не надо другого сына, кромѣ тебя не надо другого мужа. Когда я увидѣлъ, какъ она обнималась съ какимъ-то мужчиной, душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я попугая, который, когда смотрѣлъ на него человѣкъ, распростеръ свои крылья и пилъ воду, посасывая, а лишь только тотъ человѣкъ прошелъ мимо, сталъ клевать и поѣдать насѣкомыхъ и рыбешекъ, и душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я, какъ милостынедатель чествовалъ одного почтеннаго монаха, а тотъ тѣмъ временемъ укралъ золотое кольцо и попался, тогда душа моя стала мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Еще увидѣлъ я, какъ царица, та, что находится подлѣ тебя, царь, допустила побить себя палкой своему рабу-телятнику и, тѣмъ не менѣе, не плакала, а, наоборотъ, осторожно устроивъ дѣло, соединилась съ нимъ любовно. И вотъ потому душа моя стала сильно мучиться скорбью, и я пересталъ смѣяться. Теперь показалось мнѣ изумительнымъ, что когда ты, царь, играя, ударилъ ее соболинымъ рукавомъ, она заплакала, говоря: уронилъ, дескать, золотой браслетъ, и я разсмѣялся». Когда онъ по правдѣ разсказалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, каждое въ подробностяхъ, царь почувствовалъ сильную боль и, разгнѣвавшись на свою жену, сказалъ: — «Я ее считалъ хорошимъ человѣкомъ и любилъ ее гораздо больше всѣхъ женъ; я не зналъ о такомъ мерзкомъ и безпутномъ поведеніи. Теперь, брахманъ,

пойдемъ мы оба, потребуемъ ее къ намъ». Брахманъ пошелъ такъ вслѣдъ за царемъ. Та же царица, въ то время какъ царь былъ съ брахманомъ, опять сошлась съ прежнимъ, только-что упомянутымъ рабомъ-телятникомъ, которымъ не могла удовлетвориться. Царь, увидя ихъ вмѣстѣ, сказалъ брахману: — «Эта женщина — не человѣкъ, это — собака! Я не казню ее только помня о прежней клятвѣ».

Послѣ этого мало-по-малу душа царя стала мучиться скорбью, и онъ сказалъ брахману: — «То, что называютъ этимъ міромъ, оказывается, есть только порожденіе страстей! Какъ, какимъ образомъ можно избавиться отъ этого міра?» — спросилъ онъ. Брахманъ отвѣтилъ: — «Если ты желаешь избавиться отъ міра, то это легко; если, ставъ монахомъ, ты проникнешься благоговѣніемъ къ Буддѣ и его религіи, то, навѣрно, выйдешь изъ круга бытія». Царь тогда сказалъ: — «Если это такъ, станемъ мы оба монахами!» Согласившись, они оставили свѣтъ, стали монахами и, отвергнувши мірское и созерцая духовное, обрѣли высшую святость Будды[1].

IX. Обезьяна и черепаха.

Разсказъ о томъ, какъ въ одно давнее прошлое время черепаха и обезьяна были друзьями-пріятелями.

Жили въ морѣ двѣ черепахи, мужъ и жена. Однажды повели они вдвоемъ такую бесѣду: — «Хотя, вообще, нѣтъ друзей, болѣе любящихъ другъ друга среди живыхъ существъ міра, какъ мужъ и жена, мы среди

---

[1] Обычнаго правоученія нѣтъ, такъ же какъ и въ 9-мъ разсказѣ Ерд.-чім. Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།ཚུལ་འཆོས་སྤྱོད་པ་བྱ་བ་མིན།	Не надо совершать безнравственныхъ поступковъ;
།ཚུལ་འཆོས་སྤྱོད་པ་གང་བྱེད་པ།	тотъ, кто совершаетъ безнравственные поступки,
།དེ་ཡིས་བཙུན་པར་མི་འགྱུར་ཏེ།	не будетъ уважаемъ,
།བྲམ་ཟེ་ན་ཡའི་རྒྱལ་མོ་བཞིན།	подобно супругѣ брахмана На-ја.

Соотвѣтствующій же разсказъ Ч.-ч. заканчивается слѣдующей сентенціей: [illegible] т. е. — «Смыслъ разсказа: слѣдуетъ поэтому поступать честно, безъ обмана, такъ какъ другіе узнаютъ, разбирая, гдѣ ложь, гдѣ истина, какъ ни веди себя лицемѣрно и фальшиво».

другихъ особенно сильно любимъ другъ друга». Жена-черепаха сказала: — «Я о тебѣ, своемъ мужѣ, думаю больше, чѣмъ о своемъ собственномъ сердцѣ».—«Куда бы я ни шелъ, — сказалъ ей въ отвѣтъ мужъ-черепаха,— всегда я держу тебя, жена моя, въ мысляхъ и не забываю». Жена-черепаха сказала еще: — «Супругъ, если ты поистинѣ меня любишь, то вообще не ходи ты, задерживаясь, болѣе однѣхъ сутокъ». Когда она это сказала, мужъ ея согласился съ ней вполнѣ и связалъ себя словомъ.

Однажды послѣ этого мужъ-черепаха сказалъ своей женѣ: — «Я скучаю все сидя да охраняя тебя. Пойду-ка я на землю, на степь и поищу пищи». Сказавъ это, онъ вышелъ на сушу, на степь и пошелъ. Тѣмъ временемъ встало знойное солнце, вода прервалась, и онъ, почувствовавъ жажду и терпя мученія, остался лежать, едва не умирая, въ сухой мѣстности. Когда онъ такъ лежалъ, явилась туда и встрѣтилась съ нимъ обезьяна, съ которой онъ раньше хорошо познакомился и сдружился. Мужъ-черепаха узналъ ее и сказалъ:—«Другъ мой, я вышелъ изъ моря и пришелъ сюда, чтобы покормиться, но вода прервалась, и я, захотѣвъ пить и высохнувъ, приблизился къ смерти. Другъ мой, соблаговоли спасти мою жизнь». — «О, другъ мой,—сказала обезьяна,—недалеко отсюда есть вода». Сказавши это, она взяла на плечи черепаху, доставила къ водѣ и тотчасъ привела въ хорошее состояніе. — «Другъ мой,—сказалъ мужъ-черепаха,—если бы я не встрѣтился съ тобой, то навѣрное бы умеръ. Какъ я воздамъ тебѣ за благодѣяніе— спасеніе моей жизни». Когда мужъ-черепаха это сказалъ, тотчасъ обезьяна забрала его въ свой домъ-нору, дала ему разныхъ плодовъ и накормила досыта. На другой день, когда тотъ собирался возвратиться къ себѣ, обезьяна сказала: — «Другъ, по случаю того, что ты пришелъ и познакомился съ моимъ домомъ, моя жена пошла собирать плоды, чтобы поднести тебѣ угощеніе. Проведи у насъ однѣ сутки». Тогда мужъ-черепаха еще разъ тамъ переночевалъ. На другой же день, когда онъ собрался возвращаться къ себѣ, обезьяна сказала: — «Мои дѣти и племянники сговариваются поднести тебѣ угощеніе, потому что ты только вотъ сейчасъ пришелъ познакомиться съ нашимъ домомъ. Сегодня отдохни и проживи у насъ». Когда она, сказавши такъ, не пустила, мужъ-черепаха, хотя и думалъ о словѣ, которымъ онъ связалъ себя со своей женой, остался тамъ еще на однѣ сутки, сказавъ себѣ: — «Вообще, какъ же можно обезкуражить друга, которому я обязанъ; а коль жена моя разсердится, такъ и пусть себѣ сердится!»

Когда такъ прошло трое сутокъ, жена той черепахи стала безпокоиться. — «Мужъ мой вышелъ на степь кормиться, но онъ долженъ былъ вернуться въ тотъ же день. А онъ не явился, когда прошли полныя трое сутокъ», думала она и горевала. Тѣмъ временемъ пришелъ ея мужъ. Лишь только онъ приблизился, она сказала съ гнѣвомъ: — «Вотъ, когда ты не при-

ходилъ, я думала, не съѣденъ ли ты вредоносной гаруді (санскр. garuḍa), не укушенъ ли ядовитой змѣей. Какимъ образомъ ты пришелъ живымъ?» —«Милая моя,—сказалъ ей мужъ,—вотъ, выслушай! Можетъ-быть, твоя правда! Между тѣмъ, я пошелъ по чистой степи, по пустынной мѣстности и кормился; вода прервалась, и въ то время какъ я, достигнувъ сухой мѣстности, лежалъ, высохнувъ и запыхавшись, встрѣтился я съ обезьяной, съ которой раньше хорошо познакомился; она доставила меня къ водѣ и спасла мою жизнь. Затѣмъ та обезьяна, мой другъ, забрала меня въ свой домъ, оказывала мнѣ почетъ и уваженіе и, давая мнѣ угощеніе и фрукты, удержала меня трое сутокъ». Сказавши это, онъ подробно разсказалъ обо всемъ случившемся. Но жена-черепаха тотчасъ сказала съ гнѣвомъ: —«Навѣрно у тебя нѣтъ такого друга, все это—враки. Развѣ ты не явился, сдружившись въ другомъ мѣстѣ съ другой женщиной!» Хотя мужъ, тогда, еще и еще разъ разсказалъ ей объ истинномъ происшествіи, та не вѣрила, и они оба затѣяли споръ и ссору. Когда у нихъ пошли несогласія, черепахи, мужчины и женщины, ихъ сосѣди и соотечественники, собравшись, заступались и останавливали, но ничего не вышло. Тогда мужъ-черепаха повалилъ свою жену, такъ какъ былъ немного сильнѣе, и поколотилъ. Жена-черепаха, хотя и не должна была умереть, ложно притворилась умирающей и, закрывъ глаза, лежала, тяжело дыша. Тогда черепахи—мужчины и женщины, родственники, мальчики, дѣвочки—заплакали съ крикомъ и воплями. При видѣ ихъ, гнѣвъ мужа-черепахи утихъ, и онъ спросилъ съ тоской: — «Что ей можетъ быть лѣкарствомъ и хорошимъ средствомъ? Что хорошо?» Тогда однѣ черепахи сказали: — «Коль ты убивалъ, такъ самъ, навѣрно, знаешь». Нѣкоторые говорили между собой: — «Она сама знаетъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ и какъ повреждена, какое зло приключилось». Жена-черепаха, услышавъ это, притворилась, что мало-по-малу приходитъ въ чувство, и, приподнявшись, сказала едва-едва, съ трудомъ: — «Снаружи на моемъ тѣлѣ нѣтъ поврежденій, только внутри сердце мое повреждено. Я выздоровѣю, если съѣмъ сердце твоего друга, обезьяны, сдѣлавшагося помѣхой моему сердцу. Другого нѣтъ способа». Сказавши это, она опять сдѣлала видъ, что ей стало плохо и что она умираетъ, и слегла. Тогда мужъ-черепаха сказалъ: — «Не повѣрила моимъ правдивымъ словамъ, мало-помалу возникла ссора, нашелъ на меня сильно скверный гнѣвъ и совершился такой негодный поступокъ. Теперь какъ поступить, какимъ же способомъ долженъ я принести сердце обезьяны?» Сказавъ это, онъ ушелъ въ сокрушеніи.

Тотчасъ же достигнувъ цѣли, онъ сказалъ: — «О, обезьяна, другъ мой, ты спасла мою жизнь, когда я долженъ былъ умереть. Кромѣ того, ты досыта накормила меня кушаньями и плодами. Теперь я, думая о тѣхъ твоихъ

благодѣяніяхъ, пришелъ пригласить тебя, чтобы въ своемъ домѣ предложить тебѣ чаю». — «А твой домъ гдѣ находится?» — спросила обезьяна. — «Мой домъ внутри южнаго[1] великаго моря», сказала черепаха. — «Такъ какъ мы — сухопутныя животныя, — заявила обезьяна, — то захлебнемся и умремъ, если войдемъ въ воду: я не могу отправиться къ тебѣ». — «О, другъ, — сказала тогда черепаха, — твои слова совершенно справедливы. Но мы можемъ итти по мѣсту, гдѣ есть свойства обоихъ родовъ, гдѣ есть и сухая земля и вода. Посреди моря есть сухое мѣсто, на которомъ не будетъ вреда для твоей жизни. Я принесъ и устроилъ все такъ, чтобы можно было посадить тебя тамъ, и велѣлъ приготовить ѣды и фруктовъ. Моя жена и дѣти находятся въ ожиданіи. Если ты не отправишься, то я передъ водяными животными окажусь лжецомъ. Поэтому, другъ мой, изволь поскорѣе отправиться въ путь. Твое благодѣяніе для меня незабвенно». Когда онъ, такъ говоря, попросилъ еще и еще разъ, обезьяна, не выдержавъ, очень обрадовалась и сказала: — «Какъ я сокрушу прекрасные помыслы друга. Идемъ!» Тогда мужъ-черепаха посадилъ себѣ на спину обезьяну, вошелъ въ море и сказалъ: — «Моя жена заболѣла тяжкой болѣзнью. Врачи сказали, что она выздоровѣетъ, если добудетъ, какъ лѣкарство, и съѣстъ сердце обезьяны. Тогда я обманомъ занесъ тебя сюда, чтобы взять твое сердце». Обезьяна послѣ этихъ словъ испугалась, задрожала и сказала: — «О, другъ, товарищъ, если у тебя такая нужда, отчего ты не сказалъ въ домѣ, на сушѣ? Мнѣ надо было бы захватить свое сердце. Теперь какъ быть?» — «Съ твоимъ сердцемъ что случилось?» — спросилъ тогда мужъ-черепаха. — «Мы, обезьяны толпы, не похожи на другія живыя существа, — отвѣчала ему обезьяна, — такъ какъ сердце мое является лѣкарствомъ, я не ношу его въ своемъ тѣлѣ, а прячу его на макушкѣ дерева. Развѣ тотъ наставникъ (багші), кто указалъ на него, какъ на лѣкарство, не разсказалъ тебѣ? Теперь скорѣе доставь меня назадъ! Я принесу свое сердце. А то, что за нужда итти съ пустыми руками?» — «Коль доставить тебя безъ сердца, — сказалъ мужъ-черепаха, — то ужъ именно нѣтъ надобности, правильное это слово! Вернусь назадъ и дамъ тебѣ забрать сердце». Съ этими словами онъ повернулъ назадъ и вышелъ изъ моря. Тотчасъ обезьяна вскочила на макушку дерева и стала перелѣзать съ мѣста на мѣсто. Мужъ-черепаха спросилъ тогда снизу: — «О, другъ, товарищъ, когда возьмешь свое сердце, такъ дашь мнѣ?» — «Грѣшный, скверный другъ, вѣря въ тебя, я чуть-было не разсталась со своей золотой жизнью. Съ этихъ поръ не буду встрѣчаться съ тобой, скверный!» Мужъ-черепаха сказалъ опять:

---

[1] Въ С.-З. Монголіи вездѣ барабун, барун — «правый, правая сторона», значитъ еще «южный, южная сторона», см. Б. Владимірцовъ. Объясненія къ картѣ С.-З. Монголіи, составленной монголами. Изв. И. Р. Г. О. т. XLVII, стр. 494.

— «О, благодѣтельный другъ, моя жена, благодаря болѣзни, теперь приблизилась къ смерти. Изволь пожаловать мнѣ свое сердце». — «Если такъ,— сказала тогда обезьяна, — ты закрой свои глаза и разинь ротъ, я тебѣ его сброшу». Когда же мужъ-черепаха поступилъ такимъ образомъ, обезьяна навалила ему въ ротъ до полна свой калъ. — «Вотъ сердце, въ которомъ ты нуждаешься»,—сказала она и, спустившись съ дерева, ушла въ свой домъ. Понявъ, что это былъ калъ, мужъ-черепаха, такъ какъ его жена сильно мучилась отъ своей болѣзни, вернулся къ горному гроту, видѣнному имъ вначалѣ, и безъ перерыва прокричалъ трое сутокъ: «Другъ, товарищъ мой!» На слѣдующій день нашелъ на обезьяну гнѣвъ. Она вышла изъ расщелины скалы, наступила на шею черепахи и сказала[1]: — «Это давешняя скверная пестрая черепаха! Хотя мнѣ легко убить тебя, пресѣчь твою жизнь, я тебя помилую и отпущу. Оставь навсегда свои такіе вотъ скверные помыслы и лежи себѣ на берегу-выступѣ[2] широкаго[3], въ даль уходящаго[4] моря. Никогда не приходи сюда ко мнѣ! То, что я при прежней съ тобой встрѣчѣ не поняла и не распознала тебя, произошло оттого, что глаза мои слѣпы, мои помыслы, благодаря которымъ я была совсѣмъ обманута, глупы, поведеніе мое, когда я преподносила тебѣ добычу и оказывала почетъ, легкомысленно. Я сожалѣю о томъ, что, встрѣтившись съ тобой, сдружилась, какъ съ равнымъ. Ты, скверный, отсюда, отъ меня скорѣе уходи далеко!» Сказавши это, она ушла въ большой лѣсъ.

Такимъ же образомъ жена, которой позволяютъ властвовать, командуетъ надъ своимъ мужемъ и, подобно этому, разлучаетъ его съ друзьями, съ которыми онъ живетъ въ согласіи. Такъ, это взявъ за примѣръ, слѣдуетъ подумать[5].

---

[1] Въ монг. текстѣ часть словъ обезьяны выражена стихами.

[2] Въ текстѣ: [illegible] собственно «полуостровъ».

[3] Въ текстѣ: [illegible] ађлађ-а, значущее, кромѣ «отдаленный, чуждый, дальній», еще «широкій, обширный, обильный»; ср. турецк. ађлађ (уйг.), аулаk (кир. крм.) далекій, широкій (см. также G. J. Ramstedt. Zwei uigurische runeninschriften. Journ. d. l. Soc. Fin.-Ougr. XXX, 3, p. 63).

[4] Въ текстѣ: [illegible]

[5] Въ монгольскомъ сочиненіи, переведенномъ съ тибетскаго, боді седкіl тегӱсӱгсен кӧке kођулаі-ту Саран-кӧкеге неретӱ сібађун-у тођуц̣і (пекинскій xyl.), очень популярномъ среди монголовъ, встрѣчается такой стихъ (f. 8):

екенер-декен ец̣еlергдегсен
ере кӱмӱн масі адађ буі. т. е. — «Мужчина, подчинившійся своей женѣ, — самый послѣдній».

X. Левъ и заяцъ.

Въ одно давнее прошлое время левъ, царь хищныхъ и другихъ дикихъ звѣрей, собирая всѣхъ дикихъ травоядныхъ животныхъ [1], ежедневно поочереди поѣдалъ одного изъ нихъ, считая это данью. Тогда-то выпалъ разъ чередъ-очередь зайцу. Левъ сказалъ ему: — «Заяцъ, ты — маленькое существо, ты и въ зубахъ у меня не застрянешь; мнѣ пользы — мало, и нѣтъ другой нужды, кромѣ того только, что для твоей жизни выйдетъ убыль». — «Словеса царя, — сказалъ тогда заяцъ, — совершенно справедливы. Какъ пораздумать, такъ, дѣйствительно, оказывается, вы, царь, вмѣсто того, чтобы ѣсть понемножку, не ѣдите совсѣмъ, боясь тѣхъ, кто «Обладаетъ огромнымъ тѣломъ» (Јеке бej-е-тен)». — «Какихъ это «Обладающихъ огромнымъ тѣломъ» и когда я боялся?», — спросилъ левъ и разгнѣвался. Тогда заяцъ ему сказалъ: — «Тутъ недалеко находится одно страшное существо, «Обладающее огромнымъ тѣломъ» (Јеке бej-е-теі); вотъ его слова: левъ меня сильно боится; придетъ время, я, навѣрно, схвачу и съѣмъ льва». Когда онъ это сказалъ, левъ сильно разсердился и спросилъ: — «Гдѣ находится и какое это существо, обладающее великой силой, намѣревающееся равняться со мною? Сейчасъ туда отправлюсь!» Съ этими словами левъ поднялся и двинулся впередъ. Заяцъ тогда повелъ его, побѣжавъ передъ нимъ, и сказалъ: — «Тотъ, вѣдь, изумительно великъ по силѣ; кромѣ того, онъ рѣзокъ, проворенъ, быстръ. Царь мой напередъ долженъ схватить его, не такъ ли? Очень стало бы трудно, если онъ прыгнетъ, упредивъ васъ. Ничтожный, я боюсь за царя».

Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།མཛའ་ཤེས་ངན་པའི་ཚིག་མི་ཉན།	Не слушай словъ скверныхъ друзей;
།མཛའ་ཤེས་ངན་པའི་ཚིག་ཉན་ན།	если будешь слушать слова скверныхъ друзей,
།འདོད་དོན་ཉིད་བར་བསླུས་པར་འགྱུར།	то будешь обманутъ противъ желанія,
།དཔེར་ན་རུས་སྦལ་སྤྲེའུ་བཞིན།	какъ, напримѣръ, черепаха и обезьяна.

[1] Въ текстѣ: ᠭᠥᠷᠦᠭᠡᠰᠦᠨ гӧрӱгесӱн; этимъ словомъ монголы пользовались и пользуются для выраженія собирательнаго понятія «дикій звѣрь, дикое травоядное животное»; соотвѣтствуетъ тибет. རི་དྭགས་; чаще всего подъ словомъ гӧрӱгесӱн понимаютъ разныя породы антилопъ, ланей, козъ etc. Очень часто слово гӧрӱгесӱн употребляется для указанія, что то или другое животное — «дикое», не домашнее (мал — скотъ). Напр. јамā — домашняя коза, јамā гӧрӧ̄сṇ (дэрб.-Кобд.) — дикая коза; темē — верблюдъ, темē гӧрӧ̄сṇ (дэрб.-Кобд.) — дикій верблюдъ и т. д.

Въ то время какъ онъ, такъ говоря, шелъ, трясясь, левъ шелъ, пылая страшнымъ гнѣвомъ. Заяцъ дошелъ до глубокаго большого колодца и сказалъ: —«Могучее существо лежитъ-прохлаждается въ этомъ колодцѣ. Услыхавъ шумъ, произведенный царемъ, оно поднялось и находится наготовѣ. О, нужно быть осмотрительнымъ!» Левъ тогда наклонился къ водѣ колодца и посмотрѣлъ. И лишь только онъ увидѣлъ тогда въ водѣ колодца какое-то огромное существо, похожее на него самого, съ гривой и хвостомъ, какъ, не узнавъ своего собственнаго отраженія и вида, такъ какъ былъ глупъ, въ горделивомъ гнѣвѣ хватая «того», упалъ въ колодезь и умеръ, не будучи въ состояніи выйти наружу.

Такимъ же образомъ вспыльчивость и гнѣвъ находятъ скоро смерть. Хитростью и мудростью [заяцъ?] вышелъ живымъ. Согласно разсказанной притчѣ, оставь вспыльчивость и гнѣвъ[1].

XI. Слонъ и мыши.

Въ одно давнее прошлое время у нѣкоего царя было много драгоцѣнностей cintāmaṇi и обыкновенныхъ драгоцѣнностей. Изъ этихъ драгоцѣнностей самую прекрасную его драгоцѣнность стащила мышь. Царь, мстя мышамъ, ловя ихъ, устроилъ такой [сухой] колодезь, сдѣлавъ каменную ограду, что изъ него нельзя было выйти. Въ тотъ колодезь упала одна мышь и, не будучи въ состояніи выйти, лежала, приближаясь къ смерти отъ голода и жажды. Въ то время у того царя былъ ручной слонъ. Тотъ слонъ, проходя себѣ вокругъ двора и ограды, подошелъ къ отверстію того колодца. Тогда мышь сказала слону: —«Я, ничтожная, такъ страдаю. Соблаговоли вынуть меня и избавить отъ этихъ страданій!» Слонъ тогда просунулъ въ колодезь свой хоботъ и лишь только протянулъ ей, какъ мышь закусила его кончикъ и выскочила. Мышь сказала слону: —«Если бы ты не пришелъ, я бы умерла. Когда-нибудь наступитъ время, я воздамъ тебѣ за твое благодѣяніе». Слонъ отвѣтилъ ей: —«Я вытащилъ тебя, думая о добродѣтели; ты — маленькое существо, какъ можешь отплатить мнѣ за благодѣяніе?» —«Великій слонъ,—

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།ཤེས་རབ་ཅན་ནི་ལུས་ཆུང་ཡང་།	Сильный не долженъ презирать мудраго,
།དེ་སྟོབས་ཅན་གྱིས་བརྙས་མི་བྱ།	хотя бы тотъ былъ малъ тѣломъ;
།དཔེར་ན་བློ་གསལ་རི་བོང་གིས།	примѣръ: заяцъ, свѣтлый умомъ, разлучилъ
།སེང་གེ་སྲོག་དང་བྲལ་བ་བཞིན།	съ жизнью льва.

сказала мышь,—вы напрасно не презирайте меня, считая ничтожной. Въ то время навѣрно узнаете! Теперь разойдемся съ миромъ, потомъ опять встрѣтимся!» Послѣ этихъ словъ они разошлись.

Впослѣдствіи тотъ слонъ, состарившись и одряхлѣвъ, поѣлъ разъ много и сталъ кататься и валяться по землѣ, чтобы дать перевариться съѣденному и выпитому. Катаясь такъ, онъ упалъ въ ровъ у яра, спиной внизъ, а ногами торчкомъ вверхъ; не будучи въ состояніи подняться, онъ лежалъ, думая, что насталъ часъ его смерти. Тѣмъ временемъ пришла та прежняя мышь, которую онъ вытаскивалъ изъ колодца, увидѣла и, быстро отправившись, объявила своимъ мышинымъ толпамъ и собрала много мышей. Они пришли, подкопали яръ, подъ который упалъ слонъ, сдѣлали его ровнымъ и дали возможность слону подняться.

Оказывая благодѣянія и принося пользу, не бываютъ большими и малыми. Среди большихъ нѣтъ существа больше слона, среди малыхъ нѣтъ существа меньше мыши. Поэтому, достойный человѣкъ долженъ знать и думать объ этомъ[1].

XII. Благодарныя животныя и неблагодарный человѣкъ.

Разсказъ о человѣкѣ, упавшемъ въ колодезь.

Въ одно давнее прошлое время на одной большой равнинѣ, называемой Ц̣іраха[2], вообще не было воды, и вотъ тамъ-то находился одинъ большой сухой колодезь. Въ этотъ колодезь упали четыре живыхъ существа: человѣкъ, ястребъ, змѣя и мышь. Не имѣя возможности выйти, они дошли до послѣдняго предѣла холода и голода и зря вопили. Одинъ человѣкъ услыхалъ ихъ вопли, подошелъ къ колодцу и, подавъ имъ конецъ веревки, вытащилъ

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кjі. т.-ч.:

།ཀུན་ལ་མཐོ་དམན་མེད་པར་ནི།	Если всѣмъ, великимъ и малымъ,
།ཉི་མ་ལྟ་བུར་ཕན་བྱས་ན།	подобно солнцу оказать пользу,
།ཀུན་གྱིས་ལན་རྣམས་ལྡོན་འགྱུར་ཏེ།	то всѣ отплатятъ за благодѣяніе,
།བྱི་བས་གླང་ཆེན་བསླངས་པ་བཞིན།	подобно тому какъ мыши подняли слона.

[2] Согласно тиб. глоссѣ: Бjі-ра-һа (བྱི་ར་ཧ་); монголы тиб. བྱི་ читаютъ какъ ц̣і, но, обычно, транскрибируютъ черезъ ᠪᠢ бjі; въ данномъ случаѣ представлена транскрипція согласно произношенію. Ерд.-чім.: Бjава-һа (f. 29v); Ч.-ч.: Бjірaһа (f. 33).

наружу. Тѣ тогда, радуясь, сказали вмѣстѣ: — «Благодѣтельный человѣкъ пришелъ и спасъ наши жизни, которыя должны были кончиться. Мы всѣ когда-нибудь воздадимъ тебѣ за твое благодѣяніе!» Когда они, такъ говоря, произнесли благопожеланіе, тотъ человѣкъ сказалъ: — «Какъ бы я ни былъ убогъ, живыя существа — животныя не могутъ мнѣ доставить благодарственной награды», и они разошлись.

Впослѣдствіи, въ одно время человѣкъ тотъ сильно обѣднѣлъ; въ поискахъ пропитанія пошелъ онъ охотиться на одну гору. Когда онъ такъ шелъ, повстрѣчался ему тотъ ястребъ, котораго онъ вытаскивалъ изъ колодца. Ястребъ спросилъ его: «Благодѣтельный другъ, что подѣлываешь?» — «Я обѣднѣлъ и обнищалъ, — отвѣчалъ тотъ человѣкъ, — пришелъ я въ поискахъ дичины». Тотчасъ послѣ этихъ словъ ястребъ схватилъ зайца и куропатку, подалъ тому человѣку и сказалъ: — «Другъ мой, ѣшь это здѣсь и подожди меня. Я отправлюсь въ предѣлы города[1] и добуду для тебя что-либо». Сказавъ это, онъ удалился. Затѣмъ тотъ ястребъ полетѣлъ и сталъ кружить надъ городомъ. Въ то время супруга царя, причесывая свои волосы, разложила на верхушкѣ терема[2] свое чрезвычайно драгоцѣнное ожерелье, свои украшенія. Ястребъ, увидѣвъ это, схватилъ его оттуда и улетѣлъ, принесъ своему благодѣтелю и отдалъ ему. Человѣкъ тотъ взялъ ожерелье и пошелъ продавать на улицѣ города. Когда онъ такъ ходилъ, повстрѣчался съ нимъ человѣкъ, котораго онъ раньше вытаскивалъ изъ колодца; человѣкъ тотъ спросилъ: — «О, благодѣтельный другъ, хорошо ли поживаете? Сюда вы по какому дѣлу пришли?» Тогда тотъ человѣкъ разсказалъ подробно, по порядку о томъ, какъ самъ онъ обѣднѣлъ, какъ встрѣтился съ ястребомъ и какъ тотъ далъ ему драгоцѣнное ожерелье. Вслѣдъ затѣмъ тотъ человѣкъ самолично явился къ царю и сказалъ: — «Человѣкъ, укравшій ожерелье — украшеніе вашей царицы, теперь продаетъ его на улицѣ. Вы пошлете меня догнать и схватить его и наградите». Когда онъ такъ сказалъ, царь приказалъ схватить того человѣка и посадить въ тюрьму. Тюремщики давали ему пищи и питья съ одинъ глотокъ, и онъ сильно мучился. Тогда пришла и встрѣтилась съ нимъ мышь, которую онъ вытаскивалъ изъ колодца. Она разспросила его сполна о происшедшемъ, стащила у другихъ ѣды, питья, плодовъ и прочаго, перенесла къ нему и накормила. Встрѣтившись также съ ядовитой змѣей, она сказала: — «Благодѣтельный другъ мой лежитъ и мучится въ царской тюрьмѣ. Ты сама отправься и выведи его! Хорошо бы заплатить за благодѣяніе, благодаря которому мы получили наши жизни».

---

[1] Въ текстѣ: [illegible]

[2] Въ текстѣ: [illegible]

— «Конечно, такъ, попробую!» — сказала змѣя, вошла вслѣдъ за мышью въ тюрьму и встрѣтилась съ тѣмъ человѣкомъ. Выслушавъ отъ него вполнѣ о всемъ случившемся, она придумала хитрость и велѣла тому человѣку написать письмо. Заставила его написать такъ: — «Я — могучій царь драконовъ (лӯс). Такъ какъ для твоей царицы являлось зло и навожденіе, я велѣлъ взять ея украшенія, какъ выкупъ за нее; это была причина. Когда это такъ, зачѣмъ ты заключилъ въ темницу и заставилъ мучиться невиннаго человѣка? Теперь ты тотчасъ же отпусти того человѣка и обрадуй его, давши ему то ожерелье, давъ также ему во множествѣ большія драгоцѣнности, имущество, разный скотъ и прочее. Если не отпустишь, то тебѣ, царю, царицѣ, твоимъ дѣтямъ, подданнымъ, всему народу, скоту, имуществу, городу и строеніямъ, полямъ и прочему твоему, навѣрно, великое приключится зло и убыль. Если немного промедлишь, то не избавишься отъ этой болѣзни». Приказавъ написать такое письмо, она дала закусить его мыши; та ночью доставила его и положила подлѣ царя, а ядовитая змѣя вспрыгнула на голову царя. Вернувшись въ темницу, она улеглась, обвивъ того человѣка.

На слѣдующій день все тѣло царя сильно распухло и онъ не могъ встать, а взявъ еще письмо, находившееся рядомъ съ нимъ, и прочитавъ, онъ пришелъ въ страшное изумленіе. Тогда царица сказала ему правду: — «Мое украшеніе не человѣкъ бралъ. Днемъ, на виду, птица-ястребъ схватила его и унесла». Когда она это сказала, всѣ сильно перепугались. Тотчасъ царь взялъ коня, осѣдланнаго и взнузданнаго, одежду и прочее, взялъ также и ожерелье царицы, въ большомъ количествѣ разнаго сорта золото, серебро, шелковыя ткани и отправился въ тюрьму. Когда онъ тамъ посмотрѣлъ, то увидѣлъ ужасную, огромную, черно-пеструю змѣю, свившуюся подлѣ того человѣка. Всѣ поклонились ему, говоря: — «У этого человѣка оказался поистинѣ грозный хранитель!» Царь вывелъ его изъ темницы, далъ ему то все и отпустилъ. Тотчасъ болѣзнь царя утихла. Послѣ того всѣ стали почитать и уважать того человѣка.

Въ то время какъ простыя животныя знаютъ и думаютъ о благодарности, человѣкъ, преисполненный ума и мудрости, наоборотъ, дѣлается причиняющимъ зло. Объ этомъ, вѣдь, надо думать и соображать, сдѣлавъ господствующими такія мысли въ своей душѣ[1].

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།སྐྱེ་བོ་ངན་པ་ཡུན་རིང་ན་བསྟེན་ཟས་ཀྱང་།	Если держаться плохого человѣка долгое время, то,
།བཟའ་བ་བཏུང་ཆེན་པ་པ་ནང་པོས་ཕན་བཏགས་ཀྱང་།	хотя бы оказывали ему пользу и сладкой пищей и питьемъ въ большомъ количествѣ,

XIII. Синяя лиса (шакалъ).

Разсказъ о томъ, кто подобенъ обманщицѣ лисѣ (шакалу), въ одно давнее прошлое время.

Одна лиса (шакалъ), бродя въ поискахъ пищи, дошла до стоянки какого-то кочевья. Тогда увидѣла она, что въ сосудѣ изъ-подъ синей краски, брошенномъ красильщикомъ, находится что-то синее. Она поскребла лапами, а когда посмотрѣла, то оказалось, что ея лапы сдѣлались синяго цвѣта, красивыми. Поэтому она сама залѣзла туда и повалялась; тогда все тѣло ея стало сплошь синяго цвѣта. Лиса тогда обрадовалась и побѣжала рысью по лощинѣ и степи. Лисы (шакалы) и всѣ дикіе звѣри, встрѣтясь, удивились и спросили: — «Ты кто такой?» Лиса отвѣтила: — «Я—лиса, по имени Jir[1]. Меня послали отъ deva, говоря: — сойди внизъ, управляй хищными звѣрями и не давай имъ жить въ скверной смутѣ!» Когда она это сказала, всѣ хищные звѣри повѣрили ей и стали оказывать ей большой почетъ и уваженіе; если она отправлялась куда-нибудь, то ѣхала на спинѣ льва, а тѣ, хищные звѣри, выдѣляли и доставляли ей отборную часть добычи. Тогда синяя лиса стала чрезвычайно горда, заносчива и стала немного унижать хищныхъ звѣрей, подавлять ихъ и пренебрегать ими.

Однажды синяя лиса, именуемая Jir, отправила лису и приказала доставить своей матери-лисѣ ѣды и плодовъ. Тогда ея мать, такъ какъ раньше слыхала о томъ, что случилось съ ея сыномъ-лисою, сказала, наказывая лисѣ, ходившей по порученію туда и обратно: — «Ты поди и скажи наединѣ моему дитяти: теперь впредь не надо мнѣ доставлять ѣды.

|ཉེས་ནི་ཕན་མེད་གྲོགས་པོ་སྤོང་བྱེད་དེ| тотъ, не оказывая пользы, покидаетъ друзей,

|དཔེར་ན་ཁྲོན་པར་ལྷུང་བའི་མི་བཞིན་ནོ| подобно, напримѣръ, человѣку, упавшему въ колодезь.

[1] Тибет. глосса: དབྱིག་ дбjiг, что значитъ — «драгоцѣнный камень темно-краснаго цвѣта»; въ данномъ случаѣ དབྱི транскрибировано при помощи ji; дѣйствительно, монголы читаютъ དབྱ་, какъ ja, напр., དབྱར་གནས་ читается, какъ jap-нė; слово это, означающее «лѣтнія уединенныя служенія и постъ монаховъ» (см. А. Позднѣевъ. Очерки быта буд. монастырей. СПБ. 1887, стр. 285—286), вошло въ живой языкъ монголовъ (напр., говоры халх.-запад., хотогойт., баит., дэрб.-Кобд. etc.) въ формѣ japнi; Ч.-ч. (f. 25 v) называетъ лису: Ердені (Драгоцѣнность); Ерд.-чім. (f. 17): дбціɪ (sic!).

Если кто, заставляя другихъ себя почитать, будетъ мучить своихъ обыкновенныхъ товарищей, то въ дальнѣйшемъ это будетъ вреднымъ для его жизни, не такъ ли?» Наказавъ это, она ее отправила. Та же лиса, придя назадъ, сказала другимъ лисамъ:—«Кажется, эта—какъ разъ такая же лиса, какъ и мы» и разсказала полностью, что сказала и наказала ея мать. Тогда всѣ лисы стали совѣщаться: — «Что бы тамъ ни было, а оказывается, что это—лиса, похожая на насъ, ей легко сдѣлать плохое». Нѣкоторыя изъ нихъ говорили: — «Не одни мы оказываемъ ей почтенье; всѣ хищные звѣри почитаютъ ее; поэтому, что надо сдѣлать, чтобы обнаружить ея правду и ложь?» Нѣкоторыя же изъ нихъ говорили: — «Та, вѣдь, сдѣлалась великой не по правдѣ, не по-хорошему; при помощи лжи и хитрости сдѣлалась великой. По преимуществу она стала чрезвычайно сильно унижать наши толпы». Тогда всѣ одобрили сказанное и пришли на мѣсто собранія всѣхъ другихъ хищныхъ звѣрей. Лисы тамъ сказали: — «Эта синяя лиса, прославившаяся подъ именемъ царя—наша товарка; поэтому намъ не надо величать ее царемъ». Тогда всѣ хищные звѣри сказали: — «На какомъ же основаніи вы, лисы, говорите съ пренебреженіемъ о достопочтенномъ царѣ, ниспосланномъ съ неба?» Когда они такъ сказали, лисы заявили имъ слѣдующее: — «Кто изъ насъ пошелъ и слышалъ велѣнья неба? Благодаря собственной хитрости и обману стала великой. Если вы не вѣрите, мы покажемъ одинъ признакъ! Толпы насъ, лисицъ, всѣ должны лаять, сѣвъ торчкомъ, въ первый весенній мѣсяцъ, въ день созвѣздія Бу́са (Бус < санскр. Pauṣa)[1]. Если лиса изъ нашихъ толпъ не будетъ лаять, то у ней должна вылѣзть шерсть. Поэтому-то и есть обычай лаять. Теперь, когда мы, собравшись, залаемъ, знайте, что если эта синяя лиса залаетъ, то она какъ разъ изъ нашей толпы, а если не залаетъ, то, значитъ, она именно — лиса велѣнія неба». Когда же лисы вечеромъ дня созвѣздія Бу́са[2] (Pauṣa) того самаго мѣсяца стали лаять всѣ

---

[1] Ерд.-чім.: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] (f. 34v) — «когда опускается созвѣздіе Prgjал». Тиб. глосса: རྒྱལ་ восьмое созвѣздіе индійской астрономіи. Mahāvyutpatti (MS. библіотеки Петроград. Унив. F. 134) для Pauṣa указываетъ [illegible] (словарь Голстунскаго: [illegible]), [illegible], [illegible] (f. 134); тибетцы и монголы называютъ еще этотъ мѣсяцъ «монгольскимъ»: ཧོར་ཟླ་ [illegible] [illegible]. Ч.-ч. (f. 26): [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — «ночь созвѣздія Pauṣa перваго весенняго мѣсяца».

[2] Въ текстѣ: [illegible] [illegible] [illegible] «Бу́са знаменное созвѣздіе»; я думаю, что переводчикъ или пересказчикъ спуталъ тиб. выраженіе རྒྱལ་གྱི་མཚན་མོ་ «ночь созвѣздія

по обыкновенію, синяя лиса, оказавшись въ невозможномъ положеніи и боясь, что ея шерсть вылѣзетъ и она станетъ голой, залаяла. Тотчасъ всѣ хищные звѣри, со словами: — «Ты, будучи именно лисой изъ нашихъ толпъ, зачѣмъ насъ такъ много обманывала вонъ съ какого времени и до сихъ поръ?», стали драть когтями синюю лису и предали медленной смерти.

Надо знать, что тѣ, которые такъ мало-по-малу, при помощи лжи и обмана пріобрѣтаютъ имя и дѣлаются великими, подобны этой синей лисѣ. Тогда-то небесныя дѣвы (devī), живущія въ лѣсу, провѣщали отрывокъ одного стихотворенія[1].

XIV. Черепаха и птицы.

Какъ въ одно прошлое давнее время черепаха обманывала и поѣдала жаворонковъ.

Было большое озеро. Въ томъ озерѣ жила лукавая черепаха, по имени Бајаскулаң-ту (Радостная)[2]. Когда жаворонки, ежедневно воз-

---

Pauṣa — декабрьская ночь», находившееся, по всей вѣроятности, въ тиб. подлинникѣ и соотвѣтствующее выраженію монг. текста [illegible], съ тиб. словомъ རྒྱལ་མཚན་ «побѣдное знамя» или неудачно вспомнилъ о немъ и вставилъ въ монгольскій текстъ переводъ རྒྱལ་མཚན་'а: — [illegible] знамя.

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།དེ་འདྲ་དམན་པ་བཞིན་བགྲོན་པོའི་སར་མི་དྲང་ཞིང་དེར་ནི་བཞག	Такого плохого человѣка не приглашай на высокое мѣсто и не ставь туда;
།གལ་ཏེ་ས་དེར་བཞག་ཀྱང་རྙེགས་དང་ངོམས་ནི་སྤྱུག	если же поставленъ на такое мѣсто, не гордись и не важничай
།དཔེར་ན་ཝ་པགས་ཀ་སྔོན་པོའི་ལྤ་དང་འདྲ།	подобно, напримѣръ, лисѣ (шакалу) со шкурою синяго цвѣта.

Çloka эта вполнѣ соотвѣтствуетъ gātha, которую произносятъ божества въ параллельныхъ разсказахъ Ч.-ч., Ерд.-чім., Schiefner-Ralston XXXVI. Разсказъ же Ч.-ч. заключаетъ еще слѣдующее правоученіе (f. 36—38): [illegible] т. е. — «Смыслъ разсказа: хотя бы и достигъ высокаго положенія, не важничай, поэтому, и не вреди простому народу».

[2] Дальше текстъ называетъ черепаху нѣсколько по-другому. Ерд.-чім. (f. 18.): Бајаскулаң (Радость); Ч.-ч. (f. 37): Бајаску (Могущая радоваться, Радующаяся).

вращаясь, садились, чтобы пить воду изъ того озера, черепаха Бајасуҕчі (Радующаяся) изобрѣла хитрость, скрывала все свое тѣло въ грязи и лежала, выставивъ свои зубы. Тогда жаворонки, видя, какъ бѣлѣютъ ея зубы, принимали ихъ за насѣкомыхъ и подходили, чтобы съѣсть. Но черепаха тотчасъ тогда, кинувшись навстрѣчу, хватала и поѣдала. Благодаря этому жаворонковъ стало очень мало.

Однажды князь (појан) жаворонковъ, именуемый Камуҕ Öl̦ціејітÿ (Обладающій всѣмъ счастьемъ) [1], отправился посмотрѣть тѣ высунувшіеся зубы и попался черепахѣ Бајасуҕчі. Жаворонокъ Камуҕ Öl-цејітÿ сказалъ черепахѣ: — «Если ты собираешься меня съѣсть, то отпусти меня на три шага, или же выслушай три моихъ слова!» — «Если я отпущу тебя на три шага,—сказала черепаха Бајасуҕчі,—то ты улетишь, потому что ты—крылатый, и тогда я какъ тебя догоню? Выслушаю три твоихъ слова, говори!» Тогда Камуҕ Öl̦цејітÿ сказалъ слѣдующее: — «Я—князь (појан) всѣхъ жаворонковъ. Если ты меня съѣшь, то будешь сыта, но только одинъ день. Когда жаворонки разсѣются, такъ какъ будутъ безъ князя, то послѣ ты что собираешься ѣсть? Ты меня тотчасъ отпусти! Я буду все являться сюда ежедневно, собирая своихъ жаворонковъ, а ты поѣдай ихъ по своему желанію». Черепаха тогда сказала: — «Хотя слова твои справедливы, но я чувствую голодъ. Ты приходи сегодня, позвавъ своихъ жаворонковъ. Я съѣмъ одного изъ нихъ и установлю будущій порядокъ!» — «Какъ я могу собрать сегодня,— сказалъ тогда Öl̦цејітÿ,—разсѣявшихся жаворонковъ? Сегодня я отправлюсь, проведу завтрашній день, а начиная со слѣдующаго дня буду тебя кормить», сказалъ онъ, но они вдвоемъ не могли прити къ согласію. Въ то время какъ они продолжали спорить, оказалось, что вблизи ихъ находилась змѣя, по имени Ц̦андара. Змѣя та сказала черепахѣ: — «Я разрѣшу вашу тяжбу! Послѣзавтрашній день очень далекъ, пускай будетъ назавтра». — «Соглашаюсь по твоему слову! Ты будь свидѣтелемъ»,— сказала черепаха и отпустила жаворонка Öl̦цејітÿ. Жаворонокъ тотъ улетѣлъ, собралъ въ одной ложбинѣ стаи жаворонковъ и сказалъ: — «Удивительно было, когда наши стаи становились малочисленны. Когда я посмотрѣлъ, то оказалось, что находящаяся въ томъ озерѣ черепаха обманывала насъ, высовывая свои зубы. Я, будучи обманутъ, попался ей, чуть не погибъ и едва-едва выбрался благодаря хитрости. Теперь вы всѣ знайте впредь!» Послѣ того, какъ онъ сказалъ, тѣ жаворонки стали пить воду и поспѣшно улетать вонъ. Тогда черепаха подумала: — «Камуҕ Öl̦цејітÿ меня обманулъ. Я осталась безъ пищи, которую ѣла какъ бы по порядку; прервалось мое маленькое

[1] Ерд.-чім. (f. 18): Бÿкÿн-дÿр бујан-ту (Для всѣхъ добродѣтельный); Ч.-ч. (f. 37): Бÿкÿн-е бујан-ту (Для всѣхъ добродѣтельный).

питаніе». Такъ раздумывая, она стала печальна, а Ölцejiтÿ свою жизнь [1].....

XV. Колодезная лягушка.

То, о чемъ говорится: колодезная лягушка.

...... Подъ сильнымъ вихремъ и вѣтромъ разбушевалось море, и его волнами изъ глубины была выгнана одна лягушка; выскочивъ, она осталась на сухой землѣ. Она, не имѣя мѣста, куда итти, не зная, съ какой стороны попала, запыхавшись безъ воды, вошла въ тотъ колодезь [2]. Тогда колодезная слѣпая лягушка спросила: — «Ты изъ какой страны, откуда пришла?» — «Моя родина — великое внѣшнее море (океанъ), — сказала та, — сейчасъ поднялся

---

[1] Къ сожалѣнію, въ рукописи не достаетъ одного листа (f. 28), на которомъ, очевидно, заканчивался этотъ разсказъ. Ерд.-чім. заканчиваетъ соотвѣтствующій разсказъ (№ 29, f. 18r—f. 18v) такъ: Послѣ того какъ птицы перестали подлетать, черепаха проситъ своего друга-змѣю, имя которой не приводится, сказать воробью Бујан-ту (соотвѣтствующему князю жаворонковъ разсказа MS. Burd.) и другимъ воробьямъ, что она приняла обѣтъ не лишать никого жизни и что она приглашаетъ воробьевъ прилетѣть повидаться съ нею. Змѣя исполняетъ порученіе, но воробей Бујан-ту не вѣритъ и изобличаетъ коварство оплошавшей черепахи. Тогда та приходитъ въ отчаяніе. Обычное заключительное правоученіе отсутствуетъ. Соотвѣтствующій же разсказъ Ч.-ч. заканчивается совершенно такъ же (f. 38), но онъ кромѣ того заключаетъ слѣдующую дидактическую сентенцію: [illegible] т. е. — «Смыслъ разсказа: не обманывай, поэтому, другихъ, страшно жадничая и алча, и кромѣ того: умный не долженъ быть обмануть другими».

Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кjі. т.-ч.:

|སྐྱེ་བོ་རྨོངས་པ་འགའ་ཞིག་ནི|	Нѣкоторые глупые люди
|ལོག་པའི་ཆོས་ལ་རབ་ཞེན་པ|	чрезвычайно пристращаются къ дурному;
|འདོད་པའི་དོན་ངེས་བསླུས་གྱུར་ཏེ|	цѣль желанія явно вводитъ въ заблужденіе,
|རུས་སྦལ་སོ་ཡིས་བྱ་བསླུས་བཞིན|	подобно тому какъ черепаха зубами ввела въ заблужденіе птицъ.

[2] Очевидно, первыя слова этого разсказа находились на утерянномъ листѣ рукописи (f. 28). Соотвѣтствующій разсказъ Ч.-ч. начинается словами (f. 28.): [illegible] — «Въ колодцѣ жила черепаха, слѣпая на одинъ глазъ». Почти такъ же начинается и параллельный разсказъ Ерд.-чім. (f. 18 v.).

очень сильный вѣтеръ, и я, побитая морской волной, попала къ вамъ сюда. Тогда слѣпая лягушка спросила: — «Ты теперь собираешься вернуться?» — «Я теперь, хотя и хочу пойти, — сказала та, — но мѣсто, куда надо итти, далеко, не знаю направленія, не имѣю возможности вернуться. Поселюсь вмѣстѣ съ вами въ вашемъ колодцѣ». Тогда колодезная лягушка раздѣлила свой колодезь на три части и, указавъ на одну, спросила: — «Воды твоего такъ называемаго моря больше или меньше, какой величины?» — «Больше», — сказала морская лягушка. Колодезная лягушка опять указала на двѣ части и спросила опять. Морская лягушка сказала ей: — «Несравненно велико, не имѣетъ конца и предѣловъ». Тогда колодезная лягушка разсердилась и сказала: — «Твое такъ называемое море, оказывается, насколько же больше и значительнѣе этого моего колодца? Если поразмыслить, такъ ты прославляешь свою сторонку — море, меня унижаешь и мной пренебрегаешь», и прогнала ее, говоря: — «Ты отправляйся въ ту свою великую сторону!»

Подобно этому, обладающіе ничтожнымъ и малымъ достоинствомъ чванливо думаютъ о себѣ, считая себя великими, и горделиво величаются передъ другими. Это, вѣдь, надо старательно оставлять[1].

XVI. Царевичъ и сынъ брахмана.

То, о чемъ говорятъ: воздаяніе за совершенное зло само приспѣваетъ.

Въ давнее прошлое время сынъ одного царя и сынъ одного брахмана, отправившись вмѣстѣ учиться мудрости, достигли нѣкоей отдаленной страны. Сынъ царя научился великой мудрости, а сынъ брахмана научился малому. Впослѣдствіи, на возвратномъ пути на родину, сынъ брахмана, завидуя, такъ какъ мало научился мудрости, и задумавъ злое, въ безлюдной мѣстности, въ лѣсу собрался задушить царевича. Тогда царевичъ сказалъ: — «Разъ ты хочешь убить меня, я, передъ тѣмъ какъ умереть, дамъ тебѣ подарокъ — письмо своей матери. О, другъ, ты его доставишь?» Сказавъ это, царевичъ на-

---

[1] Соотвѣтствующіе стихи Лугс-кјі. т.-ч.:

།དྲེགས་པས་ལོང་བ་འགའ་ཞིག་ནི།	Нѣкоторые, ослѣпленные гордостью,
།རང་གི་སྐྱོན་རྣམས་མ་བསམ་པར།	благодаря тому, что не думаютъ о своихъ недостаткахъ,
།ཡོན་ཏན་སྣ་མོས་རབ་མགུ་བ།	чрезвычайно довольны своими незна-
།ཁྲོན་པའི་རུས་སྦལ་ཇི་བཞིན་ནོ།	чительными достоинствами и уважаютъ ихъ,
	совсѣмъ какъ колодезная черепаха.

Выраженія kūpadardura и kūpakacchapa, колодезная лягушка или к. черепаха равнозначущи, употребляются для обозначенія человѣка неопытнаго, живущаго въ своихъ четырехъ стѣнахъ какъ лягушка въ колодцѣ.

писалъ на листѣ пальмоваго дерева [слово] «абаршік'а» (санскр. apraçikhāḥ)[1] и послалъ его. Тогда же сынъ брахмана убилъ царевича и, достигши своей страны, сказалъ царю: — «Твой сынъ умеръ, застигнутый болѣзнью на пути». Сказавъ это, онъ передалъ еще посланное царевичемъ письмо. Тотчасъ царь, не понимая смысла слова apraçikhāḥ, собралъ многихъ мудрыхъ монаховъ, и когда, доведя до ихъ свѣдѣнія, спросилъ ихъ, то оказалось, что они тоже не понимали. Царь тотчасъ же сильно разгнѣвался и пригрозилъ, говоря: —«Если вы не поймете и не раскроете смысла этихъ буквъ, я всѣхъ перебью!» Тогда тѣ всѣ монахи, истощивъ средства, пребывали въ страхѣ, а одинъ наставникъ (баҕші), въ сопровожденіи своихъ многихъ учениковъ, залѣзъ на макушку дерева и остался тамъ сидѣть попусту.

Въ то время дѣти нищаго брахмана, бывшіе у подножья того дерева, стали плакать, говоря, что они голодны. Мать ихъ тогда сказала: —«Говорятъ, этотъ царь завтра убьетъ многихъ ламъ-монаховъ. Не плачьте, навѣрно получимъ что-нибудь отъ ихъ мяса и крови!» Только она сказала такъ, обманывая ихъ, дѣти приняли за правду и спросили: — «Тотъ по какому поводу собирается ихъ убить?» —«Убьетъ ихъ потому, что они не поняли смысла слова apraçikhāḥ», сказала ихъ мать. — «А то слово что значитъ?» Мать ихъ сказала: — «Слово это значитъ: въ безлюдной мѣстности мой товарищъ убилъ меня тупымъ ножомъ, придавивши горло». Тѣ ламы, услыхавъ, что она говоритъ, пришли и раскрыли царю смыслъ того слова. Царь тогда отпустилъ всѣхъ монаховъ и велѣлъ схватить и привести сына брахмана; подвергнувъ его пыткѣ, добился истиннаго признанія и убилъ.

Похоже на то, что нужно оставить навсегда подобные этому вредные и скверные помыслы[2].

---

[1] Объ apraçikhāḥ см. Theodor Zachariae. Zur 15. Erzählung des Siddhi-Kür. Zeitschr. d. Vereins f. Völker-Kunde. IX, p. 331—332; X, p. 100—102. По Ч.-ч. (f. 55), царевичъ пишетъ слово «асмарашік'а»; ср. A. Weber. Siṃhāsanadvatriṃçikā. Ind. St. XV, 1-й разсказъ, гдѣ приводятся другіе слоги.

[2] Соотвѣтствующая çloka Лугс.-кјі. т.-ч.:

।མཉམ་སོགས་དག་ལ་ཕྲག་པ་དག།	Завидующіе себѣ подобнымъ
।འདི་རང་ཡང་སྡུག་བསྔལ་ཆེ་འགྱུར་ལ།	въ этой жизни будутъ сильно страдать,
।ཕྱི་མར་རྣམ་སྨིན་ཆེ་འགྱུར་ཏེ།	а въ будущей обнаружатся плоды ихъ грѣховныхъ [дѣяній,
।དཔེར་ན་གཞོན་ནུ་ཟླ་དང་འདྲ།	подобно тому, какъ Kumāralopāça.

Монгольскіе переводы Лугс.-кјі т.-ч. даютъ переводъ གཞོན་ནུ་ཟླ — «сынъ брахмана Ӱнеген (Лиса)», т. е. согласно комментарію.

XVII. Царь, царица, сановники и отшельникъ, разсказъ о четырехъ добродѣтельныхъ животныхъ.

То, о чемъ говорится: четверо согласныхъ животныхъ.

Въ давнее прошлое время въ странѣ-государствѣ[1] одного великаго царя четыре времени года бывали прекрасными, совсѣмъ не бывало зимы, а какъ бы лѣто, не бывало болѣзней, а какъ бы блаженство; кромѣ того, злаки и плоды, скотъ и животныя размножались въ изобиліи, подданные—народъ его—были имениты и богаты, пользовались благополучіемъ и блаженствомъ. Тогда сказалъ разъ царь: — «Причина того, что наступило благополучіе и блаженство — мои хорошія качества и счастье!» Когда онъ это сказалъ, его царица тоже заявила: — «Навѣрное, происходитъ отъ моихъ хорошихъ качествъ». Чиновники тоже сказали: — «Произошло отъ нашихъ хорошихъ качествъ». Такъ говоря, каждый оспаривалъ въ свою пользу, и они не могли притти къ согласію. — «Нечего намъ такъ спорить, — сказали они, — но спросимъ и узнаемъ у ламы-пустынника, по имени Білігтӱ (Премудрый)!» Согласившись всѣ, они отправились, поклонились ламѣ-пустыннику и подробно доложили о причинѣ спора и о своихъ дѣйствіяхъ. Тогда лама-пустынникъ соизволилъ сказать слѣдующее: — «У истока этой рѣки живутъ четыре согласныхъ друга: слонъ, обезьяна, заяцъ и куропатка. Эти четверо жили въ очень большомъ согласіи, дружбѣ и любви. Однажды стали они говорить другъ другу: — Если кто-нибудь изъ насъ окажется старше другихъ, то мы, младшіе, будемъ любовно почитать своего старшаго брата! Но такъ какъ они не знали своихъ лѣтъ въ такомъ порядкѣ, чтобы могли считаться старшими и младшими братьями, то слонъ указалъ на дерево — въ той мѣстности было

---

[1] Въ текстѣ орон-гӱрӱн; гӱрӱн—заимствованное съ манджур. (мандж. гурун) — государство, династія, народъ, нація. Слово это очень часто встрѣчается въ современной монг. письменности; проникло оно и въ живые монг. говоры; выраженіе, параллельное орон-гӱрӱн, тоже встрѣчается въ произведеніяхъ монг. народной словесности, напр., въ дэрб.-Кобд. былинѣ Егіl-Мергӗн находится такая фраза (ст. 100—101):

терӗ нартīн наймӊ̥ тібīгі,	Онъ (Егіl-Мергӗн) родился, завладѣвъ
орӊ̥ гӱрӊ̥ хојрīгі езlāт тöрwӯ.	восемью подсолнечными материками,
	завладѣвъ страною и царствомъ.

Мандж. гурун, очевидно, родственно монг. слову гӱр народъ, племя, толпа народа. Можетъ-быть, возможно черезъ это слово объяснить титулъ Кара-киданьскаго государя — гуръ-ханъ < *гӱр-kāн; очень похожій титулъ носили монгольскіе государи въ Персіи — иль-ханъ < (монг. и тур.) il-kāн — народъ-государь; ср. D'Ohsson. Histoire des Mongols. Amsterdam, 1852, t. I, p. 99; И. Березинъ. Библіотека восточныхъ историковъ. Казань, 1849, т. I, стр. 46—49.

одно большое дерево — и сказалъ: — «Когда я былъ маленькимъ, высота этого дерева равнялась моему росту и я чесался о него». Обезьяна сказала:— «Въ мое малолѣтство это дерево было съ меня, и его тѣнь едва меня защищала». «Въ мое малолѣтство, — сказалъ заяцъ, — когда это дерево едва начало давать ростки, я раскапывалъ эти ростки и ѣлъ ихъ». Куропатка же сказала: — «Сѣмя этого дерева въ самомъ началѣ я принесла во рту, и это дерево мало-по-малу выросло, послѣ того какъ я его здѣсь бросила». Согласно этому, куропатка стала старшимъ братомъ, заяцъ слѣдующимъ по старшинству, третьимъ—обезьяна, а слонъ сталъ самымъ младшимъ. Такъ какъ младшіе оказывали почтеніе старшимъ, то на спину слона садилась обезьяна, на спину обезьяны садился заяцъ, а на спину зайца—куропатка; когда имъ поручалось что-либо сдѣлать, младшіе стали съ удовольствіемъ слѣдовать словамъ старшаго брата. Куропатка, главенствуя, собираетъ свое товарищество и, соединяя согласіе и пристойность, ведетъ его, охраняя, согласно многимъ святымъ законамъ.

Благодаря благополучію въ этой странѣ-мѣстности тѣхъ четырехъ согласныхъ животныхъ, и въ вашей странѣ, въ вашемъ мѣстѣ водворилось счастье и святость и наступило благополучіе и блаженство. Вотъ причина! Произошло это не отъ вашихъ хорошихъ качествъ. Вамъ нѣтъ нужды спорить. Ступайте туда и посмотрите».

Когда онъ, такъ говоря, соизволилъ подробно повѣдать, всѣ, начиная съ царя, отправились туда, и когда посмотрѣли, то увидѣли, что есть такія четверо согласныхъ животныхъ. Понявши, царь сказалъ: — «Въ то время какъ эти, будучи животными, такъ дружно живутъ именно сообразно святому закону, мы, будучи людьми, обладающими драгоцѣннымъ благомъ, что за нужду имѣемъ въ зависти и соревнованіи?» Всѣ они, соединяя миръ и согласіе, положили начало прекраснымъ намѣреніямъ и мало-по-малу стали жить дружно и согласно. Стали они чрезвычайно почитать степи и защищать, чтить и чествовать землю, законъ и религію.

Поэтому сказано было: если, соединяя согласіе и пристойность, будемъ жить, заботясь объ обѣщанномъ, то, навѣрно, станемъ пользоваться благоденствіемъ и блаженствомъ.

Списокъ монгольскихъ словъ, встрѣчающихся въ текстѣ MS. Burd., неизвѣстныхъ нашимъ словарямъ.

[illegible] V, VIII, IX. ‖ тиб. བཙུན་པ་ почтенный, названіе буддійскихъ монаховъ.

[illegible] III. < тиб. འོག་མིན་ область западнаго неба, гдѣ пребываетъ Akṣobhya, санскр. akaniṣṭha.

[illegible] XI. торчать вверхъ.

[illegible] VII. звенѣть, гремѣть, дребезжать.

[illegible] III. тужить, грустить, горевать, переживать унылое настроеніе.

[illegible] VI. раздавить, зажать.

[illegible] ([illegible]) XVI. придавить горло, шею, удавить, удушить; ср. монг.-письм., боҕумі, ойр.-письм. мојімі петля, петля аркана, арканъ, набрасываемый на шею; турецк.: осм. уйг. бојін, кир. мојін, алт. тел. леб. шор. койб. кир. моін, ком. тар. боін, дж. бої, хотон. моӊан шея; якут. мої, мојун шея; чуваш. мыї id; мджр. моцҕон передняя часть шеи, шея; ср. ойр.-письм. бојімула схватить за шею, накинуть петлю на шею, сдавить шею (ср. міла-бēр кӳзӧн-ēцені бојімулаці абчі [«Гесеръ-ханъ», MS. Азіат. Музея—Владимірцовъ 2, f. 34] ‖ тасіҕур-іјер боҕумілаці абчі [«Гесеръ-ханъ», изд. Шмидта, стр. 47]).

[illegible] VIII. < халх.-зап. ҕоҕöҕч̆ї браслетъ; ср. монг.-письм. баҕуу, буҕуу ожерелье, запястье, баҕубчі браслетъ, запястье, араб.-фил. баҕу браслетъ, ойр.-письм. буҕӯ браслетъ, бурят.-тунк. буҕāк id.; турецк.: дж. бохаҕу, осм. бокаҕы кандалы, тоб. буҕау колода, окова, кар. т. л. буҕуw цѣпь; якут. бöҕök (по транскрипціи O. Böhtlingk'a и Э. К. Пекарскаго бöҕöх — см. Jakutisch-deutsches Wörterbuch, стр. 135, перваго и «Словарь якутскаго языка», столб. 515, второго) браслетъ, запястье.

[illegible] VIII. < тиб. སྟོད་སྒྲོགས་ (стод-гjогс), халх.-зап. додjїг ламское верхнее платье.

[illegible] I. неловкій, неумѣлый, неуклюжій.

[illegible] VII. < кит. мао-р > халх.-зап. мо̄р, мӯр котъ, кошка, ср. дурб.-бейс. мē̇р, міp, горлос. моро, чахар.-писм. [illegible] id.; мджр. мурун пестрая степная кошка; турецк.: вост.-турк. molун дикая кошка.

[illegible] IV. санскр. Ketu, тиб. མཇུག་རིང་ одинъ изъ asura, назв. нисходящаго узла созвѣздія Дракона и 9-й (мнѳической) планеты буддійской астрономіи.

[illegible] VIII. признавать себя виновнымъ, признавать свою вину.

[illegible] XII. глотокъ.

[illegible] V. зудиться, чесаться, свербѣть.

[illegible] XIII. мучиться въ душѣ, скорбѣть душою, душа болитъ.

[illegible] XVII. < мджр. гурун государство, династія, народъ,

([illegible]) нація; ср. халх.-зап. гӯрӯц, дурб.-бейс. гӯрӯн, горлос. гур государство, монг.-письм. гӯр народъ; гольд. гурӯн народъ, люди, джурдж. Kuôh-lûn-ní государство.

К. А. Иностранцевъ.

Къ толкованію нижней надписи въ Варухскомъ ущельѣ.

Въ боковомъ ущельѣ при долинѣ рѣки Исфары, на дорогѣ между кишлаками Исфара и Варухъ, въ Кокандскомъ уѣздѣ Ферганской области, имѣются на скалѣ двѣ надписи, изъ которыхъ нижняя, почти вполнѣ разобранная [1], интересуетъ насъ въ настоящемъ случаѣ. Надпись состоитъ изъ шести строкъ арабскими буквами и лишь конецъ послѣдней строки, написанный «повидимому уйгурскими письменами», остался непрочитаннымъ [2]. Къ общему смыслу этой надписи мы имѣемъ предложить въ нижеслѣдующемъ нѣкоторыя разъясненія [3].

Интересъ надписи заключается прежде всего въ ея датѣ, точной и древней — 29 декабря 1041 г. по Р. Х. (433 г. Х.), что опредѣляется

---

[1] О мѣстоположеніи см. напр. кн. В. И. Масальскій, Туркестанскій край, въ изданіи — Россія, Полное географическое описаніе нашего отечества, настольная и дорожная книга подъ редакціей В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, XIX, СПБ, 1913, 699.

[2] См. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи, годъ девятый, Ташкентъ, 1904, 46—48, ср. тамъ же, 43—46.

[3] Текстъ надписи таковъ: (1) كتابة يوم الثلثآء من ايّام شهر جمادى الاولى سنة ثلث و ثلثين و اربعماية امر بها تشريفا (2) التكين الاجلّ السيّد العالم العادل معزّ الدولة ارسلان تكين ابو الفضل العبّاس بن موئّد العدل (3) ايلك بن الامير نصر بن علىّ سعيد خان مولى امير المؤمنين — والى اسفره رودبار رم (4) اعزّ الله شرفه وغفر له و لوالديه (5) و الحقه برسوله محمّد صلّى الله عليه و آله و اصحابه و اهل بيته (6) فى دى ماه الفرس سنة عشر واربعماية فى كانون الاوّل الروميّة.

началомъ ся — «надпись (эта начертана) во вторникъ, во дни мѣсяца Джумāдӣ I» и т. д.[1] Далѣе слѣдуетъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобнаго рода надписяхъ на мусульманскомъ Востокѣ, снабженное титулатурой имя правителя, приказавшаго ее выполнить. Интересно опредѣленіе, сопровождающее приказъ этого лица.

Въ текстѣ надписи стоитъ امر بها تشريفا, что переводившіе надпись передали — «приказалъ написать это для оказанія почета». Я полагаю, что слово تشريف (ташрӣфъ) стоитъ въ надписи въ спеціальномъ значеніи, подтверждаемомъ дальнѣйшимъ ея смысломъ, и перевожу это слово — «для принятія въ уваженіе», спеціальнѣе — «въ качествѣ инсигніи»[2]. Этимъ опредѣленіемъ указывается реальное значеніе цѣли надписи.

Приказавшимъ исполнить ее называется Арслāнъ-тегӣнъ, одинъ изъ представителей т. н. династіи Караханидовъ или Илековъ (послѣднее слово означено въ надписи при имени отца его), приходящійся, какъ то видно изъ его генеалогіи, внукомъ извѣстнаго представителя этой династіи Насра, въ самомъ концѣ X-го в. занявшаго Трансоксіану, и именуемый «правителемъ Исфары». Названіе этого мѣста сопровождается въ надписи опредѣленіемъ изъ двухъ словъ, читаемыхъ, по указанію разбиравшихъ, вполнѣ ясно, но оставшихся непонятыми.

Именно, за словами — والى اسفره стоятъ слова — رودبار رم. Первое слово رودبار (рӯдбāръ) означаетъ въ персидскомъ языкѣ «рѣку», «обильный водоемъ», «ложе или русло рѣки съ прилежащимъ къ ней прибрежьемъ»; второе слово رم (ремъ) имѣетъ въ томъ же языкѣ значеніе «стадо», но въ интересующую насъ эпоху имѣло значеніе спеціальнаго названія — «пастбища», кочевья», примѣры чего мы имѣемъ у арабскихъ географовъ X-го вѣка[3],

---

[1] Не лишенъ интереса день, выбранный для выполненія надписи — см. мою работу, Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи Сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. باب العرافة و الزجر و الفراسة على مذهب الفرس, СПБ, 1907, 84—85 (=ЗВО, XVIII, 196—7) («Вторникъ — день войны и крови»).

[2] О такомъ значеніи этого слова см. мою работу Торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ, СПБ, 1905, 41 (=ЗВО, XVII, 1906, 41).

[3] Bibliotheca Geographorum Arabicorum, IV, Glossarium, s. v. رمّ и мѣста изъ географическаго словаря Якӯта — C. Barbier de Meynard, Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse, Paris, 1861, 263—5 и 410 (въ арабскомъ текстѣ слово رمّ поясняется какъ منزل الاكراد و محلّتهم, причемъ въ одномъ мѣстѣ считается словомъ діалекта Фарсистана; нынѣ, какъ извѣстно, эти кочевья именуются ӣлятъ).

въ частности по отношенію къ кочевьямъ Курдовъ. Оба слова въ ихъ сочетаніи — رودبار رم, «рӯдбāр-и-ремъ» я перевожу «русло рѣки, предназначенное для стада», «рѣчная долина для пастбища», а по аналогіи съ другими извѣстными намъ примѣрами изъ быта кочевыхъ народовъ усматриваю въ нихъ спеціальное значеніе «(заповѣднаго) пастбищнаго заливного луга»[1].

Надпись заключается благопожеланіями приказавшему начертать ее правителю и дополнительной датировкой по персидской и греческой эрамъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ объясненіе назначенія надписи — она указываетъ мѣстность, предназначенную для заповѣднаго пастбища. Общій переводъ ея будетъ слѣдующій — «Надпись (эта начертана) во вторникъ, во дни мѣсяца Джумāдӣ I-го 433 г. Приказалъ (исполнить) ее въ качествѣ инсигнія славнѣйшій тегинъ, мудрый, справедливый сейидъ, Му'изз-ад-даула Арслāнъ-тегӣнъ Абӯ-л-Фазлъ ал-'Аббāсъ, сынъ Мувайид-ал-'адля Илека, сына эмира Насра, сына 'Алӣ-Са'ӣдъ-хана, кліентъ повелителя правовѣрныхъ, — правитель Исфары (съ ея заповѣднымъ) пастбищнымъ заливнымъ лугомъ; да возвеличитъ Богъ славу его, и да проститъ прегрѣшенія ему и родителямъ его, и да возсоединитъ его со своимъ пророкомъ Мухаммедомъ, котораго, равно какъ семью, сподвижниковъ и сородичей его, да благословитъ Богъ; (исполнена эта надпись) въ Дей-мāхъ 410 года (по эрѣ) персовъ, въ Кāнӯнъ I-ый (по эрѣ) грековъ».

Въ заключеніе отмѣчу, что пастбищныя плоскогорья съ самаго начала мусульманскихъ завоеваній были предметомъ столкновеній и обсужденій у завоевателей арабовъ и кочевавшаго въ такого рода мѣстностяхъ туземнаго населенія. Арабскимъ словомъ, означавшимъ этого рода мѣстность, было فدفد (фадфадъ, мн. فدافد). Табарӣ[2], при разсказѣ о завоеваніи арабами Сеистана, какъ извѣстно, древняго мѣстообитанія кочевниковъ Скиѳовъ, говоритъ, что туземное населеніе при заключеніи договора съ арабами выговорило неприкосновенность этихъ предназначенныхъ для паст-

---

[1] По поводу пастбища ср. P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, Strassburg, 1893, 38 и 98 и H. Hübschmann, Persische Studien, Strassburg, 1895, 23 и 52, а также Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, 89 (abācariš, abičariš, — слово, имѣющее значеніе для выясненія бытовыхъ отношеній въ интересующемъ насъ случаѣ изъ большой Бехистанской надписи, табл. I, 14; ср. табл. III, 5).

[2] Annales, I, 5, 2705 (23 г. X. См. и J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, Berlin, 1899, 101).

бищъ мѣстъ и, несмотря на послѣдовавшія затѣмъ колебанія со стороны завоевателей, дѣло окончилось уплатой населеніемъ Сеистана подати съ правомъ сохраненія этихъ пастбищъ[1].

---

[1] Изъ позднѣйшаго времени ср. уже отмѣчавшееся извѣстіе Табарī, II, 3, 1594 (119 г. Х.) о заповѣдныхъ лугѣ и горѣ въ долинѣ рѣки Чу, причемъ интересно поясненіе назначенія этихъ заповѣдныхъ мѣстъ—они сохранялись للجهاد, «для войны», «для военныхъ цѣлей» (ср. выше стр. 554, пр. 1). Въ монгольскую эпоху эти заповѣдныя мѣста именовались, какъ извѣстно, курӯк'ами.

А. Д. Рудневъ.

Ха-Оширъ.

Переводъ отрывка бурятской былины.

Законченный печатаніемъ I-й томъ издаваемыхъ Россійской Академіею Наукъ «Образцовъ Народной Словесности Монгольскихъ племенъ» (ОНСМП)[1] посвященъ текстамъ эпическихъ произведеній эхрит-булгатовъ — бурятъ Иркутской губерніи, — изданнымъ по записямъ замѣчательнаго собирателя эпоса монгольскихъ народностей Цыбена Жамцарановича Жамцарано.

Въ I-мъ томѣ помѣщены четыре бурятскихъ былины: Аламжи-мэргэнъ, Айдурай-мэргэнъ, Іренсей и Ха-Оширъ, послѣдняя изъ коихъ дана въ двухъ варіантахъ, при чемъ второй варіантъ записанъ Ц. Ж. Жамцарано въ видѣ небольшого отрывка.

По отзывамъ какъ самого собирателя, такъ и другихъ бурятъ, знакомыхъ со своимъ эпосомъ, этотъ отрывокъ даетъ образецъ одного изъ лучшихъ бурятскихъ эпическихъ произведеній, какъ по стилю, такъ и по языку.

Выходъ въ свѣтъ этого тома «Образцовъ», возникшихъ, какъ и «Образцы народной литературы якутовъ», по примѣру «Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ», долженъ былъ совпасть по времени съ празднованіемъ 80-тилѣтія со дня рожденія собирателя и издателя послѣдней изъ упомянутыхъ серій — В. В. Радлова, и потому мнѣ казалось умѣстнымъ, на посильномъ переводѣ отрывка изъ монгольскихъ былинъ, познакомить теперь же въ сборникѣ, посвященномъ юбиляру, всѣхъ интересующихся народной литературой съ образчикомъ того, что содержитъ въ себѣ I-й томъ новыхъ «Образцовъ», разсчитанныхъ на большое число томовъ.

По всей вѣроятности переводъ всѣхъ изданныхъ былинъ не заставитъ себя ждать слишкомъ долго; пока же я даю этотъ переводъ краткаго и дѣйствительно образцоваго отрывка и такимъ образомъ впервые обнародываю въ европейской литературѣ связный образчикъ возможно точнаго перевода былинъ монгольскихъ племенъ[2].

---

[1] Петроградъ. 1918.

[2] Нѣкоторые небольшіе образцы перевода бурятскихъ былинъ были мною даны уже въ моей докторской диссертаціи: «Хори-бурятскій говоръ». Петроградъ. 1913—1914. Вып. 3.

Полное заглавіе нашей былины: Хаң Бугдур (или Богдор) хāні Хā Ошір (или Ōшір) хӯбӯң, т. е. Ха-Оширъ — сынъ хана Хан-Бугдуръ (или Богдо-хана). Ц. Ж. Жамцарано записалъ этотъ второй неполный варіантъ былины (по-бурятски онтхо или улигеръ) 21 іюля 1903 г. въ Кудѣ Иркутской губерніи у А. М. Михайлова отъ сказителя Петру Михаханова (Петрӯ Міхāханов'а, бурята 2-го Ашибагатскаго рода), который, пропѣвъ этотъ отрывокъ, уѣхалъ на работы, а потомъ отказался продолжать сказываніе.

Подлинная запись былины хранится въ собраніи записей Ц. Ж. Жамцарано въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ въ «Коллекціи Ц. Жамцаранова. 1903 г.» (Musei Asiatici Notitiae. VII. n⁰. 6; Add. 1905/2), стр. 438—453. Напечатанъ этотъ текстъ въ ОНСМП, т. I, стр. 633—648, заключаетъ въ себѣ 499 строкъ и раздѣленъ на шесть главъ.

Переводъ мною сдѣланъ по мѣрѣ силъ и возможности дословный.

Вставленныя сказителемъ отъ себя выраженія въ значеніяхъ: затѣмъ, тѣмъ временемъ, послѣ этого и т. п., въ видѣ общаго правила мною въ переводѣ опущены, такъ какъ они вставляются сказителемъ совершенно произвольно и къ тексту былины никакого отношенія не имѣютъ.

Стараясь по возможности сохранить порядокъ стиховъ подлинника, я былъ принужденъ для ясности перевода иногда все же сдѣлать небольшія перестановки, отмѣчая въ такихъ случаяхъ обыкновенно номера стиховъ на поляхъ, чѣмъ и объясняется встрѣчающаяся у меня непослѣдовательность въ номераціи стиховъ. Когда приходится перестановки дѣлать въ предѣлахъ двухъ послѣдовательныхъ стиховъ, то я это отмѣчаю тѣмъ, что второй изъ такихъ стиховъ печатаю отступя отъ поля, т. е. какъ бы обращая два стиха въ одинъ съ произвольнымъ хотя и обязательнымъ переносомъ во вторую строку.

Въ прямыя скобки [ ] заключены слова, добавленныя мною для большей ясности перевода; въ круглыя скобки ( ) — слова сказителя, излишнія въ русскомъ переводѣ.

При переводѣ этого отрывка чрезвычайно большую помощь мнѣ оказалъ студентъ Баертонъ Вандановичъ Вампилунъ, не отказавшій подѣлиться со мной своими знаніями по особенностямъ родного ему аларскаго нарѣчія, близкаго къ языку былины (т. е. къ эхрит-булагатскому). Безъ помощи бурята, разбирающагося въ языкѣ былинъ, трудно было бы вообще приступить къ переводу.

Кромѣ того, товарищеское содѣйствіе при послѣднемъ пересмотрѣ перевода мнѣ оказали лекторъ Петроградскаго Университета Б. Б. Барадійнъ и прив.-доцентъ Б. Я. Владимірцовъ.

Съ искренней признательностью упоминаю здѣсь эти имена.

Сынъ Хан-Бугдуръ хана Ха-Оширъ.

1.

Ээхъ!... Ээхъ!...[1]

Раньше ранняго,
прежде прежняго,
когда снѣгъ былъ мягокъ,
5 когда бумага была тонка,
когда сандальное дерево на опушкѣ
[только] начинало вѣтвиться,
когда большой изюбрь съ бѣлымъ пятномъ на шеѣ
былъ еще дѣтенышемъ,
10 счастливо появился[2] [онъ] на свѣтъ.
12 На сѣверной сторонѣ Алтайской[3] великой
страны своей родился [онъ],
на хребтѣ Хухуйской[4] великой
страны своей родился [онъ].
17 Когда у Ледовитаго желтаго моря
[только лишь] образовывались берега,
когда великая гора Хумуръ[5]
[только] начинала покрываться лѣсомъ
счастливо появился [онъ] на свѣтъ.
23 На самомъ днѣ великой ложбины,
что для вхожденія,
съ внѣшней стороны великой ложбины,
что для выхожденія,
счастливо появился [онъ] на свѣтъ.
29 Когда тепло было безъ рукавицъ,
и когда готовы были безъ пояса[6]
счастливо появился [онъ] на свѣтъ.
Въ счастливой странѣ,
гдѣ козлятки не пропадаютъ,
въ изобильной странѣ,
гдѣ барашки не гибнутъ
счастливо появился [онъ] на свѣтъ.

---

[1] Запѣвка: сказитель «собирается съ духомъ» прежде чѣмъ начнетъ сказывать.
[2] Букв.: наслаждался существованіемъ.
[3] Несомнѣнно имѣется въ виду Алтай.
[4] Очевидно Хан-Хухей.
[5] Һумуръ = Сумеру.
[6] Т. е.: когда считались одѣтыми, не надѣвъ пояса; такова была простота нравовъ.

37 Приведя десять мастеровъ,
заставилъ онъ сдѣлать блестящій топоръ,
приведя двадцать мастеровъ,
заставилъ онъ сдѣлать свой острый топоръ.

41 Заставилъ [онъ], разбивъ горы и камни,
воздвигнуть домъ на основаніи[1];
заставилъ [онъ], раздробивъ камни съ подножья горъ
устроить домъ съ углами.

45 Снизу — всталъ [домъ
на степи о семи холмахъ[2];
сѣверную сторону — золотомъ и серебромъ покрыли[3],
южную сторону — бѣлымъ серебромъ украсили —
искусною рукою воздвигли.

50 Съ нижней стороны —
семь тысячъ оконъ
блестѣли, когда [ставни] открывались,
и, притягивая [къ себѣ] міровое желтое солнце,
блестѣли.

55 Съ верхней большой стороны —
очень много оконъ
блестѣло, когда [ставни] открывались
и, притягивая [къ себѣ] міровое соловое солнце,
блестѣли.

61[4] Съ ребро подобными карнизами.
Съ внутренней стороны —
есть [въ немъ] восемдесятъ пять комнатъ
и восемдесятъ бронзовыхъ печей;

65 по восьмидесяти бронзовымъ трубамъ
дымъ-паръ
клубами выбиваясь выходитъ,
въ небо упирается
и, сгущаясь[5] въ тучи,
крапаетъ мелкимъ дождикомъ.

72 И былъ у него мѣдно-желтый соборъ[6]
съ тридцатью тремя главами,

---

[1] На фундаментѣ.

[2] На Долон-унсукскую степь? Или: Воздвигли такой домъ, что низомъ всталъ онъ на...

[3] «Отѣлесили».

[4] Стихъ 60: (Около-ли него:)

[5] Букв.: готовясь (говорится про яйцо), чтобы вылупиться.

[6] Въ текстѣ прямо употреблено русское слово «соборъ».

было у него сто тысячъ лошадей[1],
        которымъ только и пастись на сѣверѣ,
было у него девяносто тысячъ коровъ,
        которымъ только и пастись на югѣ.
78 Водой одного ключа
перестали [они] напиваться[2]
и травой цѣлой страны
перестали насыщаться.
82 Съ сѣверной ли стороны
[были у него] подданные [кроткіе] какъ овцы,
съ южной ли стороны
[были у него] подданные [кроткіе], какъ жеребята.
86 Для ста тысячъ лошадей,
        которымъ пастись на сѣверной сторонѣ,
и для многихъ десятковъ тысячъ коровъ,
        которымъ пастись на южной сторонѣ,
90 Черный грязный дядюшка[3]
и Бѣлый грязный дядюшка[4]
были караульщиками.

93 Хан-Бугдур-ханъ,
достигши 60 [лѣтъ] подтянулся[5],
достигши 70 [лѣтъ] сталъ дряхлъ[6]
и, чтобы въ одѣялѣ своемъ воспитывать,
не было у него сына.
Жена его Дунйонай
достигши 60 [лѣтъ] подтянулась,
достигши 70 [лѣтъ] стала дряхла.
101 Самъ Хан-Бугдуръ ханъ
своего восьмидесяти саженной длины
стройнаго соловаго коня
взнуздывалъ
винтообразно обвитой серебряной уздой.
106 Отводя на ледъ—
серебряныя копыта [ему] отращивалъ,
отводя на гальку—
твердыя копыта отращивалъ.

---

[1] Или: табуновъ?
[2] Перестало хватать имъ.
[3] Хара Зутанъ абагай.
[4] Саган Зутанъ абагай.
[5] Букв.: сталъ сухимъ.
[6] Букв.: сталъ корявымъ, нестройнымъ

110 Самой лучшей ключевой водой
чуть освѣживъ [ему] ротъ, выстаиваетъ;
самой лучшей легкой травой съ кочекъ
чуть подправивъ, выстаиваетъ;
114 пока не сдѣлается [конь] какъ бѣлка[1],
выстаиваетъ:
пока бисероподобные глаза его не окружатся кольцами[2],
выстаиваетъ;
119 и потникъ изъ шелковой кромки
накладываетъ на него,
серебряное . . . .[3] сѣдло
накладываетъ на него.
Подпругой изъ десяти свитыхъ веревокъ
стягиваетъ [его] до того, что онъ извивается.
125 Всѣ свои принадлежности на себя надѣлъ:
сшитыя изъ шкурокъ семидесяти козловъ
замшевыя черныя шаровары
снизу промежъ ногъ надѣлъ;
изъ рыбьей кожи
сандально-черные сапоги свои надѣлъ[4];
132 съ семьюдесятью восемью пуговицами
парчевую шелковую шубу свою
только благодаря силѣ плечей [своихъ] могъ надѣть,
только благодаря силѣ пальцевъ [своихъ] могъ застегнуть.
136 По виду величиной съ копну,
съ кистью величиной съ кочку
соболью пушистую[5] шапку свою
кладетъ на макушку.
140 Выйдя на дворъ,
садится на конька своего, Галдана[6],
и, чтобы на сѣверной сторонѣ
ста тысячамъ лошадей своихъ
счетъ получить, убрался.
145 Выѣхалъ онъ на сѣверную сторону,—
оба грязные дядюшки
караульными стоятъ.

---

[1] Пока не пополнѣетъ какъ бѣлка, пока не приметъ внѣшній видъ бѣлки.
[2] Пока не впадутъ отъ худобы.
[3] Названіе серебра тохоі мнѣ неизвѣстно.
[4] Напяливалъ?
[5] Нѣжно развѣвающуюся.
[6] Ласкательное названіе конька.

148 Сто тысячъ лошадей его
водой одного ключа
перестали напиваться[1]
и травой цѣлой страны
перестали насыщаться.
Гораздо больше стало ихъ, чѣмъ прежде,
еще больше стало ихъ, чѣмъ раньше.
155 Этотъ самый Хан-Бугдуръ ханъ [говоритъ]:
— «Какъ разъ теперь[2]
прожилъ я безъ сына,
        котораго бы взростить въ одѣялѣ своемъ,
прожилъ я безъ потомства,
        которое могъ бы поднять наноскахъ[3];
скота [у меня]
слишкомъ много стало»...
И сталъ онъ, смотря вверхъ, смѣяться,
смотря внизъ, — всплакнулъ...
165 Къ дому своему
заставивъ коня шажкомъ пройти,
къ землѣ своей заставивъ переваливаться,
пріѣхалъ домой.
169 Какъ пріѣзжаетъ онъ домой,
[а] жена его Абай Дунйонай
поставила ему ѣду и питье
и говоритъ [ему]: — «грудь твоя
отягощена[4],
въ горлѣ твоемъ
затруднено дыханье».
176 Онъ отвѣчаетъ: —[5] «теперь какъ разъ
нѣтъ у меня сына...
— Всѣмъ этимъ добромъ
чей сынъ владѣть будетъ?
чьему, дескать, сыну достанется оно? —
думаю я тяжелую мысль,
стѣсняется отъ грусти грудь моя!»
Жена его Абай Дунйонай говоритъ:
181 — «Теперь какъ разъ

---

[1] Перестало хватать имъ.
[2] Т. е. имѣя такое богатство.
[3] Такъ, какъ качаютъ дѣтей.
[4] Опечалена?
[5] Въ текстѣ пропущено тире —.

я не отчаялась въ себѣ
и какъ будто нахожусь въ положеніи матери»,
такъ говоритъ[1] она.
188 Съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается она,
съ каждымъ годомъ поднимается[2] она;
задняя пола у нея длиннѣе становится,
передняя пола у нея короче становится;
192 и родила она сыночка:
и вотъ, когда на завтрашній восходъ
утреннее соловое солнце
только выплывая восходить стало,
разрѣшилась она сыномъ:
съ золотымъ задомъ,
съ серебряной грудью
лежитъ онъ пыхтя.
200 Этотъ сынъ,
прожилъ одни сутки —
молокомъ одной коровы
пересталъ насыщаться;
прожилъ двое сутокъ —
и молокомъ двухъ коровъ
206 пересталъ насыщаться.

2.

207 Ээхъ!... Ээхъ!...
— «Тятя!» — все призываетъ [онъ] отца[3], говоря:
«Какъ разъ теперь
конекъ мой Галданъ
на восточной сторонѣ
въ очень далекой странѣ;
218 уже тринадцать лѣтъ,
213 какъ на горѣ Ангай Уланъ[4]
какъ ржавчина рыжій [этотъ] конь мой[5]
съ тѣломъ въ девяносто саженъ длины
пасется вмѣстѣ
съ тринадцатью сайгами»!
220 Послѣ этого [еще говоритъ онъ].

---

[1] «Поговариваетъ».
[2] Какъ булка.
[3] Собств.: зажмуривъ глаза поетъ, призывая отца.
[4] Звѣрино-красная.
[5] Инберт.-зерде.

— «Тятя, тятя! ты [слушай]:
изъ страны восточныхъ хановъ,
изъ самой дальней страны
призови Бѣлаго грязнаго дядюшку моего.
225 Въ восточную сторону,
въ самую дальнюю страну,
на гору Ангай Уланъ,
къ коньку моему Галдану
нужно послать его»,
(говоритъ онъ).
231 Бѣлый грязный дядюшка,
перегнавъ [1] одинъ котелъ [водки],
вмѣстилъ его въ одинъ кувшинъ [2],
закололъ барана,
взялъ (?) кость задней ноги
и послалъ [къ коню].
237 Бѣлый грязный дядюшка
по крику пѣгой сороки
трусилъ въ зимнюю пору,
по крику золотого жаворонка
трусилъ въ лѣтнюю пору [3]...
242 Бѣлый грязный дядюшка
къ горѣ Ангай Уланъ
почти въ упоръ пріѣхалъ.
И внизъ онъ ткнулся [4],
и вверхъ онъ ткнулся
и не находитъ повода;
248 и, когда онъ поднялся на гору,
то Галданъ конекъ его
на его глазахъ убѣжалъ.
Одинъ котелъ водки [5]
и мясо одной овцы
протянулъ [6] онъ [передъ собою].
Это мясо овцы,
поднявшись на гору, протягиваетъ онъ:
256 — «Земля страна!» говоритъ онъ —
«этого коня

---

[1] Или «высидѣвъ».
[2] Домбо.
[3] Тутъ видимо въ оригиналѣ пропускъ.
[4] Собст. заі- означаетъ: ходить по гостямъ.
[5] Водку изъ одного котла.
[6] Какъ бы для приношенія.

помогите загнать къ кустамъ,
спуститесь[1] къ березняку;
послалъ, дескать, хозяинъ-молодецъ!»
262 Рыжій конь его
подошелъ къ нему и говоритъ:
— «Врагъ ли ты — не знаю я,
недругъ ли ты — не знаю я!
и говоритъ еще:
267 — «Коли врагъ,—
узнаю я, что ты врагъ,
коли недругъ —
то узнаю я, что ты недругъ:
попробуй спустить стрѣлу!
272 Если ты врагъ,
то, націѣливъ между ребрами,
прольешь[2] черную кровь мою;
если хозяинъ мой послалъ [тебя],
то попадешь ты въ конецъ трубчатой кости[3]!»
. . . .
279 Конь этотъ его
словился,
а [дядя] не можетъ достать до головы его.
Сталъ [конь] на колѣни и дался [ему].
283 Ведя конька этого Галдана,
заставилъ онъ его шажкомъ идти домой,
поѣхалъ переваливаясь къ своей землѣ;
пріѣхалъ домой,
пріѣхалъ къ дому своему
и въ домъ свой, [что] съ поломъ и съ углами,
289 входитъ.

3.

290 А мальчикъ тотъ
лежитъ пыхтя, кряхтя[4];
становясь мужчиною — мужаетъ,
становясь парнемъ — толстѣетъ.
295 — «Дядюшка, а дядюшка!
ты привелъ конька моего Галдана!

---

[1] Сойдите [съ коней].
[2] Заставишь [меня] пролить.
[3] Окостенѣвшая твердая часть на ногѣ.
[4] Букв.: издавая трубные звуки.

я буду бить въ сѣверный барабанъ —
соберу сѣверныхъ людей,
въ южный барабанъ буду бить —
соберу южныхъ людей».
300 Вина повывезли —
бочками[1],
мяса повывезли —
горками[2].
304 Люди-народъ его
собрались
мясо-водку
ѣдятъ и пьютъ.
308 — «По обычаю глубокихъ старцевъ,
по свычаю глубокихъ стариковъ
дайте мнѣ имя-прозвище!»
говоритъ . . . .[3] онъ.
312 Встаетъ старецъ
съ бѣлой какъ лебедь головой,
съ бѣлымъ березовымъ посохомъ
319 и говоритъ:
315 — «Хан-Бугдуръ хана
долгожданнымъ явившійся
сынъ[4] Ха-Ширъ».
[Такое] далъ [ему онъ] имя-прозвище.
321 Люди-народъ весь,
сдѣлавъ пиръ,
разошлись по всѣмъ долинамъ,
и, останавливаясь по всѣмъ ручьямъ,
уѣхали по домамъ.

4.

326 Ха-Оширъ хубунъ [говоритъ]:
— «Какъ разъ теперь
суженую
буду я желать себѣ».
[И еще] говоритъ онъ:

---

[1] Букв. [столько], что [можно было] мѣрить бочками.
[2] [Столько], что мѣрить его горками.
[3] Слово су́лдец — мнѣ неизвѣстно.
[4] Хубунъ — сынъ, молодецъ, парень.

331 — «Суженая
на западной что-ли сторонѣ[1],
въ далекой странѣ,
куда перелетныя большія птицы
не могутъ долетѣть,
куда конекъ мой Галданъ съ копытами
труся не дойдетъ,
суженая моя тамъ».
342 [И еще] говоритъ онъ:
340 — «Это у богатаго хана Далая —
дѣвица Дардай Гуханъ».
343[2] «У хана этого двадцать три врага
со страшнымъ колдовствомъ,
съ устрашающимъ[3] волшебствомъ».
346 Какъ разъ теперь [Ха-Оширъ]
на конька своего Галдана
потникъ изъ шелковой кромки
накладываетъ,
и серебряное сѣдло
накладываетъ.

5.

352 На Западъ что ли[4],
въ далекую страну,
по большой Ханской дорогѣ
съ шумомъ прорысилъ [онъ],
по большой общей[5] дорогѣ
прямехонько[6] прорысилъ,
рысью уѣхалъ.
359 По крику пѣгой сороки
въ зимнюю пору трусилъ [онъ],
по крику золотого жаворонка —
въ лѣтнюю пору трусилъ.
363 Миновавъ свою страну,
достигнувъ чужой страны,
въ своей жестяной[7] объемистой трубкѣ

[1] Приблизительно на Западной сторонѣ.
[2] Стихи 343—345, по мнѣнію Б. В. Вампилуна, должны быть безъ ковычекъ.
[3] Вызывающій чувство ужаса, при которомъ его ощущаетъ все тѣло: волосы становятся дыбомъ, вскакиваютъ по кожѣ волдыри и пр.
[4] Приблизительно.
[5] Народной, людской.
[6] Въ струнку (говорится про пыль, какъ она поднимается).
[7] Металлической?

красный . . . . .[1] табакъ свой,
то поднимая, то опуская ее[2]
покуривалъ;
370 клубами пускалъ дымъ,
съ шумомъ втягивалъ.
Накурилъ [онъ], что на цѣлую долину
туманъ поднялся
и поѣхалъ дальше.
377 На соединеніи трехъ дорогъ изъ трехъ мѣстностей
375 жила старуха
375 съ однимъ глазомъ на темени,
съ однимъ зубомъ на крестцѣ.
378 Въ корявомъ черномъ котелкѣ
в[о всю][3] степь
варила она красный чай.
382 Какъ посмотрѣлъ [онъ] въ ея котелокъ:
385 кипятъ въ немъ
383 кипя красные черви,
[кипятъ] извиваясь синіе черви.
386 Эта старуха
бѣлымъ серебрянымъ ковшомъ
зачерпнула ему своего чая
393 и говоритъ:
389 — «Не по черной[4] я волѣ живу,
а по законамъ ханскимъ,
не по сѣрому желанію живу я,
392 а по сговору съ бурханами;
394 и всѣмъ ѣдущимъ внизъ и вверхъ
я выношу питье».
И вотъ
говоритъ ей [нашъ] молодецъ:
398[5] — «Идучи по [такому] длинному пути
399[6] соскучился я.
400 Трубку табаку
выкурю-ка я.
Старуха! дай-ка огня».

---

[1] Сармаі — слово мнѣ неизвѣстное.
[2] Особый обрядъ.
[3] Величиною въ . . .
[4] Своей.
[5] Въ оригиналѣ пропущены тире и ковычки.
[6] Въ оригиналѣ пропущены ковычки.

Этой то старухѣ
за воротъ пролилъ онъ [горячій чай],
405 прямехонько туда[1] влилъ;
доходитъ [горячее] до бѣлыхъ костей —
упала [старуха] со звономъ.
А какъ падала,
то мялкой[2] въ девяносто сажень
412 кинула[3] въ него, говоря:
410 — «Дала я себя обмануть обманщику,
дала я себя подцѣпить [человѣку] съ крючкомъ.
413 На тысячу лѣтъ
оставайся безъ . . . . .[4].
На десять тысячъ лѣтъ
оставайся безъ препятствій!»
417 Куда онъ ни войдетъ
туда и она вмѣстѣ входитъ,
куда онъ ни выйдетъ
туда и она вмѣстѣ выходитъ.
421 Большую чугунную скалу
воздвигъ онъ:
большую чугунную скалу
въ дребезги разбила она.
425 Наконецъ запыхавшись[5]
большую каменную скалу
воздвигаетъ онъ.
И эту большую каменную скалу
въ дребезги разбиваетъ она.
430 [Тогда] конь [его со словами]:
— «Легкая[6] голова моя
какъ будто крѣпче
    каменной скалы»,
подставилъ [свою голову][7].
435 Упала [мялка] на голову коня,
упала [и разбилась] въ дребезги.

---

[1] За шею.
[2] Для кожъ.
[3] Олбордо = кидать какъ при игрѣ въ городки; запустить?
[4] Слово мітā мнѣ неизвѣстно.
[5] Т. е. попавъ въ затруднительное положеніе.
[6] Изящная, красивая.
[7] Защищая хозяина.

6.

437 Пока онъ оттуда дальше рысилъ, говоря:
— «Побѣдилъ я врага,
заслужилъ я славу дархана!».
рысью уѣзжалъ онъ.
441 По ханскому великому пути
рысью уѣзжалъ онъ,
по общему великому пути
прямо рысилъ онъ [1].
445 Ѣхалъ онъ рысью [дальше]
и встрѣчаетъ покачивающуюся черную чащу,
куда [и] тонкая змѣя не пролѣзетъ.
448 Въ чащу эту
и внизъ то попробовалъ онъ ткнуться [2]—
но не нашелъ пути,
и вверхъ то попробовалъ онъ ткнуться,
но не можетъ найти выхода.
Мірового солового солнца не видно было -
такая была [тамъ] чаща!
457 Съ корнемъ вырвалъ онъ (?)
456 красную, съ волдырями на корѣ, лиственницу,
455 что десяти человѣкамъ не охватить,
458 взялъ ее на коня
и, сквозь качающуюся черную чащу,
гдѣ не помѣститься было и тонкой змѣѣ,
проложилъ онъ ханскую торную дорогу
и безъ задержки вышелъ на другую сторону.
463 Отсюда дальше
ѣдетъ онъ рысью.
И подъѣзжаетъ къ теплой долинѣ,
[гдѣ] лошадиная моча
не доходя до земли
закипала и испарялась.
Про эту долину сказалъ онъ:
470 — «Что за холодная страна!»
Надѣлъ толстыя зимнія одежды,

---

[1] Срв. стихи 356—7.
[2] Срв. 245 [2].

по виду величиной съ копну
съ кистью величиною съ кочку
соболью пушистую шапку свою
совсѣмъ напялилъ,
и на ту сторону [долины]
безъ задержки выѣзжаетъ.
Рыся отсюда дальше.
уткнулся онъ
въ гору Сашприай-Саганъ:
[такая высокая] была [это] гора,
что верхушки не видать.
Подъ этой горой
[тѣ] у кого шея какъ у пороза —
свихивались,
[у тѣхъ] у кого большіе колчаны —
[они] ломались.
Большимъ удивленіемъ подивился [онъ],
и большимъ изумленіемъ изумился.
Галданъ конекъ [его говоритъ]:
— «Я только одно буду знать — перепрыгнуть,
а ты — знай себѣ только стисни меня [ногами покрѣпче].
подамся я назадъ на [1] одинъ прыжекъ
и попробую прыгнуть».
И вотъ конь
безъ понужденія
и безъ задержки
обѣими передними ногами
зацѣпившись, едва едва перескочилъ.
. . . .

Послѣ описанныхъ и превзойденныхъ Ха-Ошпромъ четырехъ препятствій-приключеній (старухи-злодѣйки, лѣса дремучаго, жаркой степи и горы-скалы) онъ преодолѣваетъ еще девятнадцать, т. е. всего двадцать три препятствія; къ сожалѣнію, какъ уже сказано раньше, продолженіе былины осталось незаписаннымъ.

---

[1] На разстояніе.

А. А. Ромаскевичъ.

Пѣсни кашкайцевъ.

I.

Преобладающимъ значеніемъ въ политической и экономической жизни Фарса, одной изъ обширныхъ и богатыхъ провинцій Персіи, пользуется турецкое племя кашкайцевъ (kашkōī)[1], — самое многочисленное, богатое и вліятельное среди кочевыхъ племенъ[2], населяющихъ эту провинцію.

Опредѣленныхъ, точныхъ и болѣе или менѣе подробныхъ историческихъ свѣдѣній о происхожденіи и времени появленія кашкайцевъ въ Фарсѣ до сихъ поръ нѣтъ. По общепринятому мнѣнію, подтверждаемому

---

[1] Слово «kaшka—قشقا»—значитъ конь съ бѣлымъ пятномъ на лбу.

[2] Кочевыя племена въ Персіи носятъ общій терминъ «īlōт — ایلات», араб. pluralis отъ турецкаго «īl — ایل» — племя. Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о кочевыхъ племенахъ Персіи сообщаются большинствомъ путешественниковъ по Фарсу; въ частности данныя о кашкайцахъ можно почерпнуть у слѣдующихъ авторовъ: A. Dupré. Voyage en Perse etc. Paris 1819, v. II, p. 463—4; E. Stack. Six Months in Persia, v. I, caps V, VI; De Bode. Travels etc., v. I, p. 256; бар. К. Боде. Путешествіе въ Лурпстанъ и въ Аравистанъ. Библіотека для Чтенія, т. 126, отд. III, стр. 78. СПб. 1854; Lady Sheil. Glimpses of Life and Manners in Persia. London 1856, p. 398—9: Keith E. Abbott. Notes... on a Journey... from Shiráz to Fessá and Dáráb etc. JRGS, v. 27 (1857), p. 170; F. Stolze. Reise im südlichen Persien. ZGE zu Berlin XII (1877), p. 213; H. Vámbéry. Das Türkenvolk etc. Leipzig 1885, p. 575, 578—9; G. Curzon. Persia etc. London 1892, v. II, p. 112—114 (въ виду большого сходства во внѣшности и въ образѣ жизни кашкайцевъ съ кочевниками иранскаго происхожденія Curzon считаетъ ихъ лурами, говорящими по-турецки); Мухаммадъ Насӣръ Мӣрзā... Фурсат-и-Шӣрāзӣ. Āсāр-и-ʿАджамъ. Бомбей 1312 Г., стр. 119; Хāджӣ Мӣрзā Хасан-и Хусейнӣ. Фāрс-нāмэ-и-Нāсирӣ. Тегеранъ 1313 Г., стр. 115—117, 313—314; Шт.-кап. Туманскій. Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно 1894 г. Сборникъ... Матеріаловъ по Азіи. Вып. LXV. С.-Пб. 1896, стр. 77, 78, 81; К. Смирновъ. Населеніе Персіи (съ военной точки зрѣнія). Извѣстія Штаба Кавказ. воен. округа № 27; O. Mann. Kurdisch-Persische Forschungen. Abt. I. Die Tâjik-Mundarten des Provinz Fârs. Berlin. 1909, p. XXIX; А. Самойловичъ. Печать русскихъ мусульманъ. Міръ Ислама I (1912), стр. 488 (свѣдѣнія о кашкайцахъ взяты изъ статьи Расульзадэ объ иранскихъ туркахъ, помѣщенной въ константинопольскомъ журналѣ «Турк юрду»—«Турецкій міръ» № 4—декабрь 1911 г.); G. Demorgny. Les réformes administratives en Perse. Les tribus du Fars. Revue du Monde Musulman, v. XXII (1913). Paris, pp. 92—100; Б. В. Миллеръ. Кочевыя племена Фарсистана. Восточный Сборникъ. Изд. О-ва Русскихъ Оріенталистовъ. Книга II. Петроградъ 1916, стр. 213—218

историческимъ преданіемъ, живущимъ въ средѣ самихъ кашкайцевъ, они считаются выходцами изъ Средней Азіи, появившимися въ Персіи въ ряду другихъ племенъ въ эпоху ильхановъ, именно при Хулагу-ханѣ, переселившемъ ихъ изъ Кашгаріи; позднѣе, участвуя въ походахъ Тимура, племя кашкайцевъ оказалось заброшеннымъ въ Фарсъ[1]. Въ воспоминаніяхъ о прошломъ у кашкайцевъ сохраняется смутное преданіе о томъ времени, когда шатры ихъ были разбиты на равнинахъ Сиріи; этотъ періодъ кочеваній они относятъ также къ эпохѣ Тимура. Въ дальнѣйшемъ, составляя одинъ изъ родовъ большого племени Халаджъ[2], утвердившагося въ персидскомъ Иракѣ и обитающаго донынѣ въ предѣлахъ Са̄вэ[3], кашкайцы отдѣлились отъ него и откочевали на югъ Персіи.

Въ настоящее время кышлаки (кышла̊́х) — зимнія становища кашкайцевъ раскинуты на территоріи южныхъ и югозападныхъ булюковъ Фарса — Ма̄hӯре-Мӣля̄тӣ, Хышта, Фа̄мӯра, Даштӣ, Даштеста̄па, Джерэ, Фарра̄шбанда, Фӣрӯза̄ба̄да, Маhалле-Арбаʻа, Афзара, Хунджа и Кӣр-у-Ка̄рзӣна[4]; яйлаками (jåilǻх) — лѣтними становищами приблизительно съ мая по сентябрь для кашкайскихъ племенъ служатъ гористые сѣверозападные булюки Фарса, отличающіеся прохладнымъ климатомъ и обиліемъ воды[5] — Ардака̄нъ, Ра̄мджердъ, Ка̄мфӣрӯзъ, Ка̄ка̄нъ, Чаhа̄ръ (Ча̄ръ) Дӯнгэ и Шиша̄хійэ, причемъ самыми крайними сѣверными предѣлами кочеваній кашкайцевъ являются окрестности Кумӣшэ и Гяндемӯна въ южной части исфаганской области. Такимъ образомъ западную границу кочеваній кашкайскихъ племенъ составляютъ мѣстности, населенныя лурами куhгӣлю̄, мамасанӣ и бахтіярами, съ востока же кочевья кашкайцевъ тѣсно соприкасаются съ кочевьями племенъ Хамсэ, — искусственнаго аггломерата арабско-турецкихъ племенъ, которыя составляютъ послѣ каш-

---

[1] По H. Vámbéry, ibid., p. 578: уже при атабегахъ Фарса (Салгуридахъ) кашкайцы перекочевали на югъ Персіи; по другой же версіи появленіе кашкайцевъ въ Фарсѣ относится ко времени Надиръ-шаха. М. Н. Мӣрза̄... Фурҫат-и-Шӣра̄зӣ, ibid.; G. Demorgny, ibid., 92.

[2] A. Houtum Schindler. Eastern Persian Irak. London. 1897, p. 49—50. Кромѣ того, подъ именемъ Халаджъ извѣстно теперь одно изъ подраздѣленій кашкайскаго племени, кочующее зимой въ булюкѣ Даштеста̄на, а лѣтомъ въ Деh-герд̄у и На̄дена̄; сверхъ того, часть племени Халаджъ осѣла въ булюкѣ Кункарӣ къ с. отъ А̄ба̄дэ. Историческія свѣдѣнія о туркахъ-халаджахъ восходятъ къ началу X вѣка; уже тогда одна вѣтвь этого племени, подъ названіемъ хыльджіевъ, обитала въ нынѣшнемъ Авганистанѣ. Впослѣдствіи они приняли авганскій языкъ и слились съ авганцами, составивъ самое многочисленное племя гильзаевъ, а въ Индіи изъ среды хыльджіевъ вышла вторая мусульманская династія (689—720 Г. = 1290—1320). A. Houtum Schindler, ibid., p. 49; В. Бартольдъ. Историкогеографическій обзоръ Ирана. С.-Пб. 1903, стр. 49.

[3] Южная часть Са̄вэ въ направленіи Султа̄на̄ба̄да называется Халаджеста̄номъ. G. Demorgny, ibid., 92.

[4] Мѣстности эти, отличающіяся жаркимъ климатомъ, называются по-персидски га́рмесі́р, pl. га́рмесірӧ̄т.

[5] Носятъ персидское наименованіе сарhа́д, pl. сарhадӧ̄т или са́рдесі́р, pl. сардесі́рӧ̄т.

кайцевъ вторую группу кочевыхъ племенъ Фарса, играютъ важную роль въ жизни этой провинціи, и соперничество которыхъ съ кашкайцами является главнымъ вопросомъ ея внутренней политики[1].

Насчитывая въ общей сложности приблизительно 55.000 шатровъ или семействъ (хōневōр), племя кашкайцевъ распадается на рядъ родовъ или племенъ (īl)[2], изъ которыхъ каждое подраздѣляется на отдѣлы (тīрé), которые въ свою очередь дѣлятся на «џергé» по 100 — 200 «хōневōр» въ каждомъ.

Во главѣ всѣхъ кашкайскихъ племенъ стоитъ вождь — «īlхōнí»[3], избираемый среди главнѣйшихъ хановъ всего племени и назначаемый шахомъ; замѣстителемъ его является назначаемый имъ «īlбагí», обыкновенно одинъ изъ родственниковъ ильхани; во главѣ каждаго отдѣльнаго племени находится ханъ (хōн), избираемый и назначаемый ильхани при условіи происхожденія хана изъ того же племени, во главѣ котораго онъ долженъ быть поставленъ; далѣе, начальникомъ «тīрé» состоитъ избранный членами «тīрé» «ќаlōнтáр», подчиняющійся тому же условію; каждымъ «џергé» завѣдуетъ староста (ќадхудō), назначаемый калантаромъ; кромѣ того, каждыя 10 — 15 семействъ (хōневōр) находятся въ вѣдѣніи аксакала (åх cåkkál, по-персидски рīш сафíд), также по назначенію калантара; наконецъ, при каждомъ отдѣлѣ (тīрé) состоитъ «мубōшíр», на обязанности котораго лежитъ собираніе податей, вносимыхъ въ казну калантаромъ. Должности эти — административныя и служатъ передаточными инстанціями при объявленіи распоряженій ильхани и сборѣ податей[4].

Главное занятіе и важнѣйшій источникъ кочевой жизни кашкайцевъ, ихъ богатство составляетъ скотоводство: въ громадномъ количествѣ разводятъ они овецъ, барановъ, коровъ, ословъ, лошадей и верблюдовъ; большой извѣстностью пользуются и высоко цѣнятся кашкайскія лошади, порода которыхъ, старательно улучшаемая, очень близка къ арабской.

Ковры и паласы, выдѣлкой которыхъ заняты исключительно женщины, считаются лучшими въ Фарсѣ и, по высокой цѣнѣ, въ большомъ количествѣ экспортируются за границу. Обработкой земли кашкайцы занимаются на зимнихъ становищахъ; другимъ подсобнымъ промысломъ считается извозный (чōрвōдōрī), развитый лишь въ слабой степени. За послѣднее время наблюдается постепенный переходъ кашкайцевъ къ осѣдлой

---

[1] Объ этомъ подробно см. G. Demorgny, ibid., p. 134—145.

[2] Названія всѣхъ «īl» и «тīрé» и подробныя свѣдѣнія о нихъ см. G. Curzon, ibid., p. 114; G. Demorgny, ibid., p. 97—100; Б. В. Миллеръ, ibid., стр. 213—214.

[3] Родословную таблицу кашкайскихъ «īlхōнí» см. Б. В. Миллеръ, ibid., стр. 216—217.

[4] Подати уплачиваются только деньгами въ два срока и составляютъ сумму въ 60.000 съ лишнимъ тумановъ въ годъ.

жизни: въ разныхъ частяхъ Фарса и южной части испаганской области встрѣчаются населенные пункты (напримѣръ, г. Дāрāбъ и окрестности Кумӣшэ), обитатели которыхъ говорятъ по-турецки и называютъ себя кашкайцами. Кашкайскіе ильхани владѣютъ большими имѣніями какъ въ йӣлакахъ, такъ и въ кышлакахъ, и начинаютъ обзаводиться укрѣпленными пунктами; такъ, сравнительно недавно нынѣшній ильхани Исмаилъ-ханъ Соулат-уд-Доулэ построилъ въ Фӣрӯзāбāдѣ крѣпость (kaľ ä) Парвӣзэ, гдѣ хранятся военные и продовольственные припасы. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ булюкахъ, какъ Маhалле-Арба ͑ а, Афрāзъ, Хунджъ, Самӣрамъ и др., вліяніе кашкайцевъ преобладаетъ, и поэтому все управленіе этими булюками сосредоточено въ ихъ рукахъ. По внѣшнему виду кашкайцы ничѣмъ не отличаются отъ другихъ кочевниковъ Фарса и персидскихъ поселянъ, которыхъ они называютъ татами или тазиками (таджиками); ихъ перекочевки наносятъ немало ущерба благосостоянію поселянъ, посѣвы, огороды, сады и виноградники которыхъ подвергаются опустошеніямъ; несмотря на свою зажиточность, кашкайцы не брезгаютъ грабежомъ каравановъ на дорогѣ изъ Шираза въ Буширъ[1], считая, какъ и всѣ кочевники, подобные набѣги не преступленіемъ, а проявленіемъ удальства и племенной доблести.

Питая страсть къ оружію и будучи прекрасно вооружены[2], кашкайцы могутъ выставить въ поле до 20.000 пѣхоты и иррегулярной кавалеріи, — для Персіи грозная сила, которой умѣло воспользовались въ началѣ войны германцы противъ англичанъ. По религіи всѣ кашкайцы — фанатичные шіиты; тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность совершить паломничество къ шіитскимъ святынямъ въ Кербелā и Наджафѣ, совершаютъ «тоубé» (покаяніе), даютъ зарокъ не участвовать въ набѣгахъ (чапо́у, чапаӯl) и грабежахъ и завѣщаютъ отвезти и похоронить ихъ прахъ въ священной землѣ Кербелā.

II.

Вышеприведенныя краткія свѣдѣнія о кашкайцахъ изложены частью на основаніи указанной литературы о кашкайцахъ, большею же частью получены мною путемъ личныхъ разспросовъ и справокъ во время моего пребыванія въ Ширазѣ весной и лѣтомъ 1914 года. Въ частности знакомствомъ съ языкомъ кашкайцевъ, образчикомъ котораго являются за-

[1] На с.-в. же набѣги ихъ простираются до караваннаго пути Ездъ-Анаръ. См. Н. А. Риттихъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Персію и Персидскій Белуджистанъ въ 1900 г. Ч. I. С.-Пб. 1901, стр. 189—190.

[2] Оружіе доставляется контрабанднымъ путемъ черезъ порты Персидскаго залива; въ большомъ ходу скорострѣльныя винтовки и автоматическіе десятизарядные (даhтӣр) пистолеты Маузера

Семья кашкайцевъ.

Семья кашкайцевъ.

писанныя мною ихъ пѣсни, я обязанъ главнымъ образомъ одному изъ представителей этого племени Ќal Бадыр-хåн'у[1], садовнику одного изъ многочисленныхъ садовъ въ окрестностяхъ Шираза, оказавшемуся большимъ любителемъ поэзіи, сравнительно быстро и легко понявшему преслѣдуемую мною цѣль и приложившему немалыя старанія для ея осуществленія. Съ Ќal Бадыр-хåн'омъ мнѣ удалось познакомиться лишь лѣтомъ 1914 г., въ концѣ моего пребыванія на югѣ Персіи, такъ что я далеко не исчерпалъ его богатый запасъ народно-поэтическихъ произведеній, лица же, съ которыми мнѣ раньше пришлось имѣть дѣло, ни въ какомъ отношеніи не могли удовлетворить предъявлявшимся мной требованіямъ въ силу ихъ малой развитости, недовѣрчивости и подозрительности; наилучшій способъ изучить мельчайшія черты быта кашкайцевъ и овладѣть въ совершенствѣ ихъ языкомъ заключался въ кочеваніи вмѣстѣ съ ними отъ Шираза, гдѣ они появились въ концѣ апрѣля, до границы исфаганской области, что̀ при детальномъ обсужденіи встрѣтило неодолимыя трудности и отъ чего, какъ и отъ выполненія многихъ другихъ плановъ, я вынужденъ былъ отказаться.

При передачѣ пѣсенъ на русскій языкъ я старался, насколько это вообще достижимо, дать дословно-литературный переводъ, дополненія по смыслу заключая въ скобки, а очевидные пропуски въ текстѣ и соотвѣтственно этому въ переводѣ отмѣчая пунктиромъ.

Нѣкоторыя мѣста остались недоступными пониманію, главнымъ образомъ потому, что передатчикъ не сумѣлъ ихъ разъяснить записывавшему.

1.

Åi åідýн дур, ˚ішыk дур,	Мѣсяцъ ясенъ, свѣтло,
Lаѓáн дӯlí kōшýk дур;	Лохань полна ложекъ (?);
Кыз, kåш гöзíӊ ӯінåтмå, —	Дѣвушка, брови и глаза свои не заставляй играть, —
Ӯӄlå'н саná ōшýk дур.	Юноша въ тебя влюбленъ.
Kåршīдá ман ӯlåíдум,	Насупротивъ я былъ бы,
Вӯрӯlí дåм ӯlåíдум;	Запертымъ жилище было;
Кыз нанáсінáн jåтмýш дур,	Дѣвушка съ матерью своей заснула и спитъ,
Ман соухтåн ölīдáм.	(А) я отъ холода умираю.

[1] т. е. كربلائی بهادر خان

Ölīда́м[1], ѓа́līн, Lōбу́там, ѓа́līн,	Умереть я готовъ, молодица, Въ безвыходномъ положеніи я, молодица,
Hōhlőцам, ѓа́līн, Ѓalīрам, ѓа́līн, Бѐгеца́!	Неисцѣлимъ я, молодица, Приду я, молодица, Сегодня почью!
Ölса́іӊ да верма́м, Lōбу́таіӊ верма́м,	Умрешь ты, да не дамъ, Въ безвыходномъ положеніи ты, да не дамъ,
Hōhlőцаіӊ верма́м, Ѓalса́іӊ да верма́м Бѐгеца́!	Неисцѣлимъ ты, да не дамъ, Придешь ты, да не дамъ Сегодня почью!
Ăjă бåх, уlдузă бåх[2],	На мѣсяцъ посмотри, на звѣзды посмотри,
Ѓalīна́ бåх, кыза́ бåх,	На молодицу посмотри, на дѣвицу посмотри,
Біŕ аlінда́ шӯр ќабőб,	Въ одной рукѣ ея посоленый «кебабъ»[3],
Біŕ аlінда́ дӯзă бåх.	Въ другой рукѣ ея на соль ты посмотри.
Åi åiду́н дур, åi бåтмǻз, Јетlаpы́ сåŋ дур, јåтмǻз, Нанасі́н шōhмőр вӯрсу́н, —	Мѣсяцъ ясенъ, мѣсяцъ не заходитъ, Собаки ея чутки, не спятъ, Матушку ея пусть змѣя громадная ужалитъ, —
Кызінна́н åіры́ јåтмǻз.	Отъ дочери своей она отдѣльно не ложится.
Һōі, ѓа́līн! Lōбу́там, ѓа́līн,	Эй, молодица! Въ безвыходномъ положеніи я, молодица,
Hōhlőцам, ѓа́līн, Ӱју́рам, ѓа́līн, Бѐгеца́!	Неисцѣлимъ я, молодица, Умру я, молодица, Сегодня почью!
Һōі, ӯŋlắн! Lōбу́таіӊ верма́м,	Эй, молодецъ! Въ безвыходномъ положеніи ты, да не дамъ,

[1] var. Öliрам.
[2] Cp. I. Kúnos. Oszmán-Török . . Második kötet. Budapest 1889, p. 183.
[3] Жареное кусочками на вертелѣ мясо; шашлыкъ.

Hōhlő̧aiң вермáм,	Если (и) непсцѣлимъ ты, да не дамъ,
Ӯlсáiң да вермáм	Умрешь ты, да не дамъ
Бѐгеңá!	Сегодня ночью!

2.

Аі, å̧ȧ̊lá́р, бӯ ђурбаттá	Эй, господа, на этой чужбинѣ
Дунjő манá дå̓р гöрӱндī́;	Міръ мнѣ тѣснымъ показался;
Чыхты́м Malесгő́н дå̊ђунá̄ —	Я вышелъ на гору Малесгōна[1] —
Гöңсіндá Ћезő́р гöрӱндī́.	На склонѣ его Ћезōръ[2] показался.
Бар kарő́р дур хő́ні шő́hум,	Прочно властвуютъ ханъ и шахъ мой,
Аршá гедмáз мані́м ő́hум,	До «арша»[3] не дойдетъ вздохъ мой,
Заќќá бурнī́ манзіlгő́hум,	(Скалистый) выступъ Заккэ (есть) стоянка моя,
Шаhрáќ барōбáр гöрӱндī́.	(Вотъ) Шаhракъ[4] напротивъ показался.
Jōрумý́ң ңáбрі ңафōсí́,	(Какъ тяжелы) друга моего насиліе и притѣсненіе,
Хӯб ӯlý́р зóуkы сафōсí́,	(Но какъ) хороши бываютъ его прелесть и пріятность!
Сафōlī́ Даш́тáќ hаівōсí́—	(Какъ хороша) айва изъ усладительнаго Даштака[5] —
Гöңсіндá Ћасő́р гöрӱндī́.	(Вотъ) на склонѣ его Хасōръ[6] показался.
Фōрсі̂медōнý́ң Дінасí́, —	Дина (гдѣ кочевья) Фōрсӣмедōна[7], —
Ћыч гедмáз гöіну́м кīнасí́;	Ни въ коемъ случаѣ не уйдетъ злоба (изъ) моего сердца;
Ќаlōнтáр доуláт хōнасí́,	(Вотъ) богатый домъ калантара (показался),
Біṕ шáhрі бōзő́р гöрӱндī́.	(Вотъ) нѣкій городъ и базаръ показался.

---

[1] Малесгōнъ или Малӯсджōнъ — деревня въ булюкѣ Бейзā, къ с. отъ Шираза.

[2] Деревня въ булюкѣ Бейзā.

[3] Горнее небо, гдѣ находится престолъ Бога.

[4] Деревня въ булюкѣ Абраджъ, граничащемъ на в. съ булюкомъ Мāина.

[5] Центръ булюка Абраджъ, къ с.-з. отъ Мāина.

[6] Деревня въ булюкѣ Абраджъ, къ з. отъ Мāина.

[7] Одно изъ кашкайскихъ племенъ, кочующее лѣтомъ у подножія снѣжныхъ горъ Динā, въ сѣверной части Фарса.

Мӯсо́м, умру́ң ӯлді̊ бōђы́,	О мой Моисей, жизнь твоя стала долговѣчной!
Бӯ дур сарһаді́ң турпåђы́,	Это (вѣдь) есть земля «сарһада»[1],
Шекōlго́һ Мурвōрі́ дåђы́,	Мѣсто (гдѣ много) дичи — гора Мурвōри,
Вата́н Баһманзо̄́р гӧрӱ̄ндi.	(Моя) родина — (кочевья) Баһманзōра[2] — показалась.

3.

Боһо̄́р ӯlдӯ́ jеңгі́ īllа́р кӧчмаѓа́[3]	Весна наступила для новой перекочевки племенъ;
Ђӯшlа̄́р сасlані́р[4] бі́р біріна́ ђӯшмåђа̄́;	Птицы голосятъ для соединенія вмѣстѣ;
Ӯ маһзӯ́не шӱ̄́рі ышхта́н дӯшмåђа̄́;	(А) тотъ опечаленный — для умиранія отъ тревоги любви;
Jåз ӯlдӯ́ бåхчålа̄́р дӯlдӯ́ реiһōнна̄́н.	Лѣто наступило, садики наполнились базиликомъ.
. . . .	. . . .

4.

Åх ålма̄́, кызы́l ålма̄́!	Бѣлое яблоко, красное яблоко!
Jӯllåра̄́ дӱ̄зӱ̄́l, ålма̄́!	На путяхъ стань въ рядъ, яблоко(?)!
Jō вер мані́м мурōду́м,	Или выполни мое желаніе,
Jō манна́н ӱ̄зӱ̄́l, ålма̄́!	Или далекимъ отъ меня будь, яблоко!
Åх ålмåі́ ді̄шlаді́м,	Бѣлое яблоко я укусилъ зубами,
Ді̄шlаді́м, гӧмі̀шlаді́м;	Укусилъ зубами, обдѣлалъ въ серебро;
Кардǻш ѓаlді́ вѐрмаді́м,	Братъ пришелъ — я не далъ (ему),
Jōр ѓаlді́ бåђышlåду́м.	Другъ пришелъ — я подарилъ (ему).
Ѓӧіда́ улду́з ңедо̄́ дур,	На небѣ звѣзды разсѣяны,
Сарі́м jōра̄́ федо̄́ дур;	Голова моя жертвою за друга служить;
Кӯ́рхмå, у́раксі́з ӯђlǻн, —	Не бойся, робкій юноша, —
Матlа́б вера́н худо̄́ дур!	Желаніе исполняющій есть Богъ!

[1] См. стр. 574, прим. 5.
[2] Одинъ изъ яйлаковъ.
[3] v. ңӯшмåђа́.
[4] v. сасlара́ сасі́.

5.

Бéгӯн гетмíш īдíм ceilắ бōʒắ jōр, —	Сегодня я пошелъ на прогулку въ садъ, о другъ, —
Нігṓр allapíндá дастé гуl ѓalīр;	Въ рукахъ красавицы букетъ цвѣтовъ появляется;
Ʒамlí гöңlӱм[1] ет шōдекṓм,	Печальное сердце мое сдѣлай ты радостнымъ,
Éгма ʒам, шīрíн ѓöзál, — lōм aléф lō бil ѓalīр.	Не огорчай (меня), сладкая красавица, — станъ (мой согнутымъ какъ) «ля»[2] становится.
Џаннатíң lōlåcí, һýре ʒыlмōнýң,	Ты — райскій тюльпанъ, ты (какъ) гуріи и (красивые) мальчики,
Маддаhicí lаб у lahl у марџōнýң;	Рубиновыя и коралловыя губы твои...(?);
Һіндіссṓн тōӯсí, Хутáн џеірōні́,	Ты — павлинъ Индостāна, газель Хотана,
Тар eilajíн мамасí — бӯ́jе һыl ѓalīр.	Увлажнившая свои перси, (отъ которыхъ) запахъ кардамона исходитъ.
Џаннатíң lōlåcí, фардоусíң[3] гуlí,	(Ты —) райскій тюльпанъ, ты — роза парадиза,
Чīн Мōчíн мīхакí, ӯрӯсýң һылí;	(Ты —) гвоздика Чūна и Мāчūна, (ты —) русскій кардамонъ;
Саріңдá сōjåбṓн тōӯсíң tilí,	Надъ головой твоей зонтикъ (изъ) павлиньихъ перьевъ,
Jō åчуlӯ́н џаннáт дарí һыl ѓalīр.	Или (ты) — открытая дверь рая, (откуда) (запахъ) кардамона доносится.

6.

Бӯ манíм дардíм, jeкé дардíм,	Эта моя печаль, особенная печаль моя,
Ӱгlанíн lӯкé дардíм;	Навьюченная на верблюда печаль моя;

[1] v. гöңгlӱм.
[2] т. е. похожимъ на сочстаніе арабскихъ буквъ لا.
[3] v. фардоусī.

Кīм ѓalá чеке́ дарді́м? Фīl ѓalá чеке́ дарді́м!	Кто придетъ-потащитъ печаль мою? Слонъ придетъ-потащитъ печаль мою!
Ћai, åђåláр, зуlу́м, зуlӯ́м!	Эй, господа, жестокость, жестокость!
Kaћве́ фalák бӯгдӯ́ belі́м; Бір́ åірулу́х бір́ да ӯlу́м!— Ћар ікīсі́ о̄lмасáідім jer ідí.	Блудница-судьба согнула мой станъ; Одна разлука да одна смерть! — Обѣ онѣ если бы не были—хорошо было (бы).
Бåха̊́, бåха̊́ дӯсс jӯlунна̊́н ѓalán jӯх;	Смотрю, смотрю[1] (я на дорогу) — нѣтъ (никого) приходящаго съ пути друга;
Гöзí jåшlí інтізо̄рlí ман о̄lду́м;	Съ глазами, полными слезъ и ожиданія, я сталъ;
Ћai, åђåláр, гöрі́ң но̄lдӯ́! Дīдаlарі́м kåнна́н до̄lдӯ́.	Эй, господа, посмотрите, что стало! Глаза мои наполнились кровавыми слезами[2].
Бӯ мані́м hаво̄lí гöіңу́м ӯіштӯ, Турфåђlí jålǻ ђӯндыі́; Бӯ мані́м напáм hө̄ч гері́ бåхма̊́з,	Это мое страстное сердце улетѣло, На глинистомъ обрывѣ[3] усѣлось; Эта моя матушка нисколько не смотритъ назадъ,
Дejá бålǻм kåldí.	Говоря, — дитя мое (позади) осталось.

7.

Гӯңгӯ́l, неңá то̄б еіlарáң! Ман бӯ jо̄рí ђӯjǻм гедáм; Ӯтӯ́р — дӯlåну́м саріңá,	(О) сердце, какъ ты страдаешь! Я этого друга покину и уйду; Сядь — я покружусь около головы твоей,
Да́рді баlо̄́ң ålу́м гедáм.	Страданіе и мученіе по тебѣ возьму я (и) уйду.
Мані́м jо̄ру́м бåха̊́р jåнна́н, Дīдаlа́рі́м дӯlӯ́р kåнна́н;	Мой другъ смотритъ въ сторону, Глаза мои полны кровавыми слезами[2];
Не jåмåнlу́х гöрді́ң маннáн? Бӯjӯрі́руң, — kålу́м гедáм.	Какое зло увидѣла ты отъ меня? Пожалуйста, скажи, (и) я останусь (или) уйду.

---

1 букв: смотря, смотря.

2 букв.: кровью.

3 jål — يال?

Mahма́д Alí ба́хте kара̊́,	Мухаммадъ Алӣ злополучный,
Фalа́к вӯрӯ́п шӯм сетōра̊́;	На небѣ взошла несчастливая звѣзда;
Сірр сӱзӱ́м ва̊р нōзlí jōра̊́—	Тайная рѣчь у меня есть для нѣжнаго друга —
Бір́ хalвадда́ де́jім гeда́м.	Въ уединеніи (только) скажу (ее и) уйду.

8.

Ћаі, а̊ӻа̊lа̊́р, ѓа́lің — таhрі́ф еilа̊jу́м!	Эй, господа, придите — повѣдаю я (вамъ)!
Сабзана́ хōllа̊ру́ң нōзуна̊́н ѓаḯр;	На свѣжемъ пушочкѣ твои родинки нѣжно появляются;
Бі̂р́ хōlӱ́ң аlе́ф дір, бір́ хōlӱ́ң lōм дур,	Одна родинка твоя — «алефъ», другая родинка твоя «лямъ»,
Бір́ хōlӱ́ң дафтара́ jа̊зуlа̊́н ѓаlі́р.	Одна родинка твоя въ тетради написанной является.
Бір́ хōlӱ́ң jа̊хшӱ́ дур, бір́ хōlӱ́ң jа̊ма̊́н;	Одна родинка твоя хороша, (а) другая родинка твоя скверна;
Бір́ хōlӱ́ң са̊lӱ́п тур гöіцума̊ гумо̄́н;	Одна родинка твоя закинула въ мое сердце сомнѣніе;
Бір́ хōlӱ́ң ка́штī́jе дарjо̄́jе тӯфо̄́н,	Одна родинка твоя — корабль на морѣ потопа,
Бір́ хōlӱ́ң сеilо̄́б дур — дурдуна̊́н ѓаlі́р.	Одна родинка твоя — наводненіе — съ гущей (?) появляется.
Бір́ хōlӱ́ң бі̄бі́ дір — бӱірӯ́р ка́нīза́,	Одна родинка твоя барыня — приказываетъ служанкѣ,
Бір́ хōlӱ́ң сурма́ дір — чака́llа́р гöза́;	Одна родинка твоя сурьма, (которую) наводятъ на глаза;
Бір́ хōlӱ́ң фетна́[1] дір — нōз еilа́р беза́,	Одна родинка твоя смятеніе — кичится передъ нами,
Бір́ хōlӱ́ң васма́ дір — нōзуна̊́н ѓаlі́р.	Одна родинка твоя «васма» — нѣжно появляется.
Бір́ хōlӱ́ң а̊тlí дір — ча̊па̊́р īllарí,	Одна родинка твоя всадникъ, (который) грабитъ племена,

[1] v. фетна̊́ дур.

Біṕ хōlӱ̆ң сеіра́ дір—вӯрӯр jӯllåрі́;	Одна родинка твоя разбойникъ, (который) нападаетъ на (большихъ) дорогахъ;
Біṕ хōlӱ̆ң хазо̆н дур—пӯза̊́р гуllåрі́,	Одна родинка твоя осень, (которая) уничтожаетъ цвѣты,
Біṕ хōlӱ̆ң боһо̆р дур—jåзупа̊н ѓаlір.	Одна родинка твоя весна — съ вешней порой приходитъ.
Біṕ хōlӱ̆ң дуко̆н дур—а̊ча̊́р kaiсарі,	Одна родинка твоя лавка, открываетъ большой базаръ,
Біṕ хōlӱ̆ң нӯш іdіп о̆бе коусаре́;	Одна родинка твоя испила воды райскаго источника;
Біṕ хōlӱ̆ң со̆ребӱ̆н—чаka̋р афсо̆ре́,	Одна родинка твоя погонщикъ верблюдовъ — тянетъ недоуздокъ,
Біṕ хōlӱ̆ң асраіп наріпа́п ѓаlір.	Одна родинка твоя съ самцомъ, (котораго) вскормила, приходитъ.

9.

Kåршīјá дӯрӯ́б дур хӯршӯд у хо̄вар[1],	Насупротивъ стоитъ солнце востока,
Сīпасіндá вåр дур біṕ цуфт сеноубáр,	На груди ея есть одна пара сосенъ,
А̊̄рåсы̄ меідо̆н дур даімáз біṕ біṕá[2],	Посреди нихъ площадь — не касаются другъ друга,
Бåха̊́р біṕ біṕá јо̄р мамаlары.	Смотрятъ другъ на друга груди подруги.

10.

Һы̄ч кім шекојáт éтме kы̄штáн,	Никто не жалуйся на зиму,
Зімісто̆н дір, ѓара́k һо̆мī lӯk кызá.	(Теперь) зима, нужны всѣ верблюды для дѣвушки.
Коі тå јåҕыш јåҕǻ дӯзá дåҕlåрǻ,	Пусть же прольется дождь на равнину и горы,
Рафтá рафтá сафо̆ дӯшá бо̆ҕlåрǻ,	Понемногу блескъ и чистота спустятся въ сады,
Булбӱ̆l ӯтá, һасрáт kålǻ зо̆ҕlåрǻ,	Соловей запоетъ, воронамъ (же) достанется печаль,
То̄ӯсlǻр масс ӯlǻ беlaná ѓазá.	Павлины опьянѣютъ и будутъ разгуливать.

---

[1] т. е. хӯршīде хо̄вáр; изафетъ въ персидскихъ народныхъ произведеніяхъ часто замѣняется союзомъ «у»—و и наоборотъ.

[2] v. бåш бåшǻ даімáз — кончикъ кончика не касается.

Ћар jа̊на̊́ ба̊ха̊jу́м hо̄́мī гуl ӯlа̊́,	Въ какую сторону я ни посмотрю— все становится розами,
Сӯ а̊ха̊́ да̊ӷlа̊рда̊́н, гӱl ба гӱl ӯlа̊́,	Вода течетъ съ горъ, озеро за озеромъ образуются,
Маhшӯкы̆́ ӯба̊сí̄ ӷӯl ба ӷӯl ӯlа̊́;	Кочевье Машӯкы̆ по низинамъ располагается;
Ішо̄ра́ еіlеjа́к ѓаlīна́ кыза́!	Сдѣлаемъ знакъ молодицамъ и дѣвушкамъ!

11.

Да̊ӷlа̊́р, ѓа́lің, сіза́ таhрі́ф еіlа̊jу́м,	(О) горы, придите, повѣдаю я вамъ,
Ба̊шí по̄ра̊́, буз, дӯма̊нlí, ка̊рlí да̊х!	Многовершинныя, бурыя, туманныя, снѣжныя горы!
Баѓlарі́ң joilа̊ӷы̆́ ѓармесі́р ба̊шí,	Лѣтовка бековъ въ началѣ «гярмесира» [1],
Тӯрна̊́н дӯтӯlӯ́п баѓlарі́ң ӷӯшí;	Силкомъ захвачена птица бековъ;
Мīң тӯна̊́ вѐрманам бір́ зарра́ да̊шí,	За тысячу кусковъ матеріи я не отдамъ одну крупинку камня ихъ,
Пӯlо̄дда̊́н ӷаіруlӯ́п, kahlalí да̊ӷlа̊́р!	Изъ стали сдѣланныя, съ крѣпостями горы!
Саjо̄́д гöрду́м, ка́мо̄нінда́ оу ідí;	Охотника я увидѣлъ — на его лукѣ дичь была;
Ш́укр аilеjа́м, аklі́м сара́ доу ідí;	Хвалу (Богу) я воздамъ — ума у меня въ головѣ много было;
Буз буз дӯlа̊ilа̊́р са̊рí гоуд ідí,	Въ сторону бурыхъ-бурыхъ склоновъ лощина была,
Џо̄шӯрlí, кумаhlí, буlhарlí да̊ӷlа̊́р!	Покрытыя «джо̄шӯромъ», «кумаhомъ» (и) «бульhаромъ» [2] горы!
Ӯну́ң шіко̄lінí ман вӯра̊́ідум,	Ихъ дичи я набилъ бы,
Кысма́т ӯlа̊́ ӱз jо̄рімí гöра́ідім,	Если суждено было, я самъ друга моего увидѣлъ бы,
Бо̄во̄суну́ң кӯllӯӷуна̊́ дӯра̊́ідум,	Въ рабство къ его отцу я пошелъ бы [3],
Буlhарlí, кумаhlí, сафо̄lí да̊ӷlа̊́р!	Покрытыя «бульhаромъ», «кумаhомъ», усладительныя горы!

---

[1] См. стр. 574, прим. 4.
[2] Названія горныхъ травъ.
[3] букв.: сталъ бы.

12.

Нōзillí jōрýм, ѓal та cöilajíм сана́:	Мой нѣжный другъ, приди же — поговорю съ тобой:
На́чӯн мана́ jåмǻн дејáң, џеірṓн џōн?	Почему меня злымъ называешь, газель-душенька?
Ман ке саннáн дòімåдýм, азīзýм,	Я вѣдь тобою не удовлетворился, моя дорогая,
Ман ке саннáн al ӯзмáнам, азīзýм,	Я вѣдь отъ тебя рукъ не отниму, моя дорогая,
. . . . , азīзýм,	. . . . , моя дорогая,
На́чӯн мана́ jåмǻн дејáң, џеірṓн џōн?	Почему меня злымъ называешь ты, газель-душенька?
Ӯ гӯні́ ке īllа́р ѓalдí Мōіна́,	Въ тотъ день, когда племена пришли въ Мāйнъ [1],
Jōрýм ѓаімíш ідí гīрмíш оіна́;	Другъ мой разодѣлась и приняла участіе въ игрищѣ;
Ман бір́ геџа́ гīрдíм jōрýң kоіпуна́, —	Я въ одну ночь пробрался до пазухи друга, —
На́чӯн мана́ jåмǻн еда́ң, џеірṓн џōн?	Почему меня злымъ дѣлаешь ты, газель-душенька?
Ӯ гӯні́ ке íllа́р чåilåрда́н ѓаштí,	Въ тотъ день, когда племена черезъ рѣки перешли,
Сані́ң ышкы́ң мані́м бåђрýм бīштí;	Любовь къ тебѣ мою печень изрѣзала;
Бас ќа нōlа́ чаќдíм ҍӯшумна́н ѓаштíм, —	Оттого, что много я стеналъ, разсудка я лишился, —
На́чӯн мана́ jåмǻн еда́ң, џеірṓн џōн?	Почему меня злымъ дѣлаешь ты, газель-душенька?
Ӯба́ ralдí Malecгōні́ң дӯзіна́,	Племя пришло на равнину Малесгōна,
Васма́ чаќмíш kalа́м kåшí гöзіна́;	«Васму» навела она, съ бровями, какъ калямъ, на глаза свои;
Åђзýм kӯідýм шīрíн џōнýң åђзына́, —	Уста свои я приложилъ къ устамъ сладкой душеньки, —
На́чӯн мана́ jåмǻн еда́ң, џеірṓн џōн?	Почему меня злымъ дѣлаешь ты, газель-душенька?

[1] Названіе булюка къ с. отъ Шираза; центръ его — Мāйнъ на лѣтней караванной дорогѣ изъ Шираза въ Исфаганъ. См. G. Demorgny, ibid., p. 93.

Ман курбо́нам jōру́м ҕӯпа̊́п jӯрдlа̊ра̊́;	Я—жертва для друга моего, поселившагося въ кочевьяхъ;
Табі́б jӯ́хтур дармо́н еда́ дардlара́;	Врача нѣтъ, (чтобы) излѣчилъ онъ мои страданія;
Ҵōр а̊па̊рду́м туркlарінáн тōтlа̊ра̊́, —	Кличъ разнесъ я туркамъ и татамъ[1],—
На́чӯн мана́ jа̊ма̊́н еда́ң, ҵеіро́н ҵōн?	Почему меня злымъ дѣлаешь ты, газель-душенька?
Īllа́р геддí гöз дамінна́н соуштí,	Племена ушли, скрылись съ глазъ[2],
Бīlміра́м ке мапí кīма́ доуштí;	Я не знаю, меня кому поручили;
Бас ка́ пōlа̊́ ча́кдíм ӯрагíм біштí, —	Оттого, что много стеналъ я, сердце мое сварилось,—
На́чӯн мана́ jа̊ма̊́н еда́ң, ҵеіро́н ҵōн?	Почему меня злымъ дѣлаешь ты, газель-душенька?
Гöзі́ң кімі́ң гöз гöрмадí́м lа̊чӯнда̊́;	Глазъ, подобныхъ глазамъ твоимъ, я не видѣлъ у сокола;
Тӯра̊́ дӯшту́м jōр са̊чунда̊́[3],	Въ силокъ попалъ я, (запутавшись) въ косахъ подруги,
Ма́маң а̊ра̊сінда́ kуіні́ң īчінда́;	Среди грудей твоихъ, въ пазухѣ твоей;
Ҵōн вера́ідім сīна́ң ӯсса́, ҵеіро́н ҵōн!	Душу свою отдалъ бы я на груди твоей, газель-душенька!

13.

Ӯҕlа̊́н.	Юноша.
Сӯ ӯссӯнда́ тӯра̊́н гöза́l!	Надъ водой стоящая красавица!
Сӯ вер īча́м аllаріҵда́н;	Воды дай — я выпью изъ рукъ твоихъ;
Аl ӯзӯні́ jӯjа́п гöза́l!	Руки и лицо свое моющая красавица!
Сӯ вер īча́м аllаріҵда́н.	Воды дай — я выпью изъ рукъ твоихъ.

[1] Татами кашкайцы называютъ мусульманъ, осѣдлыхъ и кочевыхъ, не принадлежащихъ къ турецкому племени и не говорящихъ по-турецки. О словѣ «татъ» см. П. Меліоранскій въ Запискахъ Вост. Отд. ИРАО, XII, стр. 0154—0158; V. Thomsen. Turcica. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXXVII. Helsingfors 1916, p. 15—16.

[2] букв.: отъ края зрѣнія удалились.

[3] v. тіlінда́.

Кыз.	Дѣвушка.
Сӯјумі́ вѐрманáм јåдǻ —	Воду свою я не дамъ чужаку —
Санí̇ң кімí̇ң чух дунјōдǻ,	Подобныхъ тебѣ много на свѣтѣ,
Асlí̇ң курд дур, һарȍмзōдǻ,	Родъ твой отъ курдовъ, негодяй,
Сӯ ӣч kǻlмå јӯllapiңдáн.	Воду пей (п) не останавливайся на своемъ пути.
Ӯƞlǻн.	Юноша.
Чӯпо́нам ƞӯiнá гедáрам,	Я — пастухъ, къ овцамъ пойду,
Јōру́м вåр, јōрí нéдарам?	Другъ у меня есть — что̀ мнѣ съ другомъ дѣлать?
Кы́зō, санí̇ңг-ėнáн һанá гедáрам?	О дѣвушка, съ тобой куда я пойду?
Сӯ вер ӣчáм allapiңдáн.	Воды дай — я выпью изъ рукъ твоихъ.
Кыз.	Дѣвушка.
. . . .	. . . .
Ӯƞlǻн.	Юноша.
Ӯндǻ ке ӯзí̇ң ӯѓáрдiң,	Тогда, когда ты сама важипчала,
Дӯңңǻ дамӣрláр дӯјáрдi̇ң,	Холодное желѣзо ковала,
Караңá ӯƞlåнí сујáрдiң,	Черноватаго юношу бранила,
Ӯндǻ бӣлдí̇м һōllåрiңí.	Тогда я узналъ твой нравъ.
Кыз.	Дѣвушка.
Iндí ке бӣлдí̇ң һȍlемí,	Теперь, когда ты узналъ мой нравъ,
Бiр́ хalвaддá бусс јȍlумí,	Въ одномъ уединенномъ мѣстѣ прегради мнѣ путь,
Ам мамамí, ƞӯң бȉlімí,	Пососи мою грудь, сожми въ объятiяхъ мой станъ,
Һар на ѓalíp allapiңдáн.	Все, что ни явится изъ твоихъ рукъ, (сдѣлай)[1].

14.

Ӱр́àгiмдá нечá дардláр вåр iдí!	Въ сердцѣ моемъ сколько страданiй было!
Сåхlōдǻ бȉlмадí̇м пaһнōнǻ, kызláр!	Въ тайнѣ я не могъ спрятать, дѣвушки!

[1] т. е. дѣлай со мной что хочешь.

Бӯ дунјо̄́ васі̄́ дī мана́ да̊р ідí,	Этотъ міръ обширнымъ былъ—для меня (онъ) тѣснымъ былъ,
Шōјáд дӯllурӑ́ неімōнӑ́, кызláр!	Быть можетъ (онъ) наполнитъ (мою) мѣру, дѣвушки!
Зáрде заі̄́ф едді́ң мані̄́ дар ба дар,	Пожелтѣвшимъ и слабымъ сдѣлала ты меня, бродягой,
Ті́ре міцгōнlăрі́ даідí ја̊рӑ́ дур ціѓáр,	Стрѣлы рѣсницъ ея коснулись (меня) — ранена (моя) печень;
Нечá нусхá табі̄́б ја̊здí муќаррáр!	Сколько рецептовъ врачъ написалъ многократно!
Сіздá ва̊р дáрдімің дармōні́, кызláр!	(Только) у васъ есть лѣкарство для моего страданія, дѣвушки!
Јō мані́ ҕӯрта̊́рің меһнáті ҕамнáн,	Или меня спасите отъ страданія и печали,
Јō бір́ аірӹ́ ба̊́хуң цōн чехáр таннáн;	Или искоса посмотрите, (какъ) душа выходитъ изъ тѣла (моего);
Сыдкынáн са̊ті́рум а̊lа̊ңу́з маннáн;	Чистосердечно продаю я, — купите у меня;
Бір́ јōру́м бӯсӑсі́ īмōну́м, кызláр!	Одинъ поцѣлуй друѓа моего (есть) моя вѣра, дѣвушки!
Һар вахт хӯш гӯн јōда̊́ ѓаті́ррам,	Всякій разъ, когда я веселый день на память привожу,
Һаk да бīlíр áklі һӯш īті́ррам;	Богъ вѣдь знаетъ — разумъ и сознаніе я теряю;
Бīlсáідім һōчо̄́п јōрӑ́ јеті́ррам,	Если бы я узналъ, когда до друга я достигну,
Ӯlу́рдум ӯ гӯнá kурбōні́, кызláр!	То я умеръ бы въ тотъ день жертвою за него, дѣвушки!

15.

Сӯ ѓаlі́р lӯlá lӯlá,	Вода льется по трубамъ [1],
Јōр ѓаlі́р гӱlá гӱlá,	Другъ приходитъ смѣясь, смѣясь,
Аlіндá моуí ја̊ҕlу́х,	Въ рукѣ ея платокъ цвѣта мирта,
Тapiні́ сіlá сіlá.	(Приходитъ), потъ свой утирая, утирая.

[1] Возможно, что здѣсь имѣется въ виду какая-то мѣра, при помощи которой распредѣляется вода для ирригаціи.

Дåм ӯссӯндá дåм хōнā́,	Наверху дома — помѣщеніе съ крышей,
Ӣчіндá меhмо́н хōнā́;	Внутри его — покои для гостей;
Ќатōн кöінáќ ічіндá	Въ полотняной сорочкѣ
Å̄х мамаláр јōі хōнā́!	Бѣлыя груди — лѣтній пріютъ!
Карá å̄тýң кӯlӯні́, —	Чернаго коня жеребенокъ, —
Махмál éдің џуlуні́;	Шелковой ты сдѣлалъ попону его;
Біз ѓаlмішáќ å̄пå̄рáќ	Мы пришли, чтобы увезти
Сізі́ң бōђі́ң гуlуні́.	Вашего сада розу.
Бӯ ќаrlíќ хастé ќаrlíќ,	Эта куропатка, усталая куропатка,
Ђӯірыђы́ дасте́ ќаrlíќ,	Съ хвостомъ, какъ букетъ, куропатка,
Öldірáм, ќабо́б едáм,	Убью (ее), «кебабъ» я сдѣлаю,
Јӯllајі́м дӯссé ќаrlíќ.	Отправлю къ другу куропатку[1].

16.

Аі, å̄ђå̄láр, ѓáлің — васві́ң верå̄јӯм!	Эй, господа, придите — опишу-ка я вамъ!
Саріпá ман дӯнáм імо́м Різōнýң!	Я покружусь вокругъ головы имама Ризā!
Хаlōјухlǻр чоhо́р гӯшå̄шінhǻн бå̄хǻр,	Люди изъ четырехъ угловъ смотрятъ,
Пōhīдǻн гумбудунǻ пӯр јå̄ђǻр;	(Какъ) отъ Бога на куполъ (святилища) его свѣтъ изливается;
Гунōhlí геданláр гунōhсíз чехáр	Грѣшными отправляются (туда), безгрѣшными выходятъ
Һаммі́шá доурундǻ імо́м Різōнýң.	Постоянно вокругъ (святилища) имама Ризā.
Шамlарí å̄lушýр чіl черōђунǻн,	Свѣчи его ярко сіяютъ съ паникадилъ,
Шуhlасí дӯшӯ́б дур Машhа́д дå̄ђунǻ;	Отблескъ ихъ палъ на горы Мешхеда;

---

[1] Пѣсня «поѣзжанъ», явившихся со стороны жениха въ домъ невѣсты съ намѣреніемъ увезти ее къ жениху. Свадебныя пѣсни, распространенныя по преимуществу на югѣ Персіи (въ остальной Персіи пѣсенъ, пріуроченныхъ къ данному обряду, не найдено), называются страннымъ и непонятнымъ персидскимъ словомъ «вōhусінáќ». См. В. А. Жуковскій. Образцы персидскаго народнаго творчества. СПб. 1902, стр. 117 слл.

Кандīlláр åсуlýн сåђ у сӯlундǻ	Лампады подвѣшены справа и слѣва
Һаммīшá īчiндá імо̄́м Рiзо̄нýӊ.	Постоянно внутри (святилища) имама Ризā.
Једдí åђåчдǻн ѓаlíр імо̄мýӊ сӯí,	За семь «агачей»[1] притекаетъ вода имама,
Гуlо̄бдǻн хӯшбӯ́ дур ӯ сӯјýӊ бӯí;	Благовонiе розовой воды запахъ той воды;
Џаннáт ӯlсӯ́н шо̄һ Аббо̄сíӊ рӯһí —	Да будетъ въ раю духъ шаха Аббāса, —
Зīнатiнí вердí імо̄́м Рiзо̄нýӊ.	(Вѣдь) онъ далъ благолѣпiе (святилищу) имама Ризā.

17.

Імо̄мlǻр ӱссӱнǻн ђåхǻн булӯтlǻр!	Надъ имамами поднявшiяся облака!
Ђарíбам ватанá тē з јӯllǻ маní;	Я — чужениʼнъ, на родину скорѣй меня отправьте;
Ќарбаlо̄дǻн ѓаláн сåчlí сајјiдlǻр!	Изъ Кербелā пришедшiе волосатые сеиды!
Ђарíбам ватанá тē з јӯllǻ маní.	Я — чужениʼнъ, на родину скорѣй меня отправьте.
Муһаммáд Мустафо̄́, ӯнlåрǻ сарвáр —	Мухаммадъ Мустафā, (всѣмъ) имъ главарь —
Сад у бiст у чоһо̄́р һезо̄́р пеiђӯмбáр!	Ста двадцати четыремъ тысячамъ пророковъ!
Аlíјјi Муртузо̄́, імо̄́ме раһбáр!	Алӣ Муртазā — имамъ путеводитель!
Ђарíбам ватанá тē з јӯllǻ маní.	Я — чужениʼнъ, на родину скорѣй отправь меня.
Јатíм, чáќма о̄һí, чåђыр Аllо̄һí,	Сирота, ты не вздыхай, — взывай къ Богу,
Ђарīбlixтá kålǻн чеќáр бӯ̀ о̄һí;	На чужбинѣ оставшiйся такъ вздыхаетъ;
Сарiџá ман дӯнáм, Хуро̄со̄́н шо̄һí,	Вокругъ головы твоей я покружусь, (о) царь Хорāсāна[2],
Ђарíбам ватанá тē з јӯllǻ маní.	Я — чужениʼнъ, на родину скорѣй отправь меня.

---

[1] «Агачъ» — мѣра длины — персидскiй фарсахъ, равный 6—7 верстамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Хорасана фарсахъ равенъ почти 10 верстамъ.

[2] Восьмой имамъ Алӣ ибн-Мӯсā ар-Ризā.

Бáľка маuí jетірдáідуц īliмá,	Можетъ-быть, меня доставишь ты къ племени моему,
Alí ышкыны́ са̊lа̊́ц ділімá;	Любовь къ Алī вложишь въ сердце мое;
Alí зӯlфоҕōры́ а̊lа̊́м aliмá,	Мечъ Алī возьму я въ свою руку,
Ҕарі́бам ватана́ тēз jӯllа̊́ мані́.	Я — чуженинъ, на родину скорѣй отправь меня.

18.

Бӯ дуңjб́ авіна́ ѓalандáн ballé,	Въ обитель міра этого какъ только я пришелъ,
Фаlа́к а̊зӯ̀рма̊ді́ меhнáт хōна̊да̊́н:	Небо не отдѣляло (меня) отъ обители страданія;
Ӯ́змī та̊нīја̊́н біlандáн ballé,	Себя самого какъ только я позналъ и узналъ,
А̊ірді́ а̊та̊да̊́н, ӱзді́ нанадáн.	(Небо) отдѣлило меня отъ отца (и) оторвало отъ матери.
Ц̦еірōнýм, кім ҕōфі́l тīр а̊ттí саná?	О моя газель, кто нечаянно стрѣлу пустилъ въ тебя?
Һанӯ́з чух тīз іді́ маргімі́р саná,	Еще очень рано была смерть для тебя,
Кýнц̦е lahа́д lōjí̄x да̀геlді́ саná,	Уголокъ могилы приличнымъ не былъ для тебя,
Тӯр, jöрí kōінума̊́ зендо̊̀нхōна̊да̊́н!	Вставай, иди въ объятія ко мнѣ изъ дома заточенія!
Ѓаl, аі ноу ноhōlýм, ноу хуррáм тōӯ́с!	Приди, о молодое деревцо мое, молодой радостный павлинъ!
Кыз ѓаlīнlа́р ѓаlі́п саná дастōвӯ́з;	Дѣвушки и молодицы, придя, тебя тѣсно обступили;
Сані́ц кімі́ц шӯхе шеідб́ ноу арӯ́с	(Для) подобной тебѣ рѣзвой и безъ удержу веселой новобрачной
Һанӯ́з тīз дір — чехáіц hац̦lѐхōна̊да̊́н.	Еще рано — выходи изъ брачнаго покоя.
Ѓаl, аі мáне гöзі́ jа̊шlí kӯја̊́н jōр,	Приди, о другъ, оставившій меня съ заплаканными глазами,
Іш̦ра̀тімнáн суhба̀тімнáн дӯја̊́н jōр;	Забавою со мной, бесѣдою со мной насытившійся другъ;

Не jа̊мішӑӊ? Хӧбе нōздӑн ӯjӑн jōр!	Что̀ тебѣ спать? Отъ сна сладкаго проснись, о другъ!
Тӯр, relailiќ едаќ шӯм замōна̊да̊н.	Вставай, жаловаться станемъ на злую судьбину.
Та́хте тобӯт санiӊ тахтiӊ да̀rеlдi,	Похоронныя носилки твоимъ сѣдалищемъ не были,
Шум бахтiӊа́ ќафа́н рахтiӊ да̀rеlдi;	Для злосчастья твоего саванъ платьемъ твоимъ не былъ;
Һанӯз а̊ірыlма̊ђа̊ вахтiӊ да̀rеlдi,	Для разлуки еще время твое не настало,
Тӯр, jӧрi kōiнума́ зендо̀нхōна̊да̊н!	Вставай, иди въ объятія ко мнѣ изъ дома заточенія!
Сан̇ буlбу́lуӊ, масќа́н еддiӊ бӧђе гуl,	Ты — соловей, жилищемъ (своимъ) сдѣлала ты садъ съ розами,
Мiсќiн Аllōhjōрi еддiӊ насабӯр:	Бѣднаго Аллāяра[1] сдѣлала ты нетерпѣливымъ;
Сōђыiје коусарда́н шарӧбан таhӯр	Изъ (рукъ) кравча́го райскаго источника, чистаго вина
Версiӊlа́р аliӊа́ у меiхона́да̊н.	Пусть дадутъ тебѣ въ руку изъ того виннаго погребка.

19.

Азiз, геӊеlаре́ а̊ірыlу́п ге́дме,	О дорогой, по ночамъ, разлучившись, не уходи,
Саhа́р кīмlе́р ōlу́р курбōнiӊ санiӊ?	(Вѣдь) на зарѣ кто станетъ жертвою твоей?
Курбӧн ке деjаlа́р jīlде́ бiр ōlу́р —	(Праздникъ) «жертвы»[2], вѣдь, говорятъ, въ году одинъ бываетъ —
Һаммīша́ ман īдiм курбōнiӊ санiӊ.	Я (же) постоянно былъ жертвою твоей.
Īрōнна̊н Тӯрōна̊ Чīн гӧзаllаре́,	Отъ Ӣрāна до Тӯрāна, красавицы Чӣна,
Һа̀мӯ Гурџīссōнiӊ а̊ђу́р īllаре́,	Всего Гурджистāна[3] многочисленныя племена,
. . . .	. . . .
Һаммīша́ ман īдiм курбонiӊ санiӊ.	Постоянно я былъ жертвою твоей.

[1] Тахаллусъ (поэтическое прозвище) поэта.
[2] Курбанъ Байрамъ.
[3] Грузіи.

Да̊ӻlа̊́р, бір́ jӯl верī́, чехáм ба̊́шіцā́[1],	О горы, одинъ путь (мнѣ) дайте, (чтобы) я пошелъ на вершину вашу,
Ба̊ха̊́м гöрáм jōр īllаре́ hо̋рда̊дыр,	Посмотрѣлъ и увидѣлъ, гдѣ (кочуютъ) племена друга,
. . . .	. . . .
Ћаммīшá ман īдім̍ kурбōнін̍ц санін̍ц.	Постоянно я былъ жертвою твоей.
Бір́ дам еіláн ге́дме сан бīláц Тōре́;	Одно мгновеніе помедли, не уходи — ты знаешь (и) Богъ (знаетъ)[2];
Бӯ фōнī́ дунjōну́ц jӯх е̔тебōре́,	Къ этому тлѣнному міру нѣтъ довѣрія,
Ӯ̄су́ф у[3] Хусрову́ц бафōlī́ jōре́,	Юсуфи Хосрова[4] вѣрный другъ,
Ћаммīшá ман īдім̍ kурбōніѣ санін̍ц.	Постоянно я былъ жертвою твоей.

20.

Саріцá ман лӯнáм вафōlī́ kōсу́д!	Возлѣ головы твоей я покружусь, (о) вѣрный гонецъ!
Kōсу́д áрзе hōlу́м jōра̋ деjарá.	Гонецъ о моемъ состояніи другу (пусть) разскажетъ.
Гöзál санін̍цг-енáн kоідуӻу́м ыӻрō̋р,	Красавица, съ тобой установленное мною прочное соглашеніе,
Kalо̏millо̋ бīlī́р дӯрӯ̋б бар kарō̋р;	Слово Божіе знаетъ — (соглашеніе) существуетъ неизмѣнно;
Гецá гӯ̋нду́з фі̍крі зі́крім санáц jōр,	Ночью и днемъ я въ помыслахъ и тихой молитвѣ о тебѣ, другъ,
Да̊hы́ jӯх хыjōlу́м — jōра̋ деjарá.	Больше нѣтъ у меня мечтаній, — (гонецъ) другу (пусть) разскажетъ.
Дilба́р hōlу́м сӯра̊шма̊ӻа̋ ōр ы́дма,	Сердцепохитительница, для спрашиванія о моемъ состояніи позора не причиняй,
Гец дунjōі́ ба̊̋шімуза̋ да̊р ы́дма,	Обширный міръ для нашей головы тѣснымъ не дѣлай,
Да̊hы́ мунна̋н а̊рту́k ба̊ӻру́м kа̊̋н ы́дма,	Впредь больше этого мою печень не заставляй обливаться кровью,

---

[1] v. ба̊̋шіцза̋.
[2] т. е. заклинаю тебя Богомъ.
[3] т. е. Ӯ̄су́фе.
[4] или Юсуфа, сына Хосрова.

Кóiма hасрáт ӱlám — jора̊́ дејарá.	Не допускай, чтобы я умеръ отъ кручины, — (гонецъ) другу (пусть) разскажетъ.
Јусýфе Хусрóве ы́дма џiѓáр kа̊н,	Юсуфъ, сынъ Хосрова, не заставляй (мою) печень обливаться кровью,
Һы̄ч табі́б ѐтмаді́ дардiмá дармо̄́н;	Никакой врачъ не составилъ для моего страданія лѣкарства;
Геџá гӯндӯ́з бáска дедí́м јо̄́ре џо̄н,	Оттого что я много говорилъ ночью и днемъ, душевный другъ,
Ӯт гöтірді́ ба̊́ђрýм — јо̄ра̊́ дејарá.	Огонь сжегъ мою печень, —(гонецъ) другу (пусть) разскажетъ.

21.

Ѓаl, аі со̄ђы́, дӯlдýр џо̄́ме масто̄нé,	Приди, о виночерпій, наполни чашу упоительную,
Гедáр меі ı̄чанláр, меіхо̄нé ђа̊lýр;	Уходятъ пьющіе вино, (а) винная лавка остается;
Ѓачáр бӯ дунјо̄нýң ја̊хшí ја̊ма̊нí,	Проходитъ этой жизни добро (и) зло,
Ђа̊lса̊́ біŕ ја̊хшı̄lýќ іhсо̄на̊́ ђа̊lýр.	Если останется одно доброе дѣло — оно для добрыхъ дѣлъ остается.
Бyl6yllа̊́р ђӯрӯ́дур біџо̄́ бо̄́ђе гуl,	На соловьевъ наложенъ запретъ, (и) садъ розы ни къ чему,
Кӯiма̊́з гуlа̊́ ђӯна̊́ бı̄наво̄́ бyl6ýl;	Не позволено на розу сѣсть бѣдному соловью;
Бӯ гуlшандá на гуl ђа̊lýр на бyl6ýl,	Въ этомъ цвѣтникѣ ни роза не остается, ни соловей,
Бálе біŕ ја̊ма̊нlýх бо̄ђбо̄на̊́ ђа̊lýр.	Да, одно (только) зло для садовника остается.
Һар но̄мардá сан вӯрмајáң ӱзӱңí,	Ко всякому недостойному ты не обращайся,
Харı̄до̄́р го̄́рмасаің а̊́чма̊ сӯзӱңí,	Если не увидишь покупателя[1] — не открывай (своихъ) рѣчей,
Даlí даваlı̄јá вéрма кызіңí, —	Безумному погонщику верблюдовъ не отдавай свою дѣвушку, —
Ӱlýр ı̄тáр давá дı̄во̄на̊́ ђа̊lýр.	Умираетъ, исчезаетъ верблюдъ, безумный остается.

[1] т. е. цѣнителя.

Дунjоі́ ве́рманам доура̀сі́ панц̦е́,	Этотъ міръ я не отдамъ. . . . .
Кı̄м jı̄ја́ доуlаті́ кı̄м чака́ ранц̦і́,	Кому суждено пользоваться богатствомъ, кому претерпѣвать невзгоды,
Доуlатlı̄́ доуlаті́н чакı̄jу́р ранц̦і́н,	Богатый (пользуется) богатствомъ (и) отъ него страдаетъ,
Маhзӯннā́н шı̄рі́н сӯз нішōнā́·ђа̊lу́р.	Отъ Махзуна сладкія рѣчи[1] (памятнымъ) знакомъ остаются.

22.

Ђаі, а̊ђа̊lа́р, ѓа́lіц, таhрı̄́ф еіlа̊jу́м!	Эй, господа, придите, — повѣдаю я (вамъ)!
Кı̄м ӯlді̄ ке бу дунjода́ о̊̀lмаді̄́?	Кто былъ, который въ этой жизни не умеръ?
Ѓаlді̄́ ѓашті̄ бӯ дунjōда́ чух кіші́, —	Пришло и прошло въ этой жизни много людей, —
Ђы̄ч біріна́ дунjṓ вафō кы̀lмаді́.	Ни одному (изъ нихъ этотъ) міръ вѣрности не оказалъ.
Фереідӯ́н hышматі́, Ц̦амші́дің Ц̦амі́,	Пышность Феридуна, чаша Джемшида,
Хусроуі́ц шōhlіђы̄́, Кеі Коу́с дамі́,	Царская власть Хосроя, чванство Кей Кāвуса,
Іска́ндар соуlаті́, Дōрṓ hамhа̀мі́,	Неукротимость Александра, мудрое правленіе Дарія—(все это ушло);
Карӣ́н геддı̄́ ѓанц̦ да ӯнṓ kа̊̄̀lмâді́.	Кāрӯнъ ушелъ, и (его) сокровища для него не остались.
Ђōта̊́м сахōваті́, ӯ́нке матōі́,	Щедрость Х̱āтима, его богатство,
Руста́ме Зōl соуlаті́, ӯні́ц шец̦ōі́;	Неукротимость Рустама, сына Заля, его отвага — (все это ушло);
Ӯ фірʿоун ке та̊нӯма̊зді́ худōі́,	Тотъ фараонъ, который не признавалъ Бога — (онъ ушелъ),
Шаддṓд геддı̄́ біhі́шт ӯнṓ kа̊̄̀lмâді́.	Шаддāдъ ушелъ, (и) рай ему не достался.
Наhматуllṓ сан сабр еіlа́, а̊̀ђlа̊ма̊́,	Ниʿматуллā, ты потерпи, не плачь,
Піlта́ kо́іма, ц̦іѓарбанны́м да̊̀ђlа̊ма̊́,	Фитиль не клади, огненныя мѣтки не клади на мою спину,

[1] т. е. его поэзія.

Һар нōдōнā сап ўзіңі бā̊'ҕlā̊мā',—	Со всякимъ невѣждой ты себя самого не связывай,—
Кīм ӯлдī ке бӯ дунјōдā ȍlмадī?	Кто былъ, который въ этой жизни не умеръ?

23.

Мамаláр, мамаláр, хурдā мамаláр,	Груди, груди, маленькія груди,
Дардіңдáн ӯрҕā̊дýм јӯрдā, мамаláр!	Отъ страданія по васъ я попалъ въ кочевье, груди!
Бірінá канд десáм, бірінá набо̄́т,	Одну изъ нихъ сахаромъ назову, другую леденцомъ,
Бā̊ллā́н шīрі́н шаќáр ӯlýр мамаláр.	Слаще меда и (сладки), какъ сахаръ-песокъ, бываютъ груди.
Ҷамōlіңˉ гӱ́н кіміңˊ дӯҕā̊'р Īрōннā,	Красота твоя, какъ солнце, восходитъ надъ Ӣрāномъ,
Ā̊llýң ā̊і дур гӧзің бaңзáр ңеірōнā:	Твой лобъ — (какъ) мѣсяцъ, глаза твои подобны (глазамъ) газели:
Ӧркӧшéп јереннáн чехáр сеіlōнā̊;	Въ страхѣ изъ своего мѣста она выходитъ къ потоку;
Чоќ вірі́п ќатоні́ ділі́р мамаláр.	Рванувъ, въ куски разрываютъ полотно (сорочки) груди.
Јорі́ң ҕā̂ршīсіндá бі́р масќáн ҕӯрā̊'ќ,	Насупротивъ (жилища) друга одно жилище мы устроимъ,
Ҕӯllӯҕӯ̆н аіlејáќ ҕā̊ршīдá дӯрā̊'ќ;	Какъ рабы будемъ служить (ему) и станемъ передъ нимъ (въ ожиданіи приказа);
Јōрі́ң сīнасīнá бі́р ңуфт шабчеро̄́ҕ,	На груди друга одна пара ночныхъ свѣтильниковъ,
Бáнде гоуһáр бā̆шī буlӯ́р мамаlár.	(Какъ) связка жемчуга, съ хрустальной головкой (эти) груди.
Мап сапī сȍумішáм, дā̊һы̄́ бáсімдір;	Я тебя полюбилъ, и для меня достаточно;
Заlīlам, заīфам, дā̊һы̄́ нáсімдір!	Презрѣнный я, слабый я — но что̀ мнѣ отъ этого!
Ōтешá һіңрōнýң дā̊һы̄́ бáсімдір;	Огня разлуки съ тобой уже для меня достаточно;
Фаҕы́р дејáр: ӧз јо̄́румуң курбōнī.	Бѣднякъ[1] говоритъ: я самъ жертва за моего друга.

[1] Б. м., тахаллусъ поэта?!

24.

Бåшí пōрǻ пōрǻ, буз, дӯмåнịí дåӻlǻр!	Многовершинныя, бурыя, туманныя горы!
Дåбåцǻ ӻӯнǻн īllа́р нѐц҆ули́?	Чтò стало съ племенами, остановившимися на вашихъ перевалахъ?
Аclíм кӧч еiладí, бiз да дåлīчǻ;	Моя Аслй откочевала, и мы какъ. . . . .
Аclíм гедáн ӯзǻх jӯllа́р нѐц҆ӯлдí?	Чтò стало съ далекими путями, по которымъ ушла моя Аслй?
Аclí хōну́м га́l та сӧilajíм санá:	Аслй-ханъ моя, приди, и я скажу тебѣ:
А̄тǻ нанáң сатáм еiладí манá;	Отецъ (и) мать твои обиду причинили мнѣ;
Бiр нōмá jåзåjíм гедá ватанá,	Одно письмо напишу я — пусть пойдетъ оно на родину,
Гӧрáм манíм хōнумōнíм нѐц҆ӯлдí?	Посмотрю я — съ моимъ домомъ и семьей чтò стало?
Гӧк ӱ̄зӱ̄нí тӯп тӯп булӱ́т дӯтӱ́б дур,	Поверхность неба кусками облакà покрыли,
Ōh сīнацá[1] ӻӯшǻ нōрlǻр бīгīб дiр;	Ахъ, на груди твоей пара гранатъ выросла;
Бӯ jīl унбiр jīl дiр Ќарáм īтíб дiр,	Въ этомъ году (исполнилось) одиннадцать лѣтъ, (какъ) Керэмъ[2] исчезъ,
Һыч дімадің ӯлдí kåлдí нѐц҆ӯлдí?	Ты ничего не сказала — умеръ (ли) онъ, остался (ли въ живыхъ), чтò стало (съ нимъ)?
Ѓal, аi ōӻӱ̄l, ӧз пīрiцá ōнд веррáм;	Прійди, о сынъ, самъ (я) старцу твоему клятву дамъ;
Чоӻǻрт кīналарің гӧцуцдáн Ќарáм;	Удали ненависть свою изъ сердца своего, Керэмъ;
Ӱ̄з jīl гетсáің Аclí санің jōру́ң дур;	(На) сто лѣтъ если ты уйдешь — Аслй (всегда) твой другъ;
Сål iндí kӯllåру́ң боiнумǻ Ќарáм.	Брось теперь свои руки на мою шею, Керэмъ.

[1] v. сīнаңѓá.

[2] Керэмъ, сынъ Зiядъ-хана.

25.

Біŕ jåшуlба̊ш сўна̊ дilбар
Ўшті бізім гўlá дўшті;
Унда̊ сан а̊ђlа̊, мундá ман —
Бізімкīдá бilá дўшті.

Одна зеленоголовая утка-красавица
Прилетѣла (и) на наше озеро сѣла;
Тамъ ты плачь, (а) здѣсь я —
Наше (дѣло) такимъ(-то) образомъ случилось.

Бōд астí даidí тіliңгá,
Һар тіliң біŕ jåна̊ дўшті;
Пōһīда̊н ѓаlан кысмáт —
Бізімкīдá бilá дўшті.

Вѣтеръ подулъ, коснулся твоихъ прядей волосъ,
Каждая твоя прядь на одну сторону упала;
Отъ Бога (вѣдь) исходитъ доля —
Наши обстоятельства (по волѣ Бога) такъ сложились.

Jōрí, һаi дilбáр, сан jåнáң,
Маѓáр дўlўб дур пеiмōнáң?
Ѓаldí гōрdí бізí нанáң,
Ō да гўldí jўlá дўшті.

Иди, эй красавица, ты должна вернуться,
Развѣ исполнилась твоя мѣра?
Пришла, увидѣла насъ мать твоя,
И она засмѣялась (и) въ путь пустилась.

Бў бōђ Сеleiмōн бōђудўр,
Бōд асіп тіliң да̊ђудўр;
Jōрўң гōрмаlí ча̊ђудўр —
Ацáб фірсáт аlá дўшті!

Этотъ садъ есть садъ Сулеймана,
Вѣтеръ подулъ, твои пряди волосъ онъ разсыпаетъ;
Это есть время видѣть твоего друга —
(Вотъ) удивительный случай въ руку попалъ!

Рађыбің jўрда̊ ђўнма̊ђы́,
Ўlарің да іна̊нма̊ђы́,
Ќарамна̊н Асlí jåнма̊ђы́, —
Геddí іlда̊н іlá дўшті.

Соперникъ твой въ кочевьи усѣлся,
Они[1] также увѣренность питаютъ,
Аслī сгораетъ отъ (любви къ) Керэму, —
Ушелъ онъ изъ племени (и) въ племя попалъ.

---

[1] т. е. племя, живущее въ этомъ кочевьи.

26.

Бӯ ђåшí гöзí kарåнýң	Горе отъ жестокости, горе отъ жестокости
Дōд аliндáн, дōд аliндáн!	Этой чернобровой, черноокой!
Бӯ зуlфi hезōр пōранýң	Горе отъ жестокости, горе отъ жестокости
Дōд аliндáн, бiдōд аliндáн!	Этой съ (распустившимися) на тысячу прядей локонами!
Манíм мiнáн бåхмålӯнýң,	Горе отъ жестокости, горе отъ жестокости
Ål ђазōсýң âlмаlунýң,	Со мной переглядывающейся,
Гедáн аблák сīнá âlунýң,	Свою измѣнчивую судьбу получающей,
Дōд аliндáн, дōд аliндáн!	Съ пестрой грудью[1], (какъ) идущій черный съ бѣлыми пятнами конь.
Бiзíм мiнáн бåkышlӯнýң,	Горе отъ жестокости, горе отъ жестокости
Аlí аlвōн накышlīнíң,	Съ нами переглядывающейся,
Гöзál kаrlíк саkkешlīнiң.	Съ руками, разрисованными въ (разные) цвѣта,
Дōд аliндáн, дōд аliндáн!	(Какъ) красивая куропатка пріятно выступающей.
Kарáм дејáр бōрíң âlдýм,	Керэмъ говоритъ: плоды ея я взялъ,
Һаiвōсýң нōрíп âlдýм,	Айву ея (и) гранаты ея я взялъ,
Дiliнáн ыђрōрын âlдýм.	Отъ ея сердца покой я получилъ,
Аслí хōнýң дōд аliндáн, дōд аliндáн!	Горе отъ жестокости, горе отъ жестокости Аслū-хāнъ!

27.

Гöкдá бiр́ уlдӯз вåр åдí Камарlí;	На небѣ одна звѣзда есть, имя ея Камарлū;
Тiшнé Kарáм јōр lабiнáн амáliм;	(Я)—Керэмъ, мучимый жаждой,—губы друга мы пососёмъ;

---

[1] Обычай персидскихъ женщинъ татуировать грудь и руки.

Саріца́ ман дӯна́м мīнō̋ ка́марлí!	Около головы твоей я (по)кружусь[1], о ты съ голубымъ поясомъ!
Уја̊́н ӯја̊́н јöр гöзіца́ дундугӯ́м!	Проснись, проснись, другъ, около глазъ котораго я (по)кружусь[1]!
Гöкда́ бір́ уlдӯ́з ва̊̄р а̊јӑ́ да̊lдӑ́дыр;	На небѣ одна звѣзда есть — за мѣсяцемъ она скрыта;
Гöзí ӯхуда̊́ дӯла́хlары́ ба̊lдӑ́дыр;	Глаза его во снѣ, губы его въ меду;
Īна̊нма̊́ ке ӯхí сані́ а̊llӑ́дыр;	Не вѣрь, что его сонъ . . . . . (?);
Ӯја̊́н ује̊́н јōр гöзіца́ дундугӯ́м!	Проснись, проснись, другъ, около глазъ котораго я (по)кружусь[1]!
Саhа́р саhа́р хо̋бе нōзда̊́ ӯја̊нýр,	На зарѣ, на зарѣ, въ сладкомъ снѣ она просыпается,
Така́ вӯрӯ́п нōзбōlішта́ да̊ја̊нýр;	Опершись, о подушку она облокачивается;
Īа́ біllа́ц Суhíl вӯрӯ́п ӯја̊нýр;	Канопъ взошелъ — она просыпается;
Ӯја̊́н ӯја̊́н јōр гöзіца́ дӯндугӯ́м!	Проснись, проснись, другъ, около глазъ котораго я (по)кружусь[1]!

28.

Һаі, а̊ҕа̊lӑ́р, ѓа́lіц, таhрі́ф еіlа̊јýм:	Эй, господа, придите, повѣдаю я (вамъ о томъ),
Асlí хōн аlімна́н чехті́, а̊ҕlа̊́рум.	(Что) Аслū-ханъ отъ меня ушла, (и) плачу я.
Геддíм гöрдýм јōрýм кöчýп јӯрдунна̊́н,	Отправился я, увидѣлъ, (что) другъ мой переселился изъ своего кочевья.
Ӯҕра̊дýм јӯрдуна̊́, дöндӯ́м, ӑҕlа̊́рум.	Очутился я въ ея кочевьи, (затѣмъ) вернулся (и) плачу я.
Ман сòумішáм гöзаllарíң маlōгíн,	Я полюбилъ . . . . красавицъ,
Јōрýм аllа́н геддí ѓачма́з беlа́ гӯн;	Другъ мой отъ меня ушелъ — такой день не проходитъ;
Ќамōні́ аlімна́н чехсíц фаlагíн;	Лукъ ея изъ рукъ ея пусть уйдетъ къ небу (?);
Хада́нге сīнамна́н ѓаштí, ӑҕlа̊́рум.	Стрѣла (ея) пронзила мою грудь, (и) плачу я.

---

[1] т. е. я стану жертвою твоей.

Balōlí чаш́міна́ заhрапӯ́ш ӯlду́м;	Изъ-за ея глазъ, приносящихъ горе, отраву пьющимъ сталъ я;
Jōру́м allа́н геддí дардá тӯш ӯlду́м,	Другъ мой отъ меня ушелъ — съ страданіемъ я повстрѣчался,
Ѓаідíм ҕам хаlʿатíн сijōhпӯ́ш ӯlду́м,	Надѣлъ я платье печали, — одѣтымъ въ черное сталъ я,
Бåтуба̋м kаpajа́, гöjа́ åҕlǻрум.	Я погрузился въ черное[1], сгорая, плачу я.
Jōр бōҕундa̋ на булбу́lум, на гу́lам,	Въ саду друга я ни соловей, ни роза.
Фаlа́ќ kӯімa̋з па шōд ӯlǻм, на гӯlа́м;	Небо не допускаетъ ни радостнымъ мнѣ стать, ни засмѣяться;
Ќара́м деjа́р: öз hōlумдa̋ дàгіlа́м —	Керэмъ говоритъ: самъ я не свой —
Aclí хōп аlімна́п чехтí[2], åҕlǻрум.	Асли-ханъ отъ меня ушла, (и) плачу я.

29.

Lalа́ џōну́м, дуҕрí хаба́р вер гöра́м,	Няня, душечка моя, вѣрное извѣстіе дай (мнѣ) — посмотрю я,
Cöilа́ гöра́м на́чун Ќара́м ѓàlмаді?	Скажи — посмотрю я, — почему Керэмъ не пришелъ?
Aclí хōну́м ѓаl та хаба́р вера́jім:	Асли-ханъ моя, приди же — извѣстіе (тебѣ) дамъ я:
Ќара́м соудí сапна́н jeiта́р, ѓàlмадí.	Керэмъ полюбилъ (красавицу) лучше тебя (и) не пришелъ.
Ќара́м біŕ Ќара́м дір, ќарамí чух дур,	Керэмъ есть единственный Керэмъ, благородства у него много,
Kåшlåрí ќамő́н дур, кöпрīгí ӯх дур;	Брови его — (какъ) лукъ, рѣсницы его — (какъ) стрѣлы;
На тоі дур ке аlíҷ hепōсí jӯх дур;	(Это) что за пиръ, когда хены на рукахъ нѣтъ;
Cöilа́ гöра́м на́чӯн Ќара́м ѓàlмадí?	Скажи — я посмотрю, — почему Керэмъ не пришелъ?
Ќара́м біŕ Ќара́м дір, ќарамí чух дур,	Керэмъ есть единственный Керэмъ, благородства у него много,
Kåшlåрí ќамő́н дур, кöпрīгí ӯх дур;	Брови его — (какъ) лукъ, рѣсницы его — (какъ) стрѣлы;

---

[1] т. е. погрузился въ черную меланхолію, затосковалъ.

[2] v. геддí.

Муддáт тір jа̊ђмýшум hенōсí jӯх дур,	(Уже) нѣкоторое время какъ я красилась, (а) хенны[1] нѣтъ,
Ќарáм соудí саннáн гöзál, ѓàlмадí.	Керэмъ полюбилъ (красавицу) прекраснѣе тебя (и) не пришелъ.
Alíң вер та гедáќ īlá ӯlӯса̊́,	Руку твою дай же, пойдемъ къ племени и области (его),
Ман Муhаммáд дīніндá, сан да «jō Īcő!»	Я въ вѣрѣ Мухаммада (нахожусь), ты же (восклицаешь) «о Iисусъ!»
Ах ӳзіңпáн вер lalajá біŕ буса̊́:	Съ бѣлаго лица твоего дай нянѣ одинъ поцѣлуй:
Ѓаl бӯса̊іңí ман а̊lа̊́м, Ќарáм а̊lма̊дí.	Приди, поцѣлуй твой я прійму — Керэмъ (его) не принялъ.
Ѓаl та гедáќ санің īlінá,	Приди же, пойдемъ къ твоему племени,
Са̊ђ ва̊рма̊jа̊́ң ӯlӯсіңá īlіңá,	Здравой ты не иди въ твою область и къ твоему племени,
Alí зӯlфођōрӹ даісíң біlіңá,	Мечъ Алӣ пусть коснется твоего стана,
Нáдан kыідíң дīдíң Ќарáм ѓàlмадí?	Почему ты осмѣлилась (и) сказала, (что) Керэмъ не пришелъ?

30.

А̄ђа̊́ чӯпőн, мīрзő чӯпőн, хōн чӯпőн,	Господинъ пастухъ, мирза пастухъ, ханъ пастухъ,
Сöilá гöрáм нáчӯн kара̊́ ѓàімішáң?	Скажи — посмотрю-ка я, — почему черное (платье) надѣлъ ты?
Ѓàігінáң а̊lа̊́ні́ чех да kара̊да̊́н,	Надѣнь красное платье и выйди изъ чернаго,
Шӯм рађы̄бí гöтурсінláр а̊ра̊да̊́н;	Злого соперника пусть уведутъ прочь[2];
Нéңа ӯлдí Тōђőр геддí бӯра̊да̊́н?	Какъ (это) случилось, что Тāгāръ[3] ушелъ отсюда?
Сöilá гöрáм нáчӯн kара̊́ ѓàімішáң?	Скажи — посмотрю-ка я, — почему черное (платье) надѣлъ ты?

[1] Краска, добываемая изъ сухихъ листьевъ растенія Lawsonia inermis, которою окрашиваютъ въ ярко-коричневый цвѣтъ волосы, бороду, ногти, ладони рукъ и подошвы ногъ.

[2] букв.: изъ средины.

[3] Тāхиръ — طاهر?

Кӯсо̄ муllо̄ бӯ ӣшlарӹ kå̀jурдí,	Безбородый мулла эти дѣла устроилъ,
Ікí дӯссí бірí біṕ да å̀jурдí;	Двухъ друзей онъ разлучилъ [1];
Хо̄тӑ́м Суlто̄́н ӯно̄ сӯргіи бу̀jурдí, —	Хо̄тамъ Султа̄нъ приказалъ (выгнать) его вонъ [2],—
Ӯну́ң ӣчӯ́н ман да kарå̆́ ѓàімішáм.	Ради этого я черное (платье) надѣлъ.
Дåђlåрíң бåшіні́ дӯтӯ́п тӯмå и дӯмå̀ні́ [3],	Вершины горъ охватила тьма тумановъ,
Шіка́стá гöгнӯмǻ cå̀лду́ң гумå̀ні;	Въ разбитое сердце мое ты забросилъ подозрѣніе;
Ман Ноурӯ́зум Зуhрá хо̄ну́м чӯпо̄ні́,	Я Ноурузъ, пастухъ моей Зуhра-ха̄нъ,
Ӯ kарå̆́ ѓаімі́ш дір ман да ѓàімішáм.	Она надѣла черное (платье), и я (также) надѣлъ.

31.

Ђазáб еддí̇ң, мані́ cå̀рду́ң å̊ђå̊ца́, —	Ты разгнѣвался, меня привязалъ къ дереву [4], —
Бӯ ӯ̄зінáн hå̊рå̆́ вå̊ру́м, хо̄н амӯ́?	При этихъ условіяхъ куда я пойду, ханъ-дядя?
Баглáр саф саф туру́п едáр тамо̄шо̄́,	Беки, ставъ рядами, наблюдаютъ;
Ђӯрхусуннáн дӣна́ бӣlмáз, хон амӯ̄.	Отъ страха передъ этимъ они не могутъ высказаться, ханъ-дядя.
А̊̄тå̊мí ӯllӱрді́ң, ӯlду́ң саlандáр,	Отца моего ты убилъ и сталъ ты . . .(?),
Біṕ кыз ӣчӯ́н мані́ еддí̇ң дар бе дар;	Ради одной дѣвушки меня ты сдѣлалъ бездомнымъ бродягой;
Мані́ гӧрáн баглáр сапá на деjáр?	Видящіе меня беки что̀ говорятъ тебѣ?
Бӯ ӯзінáн hå̊рå̆́ вå̊ру́м, хо̄н амӯ́?	При этихъ условіяхъ куда я пойду, ханъ-дядя?
На́чун мані́м å̊тå̊мí ӯllӱрдí̇ң?	Зачѣмъ моего отца убилъ ты?
Дусс у душмáнім гӯllӱрдí̇ң,	Друга и врага моего заставилъ смѣяться,

---

[1] букв.: одного отъ другого онъ отдѣлилъ.
[2] букв.: приказалъ ему изгнаніе; Х. С. — отецъ Зуhра-ха̄нъ.
[3] v. дӯмå̄ні́ тӯмå̆́н.
[4] букв.: обмоталъ вокругъ дерева.

Парда пардеја́ мӣндірді́ц, —	За занавѣси посадилъ (меня) ты,—
Бӯ ӯзіна́н hа̊ра̊́ ва̊ру́м[1], хōн аму̇̄́?	При этихъ условіяхъ куда я пойду, ханъ-дядя?
Гöза́l ќаrlі́ќ саќа́ саќа́ ѓаlі́б дір.	Прекрасная куропатка въ припрыжку пришла,
Тіllаріні́ афса́ афса́ ѓаlі́б дір,	Волосы свои распустивъ, пришла,
Зуhра́ хōну́м іlтімōсӑ́ ѓаlі́б дір;	Зуhра-ха̄нъ моя съ мольбой пришла;
Ѓаl мані́ ба̊ђышlа̊́ ӯнṓ, хōн аму̇̄́!	Приди же[2], меня ей подари, ханъ-дядя!

32.

Іlōhудӑ́н ӯђра̊ду́м бір́ цуфт сӯва̊јӑ́;	Отъ Бога (было), что я встрѣтился съ одной парой уточекъ;
Бірӣсі́ кыз іді́, бірӣсі́ ѓаlӣ́н;	Одна изъ нихъ дѣвушкой была, другая молодицей;
Цōн курбṓн едара́м hар ікӣсӣнда́, —	Душу (свою) жертвою я сдѣлаю для каждой изъ нихъ,—
Цоузlі́, мӣхаklі́, ӯ hыllі́ kызlа́р!	Орѣховыя, гвоздичныя, тѣ кардамонныя дѣвушки!
Бірӣсӣні́ц амбарчасы̆́ бӯінундӑ́,	Ожерелье одной изъ нихъ—на шеѣ у нея,
Бірӣсӣні́ц дӯнјṓ мōlі́ аіында́;	Міркое богатство другой изъ нихъ — за пазухой у нея;
Ман гера́ідім бірӣсӣні́ц ђōінунӑ́;	Я прилипъ бы къ пазухѣ одной изъ нихъ;
Цоузlі́, мӣхаklі́, ӯ hыllі́ kызlа́р!	Орѣховыя, гвоздичныя, тѣ кардамонныя дѣвушки!
Бірӣсӣні́ц бірмōђында́ бассі́ ва̊р,	На пальцѣ одной изъ нихъ оправа есть,
Бірӣсӣні́ц цōн а̊lма̊кдӑ́ kассі́ ва̊р,	У другой изъ нихъ на похищеніе души замыселъ есть,
Һар ӯчӯні́ц Тōђӯр кімі́ц дӯссі́ ва̊р;	У каждой изъ трехъ (sic!) подобный Та̄га̄ру другъ есть;
Цоузlі́, міхаklі́, ӯ hыllі́ kызlа́р!	Орѣховыя, гвоздичныя, тѣ кардамонныя дѣвушки!

---

[1] v. геда́м.

[2] въ знач.: ну-же!

Ман курбонам гӧзаllарің ӯчӯпа́,	Я жертвою (являюсь) для трехъ красавицъ,
Кызыlда́н амбарча́ са̊lӯ́п са̊чіна,	Изъ золота ожерелье набросивъ на волосы ея,
Ӑђзӯм кӯја̊́м јорің а̊ђзы̄ ічіпа́;	Уста свои я вложу въ уста подруги;
Цоузlі́, мі̄хаклі́, ӯ hыllі́ кызlа́р!	Орѣховыя, гвоздичныя, тѣ кардамонныя дѣвушки!

33.

Ӯђӯ́l, а̊та̊́ң ӯlді — сарің са̊ђ ӯlсӯн!	Юноша, отецъ твой умеръ — твоя голова да будетъ цѣла!
Јорі́, јорі, ка̊нlі хо̄н То̄ђор, јорі́!	Иди, иди, кровавый[1] ханъ Та̄га̄ръ[2], иди!
Гоур а̊та̊м дејіп сані́ ӯlдӯра́, —	Нечестивый отецъ мой сказалъ, (что) тебя убьетъ,—
Јорі́, јорі́, ка̊нlі́ хо̄н То̄ђор, јорі́!	Иди, иди, кровавый ханъ Та̄га̄ръ, иди!
Еррі̄сін, еррі̄сін, дарјо̄hlа́р дӯlсӯ́н,	Пусть растаетъ, пусть растаетъ (снѣгъ на горахъ), пусть моря наполнятся,
Сараlсӯ́н, сӯ ӯlсӯ́н, hаіво̄ја̊́ дӯ́нсӯ́н;	Пусть пожелтѣетъ, сочной[3] станетъ, превратится въ айву;
Гоур а̊та̊́м, — зуlӯ́м аlіндá ка̊lсӯн,	Нечестивый отецъ мой, — жестокость пусть въ его рукахъ останется,
Ӯlсӯ́н то̄хт у то̄ро́ц, то̄рремо́н, јорі́!	Пусть будетъ набѣгъ и грабежъ, смятеніе, иди!
Зуhра́ деја́р: нішо́нумі̄ а̊па̊́рсӯн;	Зуhра говоритъ: мой знакъ пусть онъ унесетъ;
Ванно́ ӯlӯ́п сыны́к гоіцӯ́м ја̊па̊́рсӯн,	Ставъ каменщикомъ, ты создашь разбитое мое сердце,
Сан геда́рац манім кімің та̊па̊́рсӯн,	Ты уйдешь, подобную мнѣ ты найдешь,
Кӯі, кара̊́ ба̊ђlа̊сӯн Зуhра́ хо̄н, јорі́!	Оставь, черное пусть повяжетъ Зуhра-ха̄нъ, иди![4]

---

1 Ка̊̄нlі́ = персид. хӯні́, т. е. тотъ, на которомъ есть месть за пролитую кровь

2 ? طاهر.

3 букв.: водой.

4 Послѣ этого, добавляетъ пѣвецъ, Зуhра бросилась въ море и утонула

34.

Чаќа́ідім jōру́ц нōзуні́, Чаќа́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н;	Я испыталъ-бы кокетство подруги, Испытаю-ка я (его) съ жеманствомъ, съ жеманствомъ;
Ӱпа́ідім гöзі̄́ ђа̊шіндǻп[1],	Я поцѣловалъ бы (ее) въ глаза и въ брови,
Ӱпа̣́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н.	Поцѣлую-ка я съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.
. . . .	. . . .
Мамасі́н а̊lу́м а̊ђзума̊́, Ама́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н.	Груди ея возьму-ка я себѣ въ ротъ, Пососу (ихъ) съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.
Ц̣аво̄́н білі́н біќа́ідім, Ќа̊нлі́ jа̊ш гöзінда́н біќа́ідім[2].	Молодой ея станъ я согнулъ бы, Кровавыя слезы съ глазъ ея я пролилъ бы (?).
Кöінáќ пардасі́н сöќа́м, Сöќа́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н.	Завѣсу сорочки ея разорву-ка я, Разорву съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.
Шаќаракда́ ва̊р дур тарќа́, Бір́·о̄һ чаќа́м jа̊на̊́ ӱlќа́,	На «шакяракѣ» есть вѣтви, Вздохну (глядя) въ сторону (родного) края,
Муддаjа́р[3] бӯlа̊́м балќа́, Бӯlа̊́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н.	. . . . (?) найду я, быть можетъ, Найду съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.
Вӯрӯба̊́м да̊ђында̊́н[4] а̊ша̊́м Ѓалеба́м jӯрдіна̊́ дӯша̊́м, А̀lа̊́ гöзіна́н ба̊̀реша̊́м,	Отправившись, я на ея горы взойду, Придя, въ ея становище спущусь, Съ пестрыми глазами ея я примирюсь,
Бӯlа̊́м нōзуна̊́н нōзуна̊́н.	Найду съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.

[1] v. ќа̊̄шінда̊́п.
[2] б. м., дöќа́ідім.
[3] v. Муддаіѓа́р.
[4] v. да̊ђынна̊́н.

Сōзунýн̡ ц̡ілдī булђā́р;	Кожа ея музыкальнаго инструмента [1] — «бульгаръ» [2];
Ц̡іѓарбандім kобā́р kобā́р;	Станъ мой поднимается, поднимается;
Зуhрá хонýм веріц̡ хабáр —	Зуhра-хāнъ моей сообщи вѣсть, (что)
Ѓаlдíм нозунā́н нозунā́н.	Я пришелъ съ жеманствомъ, съ жеманствомъ.

35.

Аі, āђâlấр, Шо́ме Һаlа́б шаhріндá	Эй, господа, въ Шāмѣ — въ городѣ Алеппо
Місріц̡ шаробіні јīттíм [3] да ѓаlдíм.	Египетскаго вина я выпилъ и пришелъ.
. . . .	. . . .
Ӳч āіlíк јуllā́рí ӱч гӱндá ѓаlдíм;	По трехмѣсячному пути я въ три дня пришелъ;
Худо̄́м вердī манá ђеіб ā́тіні́,	Богъ мой далъ мнѣ таинственнаго коня,
Асрадíм, kаінадíм, ц̡ӯшíтýм да ѓаlдíм.	Я возрадовался, вскипѣлъ, страстно взволновался и пришелъ.
Аlíм вердíм hазрáге Аlí аlінá,	Свою руку я далъ въ руку святого Алī,
Сечерāдýм, мīнíм Дуllӳl біlінá,	Я вскочилъ (и) сѣлъ верхомъ на спину Дульдуля,
Гöзýм дӯшті ац̡амlаріц̡ гӱlӱнá.	Взглядъ мой упалъ на озеро персовъ,
Ац̡áм гӱllарінá ѓаштíм да ѓаlдíм.	Черезъ озера персовъ я переправился и пришелъ.
Шо̄м Һаlабдá шо̄мí вердіlар бізá,	Въ Шāмѣ (и) Алеппо ужинъ дали намъ,
Гӱн чālāндā́ ѓаlдíк kāр сālā́н дӯзá;	Когда взошло солнце, мы пришли — снѣгъ падалъ на равнину;
Ā́хшā́м намо̄зіні́ Султо̄́н Тіфlісá,	Вечернюю молитву (я совершилъ) у Султāна въ Тифлīсѣ,
Дардlí јāрālāрýм даштíм да ѓаlдíм.	Болящія раны свои я вскрылъ и пришелъ.

[1] Именно «сетāръ» — родъ трехструнной мандолины.
[2] Родъ юфти.
[3] v. īттíм.

Ахша́'м іді́, ман да ѓаlді́м хонамá,	Вечеръ былъ, и я пришелъ въ свой домъ,
Сі́ррімі дімаді́м боці́ нанама́,	Тайну свою я не сказалъ сестрѣ и матери своей,
Ышкы́ң ханџаріні́ вурду́м сінамá;	Кинжаломъ любви я ударилъ себя въ грудь,
Бу џо̄нı ба̑шумна́н ѓаштíм да ѓаlді́м[1].	Отъ этой грѣшной головы своей я отказался[2] и пришелъ.

Записанныя мною пѣсни кашкайцевъ, какъ это явствуетъ, по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ множества подобныхъ пѣсенъ другихъ турецкихъ племенъ: это—рядъ четверостишій, представляющихъ собой какъ бы строфы пѣсни; первая строфа нѣкоторыхъ пѣсенъ является, какъ исключеніе, въ видѣ двустишія.

Рпома, отдѣльная для каждаго четверостишія, встрѣчается или въ первыхъ трехъ стихахъ, и въ такомъ случаѣ четвертый стихъ имѣетъ самостоятельную риому, общую для соотвѣтствующихъ стиховъ всѣхъ строфъ (при этомъ зачастую такая риома въ первой строфѣ проходитъ два раза), или же въ строфѣ риомуютъ первый, второй и четвертый стихи.

Размѣръ пѣсенъ — самый разнообразный, но преобладаютъ размѣры въ одиннадцать и восемь слоговъ; неопредѣленность размѣра пѣсни 6 объясняется забывчивостью и отсутствіемъ поэтическаго чутья и чувства у передававшаго ее мнѣ для записи случайно встрѣченнаго мною кашкайца, давно живущаго въ Ширазѣ и утратившаго непосредственную связь съ племенемъ.

Большая часть пѣсенъ представляетъ образцы любовной лирики, отчасти въ формѣ діалога, значительная часть — отрывки изъ народныхъ романтическихъ поэмъ «Керэмъ и Аслӣ-ханъ», «Та̄hиръ и Зуhра-ханъ»[3] нѣсколько пѣсенъ — произведенія личнаго творчества поэтовъ, тахаллусы которыхъ обязательно упоминаются въ концѣ ихъ стихотвореній, какъ Allohjо́̄р, Jу́суфе Хусро́у, Mahзу́н, HahmатуIIо́̄ и Фаџы́р, двѣ пѣсни носятъ религіозный характеръ, прославляя мусульманскихъ святыхъ, въ частности имама Риза̄, наконецъ, одна свадебная пѣсня и отрывокъ изъ популярной среди турецкихъ племенъ поэмы «Ашикъ Керибъ».

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ образчиковъ поэзіи кашкайцевъ нельзя не видѣть въ нихъ вліянія книжности, обилія шаблонныхъ поэти-

[1] Ср. крымскую поэму «Ашик Кери̂бъ». В. В. Радловъ. Образцы, т. VII, стр. 292.

[2] букв.: прошелъ.

[3] Эти повѣсти извѣстны и константинопольскимъ меддахамъ. См. Вл. Гордлевскій. Изъ настоящаго и прошлаго меддаховъ въ Турціи. «Міръ Ислама», т. I (1912), стр. 326, 327.

ческихъ образовъ, такъ что элемента оригинальнаго, чисто народнаго остается сравнительно мало. Объясненіе этому надо искать въ склонностяхъ и вкусахъ передавшаго ихъ Ќаl Бады́р-ха̊н’а, который, несмотря на мои постоянныя напоминанія избѣгать книжности, не могъ отрѣшиться отъ извѣстнаго и ему взгляда просвѣщенныхъ книжной премудростью персовъ на народныя произведенія, какъ на не стоящую вниманія дребедень, которой долженъ избѣгать маломальски образованный мусульманинъ. Во всякомъ случаѣ этотъ матеріалъ[1], добытый мною при указанныхъ обстоятельствахъ, даетъ намъ представленіе, можетъ-быть недостаточное, о донынѣ невѣдомыхъ языкѣ и произведеніяхъ словесности далеко откочевавшаго турецкаго племени кашкайцевъ[2].

---

[1] Выражаю искреннюю благодарность А. Н. Самойловичу за содѣйствіе при переводѣ на русскій языкъ нѣкоторыхъ малопонятныхъ мѣстъ текста.

[2] Въ недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ Sir Percy Sykes’a History of Persia, second edition. London 1921, vol. II, p. 477—478, 499—514 приводятся нѣкоторыя новыя данныя о кашкайцахъ и подробно излагаются событія въ Персіи въ 1918 г., въ которыхъ кашкайцы играли важную роль, оказавшись орудіемъ въ рукахъ германцевъ противъ англо-индійскихъ войскъ, охранявшихъ пути въ Индію.

М. В. Михайловская [1].

Корельскіе заговоры, примѣты и заплачки.

I. ЗАГОВОРЫ.

1. Отъ глаза.

Кучун м̀іе Ізос̀іман і Сават̀еіп Соловкеіста. К̀іјеван дорогуа м̀уӧт̀еп [2],
Позову я Зосиму и Савватія Соловецкихъ. По Кіевской дорогѣ,

кулласт̀а кујост̀а м̀уӧт̀еп, кађенк̀ентоіста п̀іђеінк̀е, кађенк̀ентоіста з̀ел̀оінк̀е [3],
по золотому прогону, съ двѣнадцатью клещами, съ двѣнадцатью травами.

оіг̀іеда ђенг̀іје р̀іст̀іканжуа п̀іјашшап [4] і п̀ел̄ашшан омап переђеп дӯвмакшеп̀та
Правую душу крещеную отпущу и освобожу своей семьи отъ думы

і качађукшеп̀та, аіјетукшешта [5] м̀уӓд̀ах м̀ап̀іјашта, вашта тул̀іјашта, л̀ӓб̀і
и отъ глазу, съ загумёнковъ. взади идущаго. навстрѣчу приходящаго, сквозь

п̀іілоп п̀іл̀л̀іст̀іл̀ічіјашта, шувр̀іста, г̀іеп̀іст̀а і к̀ешк̀ікердађізешта, мушта
щели подсматривающаго, отъ большихъ, маленькихъ и среднихъ, черной

в̀ер̀ізешта, валг̀іјев̀ер̀ізешта, мушгаш̀іл̀м̀ашта і валг̀іјеш̀іл̀м̀ашта. К̀еп
крови, бѣлой крови, черпаго глаза и бѣлаго глаза. Кто

кадав̀іїп качахтап, п̀іп ш̀іл̀л̀а карошпуіко ш̀іл̀м̀ах. П̀іјашшап і п̀ел̄ашшап
завистливо посмотритъ, такъ тому большая заноза въ глазъ. Отпущу и освобожу

оіг̀іеп ђенг̀іен р̀іст̀іканжан [6].
правую душу человѣка.

2. Отъ золотухи.

Повжеп ђуомпекшелла аівок̄азе, еппеп п̀аівазеп повштуо. Качађап м̀іе
Встану утромъ рано, раньше солнца восхода. Посмотрю я

п̀аів̀азех. П̀аів̀азеша кулдап̀е куккоп̀е — кулдап̀е п̀окка̀пе. Н̀окказелла
на солнце. На солнцѣ золотой пѣтушокъ — золотой клювъ. Клювомъ

---

[1] Настоящіе матеріалы являются посмертной работой автора. Марія Васильевна Михайловская, по профессіи народная учительница, скончалась 24 сентября 1917 г. въ селѣ Воздвиженкѣ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. Исправленіемъ текста и перевода редакція обязана любезному содѣйствію Н. Н. Поппе. *Ред.*

[2] м̀уӧт̀еп — по, послѣлогъ ставится послѣ словъ, къ которымъ относится.

[3] з̀ел̀а — трава лѣчебная, зелье.

[4] пел̄ашшан — черта надъ согласнымъ, въ данномъ случаѣ надъ л, какъ въ этомъ словѣ, такъ и въ другихъ, означаетъ геминацію, т. е. л̄ = лл, ш̄ = шш и т. д. Наряду съ этимъ двойные согласные передаются, какъ обычно, двумя знаками, напр., шш, лл и пр. Эту непослѣдовательность въ транскрипціи я не счелъ возможнымъ устранить, ограничившись лишь исправленіемъ явныхъ погрѣшностей. Н. П.

[5] аіјетукшет — огуменокъ, мѣсто для сушки сѣна около сараевъ и гуменъ.

[6] р̀іст̀іканжа — крещеный, человѣкъ. Срв. русское «всѣ крещеные» — т. е. просто люди

ноккуав, шiбуiла нувђiјев оiгiјеэта ђенгiјента Дунашта рiстиканжанта.
клюетъ, крыломъ чиститъ правую душу у Дуни крещеной.

Куннен канатамакшi нiјанахкан тунатомакшi, шiамен кiвугомакшi.
Да будетъ такъ, чтобы ногтемъ не оцарапали, чтобы кожа головная оставалась нечувствительной и чтобы внутри не болѣло [1]

3. **Отъ жабы** (прочитать 27 разъ).

Ајав кiркош кiркачулла [2], ђiрђеiзелла ђебозелла, шарвiзелла шаду-
Ѣдетъ мышинаго цвѣта лошади, на роговомъ сѣдлѣ.

лалла. Шуврi тутто лувлiтав, мадалаiе муаiттав. Тулов Муарi ваштах,
Большая дѣвица качается, низенькая обманываетъ. Идетъ Марья навстрѣчу.

шуоiнi вiхко кiјашша, сложiв шуонет шуокшекках. нiвелет нiјакшекках,
изъ жилъ связка въ рукахъ, сложитъ жилы на мѣсто, владѣнiе наставитъ,

устават нiјаштав, пелаштав оiгiен ђенгiен рiстiканжан. Таiвођалiiне муамоiне,
уставы освободитъ, очиститъ правую душу крещеную. Небесная мать,

муађiiне туатоiне, тувлiђiiне дувху, андакуа мiвла куннет мiе лађен туох iлмах
земной отецъ, вѣтровой духъ, дайте мнѣ ногти, я пойду на тотъ свѣтъ

жуабашта i нäллäшта iкаiкен уттунiазешта лазiшта нiјашшан.
отъ жабы и голода и отъ всѣхъ разныхъ болѣзней освобожу.

4. **Отъ бородавокъ** — шублiста.

Колме керраста нiвалдуа рiђмалла i шануа: Шубла шолмуокшi,
Три раза завязать ниткой и сказать: Бородавка въ узелъ,

шолмут муакшi.
узелъ въ землю.

5. **Отъ бородавокъ.**

Когда моютъ столъ и если со стола висятъ капли, такъ вытираютъ бородавкой и говорятъ:

Куiн нама тiлказет вäлiјан мiе отан ваiволда, нiн i мiун шублазет
Какъ эти капли скорѣе я возьму отъ мученья, такъ и мои бородавки

вäлiјан кадоккахх.
скорѣе пропадите.

6. **Заговоръ крови.**

а) Ајав вађна укко да i шанов: Шiје, ђебоiне, новже, шiје,
Ѣдетъ дряхлый старикъ да и говоритъ: Ты, лошадь, встань, ты,

верi, нiјету, штобы iјан ел тулiе.
кровь, остановись, чтобы вѣкъ не показывалась.

б) Ох, шiје, равда равка, тiјан мiе мiста шiје: шуошта шуовету,
Охъ, ты, желѣзо бѣдняга, знаю я, откуда ты: изъ болота вытащено,

[1] Переводъ И. И.

[2] кiркош кiркачулла — одни сказали: «слѣкарь въ ступкѣ», другiе — «клевенъ клевномъ». Клевецъ — большой молотокъ.

муашта каі̆ветту. Олі шеппа ілмолі̆не ӥӑма кірвеш тагуолоша
изъ земли выкопано. Былъ кузнецъ Илмариненъ[1] этотъ топоръ точилъ и

тапутелемӑша. Лувн луккуон, ліђан ліччуан, вӗрі шалбуан. Еі рўчча
провѣрялъ острый ли. Кость запру, мясо прижму, кровь закрою. Да не бурлитъ

јуокшуі̆с, еі вӗрі ті̆ппуі̆с.
ручей, не каплетъ кровь.

7. Отъ укуса змѣи.

а) Мушта мадо мўаналанӗ, кі̆рјава мадо кі̆веналанӗ, ђармуа
пестрая
Черная змѣя подземная, разноцвѣтная змѣя подкаменная, сѣрая

мадо ђаллапаланӗ, кулі̆ја мадо кулон карванӗ[2], лӑбі мӑттӗђіста
змѣя подморозная, ползучая змѣя промежъ хворостъ

мӑніја, лӑбі турбӗђіста тўлија. Іstув кі̆ркош кі̆велла кӗшкӗлла мӗрда.
идущая, промежъ дернъ пришедшая. Сидитъ лѣкарь на камнѣ посреди моря,

каччов ђіан ўлађаккалі, нӑгов едӑђаккалі, пі̆јаштав і пеллаштав оі̆гіен
смотритъ онъ вверхъ видитъ далеко, отпуститъ и освободитъ правую

ђенген рі̆сті̆канжан. Мі кувина кулласта пӑіві̆ја, шікві ілмазекші іі̆ја.
душу крещеную. Что въ мѣсяцѣ золотыхъ дней, столько на весь вѣкъ.

б) Пагана, пагана, шіула анӗті јані̆ксін дорога, шіула анӗті
Поганая, поганая, тебѣ дадена заячья дорога. тебѣ дадена

шуонша шаммален кочка, мі̆да шіје коншет оі̆гіс ђенгіје жіваттуа.
въ болотѣ болотная кочка, что ты трогаешь правую душу животнаго.

8. Отъ удара (читаютъ надъ людьми и скотомъ).

Ђўвађутті, кавні̆с Катті іstув сі̆ні̆зелла кі̆велла, сі̆ні̆зелла
Хорошо хорошій, красивая Катерина сидитъ на синемъ камнѣ, на синемъ

мерелла амбув ўот ні̆мі̆јет, валгі̆јет; равданӗ піжа каі̆нолошша, равдазет
морѣ стрѣляетъ ночи темныя, свѣтлыя; желѣзный стволъ подъ мышкой, желѣзные

шуапуат јаллаша, равдазет кі̆ндађат кі̆јашша, равданӗ ђатто пі̆јашша.
сапоги на ногахъ, желѣзныя рукавицы на рукахъ, желѣзная шапка на головѣ.

Еі пі̆дав ші̆ула амбуо рі̆сті̆канжуа[3], пі̆дав ші̆ула амбуо раі̆јан
Не надобно тебѣ стрѣлять въ крещенаго, надобно тебѣ стрѣлять въ ивовую

пі̆нда, коівун корках, ђуаван ђаннакен, кі̆візех куккурах, шіллоі̆н оі̆с
хвостъ
поверхность березовую корку, осиновую верхушку, каменный верхъ, тогда бы

оллун кӗбі̆јембі ті̆рпуа.
было легче терпѣть.

---

[1] Илмариненъ. См. M. A. Castréns Vorlesungen über die Finnische Mythologie. St.-Pet. 1853, s. 333. Срв. U. Holmberg. Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne, XXXII. Helsinki 1913, p. 214. П. П.

[2] «кулон карване» не объяснили. — Кулеанкарване — темнаго цвѣта. П. П.

[3] Когда читаютъ надъ скотомъ, говорятъ: жі̆ваттуа — животное.

9. **Отъ заразной болѣзни.**

Бур̀а м̀ерел̀л̀а. Шуаруалла страдаідіх ічче Шӳнд̀уруохгіна Шӳӧттіја
Буря на морѣ. На островѣ страдали Самъ Спаситель Кормилецъ
да Міккула. Аштув какшітоіста т̀ут̀туо. Міккула і к̀ужув: Т̀ут̀от,
да Николай Чуд. Идутъ двѣнадцать дѣвицъ. Николай и спрашиваетъ: Дѣвицы,
т̀ут̀от, кушна т̀ӱö м̀анета? — Муӧ ем̀м̀а оле т̀ут̀от, а олемма кайк̀ін
дѣвицы, куда вы идете? — Мы не есть дѣвицы, а есть всѣ
чікокшет, м̀анем̀м̀а хр̀іст̀іанскоі лувда ломаімах да в̀ерд̀а куадамах. Ох,
сестры, идемъ христіанскія кости ломать да кровь проливать. Охъ,
т̀уӧ, шувр̀і н̀ен̀ат, в̀іјарашувт! т̀еіл̀а ев н̀ут к̀ашк̀іт̀у, т̀еіл̀а он к̀ашк̀іт̀у
вы, большіе носы, кривые рты! вамъ не теперь велѣно, вамъ есть велѣно
пуоленн̀аів̀ан аігах, да пуоленӱӧн аігах. Манг̀іја с̀ін̀ез̀ел̀л̀а м̀ерел̀л̀а он
въ полдень, да полночь. Идите на синее море, есть
шувралла шуарелла там̀м̀ів̀ен̀е дупла, м̀ангіја шіл̀л̀а істуккуа.
на большомъ островѣ дубовое дупло, идите, тамъ и сидите.

10. **Отъ цыпокъ.**

Куррет, каррет, мушшат броніт, к̀р̀јават ђаракат, воннан своjакат
Журавли, кулики, черные вороны, пестрыя сороки, военные свояки
оттаккуа омаш чіпкат, андакуа омат т̀ерв̀еђет јалат.
возьмите свои цыпки, дайте свои здоровыя ноги.

11. **Отъ вѣтряной оспы** — тувлен рубі. (Отъ всякой сыпи на тѣлѣ).

Больного окачиваютъ водой чрезъ борону, лопату и ольховое гнѣздо, мальчиковъ — чрезъ словое.

Аштовалла аштоічен, лабіјелла роічен, леин̀азел̀л̀а тулен н̀ежолла
Бороной боронію, лопатой рою, ольховымъ вѣтрянымъ гнѣздомъ
к̀ул̀в̀ет̀ан оіг̀іен ђенген р̀іс̀т̀іканжан.
парю правую душу крещеную.

12. Когда **по ночамъ плачетъ ребенокъ,** такъ его парятъ въ банѣ и читаютъ молитву.

Іл̇да - зор̀а, ђуомнеш - зор̀а, шіви лапші іт̀к̀ов к̀ізата тахтов, а м̀іви
Вечерняя заря, утренняя заря, твое дитя плачетъ играть хочетъ, а мое
лапші іт̀к̀ов муата тахтов. Ӱӧ і пуол̀іӱӧда, н̀аів̀а і пуол̀ін̀аів̀іја, ђуолетомал̄а
дитя плачетъ спать хочетъ. Ночь и полночь, день и полдень, беззаботному
в̀ӓђа ђуолда, тідом̀ат̀т̀ем̀ал̀л̀а в̀ађа тіједуо оіг̀іјех ђенг̀іјех бладенчах.
мало заботы, незнающему мало знать о правой душѣ младенца.

13. Когда **ребенокъ ночью не спитъ и плачетъ.**

Рушк̀іје кукко, валг̀іје кукко з̀елеh̀ал̀ла лу̅га̅ла гул̀аїмах, а м̀іјан Ваh̀а
Красный пѣтухъ, бѣлый пѣтухъ на зеленомъ лугу гулять, а нашъ Ваня

магуамах. Рушк̀іје т̀ут̀то, валг̀іје т̀ут̀то, з̀елеh̀алла луга̅ла гул̀аїмах, а м̀іјан
спать. Красная дѣвица, бѣлая дѣвица, на зеленомъ лугу гулять, а нашъ

Ваh̀а магуамах.
Ваня спать.

14. **Отъ зубной боли** — ђамбађан к̀івушта.

Ку̅домане, кудомаh̀е! онго шіјелла покоїh̀ікуа? — Он. К̀івіс̅ет̀ах-го
Луна, луна! есть ли тамъ покойники? — Есть. Болятъ ли

ш̀іл̀ла покоїh̀ік̅азелла ђамбађат? — Еї к̀івіс̅ет̀а. Покоїh̀ік̅азелла еї к̀івіс̅ет̀а,
у тѣхъ покойниковъ зубы? — Не болятъ. У покойниковъ не болятъ,

h̀іh̀ оїг̀іслла ђенг̀ел̀ла р̀іст̀ікаh̀жалла ел̀г̀ах к̀івіст̀акка.
такъ у правой души крещеной пусть не болятъ.

15. Когда **на лицѣ выступаетъ простуда**, заговариваютъ болѣзнь какъ отъ огня. Кто первый въ деревнѣ зажжетъ огонь, подъ то окно подходятъ съ больнымъ, поплюютъ на болячки и скажутъ:

«Тул̀і, тул̀і! ел̀а тушкевву оїг̀іен ђенг̀іен. Ота омаш ђу̀в̀уш,
Огонь, огонь! не сердись (не бросайся), на правую душу. Возьми свое хорошее,

анна ома т̀ерв̀еђуш».
дай мнѣ свое здоровье.

16. **Отъ ячменя.**

Кусокъ теплаго хлѣба подержатъ на ячменѣ, потомъ отдаютъ собакѣ и говорятъ:

«Коїра, коїра! ота омаш h̀аh̀h̀і, апа м̀іула т̀ерв̀ех ш̀іл̀м̀а».
Собака, собака! возьми свою титьку, дай мнѣ здоровый глазъ.

Потомъ показываютъ собакѣ кукишъ, говорятъ:

«Ота кукко»
«Возьми кукишъ»

и три раза плюютъ черезъ правое плечо.

17. Если, не благословясь, притти на скотный дворъ, **пристаетъ болѣзнь** «в̀іга в̀іh̀е» — заболитъ что-либо не отъ простуды. Нужно въ воротахъ во дворѣ поклониться до земли три раза и сказать:

«Танђуан ізаh̀да, танђуан емаh̀да прос̅т̀іккуа оїг̀іен ђенг̀іен».
Дворовый хозяинъ, дворовая хозяйка простите правую душу.

18. Отъ болѣзни пупка — на̀бан кібушта[1].

«Вѐду̀і̀не ча̀ревнане, рушкі̀јене ту̀тто̀не, шіје іја̀н койс̀са ел̀ӣт, міе шіви
Водяная царевна, красная дѣвица, ты вѣкъ дома жила, я тебя
ваштайн, а шіје ваштуа ойг̀іелда ђенг̀ел̀да бла̀денчалда на̀ма̀ кі̀вут. ота
встрѣчала, а ты встрѣчай у правой души младенца эту болѣзнь. Возьми
омаш ђу̀ву̀ш, а анна ойг̀іелла ђенг̀ел̀ла бла̀денчалла ома тѐрвѐђуш».
свое хорошее, а дай правой душѣ младенцу свое здоровье.

19. Отъ луны.

а) Пупокъ вздувается у маленькихъ до шести недѣль. Причину этой болѣзни объясняютъ такъ.

Кѐн ла̀ммі̀тав ку̀лу̀јо лапшелла варойн, да куін кайволла отгав вѐтта̀ і
Кто топитъ баню для ребенка, да какъ изъ колодца беретъ воду и
ожуттав оман ку̀вађазен, да та̀л̀ла вѐел̀ла̀ пежев лапшен, ні̀н
покажетъ свое изображеніе (отразится въ водѣ), да этой водой вымоютъ ребенка, такъ
лапшелла ру̀біев кі̀ві̀стѐмах на̀ба і ру̀біев ітко̀мах.
у ребенка будетъ болѣть пупокъ и будетъ плакать.

Лѣчатъ въ лунную ночь, чтобы на ребенка падалъ свѣтъ луны. Берутъ въ руку три горошинки и обводятъ вокругъ пупка три раза съ такими словами:

«Ку̀домане, ку̀домане! міе шіула аннан кол̀ме у̀ђекшіја ђернеђу̀та,
Луна, луна! я тебѣ дамъ три по девяти горошинъ
кол̀мелла кораб̀ілла та̀вту̀кшекші, а шіје ота омаш ђу̀ву̀ш, анна ома
на три корабля наполнить, а ты возьми свое хорошее, дай свое
тѐрвѐђуш ойг̀іелла ђенг̀ел̀ла бла̀денчалла».
здоровье правой душѣ младенцу.

б) При этой же болѣзни обводятъ вокругъ пупка безыменнымъ пальцемъ и говорятъ:

«Кук̀кі ку̀домане! міл̀ла міе шіви шіја̀ну̀тін? Простѐі мілма! Ота
Дорогая луна! чѣмъ я тебя разсердила? Прости меня! Возьми
омаш ђу̀вуш, анна ома тѐрвѐђуш ойг̀іелла ђенг̀ел̀ла бла̀денчалла».
свое хорошее, дай свое здоровье правой душѣ младенцу.

20. Отъ крыльевъ.

Когда дѣти долго не начинаютъ ходить, корелы думаютъ, что у нихъ по бокамъ растутъ крылья и мѣшаютъ вставать на ножки. Передъ заговоромъ садятъ въ печку хлѣбъ и говорятъ:

---

[1] на̀ба — пупокъ, кі̀бу — боль.

«Куй̆і леі̆ба ківгуаша, н̆іп і крілат тіјелаша, — леі̆ват ківгуашта
Пока хлѣбъ въ печкѣ, такъ и крылья на тѣлѣ, хлѣбы изъ печки
поіс, н̆ін і крілат тіјелашта поіс».
прочь, такъ и крылья съ тѣла прочь.

Безымяннымъ пальцемъ трутъ по тому мѣсту, гдѣ растутъ крылья, и говорятъ:

«Тама шормі німетоін, н̆ін тама кібу ківутоін».
Этотъ палецъ безъ имени, такъ эта боль безъ боли.

21. Когда мальчикъ по ночамъ плачетъ, дѣлаютъ маленькую соху, втыкаютъ въ матицу и говорятъ:

«Ўоі̆ка куйдамах, а міан лапші магуамах».
Ночной пахать, а нашъ ребенокъ спать.

Когда дѣвочка по ночамъ плачетъ, дѣлаютъ маленькую прялку втыкаютъ въ матицу и говорятъ:

«Ўоі̆ка кезрамах, а міан лапші магуамах».
Ночной прясть, а нашъ ребенокъ спать.

22. Отъ напрасной ѣды — напрасноі̆ шўоі̆діа.

Чтобы дѣти напрасно не просили хлѣба, кусокъ хлѣба три раза обносятъ кругомъ печной трубы на встрѣчу солнцу и говорятъ:

«Куін тама пайвайе ваштахпаин еі̆ паісе, н̆ін тама напрасноі̆
Какъ это солнце съ обратной стороны не свѣтитъ, такъ эта напрасная
шўоі̆да ваштуачеккахъ».
ѣда повернись воротись обратно.

23. Когда выпадетъ молочный зубъ, бросаютъ его черезъ правое плечо на печь и говорятъ:

«Ћірелла равдайе, да рапакка, а міула луввійе, да луја».
Мышкѣ желѣзный, да слабый, а мнѣ костяной, но крѣпкій.

24. Обкуриванiе отелившейся коровы.

Въ поварешку кладутъ горячихъ угольевъ, богородской травы, воску, ладану и щепку съ порога. Съ этой поварешкой обходятъ три раза вокругъ коровы и теленка, наговаривая:

«Панеп міе ћалдіјеп[1] теракшеі̆зет шеі̆баћат, равдазет ріввут,
Положу я владыки стальные колышки, желѣзныя зацѣпки, (петли на изгороди)

---

[1] ћалдіја, финск. haltia — генiй-хранитель, духъ, владыка, olla haltioissa — быть воодушевленнымъ (= begeistert sein: Geist). Н. Н.

т̀іназет в̀ічакшет муашта да таїваҕаш, а таїваҕашта да муалла, тулен
оловянные прутья съ земли до неба, а съ неба до земли, какъ огонь
ӑг̀еҕуї, к̀івен коваҕух, равван луjаҕун».
горячій, камень твердый, желѣзо крѣпкое.

25. Когда **корова не стоитъ на дойкѣ**—берутъ со стога покрышку, кладутъ на хребетъ коровы и говорятъ:

«Куїн п̀іал̀ла п̀уаппу шеїзов, п̀ін і л̀еҕм̀а шеїзо».
Какъ наверху покрышка стоитъ, такъ и корова стой.

26. Когда **отлучаютъ теленка отъ коровы**, хозяйка отрѣзаетъ ломоть со всего каравая, посыпаетъ солью и прикладываетъ къ очёлку русской печки, или обводитъ вокругъ очёлка три раза и говоритъ:

«Куїн к̀івгуа т̀ерв̀ех шеїзов ӳҕешша коҕен, п̀ін і ш̀іје ж̀івата
Какъ печка здорова стоитъ на одномъ мѣстѣ, такъ и ты, животное,
ӳҕешша коҕен шеїзо. Шівла л̀еїба, а м̀іула важаӈе. Во имя Отца и Сына
на одномъ мѣстѣ стой. Тебѣ хлѣбъ, а мнѣ теленокъ.
и Святаго Духа, аминь».

Теленка кормятъ хлѣбомъ и говорятъ:

«Куїн т̀ам̀а л̀еїба еї т̀іја омуа каӈ̀іккуа, п̀ін і шіје ж̀івватаӈе ела
Какъ этотъ хлѣбъ не знаетъ своего каравая, такъ и ты, животное, не
муїса муамуа».
помни мать.

27. Прежде чѣмъ начать **стричь овцу**—три раза вокругъ нея обводятъ ножницами и говорятъ:

«В̀ілла ваштах ҕув̀ах ҕуп̀іјамах, а паҕашта паҕенамах».
Шерсть навстрѣчу къ хорошему бѣжать, а отъ худого убѣжать».

28. Когда **курица снесетъ первое яйцо**, хозяйка третъ этимъ яйцомъ по головѣ и говоритъ:

«М̀і п̀іашша тукаст̀а, же канашша шатраша јаічаст̀а».
Сколько на головѣ волосъ, столько у курицы внутри яицъ.

У перваго яйца острый конецъ намазываютъ сажей и говорятъ:

«М̀і трубашша новуст̀а, же каналла шатрах јаічаст̀а».
Сколько въ трубѣ сажи, столько курицѣ внутрь яицъ.

Первымъ яйцомъ нужно потереть о печной очёлокъ и сказать:

«Куїн т̀ам̀а к̀івгуа коїса шеїзов, п̀ін і шіје капа коїса муӈ̀і».
Какъ эта печка дома стоитъ, такъ и ты, курица, дома кладись.

29. Курицу **садятъ на яйца**, когда гонятъ овецъ изъ поля.

«Куйн жі̄вватат туллах кѐрдах, нӣн і ті̀пат кѐрдах ві̄ді̀кк̀ах».
Какъ животныя идутъ сразу, такъ и цыплята сразу выходите.

30. Когда хозяйка идетъ въ огородъ **садить овощи** — заходитъ во дворъ, поколотитъ по нашести и скажетъ:

«Капазет, аштуккуа огордуа іссутамах, а куйн етт̀а ляђе іссутамах,
Курицы, пойдемте огородъ садить, а какъ не пойдете садить,
сел̀гіја л̀ахт̀екк̀іја і роймах».
не приходите и рыть.

31. **Передъ жнивомъ** подходятъ къ воротамъ, о столбъ трутъ поясницей и говорятъ:

«Куйн н̀ама в̀ерејане ававедел̀ліјеч̀ов да ей вайву, нӣн і м̀іун шівут
Какъ эти ворота открываются да не устаютъ, такъ и моя поясница (бока)
лумбуол̀ліјечекк̀ах ел̀гах вайбуокках».
пагибайся, не уставай.

Молитва передъ жнивомъ:

Господи Боже, пуђа Мару, туле шейчіменке чікокшенке арма-
Господи Боже, святая Марія, приди съ семью сестрами въ качествѣ
ђікс̀і абуз̀ікс̀і.
любимыхъ помощницъ [1].

Когда идутъ въ поле жать, пролѣзаютъ чрезъ крѣпкую изгородь и говорятъ:

«Куйн т̀ама айда луја, нін і м̀іун шівут олгах луја».
Какъ эта изгородь крѣпкая, такъ и мои бока пусть крѣпкіе.

32. Когда **приходятъ въ баню**, говорятъ:

«К̀ул̀уз̀еңі, л̀овл̀уз̀еңі, шаммал туккузеңі, пр̀ім̀і рабуа Огруо р̀іст̀і-
Баня, паръ, моховая кучка прими рабу Аграфену кре-
канжуа».
щеную.

33. Когда **выходятъ изъ бани**:

«Пасс̀ібо, к̀ул̀уне, к̀ул̀ветт̀аміа. Пасс̀ібо л̀овл̀уне л̀овл̀утт̀аміа. Кул̀уне
Спасибо, баня, покупавшись. Спасибо, паръ, попарившись. Баня
туатто, л̀овл̀уне муамо, в̀ејут в̀ел̀лі».
отецъ, паръ мать, вода братъ.

[1] Пср. II. II.

34. **Къ пасхѣ** во всѣхъ домахъ моютъ щелокомъ стѣны и потолокъ. Кто приходитъ въ домъ во время мытья, долженъ сказать:

«Л̀ебед̀іт л̀ен̀етт̀і валг̀іет ш̀івет т̀іан п̀ерт̀іх к̀ірвотеттіх».
Лебеди летѣли, бѣлыя крылья на вашу избу уронили.

35. **Дѣвица привораживаетъ парня** такъ: беретъ отъ хмеля стебель и съ нимъ незамѣтно обходитъ вокругъ парня три раза, говоря:

«Куйн он т̀ама к̀евнан ӯмбар̀і капг̀ешта к̀іар̀ічен, н̀ін т̀ама бр̀іђа
Какъ есть этотъ стебель вокругъ шеста обвинился, такъ этотъ парень
м̀івшта ел̀г̀ах ерокках».
со мной пусть не разстанется.

Л̀от̀он тр̀ан̀іччах к̀іар̀іја да панна куз̀іаз̀іх пежох, да куин
Лягушку въ тряпку завернуть да положить въ муравьиную кучу да какъ
лађет поіс, н̀̄ін ѐівоі каччуо тагахн̀айт̀ен. Јал̀г̀ех тулла да і оттуа
пойдешь прочь, такъ нельзя смотрѣть назадъ. Послѣ притти да и взять
л̀от̀ен лӯвт кл̀ӯкказен да шохкан̀е. Куйн ђімоттав шӯаччіс, н̀ін п̀ідав
лягушечьи кости крючекъ да вилку. Какъ хочется, чтобы полюбили, такъ нужно
кл̀ӯкказелла фат̀т̀іје бр̀іђуа, а куш еро̀іс шохказелла н̀ест̀іа».
крючкомъ захватить парня, а какъ отсталъ бы — вилкой оттолкнуть.

36. Когда **корову сглазятъ** и она перестаетъ доить — лѣчатъ крапивными корнями.

Куйн л̀еђма шувдел̀ічев, н̀ін п̀ідав тувва чилађазен јӯврда,
Какъ корова съ глаза броситъ доить, такъ нужно принесть крапивныхъ корней,
да і ђіеруа удар̀іје: ч̀илађазен ј̄увр̀і майјон пухкуав.
да и натирать вымя: крапивные корни молоко отпустятъ.

37. **Чтобы было больше сметаны**, парятъ подойникъ на порогѣ и въ подойникъ кладутъ:

Ђ́арран лӯв, к̀ер̀іччемет, ругеђіста ол̀г̀іје, калават к̀івут і мужікан
Бычачью кость, овечьи ножницы, ржаной соломы, горячихъ камней и мужской
п̀ијет̀ул̀іа шовалла каттуа да і ђавдуо.
ношеной рубашкой покрыть да и парить.

II. ПРИМѢТЫ.

1. Ка̀р̀гі ѝташті кра̀кетав, ѝін л̀ѝјев ѝіт̀ка кев̀іја, а куїн лу̀ђуӧшті

Куликъ протяжно кричитъ, такъ будетъ протяжная весна, а какъ коротко

лу̀ђут к̀ев̀іја.

короткая весна.

2. Куїн к̀ев̀іјал̀л̀а аївоїн ђан̀ѓст л̀ен̀ѝет̀ах, ѝін л̀ѝјет̀ах ђаллат.

Какъ весной рано гуси летятъ, такъ будутъ морозы

3. Ен̀ж̀імен шӳӧм̀ат̀т̀а ѝіӓт курѓ̀ілоїда јуѓ́іје вуож̀і л̀ѝјев.

Первый разъ не ѣвши увидишь журавлей — тяжелый годъ будетъ.

4. Конжка шӳӧм̀ат̀т̀а ен̀ж̀імен к̀улет к̀аѓ̀іје куккуомашша, ѝін

Когда не ѣвши первый разъ услышишь кукушка кукуетъ, такъ

рубіет каї̀н̀екші к̀еж̀іје л̀ӓзіем̀ах.

будешь все лѣто болѣть.

5. Куїн тулов к̀ев̀іјал̀л̀а ен̀ж̀ім̀ан̀е к̀ӓрбан̀е, ѝі̄н ѝід̀ав к̀ӓрбазен шорккуа

Какъ придетъ весной первая муха, такъ нужно муху за ногу

ѝідуо р̀іђмалла да муат̀іччах р̀іпут̄уо, чтобы тоїзет варатаїс̀.

привязать ниткой да на матицу повѣсить, чтобы другія боялись.

6. Конжка канат аївоїн муѝітах, ѝі̄н л̀ї̄јев аївоїн к̀ев̀іја.

Когда куры рано занесутся, такъ будетъ рано весна.

7. Канат куїн муѝітах, да м̀анет јаїч̀іја оттомах, ѝін еї ѝіје

Куры когда несутся, да пойдешь яйца брать, такъ не надобно

ѝежох ђенѓ̀іт̀тіја, а то канат еї рув̀етах муѝімах.

въ гнѣздо дышать, а то куры не будутъ нестись.

8. Конжка коїра лум̀еш̀а ѝіјекшич̀ов, ѝі̄н л̀ї̄ет̀ах шјӓјт.

Когда собака въ снѣгу катается, такъ будетъ плохая погода.

9. П̀елошта л̀овв̀ат шчокан, да ђамбађіса туот код̀іх, ѝін лут̀ікат

Въ полѣ найдешь чеку, да въ зубахъ принесешь домой, такъ клопы

кавотах.

пропадутъ.

10. Конжка п̀елошта л̀овв̀ат куол̄уон ч̀іђ̀іл̀ушкан, куїн туот код̀іх,

Когда въ полѣ найдешь мертвую ящерицу, какъ принесешь домой,

р̀іпутат муат̀іч̀ах, ѝін лут̀ікат кавотах.

повѣсишь на матицу, такъ клопы пропадутъ.

11. Тукат л̀уђен̀ѝат, ѝід̀ав панна камајах, чтобі кажваз̀ї̄т.

Волоса стрижешь, нужно положить надъ дверью, чтобы лучше росли.

12. Конжка м̀анет тарракканоїла еї ѝіје олла кођакк̀ех ӳӧл̀л̀оїд̀а,

Когда пойдешь таракановъ морозить, не должно быть четное число ночей,

а то тарракканат еї кавотах. П̀ід̀ав олла колм̀е, л̀ї̄бо в̀ї̄з̀і, л̀ї̄бо шеїчемен

а то тараканы не пропадутъ. Должно быть три, либо пять, либо семь

ӳӧл̀л̀оїд̀а.

ночей.

Какъ только начнутся морозы, крестьяне вымораживаютъ таракановъ въ своихъ домахъ; для этого переходятъ въ другую избу, а у кого нѣтъ—къ сосѣдямъ.

13. Лапшелла еннен вуотта кунжілоїда еївої - луђендіја, а то рувстах
У ребенка до году ногти нельзя подрѣзать, а то будутъ
куннетківістамах. Вайн воїт ђамбађіла пурра.
ногти болѣть. Только можно зубами откусывать.

14. Конжа куннет луђеннат, нін нідав куннет папна сізеліх: куолет,
Когда ногти стригутъ, такъ нужно ногти положить за пазуху: умретъ,
нін руајух новшеша рубіет неїста кунжузіста нізумах.
такъ, въ рай поднимаясь, будешь этими ногтями держаться.

15. Куні лапшелла ев ђамбађіје, нін еївої зіркалох ожутуа.
Пока у ребенка нѣтъ зубовъ, такъ нельзя въ зеркало показывать.
рубієв уолоїла поллаштеліјечемах.
будетъ ночью пугаться.

16. Тулов кулах падаnікка, нідав оттуо падаnікан ђејешта олгіјс
Придетъ въ деревню горшечникъ, нужно взять у горшечника изъ саней соломы
да напна јаічча пежох, чтобі руветаїс канат мунімах.
да положить въ гнѣздо, чтобы стали куры класться.

17. Конжа ђірет луадітах уладазех пежуо, нін леїба каллїс, а куїн
Когда мыши дѣлаютъ наверху гнѣзда, такъ хлѣбъ дорогой, а какъ
алађазех, нін ђуовіс.
внизу, такъ дешевый.

18. Куїн ашут каївошта шіріччі нідав рувахтіја, штобі вігађіне[1] еї
Какъ идешь мимо колодца нужно кашлянуть, чтобы болѣзнь не
тартуїс.
пристала.

19. Конжа тувлов, нін еївої ђавкуїчіја, а то вігађіне тартув.
Когда сильный вѣтеръ, такъ нельзя ругаться, а то болѣзнь пристанетъ

20. Конжа шован омбелет, да ріннан леікуат, нін нідав лентане
Когда рубаху шьешь, да воротъ вырѣзаешь, такъ нужно лоскутокъ
пілкуа лабі шовашта лашкіје, штобі рікош еї тартуїс.
вырѣзанный сквозь рубашку пропустить, чтобы порча не пристала.

21. Кен шуов паккујазін палуа шіх рістіканжах еї тартув шув-
Кто ѣстъ нищихъ куски, тѣмъ крещенымъ не пристанетъ отъ
делуш.
глаза болѣзнь осуда.

22. Куїн шувва јалгімазен ђалленун піруан, нін наїмата іјат.
Какъ ѣсть послѣдній расколотый пирогъ, такъ холостымъ останешься.

---

[1] Вігађіне — болѣзнь отъ чего-либо приключается, гдѣ пройдешь не благословясь, напр. въ воротахъ, во дворѣ, у воды, но не отъ простуды.

23. Бр̀іђа шӱ̀ов jал̀г̀імазен каккаран, н̀ін ӓ̀jе суатачов, да еї
Парень съѣстъ послѣднiй блинъ, такъ многихъ посватаетъ, да не
аппста, а куїн т̀ут̀то шӱ̀jов jал̀г̀імазен каккаран, н̀ін ђ̀ӓпен шулађап̀е
выдадутъ, а какъ дѣвушка съѣстъ послѣднiй блинъ, такъ ся женихъ (сперва)
каїк̀іjе суатаїчов, ш̀ід̀а і ђ̀ӓпд̀а.
всѣхъ посватаетъ, потомъ и се.

24. Куїн п̀ез̀іjечем̀ат̀та ш̀ӱjот, н̀ін рубіjев ђ̀епг̀іjе полтамах.
Какъ не умывшись поѣшь, такъ будетъ душу жечь.

25. К̀еп к̀івгуан jат̀тав кађаллех, же куїн куолов, н̀ін jав шув
Кто печку оставитъ открытой, то какъ помретъ, такъ останется ротъ
кађаллех.
открытымъ.

27. Jаблокка п̀іруалла еївої род̀ітел̀еїд̀а муїселла: р̀іӓхк̀а.
Картофельными пирогами нельзя родителей поминать: грѣхъ.

28. Іккунашта еївої куадуа в̀ета і н̀ім̀ід̀а, а то валат род̀іт̀ел̀еін[1]
Изъ окна нельзя выливать воду и ничего, а то обольешь родителямъ
пijах.
головы.

29. Куїн в̀уат̀ті рокках, л̀ібо ђерп̀ех рокках руб̀іет муроттомах л̀еїб̀іjе
Какъ въ постныя щи, либо въ горохъ, будешь крошить хлѣбъ.
н̀ін п̀ід̀ав каїк̀ілла муроттуа[2]: конжа куолет, н̀ін еї п̀ід̀аїс̀ п̀ік̀ед̀а ташіjе
такъ нужно всѣмъ покрошить: когда умрешь, такъ не нужно никого тащить
шел̀л̀аша тул̀ізешта jов̀ешта п̀іӓл̀іччі.
на спинѣ черезъ огненную рѣку.

30. Конжа л̀еїкуат л̀еїб̀іjа луаіт м̀овкух ђауван, н̀ін л̀іjсп̀ет к̀евђ̀а.
Когда рѣжетъ хлѣбъ, сдѣлаетъ на караваѣ яму, такъ будетъ бѣдный,
а куїн горан л̀іjеп̀ет борђатта.
а какъ горой — будетъ богатый.

31. Столашша еївої кажот̀ел̀іjеч̀іjе, а то еїл̀іjе вӓг̀іjе.
За столомъ нельзя тянуться, а то не будетъ силы.

32. Конжа коїра ђавкув паккув л̀еїб̀іjа, да ет аппет, н̀ін шіл̀мах
Когда собака лаетъ, проситъ хлѣба, да не дашь, такъ на глазу
кажвов п̀ап̀і.
выраститъ ячмень.

33. Куїн лапші ш̀уп̀д̀ув суамо епжім̀а соска п̀ід̀ав луад̀іjе л̀еїв̀ашта,
Какъ ребенокъ родится, самую первую соску нужно сдѣлать изъ хлѣба,
штобі руб̀іс̀ шуач̀емах аштоїjа.
чтобы сталъ любить боронить.

---

[1] Род̀іт̀елат — умершiе родные.

[2] Муроттуа — покрошить всѣмъ, — т. е. помянуть всѣхъ сидящихъ за столомъ

34. Конжа бріӄачуіӈе енжімен наградав. ӥӈ ӥдав ӄірвеӆен варрела
Когда мальчикъ въ первый разъ засмѣется, такъ нужно на топорище
шеізатуа, штобі ліейс раденје плотнікуіја.
поставить, чтобы было старанье плотничать.

35. Конжа туттоӈе енжімен награлдав, ӥӈ ӥдав куожеліјла
Когда дѣвочка въ первый разъ засмѣется, такъ нужно на прялку
ісуттуа, ӥӈ лів раденје кезраӷа.
посадить, такъ будетъ старанье прясть.

36. Кеп ӥундv кежалла — корват ӥувгутах ламбімікеі, кеп ӥундv
Кто родился лѣтомъ — уши чешутся къ теплу, кто родился
ӥугужулла, — корват ӥувгутах віӆмоккеі, кеп талвелла — вілулоікеі.
осенью — уши чешутся къ дождю, кто зимой — къ холоду.

37. Лапшелла оллах умбарі кӓзіста рубчат, же лапші куолов.
У ребенка есть вокругъ руки рубцы, тотъ ребенокъ умреть.

38. Каіволла еівоі ӥувва, а то каівох манов ӆірі.
На колодцѣ нельзя ѣсть, а то въ колодецъ попадетъ мышь.

39. Казі овенщувша пезічов, ӥдав тувва казін парашшоӈіх і
Кошка у порога моется, нужно принести кошку на середину пола, и
куш столантагах манов, ӥӈ тулов почотноі госта, а куӥ манов јарелла
какъ къ столу пойдетъ, такъ придетъ почетный гость, а какъ пойдетъ обратно
овеншув тулов паккуӈе, а куӥн манов ківгуалла — тулов едаӆӓне госта
къ дверямъ — придетъ нищій, а какъ пойдетъ на печку — придетъ дальній гость
кулманӥух, ӥӈ манов ківгуалла ламбічімах.
озябшій, такъ пойдетъ на печку грѣться.

40. Овелла кешкех јаллан ліччуат, ӥӈ тулов госта.
Между дверью ногу зажмешь, такъ придетъ гость.

41. Казі іступ ӆінгалола, ӥӈ ліјетах вілут.
Кошка сидитъ на шесткѣ, такъ будутъ холода.

42. Ӆебозела еівоі казіје ведіја, а то руветах живатат лапгіјемах.
На лошади нельзя кошку везти, а то будетъ скотъ падать.

43. Келла шувӆутах кулмат, ӥӈ ліјев ӆуігіје.
У кого чешутся брови, такъ будетъ стыдно

44. Нӯорілла наізілла еівоі ӥувва каӆенулазен ӥіјамен ӥруа, а то
Молодой женщинѣ нельзя ѣсть со смѣшанной начинкой пирогъ, а то
рубіев какшузіе лапшіје шуамах.
будетъ двойни рожать.

45. Конжа шуароккоӈе огурча каживав еівоі нӯорілла наізілла ӥувва,
Когда двойной огурецъ выростетъ, нельзя молодой женщинѣ ѣсть,
а то рубіев какшузіе лапшіје шуамах.
а то будетъ двойни рожать.

46. Конжа ківгуах панет какші ђалгуа ухтех пувтуннуот ніи рубіет
(не совсѣмъ расколотыхъ)
Когда въ печку положишь два полѣна вмѣстѣ запутанныхъ, такъ будешь
какшузіе шуамах.
двойни родить.

47. Конжа каждвав шуарокконе тахкане, нін нідав ламбаділла
Когда выраститъ двойной колосъ, такъ нужно овцѣ
шуоттіја, штобі рубеіс какшіе вуонназіе кандамах.
скормить, чтобы стала по два ягненка приносить.

48. Конжа істуічіт шуомах кумбазешта кођеп, шіда кођеп новже,
Когда сядешь ѣсть на которое мѣсто, съ того мѣста встать,
а умбарі столашта еівоі проіліја: лів аіја лашта.
а вокругъ стола нельзя пройти: будетъ много дѣтей.

49. Кохтузелла сівоі шувва лувкуа, а то лів іткурі лапші.
Беременной нельзя ѣсть лукъ, а то будетъ плакса ребенокъ.

50. Конжа рубіет латетта пежемах, да сверезі кашат, нін лів
Когда будешь полъ мыть, да платье замочешь, такъ будетъ
јуомарі мужікка.
пьяница мужъ.

51. Конжа шуот да столан кашшат, лів јуомарі мужікка.
Когда ѣшь да столъ замочишь—будетъ пьяница мужъ.

52. Конжа латетта рубіет пувкімах і ђулгіат, да туаш рубіет
Когда полъ будешь подметать и перестанешь да опять будешь
пувкімах, то куін манет міеђелла і мужікка рубіев пергамах, нін пергав,
подметать, то какъ выйдешь замужъ и мужъ будетъ бить, такъ бьетъ,
пергав да ђулгіав і јарелах рубіев пергамах.
бьетъ да перестанетъ и снова будетъ бить.

53. Пуђіппаівоіп аівоіп шуот, нін мужікка лів рубінаго.
Въ воскресенье рано ѣшь, такъ мужъ будетъ рябой.

54. Конжа рокках шуолуа паппах ђамменнетах, нін шіллоін еівоі
Когда въ похлебку соль кладутъ и мѣшаютъ, такъ тогда нельзя
роккуа шувва, а то рубіет паісеша ђаммендамах.
похлебку ѣсть, а то будешь въ разговорѣ мѣшаться.

55. Толтушкашта еівоі шувва, а то рубіет јога паіккуа толкуімах.
Съ толтушки нельзя ѣсть, а то будешь обо всемъ толковать.

56. Ђаркімешта еівоі шувва, а то рубіет ђаммендамах.
Съ мутовки нельзя ѣсть, а то будешь мѣшаться (что попало говорить).

57. Конжа кенгічет сівоі вірта лавлуа, а то јакшуачіјес рубіет
Когда обуваешься, нельзя пѣсню пѣть, а то, разуваясь, будешь
іткемах.
плакать.

58. Лаб̀і с̀јеглашта еївої каччуо, а то шіл̀м̀ат руветах к̀ів̀істем̀ах.
Чрезъ рѣшето нельзя смотрѣть, а то глаза будутъ болѣть.

59. Еївої с̀јеглуа панна п̀ј̀ах, а то ет руб̀іе кажвамах.
Нельзя рѣшето класть на голову, а то не будешь расти.

60. К̀еп к̀ед̀а іг̀ав̀оіч̀ов, н̀ін п̀ід̀ав л̀аб̀і с̀токлазешта шӯвдуа андуа.
Кто по комъ скучаетъ, такъ нужно чрезъ стекло поцѣловаться.

61. К̀ел̀л̀а к̀еда он іг̀ава, н̀ін п̀ід̀ав м̀анна в̀ер̀еј̀іл̀л̀а да муїселла
Кому по комъ есть скучно, такъ нужно итти къ воротамъ да помянуть
м̀ечашта л̀оув̀еттуа̀л̄ л̀еїб̀азел̀л̀а.
въ лѣсу найденнымъ хлѣбомъ.

62. К̀ен л̀ахт̀ов суа̄д̀ібах п̀ід̀ав панна јалачч̀іх шіан пабнашта
Кто пойдетъ на свадьбу, нужно положить въ обувь изъ свиного хлѣва
олгіје, штобі рікош еї тарттуїс̀.
соломы, чтобы порча не пристала.

63. К̀ен л̀ахт̀ов суа̄д̀ібах панов ђелмах п̀ерӓттом̀ан п̀іеглуа, вађнуо
втыкаетъ
Кто пойдетъ на свадьбу, кладетъ въ подолъ безъ ушей иголки, старой
вашк̀іје кандах і агануа[1] јалаччіх, штобі рікош еї тартуїс̀.
мѣди подъ пятку и шелуху въ обувь, чтобы порча не пристала.

64. Моржіјен м̀анов јал̀г̀ім̀аїзех керрах к̀ул̀ух, н̀ін істуочов шовалла
Невѣста пойдетъ послѣдній разъ въ баню, такъ садится на рубашку
полат̀ізілла да і ђ̄іруч̀ов шуолаа̄. Шуолат к̀ірвотах шовалла, п̀е шуолат
на полати да и вытирается солью. Соль падаетъ на рубашку, эту соль
керат̀ах і паннах шіјам̀іл̀оїх, да шулађазелла і моржіем̀ел̀ла шӱ̆от̀ет̀ах,
собираютъ и кладутъ въ начинку (въ пирогъ) да жениха и невѣсту кормятъ,
чтобі л̀іен̄̀іс̀ согласт̀је.
чтобы было согласіе.

65. Конжа моржіем̀елла еннен в̀енчуа к̀ул̀уӧ л̀амм̀іт̀ет̀ах, н̀ін к̀егл̀ѐђіе
Когда для невѣсты передъ вѣнцомъ баню топятъ, такъ головешки
еївої колотт̀іе, штобі шулађаіе еї п̀ергаїс̀ моржінда.
нельзя колотить, чтобы мужъ не билъ молодуху.

66. Конжа моржіен енжім̀аіе тулов к̀ул̀ух, н̀ін вез̀і пуїзелла
Когда молодуха первый разъ придетъ въ баню, такъ на водяную кадку
ђеіт̀ав к̀аз̀інаїкан, штобі к̀ул̀ун ђалдіје руб̀еіс̀ п̀р̄ім̀імах.
положить полотенце, чтобы домовой бани сталъ принимать.

67. В̀енчалда туллешта кумбаіе ед̀ізе пагавтав, н̀ін же л̀̄ів
Послѣ вѣнца который впередъ заговоритъ, такъ тотъ будетъ
нуоремб̀і.
младшій.

---

[1] агана — шелуха отъ ячменныхъ крупъ.

68. Моржіен да шулаҕане конжа туллах ѐпчалда, ни̃н енжімен туло
Невѣста да женихъ когда пріѣдутъ отъ вѣнца, такъ впередъ идетъ
дружка плетілла пувків дорогуо, штобі рікош ей тартуйс.
дружка, плетью разметаетъ дорогу, чтобы порча не пристала.

69. Шулаҕане да моржіен тулла ѐпчалда, ни̃н шулаҕазен туатто
Женихъ да невѣста идутъ отъ вѣнца, такъ жениховъ отецъ
ѐішков озруа, а ҕіäт фатайjах і äйjаго озраста попадів кадех, же лjев
бросаетъ жито, а они хватаютъ, и сколько жита попадетъ въ руки, столько будетъ
і ожаста.
и счастья.

70. Конжа моржіен тулов ѐпчалда пертіх, ни̃н підав іллакказех
Когда невѣста придетъ отъ вѣнца въ домъ, такъ нужно тихонько
шануа: «ҕукка пертіх, ламбаҕат лавчан алла», ни̃н рувстах кайкін ҕайда
сказать: «волкъ въ домъ, овцы подъ лавку», такъ будутъ всѣ ея
варајамах.
бояться.

71. Конжа суадбах айгах руветах пурділох денгуа ѐішкомах: ку
Когда на свадьбѣ будутъ въ блюдо деньги бросать: какъ
шулаҕазен канжовех енамман ѐішкотах, ни̃н шулаҕане ей мане ҕебозіх,
жениxова родня больше набросаетъ, такъ женихъ не пойдетъ за лошадьми
а куп моржіемен канжовех енамман, ни̃н ҕіäн ей лаҕе ҕебозіх.
а какъ невѣстина родня больше, такъ она не пойдетъ за лошадьми въ поле.
(Не будетъ младшею въ семьѣ. Деньги изъ блюда отдаютъ невѣстѣ).

72. Суадбах айгах шулаҕазен канжовех ѐішпотах раҕат, а тоіса (денгат)
На свадьбѣ жениxова родна бросаетъ деньги, а на другой
піäна пуорі моржіен пертіjе пувків, да раҕат керіäв, штобі боҕатта еліä.
день молодая избу подметаетъ да деньги собираетъ, чтобы богато жить.

73. Моржіемелла тоіса піäна підав шувва столалда мурозіjе, штобі
Молодухѣ на второй день нужно ѣсть со стола крошки, чтобы
ей лієніс ҕімолоіда.
не было прихотей при беременности.

74. Моржіемелла енжімане паіва аппетах ѐіллуа кезрата, штобі лієніс
Молодухѣ въ первый день даютъ шерсть прясть, чтобы стало (было)
пеҕміембі шіjамі, ей рубеіс ріделемах.
мягче сердце, не стала бы ругаться.

75. Конжа моржіен енжімазен керран лахтов ҕалгуо туомах і äйjаго
Когда молодуха въ первый разъ пойдетъ за дровами и сколько
ҕаллоста панов ушках, ни̃н же і лашта лієнев.
полѣнъ положитъ въ охапку, столько и дѣтей будетъ.

76. Конжа олутта паннах еївоі каккаруа паїстуа, а то лїв олут
Когда пиво ставятъ варить, нельзя блины печь, а то будетъ пиво,
куїн кїежа.
какъ жижа (овсяная, изъ которой варятъ кисель).

77. Олутта руветах кавтамах, ніін паннах тордон куїн лате ўлчі
Пиво будетъ бродить, такъ ставятъ дощанъ: какъ у пола доски вдоль
і торда ўлчі, а то еї рубіе олут кавелемах.
и дощанъ вдоль по полу, а то не будетъ пиво ходитъ.

78. Конжа лађет олух вашшен шенніїа туомах, манет талох
Когда пойдешь для пива дрождей принести, придешь въ другой домъ
еівоі істуочі, а підав шеїзуо, чтобі рубеіс олут боїко кавелемах
нельзя сѣсть, а нужно стоять, чтобы стало пиво бойко ходить.

79. Конжа олутта паннах, еівоі кісєлїје кеїтіа, а то лів муїгіе
Когда пиво ставятъ, нельзя кисель варить, а то будетъ кислое
олут.
пиво.

80. Куїн ашшут куние да вашшан поткуат, ніін лїјев артелїса
Какъ идешь куда да вѣникъ толкнешь ногой, такъ будетъ въ компаніи
ђуїгіје.
стыдно.

81. Поїкі дорогашта ђўпіјав јаніс, еі лїјс ђўва, а куїн ўлчі
Поперекъ дороги пробѣжитъ заяцъ—не будетъ хорошо, а какъ вдоль
дорогашта лїјев ђува.
дороги — будетъ хорошо.

82. Кен ўолла бріідів підав ђебозін ђіјавнешта јувва.
Кто ночью бредитъ, нужно лошадиными остатками поить.

83. Кевіалла енжімане укко урајав — підав куккуовіјаила,
Весной въ первый разъ громъ гремитъ — нужно перековырнуться черезъ
штобі леікатешша еі ківістаіс шівут.
голову, чтобы въ жниво не болѣла поясница.

84. Лоттуо еівоі тапуа, а то лебмат руветах верда лушпамах.
Лягушку нельзя убивать, а то коровы будутъ кровью доить.

85. Конжа лебма лушшав верда, ніін підав окшашта колчазешта
Когда корова доитъ кровью, такъ нужно отъ сучка въ колечко
лабі лушшіја.
(чрезъ) подоить.

86. Аїзашта піаліччі манет, ніін лїјетах јаніксен куннет шормілоіса.
Перешагнуть чрезъ оглоблю, такъ будутъ заячьи ногти на пальцахъ.

Другіе назвали «ораван куннет» — бѣлячьи ногти. «Заячьи ногти» — заусеницы около ногтей.

III. ЗАПЛАЧКИ.

1. Плачутъ и причитаютъ, когда провожаютъ мужа на войну.

Ох, шiјe мiвн валмоваштiнехут, куйн шiјe јӓттелет мiјат омiнке iђалойнке
Охъ, ты мой мужъ, какъ ты оставляешь насъ со своими малыми

iјатсттузiнке. Куйн шiје рубiет сруолемах елавiна ерозiна омiста iјатетте-
дѣтушками. Какъ ты будешь разставаться съ живою разлукою съ своими дѣтуш-

зуста i мiвшта iгавлунiузешта iђозешта. Куйн шiје лахтепiет iђалойда iлмазiе
ками и съ моимъ грустнымъ лицомъ. Какъ ты пойдешь по бѣлому

мӱӧтен лiдалiсчемах, лiвађiна лiндузiна. Емма же мӱӧ шiлма шуорiттеле
свѣту метаться, запутанной птицей. Не мы тебя сряжаемъ

кiређiзе кiрiккозiх каллеђiлла вуожiста вуоттетавiлла пруазнiкказiлла, вайн
спѣшно въ церковь па дорогой годовой ожидаемый праздникъ, только

мӱӧ шiлма шуорiттелемма iгавiх дорогазiх шӯврiх сруастiзiх валлiста
мы тебя сряжаемъ въ скучную дорогу на большую страсть готовое

вайбуннутта вардалоста. Вайн шiје лађет шӯврiх сруастiзiх, шӯврiе
усталое тѣло. Только ты пойдешь на большую страсть, большое

горазiе куалеломах, вайн шiвн вайбуннун вардалозен шӯорiтетах iгавiх
горе въ себѣ носить, только твое усталое тѣло срядятъ въ скучную

шiнелiзiх i кiнiтеллах нойла кiндейлла вӱӧ ремеiiзiлла. Вайвутеллах
шинель и укрѣпятъ ее подвяжутъ поясомъ ремепнымъ. Устанутъ

шiвн олгунiат јӯгейла ранчазiлла. Панна шiвн ранчазiн кайкiксi
твои плечи отъ тяжелаго ранца. Положатъ въ твой ранецъ на все время

куллазiксi кӯвжi кӯвхiзiс куйвiе сӯхкарiзiс, рубiет вайн шiје куллателiчемах
ѣды шестимѣсячные сухiе сухари, будешь только ты наѣдаться

куйвiлла зӯхкарiзiлла, ведрађiлла везi рандазiлла јуомах i рубiет вайн шiје
сухими сухарями, изъ ведра воду черезъ край пить и будешь только ты

дӯмаймах омiе каллеђiе кулла веразiе. Лађет вайн шiје равда рагеђузiе
думать про свою дорогую всякую ѣду. Пойдешь только ты желѣзный градъ

вашгуалла, туловiе тулi туккузiе. Вайн шiје рубiет кiрјутелламах
встрѣчать, летящiя огненныя кучи. Только ты будешь писать

нойла кiрјавiлла кiрја палазiла, рувеннет го шiје кiрјуттеломах муш-
на этихъ исписанныхъ письма кускахъ, будешь ли ты писать чер-

лазiлла чернiлазiлла, алi вайн шiје рувеннет кiрјуттеломах нойла омiллаш
ными чернилами, или только ты будешь писать эти своими

кӯлла кувнелузiлла.
полными слезами.

2. Плачетъ невѣста послѣ рукобитія.

Ох, шiје мiвн каллеђут кулланармоне, елгiакке туӧ кiрахтаккiа мiвлда
Отъ, ты мой дорогой кормилецъ, не надо вамъ спѣшить мнѣ

кавотелла валгейда валдазiе, хот мiе леммегелiечiзiн лембiлентазiе, хот
потерять бѣлую волюшку; хоть я сряжалась бы въ дорогiя ленты, хоть

м̀іе ӯђен вӯввун ом̀ілла валгеіла м̀іел̀івалдаз̀ілла валлотел̀ієчез̀ін, хот̀ м̀іе
я один годъ на своей вольной нравящейся погуляла бы, хоть я
в̀іел̀а ӯђен к̀ерг̀ев̀ан к̀ежазен м̀іе к̀і̄рахтел̀із̀ін к̀і̄рећіл̀л̀а к̀іргу руадоз̀іла
еще одно наступающее лѣто я поспѣвала на спѣшную работу,
ом̀і̄л̄а в̀ешел̀і̄л̄а горакондуз̀і̄л̄а. А н̀ут м̀іе ваін рубіен в̀іерађілла кондуз̀і̄л̄а
на свои веселыя горы-поля. А теперь я только буду на чужомъ полѣ
л̀ід̀іјал̀ієчем̀а, куін іг̀авд̀унун л̀івађан̀е л̀індун̀е. Куот̀елен м̀іе шівла куруо-
метаться, какъ тоскующая запутанная птичка. Пытаю я тебя упра-
л̀іеч̀іе кайк̀іх луадуз̀іх, ушто шівла кайк̀і омат м̀іел̀ев̀ат шулашана
шивать на всѣ лады; должно быть, тебя всѣ свои хорошіе сладкорѣчивые
сус̀і̄дазет со̄в̀іетаіде, т̀і̄н шіје кайк̀і омат ђајузет ђанк̀іал̀іт м̀іви іг̀авд̀унун
сосѣди совѣтовали, такъ ты всѣмъ своимъ умомъ надумалъ мое печальное
іђозен іг̀авт̀ійл̀іт і кавотіл̀іт валг̀іет валдаз̀іе. Куін к̀ерг̀іел̀л̀а вӯв̀вешта
лицо опечалилъ и потерялъ свѣтлую волю. Какъ поспѣютъ цѣлый годъ
вуотетузет каллеђет вӯожі пруа̄зн̀іккат, рув̀етах іччіен іг̀еђіказет шідвојат
ожидаемые дорогіе годовые праздники, будутъ мои ровесницы
шіжарчіккозет куалеломах армађізе арт̀ел̀із̀іх і рув̀етах в̀і̄рађт̀ел̀ем̀а в̀ешшел̀і
подружки гулять въ любимой артели и будутъ пѣть веселыя
в̀іржі шаноз̀іе, а м̀іе л̀іеш̀ін кун муіста мувтетун̀е іг̀авд̀уннун іђозен.
пѣсни и слова, а я буду, какъ подмѣненная, со скучнымъ лицомъ[1].

---

[1] За время печатанія настоящей статьи въ Финляндіи вышелъ въ свѣтъ сборникъ образцовъ народныхъ произведеній карелъ: Joh. Kujola Karjalan kielen opas Kielennäytteitä ja sanasto. Helsinki, 1922 въ серіи Hülfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen III, въ изданіи Société Finno-Ougrienne, въ которомъ помещенъ рядъ записей, сдѣланныхъ авторомъ въ Тверской губ. въ 1912 г. (см. JSFOu XXIX, 4. Compte rendu annuel. Année 1912).

На стр. 39—40 названнаго сборника помѣщенъ заговоръ отъ боли, записанный въ Толмачевской вол., Бѣжецкого у., чрезвычайно близкій къ заговору № 8 (стр. 613) настоящей статьи. *П. П.*

Б. Б. Барадійнъ.

Бесѣды буддійскихъ монаховъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Тибетскій оригиналъ настоящаго перевода принадлежитъ перу популярнаго лавранскаго ученаго писателя-перерожденца Гунтанъ Данби-донме[1] (1762—1828 гг.). Собраніе сочиненій этого ламы въ 11 томахъ имѣется въ числѣ вывезенныхъ нами изъ Лаврана (въ 1907 г.) тибетскихъ книгъ (см. коллекцію Барадійна № 4,—въ Азіатскомъ Музеѣ РАН). Оригиналъ этого перевода помѣщается въ 11 томѣ собранія сочиненій автора, всего 16 л. большого тибетскаго формата, подъ заглавіемъ: ཟློས་གར་གྱི་བསྟན་བཅོས་ཡང་དག་ལམ་དུ་བགྲོ་བའི་རོལ་རྩེད་ཅེས་བྱ་བ, т. е. «Драматическое твореніе,—поэтическая игра, ведущая на путь истины». Содержаніе этой небольшой книжки представляетъ собесѣдованія на религіозныя темы четырехъ буддійскихъ монаховъ,—индійца, тибетца, монгола и китайца, говорящихъ каждый на своемъ родномъ языкѣ. Индіецъ говоритъ на санскритѣ, который по плохому знанію автора представленъ въ весьма неправильномъ видѣ; тибетецъ говоритъ на своемъ обычномъ книжномъ языкѣ; монголъ—на своемъ книжномъ монгольскомъ языкѣ съ нѣкоторой примѣсью живого собственно-монгольскаго (чахарскаго) нарѣчія; а китаецъ говоритъ, видимо, тоже на своемъ книжномъ языкѣ. При этомъ главными собесѣдниками являются тибетецъ (Ширапъ) и монголъ (Биликъ); индіецъ (Праджня) является авторитетомъ, разрѣшающимъ разногласія собесѣдниковъ, а китаецъ (Цэ хуэ)—руководителемъ собесѣдованій.

Рѣчь каждаго изъ нихъ (кромѣ тибетца) передана въ тибетской транскрипціи и снабжена подстрочнымъ тибетскимъ переводомъ.

Насколько намъ извѣстно, книжка эта представляетъ единственное въ своемъ родѣ тибетское произведеніе и является весьма любопытнымъ матеріаломъ для лингвистовъ-оріенталистовъ. Поэтому слѣдовало бы сначала издать самый текстъ. Но мы рѣшились пока дать одинъ лишь переводъ,

такъ какъ онъ будетъ необходимъ для изученія текста, который, надѣюсь, будетъ изданъ въ недалекомъ будущемъ. Кромѣ того содержаніе книжки въ переводѣ, не претендуя на литературность, не лишено нѣкотораго интереса для этнографовъ и для спеціалистовъ по буддизму.

Переводъ нашъ сдѣланъ всецѣло съ тибетской части оригинала, такъ какъ она, вполнѣ естественно, представлена авторомъ несравненно литературнѣе, чѣмъ рѣчи индійца, монгола и китайца, да и къ тому же она вмѣстѣ съ монгольской частью была наиболѣе доступна для насъ. Что касается санскритскаго и китайскаго текстовъ въ транскрипціяхъ, то послѣдній для насъ совершенно не доступенъ, а первый представленъ въ такомъ видѣ, что едва-ли будетъ понятъ даже самымъ лучшимъ санскритистомъ.

Имена четырехъ монаховъ въ точной транскрипціи: 1) པྲཛྙཱ = Prajñā, индіецъ; 2) ཤེས་རབ = Çes-rab, тибетецъ; བི་ལིག = Bilig, монголъ, и 4) ཚེ་དཔེ (иногда ཚཻ་དཔེ) = Ce-dpē, китаецъ. Эти имена, однозначущія слова «разумъ», «мудрость», — будутъ переданы въ текстѣ перевода по порядку словами: Праджня, Шрапъ, Биликъ и Цэ хуэ (по лавранскому произношенію). По любезному сообщенію В. М. Алексѣева, имя Цэ хуэ соотвѣтствуетъ іероглифу 智 慧 = чжи хуй.

Авторъ книги, по происхожденію амдоскій тангутъ, родился въ 1762 г., въ амдоской мѣстности «Нижней Зоргэ» (མཛོད་དགེ་སྨད), недалеко отъ монастыря Лаврана[2]. Съ юныхъ лѣтъ отправившись въ Центральный Тибетъ, онъ поступилъ въ знаменитый брайбунскій гоманъ-дацанъ[3] (одинъ изъ философскихъ факультетовъ въ монастырѣ Брайбунѣ[4], близъ Лхасы), гдѣ онъ получилъ высшее религіозно-философское образованіе. Затѣмъ онъ вернулся въ родной Лавранъ, гдѣ протекла вся его учено-литературная и преподавательская дѣятельность. Онъ былъ 21-мъ тронным ламой Лаврана и считался перерожденцемъ 50-го златотроннаго (близъ Лхасы) ламы Тичэнъ Гунтанъ Гендунъ-пунцока[5] (1648—1724 гг.) въ монастырѣ Галданѣ[6]. Умеръ онъ въ Лавранѣ въ 1823 году.

Въ Лавранѣ нынѣ существуетъ обширный дворъ перерожденцевъ Гунтанъ-цана[7]. Между прочимъ въ его дворѣ находится знаменитая лавранская святыня Храмъ-Субурганъ, воздвигнутый авторомъ переводимой нами книги. Описанію этой святыни авторъ посвятилъ особую книгу, русскій переводъ которой приготовленъ нами къ печати въ *Bibliotheca Buddhica*. Кромѣ этихъ свѣдѣній объ авторѣ, см. нашу статью «Цамъ Миларайбы» (изъ жизни въ Лавранѣ) въ «Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина» («Записки ИРГО по Отдѣленію Этнографіи», томъ XXXIV).

Относительно собранія сочиненій автора слѣдуетъ сказать, что большая часть ихъ носитъ характеръ учебной литературы по разнымъ отдѣламъ цанида (философіи буддизма). Наиболѣе крупнымъ изъ его сочиненій является двухтомное жизнеописаніе извѣстнаго писателя-перерожденца Туганъ-хутухты Ловсанъ Чойжи-нимы [8] (1737 — 1802 гг.), автора чрезвычайно важной для изученія тибетскихъ сектъ книги «Исторія и теорія религіозныхъ ученій Востока» (ཕྱི་ནང་གྲུབ་མཐའ་ཐམས་ཅད་ཀྱི་ཁུངས་དང་འདོད་ཚུལ་སྟོན་པ་ལེགས་བཤད་ཤེལ་གྱི་མེ་ལོང, см. Xyl. Q. 344, — въ библіотекѣ Петроградскаго Университета). Что касается значенія книги для самого автора, то надо замѣтить, что авторъ хотѣлъ дать маленькую религіозную «драму» въ подражаніе индійской драмы — на разныхъ языкахъ. Какъ извѣстно, индійскія драмы часто составлялись въ такой формѣ, что дѣйствующія лица одной и той же драмы представлены разговаривающими на разныхъ нарѣчіяхъ Индіи. Это нѣсколько странное для европейца явленіе считалось въ Индіи вполнѣ допустимымъ, и необходимымъ требованіемъ высшаго драматическаго искусства было знаніе актерами главнѣйшихъ языковъ и нарѣчій Индіи. Въ этомъ выражается свободный по природѣ духъ индійца въ вопросахъ сосуществованія и развитія отдѣльныхъ языковъ и религій. Для индійца даже не существовало сомнѣнія въ томъ, должны ли жить рядомъ, или нѣтъ, отдѣльные языки или религіозныя ученія. Поэтому индійцамъ не были извѣстны «свобода языка», «свобода совѣсти» и т. п. европейскія понятія, которыя необходимо предполагаютъ существованіе противоположныхъ имъ понятій. Такимъ духомъ индійской культуры проникнуты въ той или иной степени всѣ тѣ страны Востока, куда была занесена индо-буддійская культура, въ томъ числѣ Тибетъ и Монголія. Авторъ настоящей книги, какъ питомецъ наслѣдія той же индо-буддійской культуры, написалъ въ подражаніе индійской драмѣ свою «драму», дѣйствующія лица которой говорятъ каждый на своемъ родномъ языкѣ. И идея автора въ данномъ случаѣ была та, чтобы индіецъ, тибетецъ, монголъ, китаецъ и всякій другой, говоря каждый на своемъ языкѣ, свободно понимали другъ друга и достигли пониманія истинъ религіи Будды. Отъ души привѣтствуя эту высокую идею автора, мы однако не рѣшились дать его книгѣ громкій титулъ «драма», но даемъ ей скромное и вполнѣ отвѣчающее ея содержанію заглавіе «Бесѣды буддійскихъ монаховъ», стремящихся путемъ мирныхъ бесѣдъ на религіозныя темы придти къ общему согласію.

Переводъ нашъ сдѣланъ по возможности точный. При этомъ мы не были сторонниками педантической буквальности, но въ то же время старались не искажать смысла и стиля выраженій автора. Мѣстами встрѣчаются перечисленія голыхъ техническихъ терминовъ, которые для незнакомыхъ

съ предметомъ остались бы совершенно непонятными. Въ такихъ случаяхъ приходилось иногда прибѣгать къ толковательнымъ переводамъ. Кромѣ этого, въ концѣ мы даемъ примѣчанія ко всѣмъ словамъ, требующимъ объясненія.

Бесѣды буддійскихъ монаховъ.

Вступительная молитва автора, обращенная къ Буддѣ.

«Преклоняюсь Мудрецу, Который проникновеннымъ знаніемъ[9] *слова* и *мысли, геніальности ума* и *выразительности рѣчи,* исполняетъ идеалы живыхъ существъ. И мнѣ приличествуетъ готовить почву для созиданія подобнаго рода дѣяній Будды».

Собрались вмѣстѣ и бесѣдуютъ между собою: индійскій учитель Праджня, тибетскій монахъ Ширанъ, монгольскій монахъ Биликъ и китайскій монахъ Цэ хуэ.

Цэ хуэ. Индія — родина Закона[10]. Нынѣ же по распространенности Закона Тибетъ и Монголія являются счастливыми странами. Поэтому вы, индійскій лама, соизвольте задавать вопросы о Законѣ этимъ двумъ монахамъ, и что отъ этого возникнетъ въ вашемъ умѣ, разсудите.

Праджня. Законъ всегда благъ и въ началѣ и въ концѣ и въ срединѣ. Потому и самое вступленіе въ Законъ должно соотвѣтствовать подобному качеству Закона.

Ширанъ. Разъ Законъ благъ и въ началѣ и въ концѣ и въ срединѣ, то и положеніе, что самое вступленіе въ Законъ должно соотвѣтствовать качеству Закона, весьма правдиво.

Биликъ. И я тоже понимаю, что разъ Законъ благъ и въ началѣ и въ концѣ и въ срединѣ, то и самое вступленіе въ Законъ должно соотвѣтствовать качеству Закона.

Цэ хуэ. Прекрасно, прекрасно! Добрая примѣта, что ваши мысли съ самаго начала религіозной бесѣды были согласны между собою. И путемъ заданія множества обстоятельныхъ вопросовъ слѣдуетъ нынѣ внести чистоту въ религію Будды.

Праджня. Тибетскій и монгольскій монахи, выслушайте вы меня внимательно. Слѣдуетъ хорошо отвѣтить на мой вопросъ. Прежде всего, въ чемъ корень Закона?

Ширанъ. Корень Закона — мысль. Такъ, въ Dharmasaṃgītisūtra[11] говорится: «Мудрость отъ Закона, а Законъ — отъ мысли».

Биликъ. Является ли мысль корнемъ Закона или нѣтъ, бываетъ разно. И твои слова не вполнѣ точны. Такъ, въ Ratnolkasūtra [12] говорится: «Начинаніе съ вѣры, какъ мать, возрождаетъ святость»... «и заключаетъ въ себѣ корень стремленія къ Закону». Поэтому корень Закона вѣра.

Ширапъ. Да, ты точно разъяснилъ дѣло: и по отношенію, скажемъ, къ ячменю,— становится ли онъ сѣменемъ или нѣтъ, бываетъ разно. Когда ячмень представляется намъ какъ сѣмя ячменнаго колоса, то можно ли представить сѣмя ячменнаго колоса какъ нѣчто отличное отъ ячменя?

Биликъ. Хотя нельзя представить ячменнаго сѣмени какъ нѣчто отличное отъ ячменя, но нельзя представить всякій ячмень какъ сѣмя.

Цэ хуэ. И я знаю, что гнилой или обгорѣлый ячмень не можетъ быть сѣменемъ. Но чтобы уродился ячмень, надо сѣять ячмень; если хотимъ сѣять пшеницу, горохъ, просо, простой ячмень и прочіе злаки, то въ качествѣ ихъ сѣмянъ требуется сѣять соотвѣтствующія зерна.

Ширапъ. И я не ставлю всякой мысли въ качествѣ корня Закона. Я имѣю въ виду только мысль, которая не относится къ четыремъ явленіямъ мірской жизни [13]. Что касается твоего опредѣленія вѣрующей мысли, то объ этомъ въ Ratnamālā [14] сказано, что требуется именно нѣчто подобное твоему опредѣленію.

Праджня. Я вижу, что вы оба, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разногласій въ способахъ выраженій, въ идеѣ вполнѣ согласны между собою и это очень пріятно для моего сердца.

Биликъ. Надо вернуться еще къ вопросу объ обстоятельствахъ, не относящихся къ «четыремъ явленіямъ мірской жизни» [13] и о прочемъ. Впрочемъ, вопросъ исчерпанъ, если корень идеи и конечная точка направленія мысли сходятся между собою. Вѣдь нѣтъ предѣла словеснымъ дѣйствамъ.

Цэ хуэ. Очень пріятно, лама и монахи, что между вами нѣтъ разногласія въ вопросѣ, въ чемъ корень Закона. Но такъ какъ Законъ этотъ весьма обширенъ и глубокъ, то вамъ надлежитъ теперь подробно развить подробный смыслъ Закона.

Праджня. Преддверье Закона есть «прибѣжище» [16] къ Тремъ Сокровищамъ (т. е. Буддѣ, Закону и Общинѣ). Несравненный Жубу-ченбо [15] имѣлъ взглядъ, что различіе буддиста отъ небуддиста опредѣляется съ точки зрѣнія «прибѣжища» [16] къ Тремъ Сокровищамъ.

Биликъ. Вѣдь общеизвѣстны положенія: преддверье Закона или вообще Религіи [21] есть «прибѣжище», преддверье Махаяны [17] есть «возрожденіе въ себѣ святой мысли» [18], и наконецъ, преддверье Символики [19] есть «высшее посвященіе» [20]. Но тутъ есть кое о чемъ подумать. Если нѣтъ Религіи [21] помимо «прибѣжища», то нѣтъ основанія ставить «прибѣжище» какъ преддверье Религіи [21]. Но если Религія [21] становится чѣмъ то отличнымъ отъ

«прибѣжища», то не будетъ ли отъ этого ошибки, что Религія[21] становится небуддійскимъ Закономъ?

Цэ хуэ. Слова монгольскаго монаха, какъ мнѣ кажется, правдивы: какъ городскія ворота и городъ не одно и то же, точно также не существуютъ ли преддверье Закона и Законъ самостоятельно другъ отъ друга?

Ширанъ. Я вижу, что вы оба не поняли даннаго вопроса. Возьмемъ дверь дворца. Она хотя и входитъ въ составъ дворца, но она отлична отъ дворца. И стѣны дворца отличны отъ самаго дворца. Также и колонны и балки и прочее отличны отъ самаго дворца. Въ такомъ случаѣ можно было бы, удаливъ всѣ эти части дворца, показать самый дворецъ; но тогда намъ не найти того, что показать. Поэтому выходитъ, что только по отношенію къ совокупности частей дворца дается чисто условное обозначеніе «дворецъ». Подобно этому и «прибѣжище» есть преддверье Закона, такъ какъ оно является начальнымъ шагомъ совершенствованія въ Религіи[21]. Кромѣ этого «прибѣжище» обозначается еще «главнымъ древомъ» Религіи[21] и т. п. названіями, такъ какъ оно является главнымъ предметомъ умственной работы по вступленіи въ лоно Религіи[21]. Помимо этого, нѣтъ надобности выдѣлить «преддверье» Религіи[21] отдѣльно отъ самой Религіи[21].

Праджня. Прекрасно! Но «возрожденіе святой мысли»[18] считается преддверьемъ Махаяны и тѣмъ не менѣе весь путь Махаяны слѣдуетъ отнести къ составнымъ частямъ «возрожденія святой мысли»[18]. Что касается ученія, что преддверье Тайной Символики есть «высшее посвященіе»[20], то послѣднее надо представить не въ одномъ только значеніи предварительнаго введенія въ Символику: «высшее посвященіе»[20] есть въ то же время и развивающая субъекта *причина* спасенія, и освобождающій субъекта *путь* спасенія, и свобода,—*слѣдствіе* пути спасенія. Такъ что весь путь и *слѣдствіе* пути Символики[19] входятъ въ составъ «высшаго посвященія»[20].

Биликъ. Ты правильно вывелъ, что «преддверье» Религіи есть «прибѣжище» къ Тремъ Сокровищамъ. Но нельзя ограничиться только этимъ утвержденіемъ. Надо различать еще «причину прибѣжища», «предѣлъ прибѣжища» и «сущность прибѣжища». Это можно представить еще въ общебуддійскомъ значеніи «прибѣжища», выполняемаго путемъ[22]:

1) знанія премудрости Трехъ Сокровищъ,

2) знанія исключительной важности прибѣжища къ Тремъ Сокровищамъ,

3) убѣжденности въ значеніяхъ Трехъ Сокровищъ и

4) неотступности отъ Трехъ Сокровищъ.

Кромѣ этого можно еще представить это въ спеціально механическомъ значеніи «прибѣжища», выполненіе котораго должно отличаться исключительностью[23]: *творчества*, *идеаловъ*, *просвѣтлѣнія* и *величія*. Ты долженъ

обстоятельно разъяснить все это, а также пользу и значеніе «прибѣжища».

Ширапъ. Очень обширенъ и важенъ на видъ заданный тобою вопросъ о томъ, что изъ себя представляютъ причина, предѣлъ и сущность прибѣжища. Если представить ихъ въ общебуддійскомъ значеніи, то что за вещи: знаніе премудрости Трехъ Сокровищъ, знаніе исключительной важности прибѣжища къ Тремъ Сокровищамъ, убѣжденность въ значеніяхъ Трехъ Сокровищъ и неотступность отъ Трехъ Сокровищъ, и наконецъ, если имѣть ихъ въ виду въ спеціально-механическомъ значеніи, то какъ понять термины: исключительность творчества, идеаловъ, просвѣтлѣнія и величія, польза и значеніе прибѣжища? Но все же среди этихъ вопросовъ имѣется одно важное мѣсто: въ наше время, когда мы всѣ ограничиваемся только «объемомъ прибѣжища» [24], и если дѣйствительно хотимъ подойти къ корню дѣла, то слѣдуетъ намъ, поразмысливъ въ умѣ, задать вопросъ главнымъ образомъ о правилахъ «прибѣжища». Такъ какъ въ содержаніе «прибѣжища» входитъ вся проповѣдь [25] Будды, то объ этомъ снова можно развить вопросъ по порядку.

Праджня. Въ чемъ сущность вещей? Отвѣтьте на это толкомъ, поразмысливъ сначала умомъ.

Биликъ. Сущность вещей есть глубокій Законъ «относительности» [26]. Такъ какъ нѣтъ мѣста отступленія отъ этого Закона, то его называютъ «печатью Закона» [27].

Ширапъ. Хотя махаянические философы говорятъ, что сущность вещей есть Законъ относительности, но ихъ опредѣленія этого Закона различны. И въ какомъ видѣ представляя этотъ Законъ, говоришь ты въ данномъ случаѣ?

Праджня. Для лучшаго пониманія Закона относительности необходимо опредѣлить объектъ отрицанія, — противоположенія этому Закону. Если понять это, то легко понять уничтожающій Сансару Законъ относительности. Какой именно объектъ отрицанія вы оба считаете нужнымъ уничтожить для пониманія Закона относительности?

Биликъ. Вопросъ этотъ не рѣшается теоріей трансцендентальныхъ идеалистовъ [28], признающихъ Законъ относительности въ смыслѣ отрицанія внѣшняго объекта. Тутъ по теоріи мадьямистовъ [29] надо: уничтожить объектъ отрицанія — наивный реализмъ [30]. Вкратцѣ это можно формулировать такъ: вещь не имѣетъ отъ себя доказательства, что она не есть пустое лишь наименованіе, данное нашимъ воображеніемъ.

Ширапъ. Видя издалека человѣка и рядомъ съ нимъ его тѣнь, можно подумать, что стоятъ два человѣка. Отъ этого, конечно, тѣнь не дѣлается человѣкомъ и тѣнь, принятая за человѣка, есть лишь пустое наименованіе,

данное нашимъ воображеніемъ. Точно также и человѣкъ не имѣетъ отъ себя доказательства, что онъ есть «человѣкъ» (т. е. то, что мы считаемъ человѣкомъ, при ближайшемъ критическомъ разсмотрѣніи не имѣетъ тожества съ нашимъ представленіемъ о человѣкѣ: наше представленіе о человѣкѣ вовсе не есть «человѣкъ», а есть лишь чистѣйшее наше воображеніе, иллюзія; то же самое и со всѣми вещами, явленіями, со всѣмъ бытіемъ). Поэтому человѣкъ (или вѣрнѣе то, что мы считаемъ человѣкомъ) не есть ли пустое только наименованіе?

Биликъ. Видя издалека человѣка и рядомъ съ нимъ его тѣнь, можно подумать, что стоятъ два человѣка. И правда, что отъ этого тѣнь не дѣлается человѣкомъ; и тѣнь, принятая за человѣка, есть лишь пустое наименованіе, данное нашимъ воображеніемъ. Вѣрно также, что и человѣкъ не имѣетъ отъ себя доказательства, что онъ есть «человѣкъ». Если возникнетъ различіе между человѣкомъ и его тѣнью по отношенію къ вопросу, становятся ли они сами отъ себя «человѣкомъ» или нѣтъ, то въ чемъ тогда будетъ разница такого мнѣнія отъ мнѣнія реалистовъ?

Праджня. Нѣтъ разницы между человѣкомъ и его тѣнью въ томъ,— существуютъ они или нѣтъ въ *истинномъ* смыслѣ, иначе говоря,—по внутренней ихъ природѣ. Но въ *обыденномъ* смыслѣ есть, конечно, разница между человѣкомъ и его тѣнью въ томъ,—становятся ли они «человѣкомъ» или нѣтъ, или въ томъ, могутъ ли они или нѣтъ производить дѣйствія человѣка. При подобномъ противорѣчіи между истиннымъ и обыденнымъ смысломъ, трудно понять предѣлъ значеній обыденныхъ понятій. Если эти два объекта окажутся въ безразличномъ сродствѣ, то конечный философскій идеалъ Побѣдителя [31] достигнутъ, и это будетъ восхитительно.

Цэ хуэ. Трудно это понять. Но тѣ слова, которыя я сейчасъ слышалъ своими ушами, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ если найти цѣлыхъ десять тысячъ ланъ золота и серебра, и потому они для меня особенно цѣнны.

Ширапъ. Да, трудно это понять: названія имѣютъ разнообразныя значенія, но точный смыслъ ихъ трудно поддается пониманію.

Такъ, всевѣдущій Кайдубъ [32] говоритъ:

«Когда зрячій не пытается понять фигуру слона, а сто слѣпыхъ стараются понять ее, и даютъ ей сто ложныхъ значеній,—все это будетъ лишь изрыганіемъ сплошныхъ словесныхъ измышленій». Онъ же подобную мысль высказываетъ въ своемъ «Донтун-галсан-мигжед» [33]. Всевѣдущій Чжанджа [34], говоря о фигурѣ бѣлаго слона-матки, имѣлъ въ виду смыслъ указанныхъ выше примѣровъ».

Также Жана Лодой-жалцанъ [35] говоритъ:

«Подобно слѣпцу, тщательно ощупывающему слона, ...». И такіе примѣры неоднократно приводятся во всѣхъ первоисточникахъ и комментаріяхъ.

Биликъ. Подробное приведеніе этихъ примѣровъ имѣется въ Mahāyānasaṃgraha[36]. Примѣръ могучаго слона не имѣетъ никакой связи съ даннымъ вопросомъ. Зрячій однимъ своимъ взглядомъ на большую фигуру въ состояніи видѣть ее отъ начала и до конца во всемъ ея объемѣ и опредѣлить ее сразу, но слѣпой, ощупывая ее руками, не можетъ схватить весь ея образъ и даетъ ей всякое названіе.

Не ограничиваясь знаніемъ приведенныхъ толкователями «Великихъ Колесницъ»[37] примѣровъ, слѣдуетъ ознакомиться съ самими «великими первоисточниками»[38].

Прежде считалось, что Тибетъ родина Религіи, но теперь по освѣдомленности во всѣхъ основныхъ теоріяхъ ученія, а также по сохранности преемственной передачи высшихъ посвященій, подлинности священной литературы и методовъ усвоенія Закона, наша Монголія находится въ счастливыхъ условіяхъ.

Праджня. Родиной Религіи и центромъ просвѣщенности является наша возвышенная страна Индія. А ко всему вашему примѣнялось слово «непросвѣщенность». Но теперь я не знаю, къ кому примѣнять слово «непросвѣщенность». «Просвѣщенность» и «непросвѣщенность», не имѣющія по сущности реальнаго бытія, являются лишь условными названіями, основанными на состояніи процвѣтанія или упадка Религіи.

Ширапъ. Для познанія истины «идеальнаго смысла»[39], прежде всего слѣдуетъ усвоить систему истины «реальнаго смысла»[40] и совершенствоваться въ установленной системѣ философской терминологіи. Задамъ тебѣ нѣсколько вопросовъ о системѣ истины «реальнаго смысла»[40], что надо разумѣть подъ четырьмя истинами?

Биликъ. Четыре истины: истина о страданіи, истина о происхожденіи страданія, истина объ уничтоженіи страданія и истина о пути къ уничтоженію страданія.

Ширапъ. Что разумѣть подъ пятью аггрегатами[41]?

Биликъ. Аггрегаты формы, ощущенія, представленія, эмоціи и восиріятія.

Ширапъ. Что разумѣть подъ «двѣнадцати-членнымъ Закономъ относительности»[42]?

Биликъ. 1) Иллюзію (или наивный реализмъ); 2) эмоцію; 3) представленіе; 4) имя и форму; 5) органы ощущеній и мысли съ ихъ объектами; 6) соприкосновеніе; 7) ощущеніе; 8) жажду; 9) привязанность (къ жизни); 10) жизнь; 11) рожденіе и 12) старость и смерть.

Ширапъ. Что разумѣть подъ восемнадцатью элементами?

Биликъ. Шесть объективныхъ элементовъ: форма, звукъ, запахъ вкусъ, объектъ осязанія и dharma (какъ объектъ мысли); шесть элементовъ

органовъ ощущеній и мысли: глазъ, ухо, носъ, языкъ, органъ осязанія и органъ мысли, и шесть элементовъ воспріятія, начиная съ воспріятія глаза и кончая воспріятіемъ мысли,—итого восемнадцать элементовъ.

Все это приводится лишь въ видѣ простого перечисленія. Что касается полнаго разумѣнія ихъ сущности, цѣлесообразности дѣйствія, опредѣленія, анализа, синтеза, количества, порядка и прочаго, то слѣдуетъ усвоить ихъ согласно Abhidharmasamuccaya[43].

Цэ хуэ. При подъемѣ на высокую гору приходится подняться съ подножья вверхъ медленно, постепенно. Также при подъемѣ на верхъ дома требуется подниматься снизу по лѣстницѣ, постепенно. Точно также и для усвоенія трудно-понимаемыхъ предметовъ ученія требуется соблюдать постепенность, переходя отъ легкаго къ трудному. Это положеніе и для моего ума весьма понятно.

Праджня. Въ чемъ сущность Закона?

Ширанъ. Сущность Закона—Законъ относительности, одухотворенный чувствомъ «великаго сострáданія».

Биликъ. Конечно, можно такъ формулировать съ точки зрѣнія общебуддійской системы терминологіи. Но нельзя удовлетвориться такой формулировкой, если имѣть въ виду конечный смыслъ буддійской философіи: надо считать сущностью Закона «духовность, пребывающую въ безразличіи блаженства и Закона относительности»[44].

Ширанъ. Слова твои пусты и не логичны подобно утвержденію: «мой отецъ не человѣкъ, а монголъ».

Терминъ «Законъ относительности, одухотворенный чувствомъ великаго сострáданія» представляетъ собирательное названіе парныхъ понятій «искусства и знанія»[45], составляющихъ почву для состоянія Будды. Что касается «духовности, пребывающей въ безразличіи блаженства и Закона относительности»[44], то эта духовность входитъ въ составъ «Закона относительности, одухотвореннаго чувствомъ великаго сострáданія». Если иначе понять это, то будетъ ошибка въ томъ, что оно не будетъ почвой для достиженія состоянія Будды. Все же у васъ есть сильное стремленіе къ Закону. И съ самаго начала требовалось указать на такой методъ, который былъ бы наиболѣе глубокомысленнымъ, возвышеннымъ и скорымъ, но высказывалось такъ, какъ попадется на языкъ, и вышло непонятно. Нынѣ большая часть литературы Нинмабы[46] дошла до Монголіи. Но V Великій Далай-лама[49] въ цѣляхъ государственныхъ интересовъ Тибета прослушалъ книгъ болѣе ста «скрытныхъ кладовъ»[47] и литературу Нинмабы распространилъ повсюду. Но онъ призналъ ученіе Нинмабы несчастьемъ для Монголіи и запретилъ его доступъ въ эту страну. Подобный взглядъ его явствуетъ изъ его біографіи и поученій. Причина подобнаго отношенія Нинмабы къ Монголіи

заключается въ томъ, что въ прежнее время монгольскія войска неоднократно вторгались въ Тибетъ и преслѣдовали эту секту. Вслѣдствіе этого всѣ верховные ламы[48] и геніи хранители Нинмабы были враждебны монголамъ и сила нравственныхъ преступленій послѣднихъ противъ секты была слишкомъ велика[49].

Биликъ. Глубокую теорію «средины»[50], конечный смыслъ пути, создающаго высшую святость, и главныя основы Религіи,—все это надо усвоить согласно ученію Рибо-гэданбы[51],—Закону, установленному по волѣ Покровителя—Манджушри-Цзонкабы[52]. Но тѣмъ не менѣе, въ интересахъ момента приходится предупреждать несчастные случаи, заботиться о пищѣ и питьѣ, накоплять богатство, пользоваться властью, или, по крайней мѣрѣ, умѣть потряхивать рожкомъ «тупра»[53]. Въ подобныхъ дѣлахъ «Нинма»[54] незамѣнима, и разъ существуетъ такое легкое средство, то въ чемъ будетъ запретное, если брать при подобныхъ случаяхъ кое-что изъ ученія «Нинма»[54].

Ширапъ. Въ этихъ твоихъ словахъ обнаруживается тотъ недостатокъ, что умъ твой не придерживается ни того, ни другого ученія. Это подобно тому, какъ въ прежнее время нѣкій человѣкъ подумалъ: «Къ Богу[55] потомъ, а сейчасъ къ Бекару»[56], и колебался онъ на обѣ стороны, умъ его не могъ сосредоточиться ни на чемъ и, всѣ принятыя имъ мѣры противъ этого не привели къ цѣли.

Цэ хуэ. Это вѣрно: что ни дѣлай, надо держать въ умѣ что-нибудь одно. Иначе будетъ похоже на то, что если мы, вмѣсто того, чтобы сѣсть на одну лошадь, сядемъ сразу на двѣ лошади и рискуемъ упасть между ними. То же самое и съ мастеромъ, который выдѣлываетъ иголки только съ однимъ остріемъ, а помимо этого выдѣлывать ихъ съ двумя остріями у него не принято. И всякія дѣла и самая смерть наша подобны этому примѣру.

Ширапъ. Легко могутъ быть достигнуты маловажныя ясновидѣнія и чудеса и кое-какія видѣнія отъ созерцанія. Но если подобными случаями будутъ введены въ заблужденіе, и подлинный смыслъ Религіи будетъ искаженъ, то изъ за ничтожныхъ выгодъ будетъ великое зло. Такъ въ «Анализѣ трехъ видовъ обѣтовъ»[57] говорится:

«Иной проявляетъ тѣлесно и духовно маловажныя способности samādhi[58], а люди вѣрятъ ему и обманываются имъ, полагаясь на ложныя его ученія.

«Иной показываетъ маловажныя ясновидѣнія и чудеса, а глупецъ вѣритъ ему и станетъ затѣмъ учить ложному ученію.

«Искусственно передѣлывающій смыслъ Закона, хотя и станетъ прекрасно учить чужому ученію, пойдетъ къ величайшей опасности. Много было золъ, возникшихъ подобнымъ образомъ.

«Такъ, ядомъ, смѣшаннымъ со вкусной пищею можно убить почти всякаго.

«Но если будетъ извѣстно, что пища эта есть отрава, никто сю не будетъ убитъ.

«Подобно этому иные обманываютъ другихъ, смѣшавъ съ истиннымъ ученіемъ ученіе ложное».

Всѣ эти вопросы являются корнемъ окончательнаго нашего соглашенія и потому слѣдуетъ намъ основательно разсудить относительно того или иного рѣшенія вопроса.

Биликъ. Не слѣдовало бы тебѣ цитировать изъ «Анализа трехъ видовъ обѣтовъ»[57]. Мнѣ приходилось читать указанія и примѣры болѣе ясные, чѣмъ приводимыя тобою цитаты.

Тамъ же мы читаемъ слѣдующее:

«Вкратцѣ говоря, бываетъ такъ, что кто нибудь станетъ учить большей частью согласно Слову[59] Будды, а самый смыслъ станетъ ложно истолковывать и выдавать это какъ самое лучшее ученіе.

«Это будетъ внушеніе Мары,—такъ говорится ясно во всѣхъ сутрахъ и тантрахъ.

«Какимъ образомъ былъ подобный случай,— объ этомъ разскажу я вкратцѣ и выслушайте меня.

«Когда жилъ лоцаба[60] Ринченъ-санбо[61], нѣкто по имени Санжэ-гаржалъ[62], выпуская изъ лба сіяніе, сиживалъ на воздухѣ, скрестивши подъ собой ноги; а иногда онъ, сидя на ковылѣ, училъ Закону относительности.

«Казалось—онъ обладалъ великой Любовью и Состраданіемъ.

«Его ученіе было способно возбуждать въ другихъ samādhi[58], а его самого почитали всѣ люди.

«Но онъ училъ нѣсколько искусственно, и выходило у него иначе, чѣмъ въ Религіи царя Шакьевъ.

«Его религія чрезвычайно распространилась, и въ то время Ринченъ-санбо[61], совершивъ въ теченіе шести мѣсяцевъ практику созерцанія, явился къ нему, имѣя въ себѣ устойчивую способность samādhi[58].

«Въ то время, какъ Санжэ-гаржалъ, сидя на воздухѣ, скрестивши подъ собой ноги, училъ народъ Закону, Ринченъ-санбо[61] однимъ своимъ взглядомъ на него, говорятъ, заставилъ его упасть на землю и разбиться до полусмерти.

«Не будь въ то время великій человѣкъ, какъ Ринченъ-санбо[61], возникла бы ложная религія Санжэ-гаржал'а[62],—такъ сказано въ писаніи.

«Сочувствующій злу великій драконъ, по имени Гаржалъ, вошелъ въ душу какого то несчастнаго человѣка и обманывалъ людей въ образѣ Будды,—такъ сказано въ писаніи.

«Бываетъ и такъ, что нѣкоторые подобнаго рода виды Мары [63], принявъ образъ или простого человѣка, или святого, для распространенія ложной религіи,—смѣшиваютъ ее съ Закономъ, и учатъ такимъ образомъ ложному, смѣшавъ ложное ученіе съ основными идеями Закона».

Такъ говорится въ писаніи, и въ подобномъ же смыслѣ я самъ признаю. Поэтому, что бы ни было сказано въ сутрѣ или въ мантрѣ, безразлично—смыслъ Религіи слѣдуетъ искать только въ ученіи Же-ламы [75] и ни въ чемъ другомъ, нельзя также смѣшивать его съ другими ученіями. Для минутнаго избавленія отъ несчастій приходится иногда прибѣгать къ помощи и собачьяго зуба, напримѣръ, противъ ранъ. Въ подобныхъ случаяхъ ученіе Нинма [48], казалось бы, не безполезно, во всякомъ случаѣ, не менѣе, чѣмъ указанный выше примѣръ.

Праджня. Въ чемъ плодъ Закона?

Ширанъ. Всѣмъ извѣстно, что конечнымъ плодомъ усвоенія Закона является состояніе Будды. Поэтому, я полагаю, лама не объ этомъ изволитъ спрашивать. Вы, вѣроятно, хотѣли спросить, въ чемъ опредѣленіе плода усвоенія Закона, примѣнительнаго къ нашему времени. Если основательно подумать объ этомъ, я полагаю: тутъ надо разумѣть плодъ исполненія «*слушанія, размышленія* и *созерцанія*» [64] Закона при тѣхъ условіяхъ, когда умъ, отвернувшись отъ явленій настоящей жизни и т. п. неправедныхъ дѣлъ, всецѣло отдается правдѣ, и когда дѣла, какія совершаетъ человѣкъ посредствомъ трехъ орудій дѣйствія—тѣломъ, словомъ и мыслью, всецѣло направлены къ правдѣ.

Биликъ. Мнѣ кажется, твоя постановка вопроса объ исполненіи Закона и о плодѣ исполненія Закона противорѣчатъ пониманію Закона причинности и слѣдствія. Исполненіе Закона вовсе не совершается безъ предшествующаго направленія разума къ Закону. И это относится лишь къ подготовительной *причинѣ* исполненія Закона, но не принято относить это къ *плоду* исполненія Закона. Уклоненіе ума отъ неправды или стремленіе его къ правдѣ могутъ возникать одновременно, подобно тому, какъ начало и конецъ стержня вѣсовъ качаются то вверхъ, то внизъ: поэтому стремленіе къ правдѣ должно предшествовать исполненію Закона, и не можетъ явиться послѣ исполненія Закона. И къ чему подобная твоя неопредѣленная постановка вопроса объ опредѣленіи плода усвоенія Закона? По моему, тутъ требуется слѣдующее опредѣленіе. Плодомъ *слушанія* Закона является совершенство въ «*проповѣди, диспутѣ* и въ *литературномъ творчествѣ*» [65]: плодомъ исполненія *созерцанія* [66] является такой разумъ, который, благодаря совершенству достигнутаго «общенія съ божествомъ-идамомъ» [67], ясновидѣнія и чудесъ, познаетъ, какъ слѣдуетъ, все, что касается происхожденія добра и зла, и если въ связи съ этимъ явится способность очистить

всякое зло отъ эпидемій, вредительствъ и препятствій отъ злыхъ духовъ, и исполнять великіе идеалы, какъ свои, такъ и чужіе, то все это будетъ яснымъ доказательствомъ того, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ наличностью плода Закона. Разъ такъ, то къ чему сомнѣнія къ этимъ положеніямъ?

Цэ хуэ. Изъ бесѣдъ васъ, ученыхъ, я вижу: когда говоритъ одинъ изъ васъ, то будто онъ одинъ правъ, а когда говорите вы оба, то будто вы оба правы. Вамъ, индійскій лама, надлежитъ разрѣшить вопросъ, кто изъ этихъ обоихъ правъ на самомъ дѣлѣ.

Праджня. Съ точки зрѣнія мірскихъ понятій слова монгольскаго монаха не могутъ быть не правдивыми.

Скажи, тибетскій монахъ, на какіе чистые первоисточники критеріевъ «*канона* и *разумности*»[63] ты можешь указать въ пользу твоихъ словъ?

Ширанъ. Ты, монгольскій монахъ, сказалъ, что плодомъ слушанія Закона является совершенство въ проповѣди, диспутѣ и литературномъ творчествѣ. Этимъ ты обнаруживаешь признакъ того, что хочешь получить отъ другого полное разъясненіе относительно кое-какихъ своихъ знаній, а самому уклониться отъ дѣла.

Будда Татагата сказалъ:

«Блаженны многослышавшіе, которые на закатѣ своей молодости пребываютъ въ лѣсу».

Это сказано въ томъ смыслѣ, что цѣль «слушанія» должна заключаться въ усвоеніи Закона въ отшельничествѣ.

Въ Джатакѣ[69] сказано:

«Вслѣдъ за слушаніемъ надо отдаться исключительно созерцанію Закона». Это сказано въ томъ смыслѣ, что надо проявить стараніе къ созерцанію Закона, являющемуся плодомъ «слушанія»[64]. Кромѣ этого, плодъ созерцанія Закона ты видишь, главнымъ образомъ, въ ясновидѣніи и въ проявленіи чудодѣйства. И мнѣ кажется, ты этимъ положеніемъ показываешь лишь внѣшнее проявленіе того внутренняго духовнаго признака созерцателя, что религіозная дѣятельность послѣдняго становится лишь средствомъ настоящей жизни.

Сколько бы ни выполняли «*слушаніе, размышленіе* и *созерцаніе*»[64], все же мысль прикована къ видамъ настоящей жизни и вообще къ довольству мірской жизни, умъ не стремится къ Закону, и потому рѣдко кто можетъ оказаться нынѣ знатокомъ данной области.

Ты самъ доказываешь, что исполненію Закона должно предшествовать стремленіе ума къ Закону; но чрезвычайно противорѣчиво указываешь на внутренній духовный признакъ неспособности ума созерцателя стремиться въ настоящее время къ Закону, сопоставляя его съ результатомъ достигнутаго уже въ теченіе человѣческой жизни стремленія къ Закону.

Что касается большинства современныхъ схоластиковъ Закона, то тутъ мы видимъ, что стараніе ихъ становится во многомъ тщетнымъ, благодаря несоотвѣтствію словесныхъ ихъ разсужденій съ истинными ихъ намѣреніемъ. Плодъ Закона несомнѣнно таковъ, какъ указано мною выше.

Цѣль произнесеннаго Блаженнымъ Буддой Закона — не въ уничтоженіи препятствующихъ условій жизни сегодняшняго дня, и не въ какихъ нибудь маловажныхъ ясновидѣніяхъ, чудодѣйствахъ и фокусническихъ представленій, а исключительно въ искусствѣ возбужденія мятущейся нашей мысли, такъ какъ корень всякой неволи или свободы въ концѣ концовъ сводится къ нашей мысли.

Согласно этому смыслу Закона, если съумѣть нѣсколько обслѣдовать эту область, то это будетъ исполненіемъ воли Будды и плодомъ Закона.

Такъ, несравненный Жубу-ченбо [15] сказалъ:

«Высшее изъ духовныхъ достиженій — это уменьшеніе влеченій (= kleça).

Высшее изъ проявленій духовныхъ достиженій — это уменьшеніе страстей».

Также и Гонбаба [70] говоритъ:

«Спрашивается, въ чемъ основа метода усвоенія Закона»?

Не въ ясновидѣніи и не въ «общеніи съ божествомъ» [67], а въ развитіи убѣжденія въ истинности Закона справедливости, «кармы», и въ образцовомъ соблюденіи высшихъ обѣтовъ Закона.

Эти наставленія Жубу и его послѣдователей чрезвычайно важны въ настоящую пору «худшаго времени» [71] и послѣдняго періода существованія Религіи. И если мы мысли свои направимъ къ указаннымъ выше положеніямъ, то за малый трудъ будетъ большая награда.

Биликъ. Эти твои знанія и мнѣ не безызвѣстны. Они лишь возбуждаютъ сомнѣнія, такъ какъ отстаиваютъ предразсудки мелочныхъ субъектовъ «худшаго времени» [71]. Твои разъясненія высказаны не только «первыми гадамцами» [72], но и во всѣхъ «сутрахъ и шастрахъ» [73]. Кромѣ того въ «Степеняхъ Святого Пути» [74] Же-ламы [75] сказано:

«Духовное достиженіе созерцателя слѣдуетъ понимать въ смыслѣ уменьшенія невѣдѣнія и прочихъ видовъ влеченій». Такъ подчеркивалъ Же-лама [75], и причина этого заключается въ слѣдующемъ.

Представимъ себѣ, — у человѣка возникло убѣжденіе въ томъ, что правильно поставленная связь какого бы то ни было исполненнаго нами Закона съ нашей мыслью составляетъ противодѣйствующее начало нашимъ влеченіямъ, а также и въ томъ, что связь эта составляетъ почву для «Нирваны и Всезнанія» [76]. Если возникло подобное убѣжденіе, то возникнетъ нѣчто родственное хотя бы одному изъ трехъ предметовъ — «*слушанія*,

размышленія и *созерцанія*»[64]. Это будетъ означать, что явилась та сила, которая дѣйствительно способна развить въ сердцахъ какъ его самого, такъ и другихъ сокровенную религію Побѣдителя[31].

Праджня. Всѣ ваши бесѣды о Законѣ глубокомысленны, понятны, и согласуются съ основнымъ смысломъ Закона. Поэтому можно было бы продолжать и дальше ваши бесѣды. Но сейчасъ прошу васъ, въ цѣляхъ закрѣпленія этого незначительнаго добраго дѣла, совершеннаго нами сейчасъ, соблаговолить произнести благопожеланія Религіи и міру живыхъ существъ.

Ширанъ. «Да распространится ученіе царя Закона Цзонкабы, свободное отъ всякихъ препятствій и сопутствуемое всѣми благопріятными условіями.

«Да затеплится надолго религія Побѣдителя Ловсанъ-дагбы[77], опираясь на «два идеала»[78], достигаемые мною и другими въ теченіе жизни трехъ временъ».

Биликъ. Мнѣ также слѣдуетъ произнести эти благопожеланія на своемъ языкѣ:

«Да распространится ученіе царя Закона Цзонкабы, свободное отъ всякихъ препятствій и сопутствуемое всѣми благопріятными условіями.

«Да затеплится надолго религія Побѣдителя Ловсанъ-дагбы[77], опираясь на «два идеала»[78], достигаемые мною и другими въ теченіе жизни трехъ временъ».

Цэ хуэ. И мнѣ также слѣдуетъ произнести эти благопожеланія на своемъ языкѣ:

«Да распространится ученіе царя Закона Цзонкабы, свободное отъ всякихъ препятствій и сопутствуемое всѣми благопріятными условіями.

«Да затеплится надолго религія Побѣдителя Ловсанъ-дагбы[77], опираясь на «два идеала»[78], достигаемые мною и другими въ теченіе жизни трехъ временъ».

Праджня. «Сколько накоплено мною добрыхъ дѣлъ, — да послужатъ они на благо Вѣрѣ и міру живыхъ существъ, и въ особенности на то, чтобы на долго возсіяла сущность религіи блаженнаго Ловсанъ-дагбы»[77].

Послѣсловіе автора.

«Созданіе изъ драгоцѣнныхъ элементовъ, — четырехъ языковъ, — свѣжее твореніе, — гора Сумеру[79], украшенная двумя сережками, — луною и солнцемъ, — *канономъ* и *разумностью*[68], — да послужитъ украшеніемъ «четырехъ материковъ»[80], — религіи Мудреца»[81]!

Одна изъ пяти второстепенныхъ индійскихъ наукъ[82], «драма», усваи-

валась въ Индіи путемъ чтенія ея на каждомъ изъ «четырехъ главныхъ языковъ»[83] Индіи. И это считалось условіемъ знанія языковъ. Въ Тибетѣ нѣтъ иного языка, кромѣ тибетскаго. Поэтому, говорятъ, настоящей «драмы» не будетъ въ Тибетѣ. Тѣмъ не менѣе, въ виду всеобщей распространенности въ настоящее время Религіи въ Китаѣ, Тибетѣ и Монголіи, составлена настоящая «драма» на каждомъ изъ языковъ этихъ странъ (а также и на санскритѣ), и это можетъ содѣйствовать знанію этихъ языковъ. Мнѣ хотѣлось бы еще, чтобы, благодаря подобнымъ условіямъ, выходили люди, умѣющіе направлять умъ свой на труднѣйшіе и наиболѣе важные вопросы Закона. Кромѣ того, я имѣлъ въ виду трудомъ своимъ подготовить благопріятную почву для осуществленія мною въ себѣ «четырехъ родовъ аналитическаго знанія»[9] Будды. Въ этихъ цѣляхъ составилъ эту книгу я, монахъ Гончокъ Данби-донме[1], въ 8-мъ году XIV (60-лѣтняго) цикла въ году «ойбо»[84] и дерева — самца — собаки (т. е. въ 1814 г.), въ первой половинѣ мѣсяца «побѣды»[85]; а переписчикомъ былъ аграмба[86] Гончокъ-гунга[87].

Да послужитъ все это на благо Религіи и міру живыхъ существъ[88]!

Примѣчанія.

1) གུང་ཐང་བསྟན་པའི་སྒྲོན་མེ.

2) བླ་བྲང, — буддійскій монастырь въ тангутской области Амдо. См. о немъ нашу статью въ Изв. И. Р. Г. О., т. XLIV, вып. 5. 1908 г.

3) འབྲས་སྤུངས་སྒོ་མང་གྲྭ་ཚང. — одинъ изъ философскихъ факультетовъ въ монастырѣ Брайбунѣ съ учебниками Жамьянъ-шадбы (1648—1722 гг.).

4) འབྲས་སྤུངས, — одинъ изъ трехъ великихъ монастырей въ Центральномъ Тибетѣ, основанный въ 1416 году однимъ изъ учениковъ Цзонкабы.

5) ཁྲི་ཆེན་གུང་ཐང་པ་དགེ་འདུན་ཐུབ་ཆོགས,— 50-й замѣститель Цзонкабы.

6) དགའ་ལྡན, — одинъ изъ трехъ великихъ монастырей въ Центральномъ Тибетѣ, основанной Цзонкабой въ 1409 году,—1-й монастырь секты гелугбы.

7) གུང་ཐང་ཚང, — лавранское прозвище перерожденцевъ автора

8) ཐུ་ཀྭན་བློ་བཟང་ཆོས་ཀྱི་ཉི་མ или ཐུ་ཀྭན་རྡོ་རྗེ.

9) སོ་སོ་རིག་པ = pratisaṃvit, особый родъ знанія Будды, имѣющій четыре вида: 1) ཆོས་སོ་སོ་ཡང་དག་པར་རིག་པ — dharmapratisaṃvit; 2) དོན་སོ་སོ་ཡང་དག་པར་རིག་པ — artha-pratisaṃvit; 3) ངེས་པའི་ཚིག་སོ་སོ་ཡང་དག་པར་རིག་པ — niruktipratisaṃvit, и 4) སྤོབས་པ་སོ་སོ་ཡང་དག་པར་རིག་པ — pratibhānapratisaṃvit. Въ данномъ случаѣ имѣется въ виду именно этотъ родъ знанія Будды въ нѣсколько иносказательныхъ выраженіяхъ въ стилѣ настоящаго сочиненія:

ཚིག་དོན་སྤོབས་པ་ངེས་པའི་ཚིག །སོ་སོ་རིག་པས་འགྲོ་དོན་མཛད།།

ཐུབ་པའི་དབང་པོ་ལ་བཏུད་ནས། །རྗེས་མཐུན་རྒྱུ་ལ་འཇུག་པར་འོས།།

10) ཆོས = dharma. Слово это имѣетъ много значеній. Въ данномъ случаѣ оно имѣетъ начепіе Закона, ученія Будды.

11) ཆོས་ཡང་དག་པར་སྡུད་པའི་མདོ་=འཕགས་པ་ཆོས་ཡང་དག་པར་སྡུད་པའ་ཞེས་བྱ་བ་ཐེག་པ་ཆེན་པོའི་མདོ་= Āryadharmasaṃgītināmamahāyānasūtra; см. Ганжуръ, кп. 238, т. ཞ. (Ссылки на Ганжуръ будутъ согласно указателю Ганжура, дергескаго изданія, составленному И. Шмидтомъ. Ссылки же на Данжуръ относятся къ нартанскому изданію).

12) དཀོན་མཆོག་ཏ་ལ་ལ = འཕགས་པ་དཀོན་མཆོག་ཏ་ལ་ལའི་གཟུངས་ཞེས་བྱ་བ་ཐེག་པ་ཆེན་པོའི་མདོ = Āryaratnolkanāmadhāraṇīmahāyānasūtra; см. Ганжуръ, кн. 145, т. པ или кн. 823, т. ཨ. Названіе сутры по монгольски здѣсь передано «Erdeni jvala» = Ratnajvala. Но такого названія сутры въ Ганжурѣ не имѣется.

13) འགྲོ་བ་བཞིའི་ཆོས: 1) འདུན་པས་འགྲོ་བའི་ཆོས; 2) ཞེ་སྡང་གིས་འགྲོ་བའི་ཆོས; 3) གཏི་མུག་གིས་འགྲོ་བའི་ཆོས, и 4) འཇིགས་པས་འགྲོ་བའི་ཆོས = 1) Жизнь хотѣній; 2) Жизнь гнѣвностей; 3) Жизнь иллюзій, и 4) Жизнь опасностей.

14) རིན་ཆེན་འཕྲེང་བ = རྒྱལ་པོ་ལ་གཏམ་བྱ་བ་རིན་པོ་ཆེའི་འཕྲེང་བ = Rājaparikathāratnamālā, — сочиненіе учителя Нагарджуны; см. Данжуръ, མདོ, т. ང.

15) ཇོ་བོ་ཆེན་པོ,— прозвище Атиши (Atīça), знаменитаго индійскаго ученаго (982—1054 гг.), основателя въ Тибетѣ секты «гадамъ».

16) སྐྱབས་འགྲོ = çaraṇagamana; «прибѣжище» или дѣятельная вѣра въ Три Сокровища—Будду, Законъ и Общину, вѣра въ то, что они только являются дѣйствительными спасителями отъ Сансары.

17) ཐེག་ཆེན = ཐེག་པ་ཆེན་པོ Mahāyāna, Великая Колесница, Великій Путь, — Путь бодисатвъ и іогиновъ, въ противоположность Hīnayāna, Малой Колесницѣ, Малому Пути, — пути шраваковъ и пратьекабуддъ. Mahāyāna распадается на два ученія: Pāramitāyāna (Бодисатство) и Mantrayāna (Символика).

18) སེམས་བསྐྱེད — cittotpāda, — возрожденіе въ себѣ—святой мысли о спасеніи живыхъ существъ.

19) སྔགས = གསང་སྔགས = སྔགས་ཀྱི་ཐེག་པ = རྡོ་རྗེ་ཐེག་པ Mantra, Guhyamantra, Mantrayāna, Vajrayāna — Символика.

20) དབང = abhiṣeka, т. е. высшее посвященіе въ тайны Символики. Кромѣ этого рода посвященія существуютъ болѣе второстепенныя посвященія. Безъ высшаго посвященія, какъ гласятъ правила, нельзя изучать Символики: кто безъ надлежащаго посвященія изучаетъ и усваиваетъ Символику, и даже достигаетъ разныхъ способностей, тотъ, какъ тяжкій грѣшникъ, пойдетъ въ адъ.

21) བསྟན་པ = çāsana, — въ значеніи религіи Будды.

22) ཡིད་དད་ཤེས་པ; ཚད་པར་ཤེས་པ; ཁས་ལེན་པ, — т. е. убѣжденность въ томъ, что

Будда есть проповѣдникъ спасенія, что *Законъ* есть самый спаситель и что *Община* есть другъ спасенія; и གཞན་དུ་མ་སྨྲ་བ, — буквально «Не признавать иначе», т. е. не признавать кромѣ Трехъ Сокровищъ другихъ боговъ и вѣроученій въ качествѣ истинныхъ спасителей отъ Сансары, міра страданій.

23) ཀུན་དུ་འགྲོ་བའི་ཁྱད་པར, ཁས་ལེན་པའི་ཁྱད་པར, རྟོགས་པའི་ཁྱད་པར་ཟིལ་གནོན་གྱི་ཁྱད་པར

1-й терминъ разумѣетъ творчество субъекта, исполняющаго «прибѣжище» и отдавшагося исполненію идеаловъ всѣхъ живыхъ существъ; 2-й терминъ — идеалы бодисатства; 3-й терминъ — духовныя просвѣтлѣнія бодисатвы и 4-й терминъ обозначаетъ величіе бодисатвы, которое подавляетъ хинаянистовъ, — шраваковъ и пратьекабуддъ.

24) སྐྱབས་འགྲོའི་སྡོམ་པ, — самый элементарный обѣтъ буддиста, заключающійся въ искренной вѣрѣ въ Три Сокровища, въ то, что Они являются единственными спасителями отъ міра Сансары. Это—минимальное требованіе отъ каждаго буддиста. Каждый, вступающій въ лоно буддизма, долженъ принять отъ посвящающаго лица «обѣтъ прибѣжища». Обрядъ даванія «обѣта прибѣжища» заключается въ троекратномъ произнесеніи посвящаемымъ формулы «обѣта прибѣжища»: «Прибѣгаю къ Буддѣ, прибѣгаю къ Закону и прибѣгаю къ Общинѣ». Посвящаемый произноситъ эту формулу, вторя словамъ посвящающаго духовника. Послѣ такого троекратнаго произнесенія формулы, посвящаемый дѣлаетъ троекратный молитвенный земной поклонъ образу Будды или инымъ символамъ (субургану, священной книгѣ и т. д.).

Такой «обѣтъ прибѣжища» можетъ «давать» другому каждый буддистъ, духовный или свѣтскій, имѣющій «обѣтъ прибѣжища».

По тибетски эта формула гласитъ:

སངས་རྒྱས་ལ་སྐྱབས་སུ་མཆིའོ།	Buddhaṃ çaraṇaṃ gacchāmi
ཆོས་ལ་སྐྱབས་སུ་མཆིའོ།	Dharmaṃ çaraṇaṃ gacchāmi
དགེ་འདུན་ལ་སྐྱབས་སུ་མཆིའོ།།	Saṃghaṃ çaraṇaṃ gacchami

25) གསུང་རབ = pravacana, слово или проповѣдь Будды.

26) སྟོང་པ་ཉིད — çūnyatā, — буквально «пустота». Этотъ терминъ имѣетъ очень много толкованій въ теоріяхъ различныхъ философскихъ школъ индійскаго буддизма. Во всякомъ случаѣ слово «пустота» не даетъ того понятія, котораго хотѣли бы имѣть сами буддисты. Болѣе близкимъ къ смыслу терминомъ будетъ «относительность»,— т. е. относительное, условное существованіе вещей, отрицающее всякое абсолютное, независимое бытіе. Смыслъ этого закона понимается какъ средина между абсолютнымъ бытіемъ и абсолютнымъ небытіемъ.

Состояніе наивнаго реалиста съ одной стороны, и состояніе постигшаго закона относительности съ другой, сравниваются съ состояніемъ сновидца — съ одной стороны, и съ состояніемъ пробудившагося отъ сна — съ другой: сновидецъ переживаетъ свои сновидѣнія какъ дѣйствительность, но какъ только онъ пробуждается, сны его становятся недѣйствительными. Такимъ образомъ вся наша жизнь, кажущаяся намъ дѣйствительностью, станетъ недѣйствительностью, «пустотою», «относительностью», какъ только мы постигнемъ законъ относительности. Для такого человѣка не существуетъ ни хорошое, ни худое, ни бѣлое, ни черное, ни свѣтъ, ни тьма, ни жизнь, ни смерть, и не страшно ему ни что, и духъ человѣческій пріобрѣтаетъ истинную свободу и счастье. Для усвоенія этого закона относительности предлагаются различные логическіе методы разсужденія. Изъ нихъ наиболѣе важнымъ и дѣйствительнымъ считается методъ разсужденія «Pratītyasamutpāda» = རྟེན་ཅིང་འབྲེལ་བར་འབྱུང་བ. Методъ этотъ создалъ огромную литературу, особенно у тибетцевъ.

27) ཆོས་ཀྱི་ཕྱག་རྒྱ = dharmamudrā — «печать Закона», — въ значеніи универсальной сущности вещей, философскаго идеала буддизма.

28) སེམས་ཙམ་པ — རྣམ་རིག་ཙམ་དུ་སྨྲ་བ = vijñānavādin, — названіе буддійской философской школы идеалистовъ, основанной учителемъ Āryāsaṃgha.

29) དབུ་མ་པ = mādhyamika, — буддійская философская школа, основанная учителемъ Nāgārjuna. Идеи этой школы признаются почти всѣми сектами Тибета, особенно сектой Цзонкабы, послѣдователемъ котораго является и авторъ настоящей книги.

30) བདེན་གྲུབ, — реальное бытіе, истинно-сущее. Въ разныхъ философскихъ школахъ терминъ этотъ имѣетъ разныя значенія. Въ данномъ случаѣ терминъ этотъ примѣненъ въ смыслѣ идеологіи наивнаго реализма.

31) རྒྱལ་བ, — Jina, — Побѣдитель, — эпитетъ Будды въ смыслѣ побѣдителя страстей и вообще всѣхъ дурныхъ сторонъ природы живыхъ существъ.

32) མཁས་གྲུབ = མཁས་གྲུབ་དགེ་ལེགས་དཔལ་བཟང་པོ (1385—1438), любимый ученикъ Цзонкабы.

33) སྟོང་ཐུན་བསྐལ་བཟང་མིག་འབྱེད = ཟབ་མོ་སྟོང་པ་ཉིད་ཀྱི་དེ་ཁོ་ན་ཉིད་རབ་ཏུ་གསལ་བར་བྱེད་པའི་བསྟན་བཅོས་བསྐལ་བཟང་མིག་འབྱེད, — одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Кайдуба, представляющее обширную монографію по теоріи закона относительности. Сочиненіе это находится въ I т. Собр. соч. автора (см. Коллекціи Г. Ц. Цыбикова, въ Азіатскомъ Музеѣ Р. А. Н.).

34) ལྕང་སྐྱ, — одинъ изъ первыхъ перерожденцевъ Чжанджа-Хутукты. Здѣсь не указано собственное имя Хутукты и потому трудно установить, который именно изъ перерожденцевъ имѣется здѣсь въ виду.

35) སྤྱན་སྔ་བློ་གྲོས་རྒྱལ་མཚན — одинъ изъ учениковъ Цзонкабы.

36) ཐེག་བསྡུས = ཐེག་པ་ཆེན་པོ་བསྡུས་པ, — сочиненіе учителя Арьясанги, представляющее компендіумъ всей системы Махаяны (см. Ганжуръ, по нартанскому изданію, т. ལི).

37) ཤིང་རྟ་ཆེན་པོ. Этимъ словомъ принято обозначать главныхъ толкователей и распространителей Махаяны,—учителей Нагарджуну и Арьясангу.

38) གཞུང་ཆེན་མོ, — т. е. сочиненія, главнымъ образомъ, учителей Нагарджуны и Арьясанги.

39) དོན་དམ = paramārtha; синонимъ термина སྟོང་ཉིད = çūnyatā, — закона относительности.

40) ཀུན་རྫོབ = saṃvṛti

41) ཕུང་པོ་ལྔ = pañcaskandha: 1) གཟུགས་ཀྱི་ཕུང་པོ — rūpaskandha; 2) ཚོར་བའི་ཕུང་པོ — vedanāskandha; 3) འདུ་ཤེས་ཀྱི་ཕུང་པོ — saṃjñāskandha; 4) འདུ་བྱེད་ཀྱི་ཕུང་པོ — saṃskāraskandha, и 5) རྣམ་པར་ཤེས་པའི་ཕུང་པོ — vijñānaskandha (аггрегатъ воспріятія въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова).

42) རྟེན་འབྲེལ་ཡན་ལག་བཅུ་གཉིས = dvādaçāṃgapratītyasamutpāda. Это основной буддійскій законъ жизни: все, что не вѣчно, подчинено этому закону относительности или причинной зависимости. Частнымъ случаемъ этого закона является законъ «Кармы», — нравственный законъ справедливости. На этомъ законѣ основано отрицательное отношеніе буддизма къ общей для всѣхъ остальныхъ религій и вѣрованій идеѣ о Богѣ-Творцѣ. Этотъ двѣнадцати-членный законъ относительности представляется по тибетски съ санскритскими соотвѣтствіями въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) མ་རིག་པ = avidyā; 2) འདུ་བྱེད = saṃskāra; 3) རྣམ་ཤེས = vijñāna; 4) མིང་གཟུགས = nāmarūpa; 5) སྐྱེ་མཆེད = ayatana; 6) རེག་པ = sparça; 7) ཚོར་བ = vedanā; 8) སྲེད་པ = tṛṣṇā; 9) ལེན་པ = upadāna; 10) སྲིད་པ = bhava; 11) སྐྱེ་བ = jāti, и རྒ་ཤི = jarāmaraṇa.

43) མངོན་པ་ཀུན་བཏུས = ཆོས་མངོན་པ་ཀུན་ལས་བཏུས་པ — (см. Данжуръ, མདོ, т. ལི). — сочиненіе учителя Арьясанги, представляющее общее обозрѣніе abhidharma, одного изъ трехъ отдѣловъ буддійскаго канона Tripiṭaka, въ махаяническомъ освѣщеніи школы виджнянавадиновъ (трансцендентальныхъ идеалистовъ). Это чрезвычайно важное сочиненіе для изучающихъ исторію философіи буддизма.

44) བདེ་སྟོང་དབྱེར་མེད་ཀྱི་ཡེ་ཤེས — терминъ, примѣняемый въ высшей тантрійской системѣ Anuttarayogatantra для обозначенія конечнаго идеала пути Символики, — такъ сказать, — тантрійской Нирваны, — въ смыслѣ высшей божественной интуиціи, при которой высшее духовное блаженство субъекта и универсальный законъ относительности становятся для достигшаго идеала субъекта по существу безразличными.

45) ཐབས་ཤེས = ཐབས་དང་ཤེས་རབ = upāyaprajñā, — термины для обозначенія двоякаго рода способности Будды: *искусства* спасти другихъ и *знанія* истинной сущности вещей, — закона относительности.

46) རྙིང་ཆོས = རྙིང་མའི་ཆོས = རྙིང་མ་པའི་ཆོས, — литература старой секты, — первоначальнаго ламаизма, основаннаго въ Тибетѣ индійскимъ іогиномъ Падмасамбавой (IX в. по Р. Х.).

47) གཏེར་ཁ. Одна изъ особенностей секты Нинмабы заключается въ томъ, что она происхожденіе своей сектантской литературы объясняетъ открытіями въ разное время въ Тибетѣ великими ламами «Кладовъ Священныхъ Книгъ». Великіе учителя Нинмабы зарывали священныя книги въ землю въ видѣ кладовъ въ тѣ времена, когда не было счастливцевъ, могущихъ пользоваться данными священными книгами. Когда наступали благопріятныя времена, клады эти открывались великими ламами секты, «открывателями кладовъ» (གཏེར་སྟོན་པ) и дѣлались достояніемъ жаждующихъ спасенія людей. Такъ объясняютъ

послѣдователи Нинмабы происхожденіе своей сектантской литературы, дѣйствительное впроисхожденіе большинства которой является весьма загадочной. Подобныя «Книги Кладовъ» имѣетъ лишь секта Нинмаба. Эти книги послѣ открытія ихъ могутъ быть въ обращеніи въ рукописяхъ и въ печатныхъ изданіяхъ. Такія печатныя изданія или рукописи имѣютъ нѣкоторые характерные признаки: встрѣчаются по многу разъ въ разныхъ мѣстахъ текста слова «རྒྱ» (т. е. Книга имѣетъ «печать», что она открыта въ составѣ клада) и обычный тибетскій знакъ препинанія «།» замѣняется знакомъ «༔».

48) བླ་མ = guru. Въ данномъ случаѣ подъ этимъ словомъ надо понимать собирательное названіе не только духовныхъ главъ секты, но и высшихъ боговъ—идам'овъ секты.

49) Въ рѣчи Ширапа отразились отзвуки тѣхъ кровавыхъ историческихъ событій, когда хотоутеній Гегенъ Гушиханъ (1582—1654) завоевалъ весь Тибетъ и вручилъ свою власть надъ Тибетомъ V-му Далай-ламѣ (1617—1682), который, будучи главой желтой секты, сочувствовалъ идеямъ и Нинмабы, имѣющей больше національно-тибетскихъ элементовъ, чѣмъ всѣ остальныя тибетскія секты. Какъ извѣстно, этотъ ханъ жестоко преслѣдовалъ нѣкоторыя тибетскія секты Нинмаба и Гаржудба (секту Марба-ламы) и покровительствовалъ сектѣ Цзонкабы.

50) དབུ་མ = madhyamaka, терминъ школы Mādhyamika для обозначенія философскаго идеала «средины» между абсолютнымъ бытіемъ и абсолютнымъ небытіемъ. Въ этомъ случаѣ терминъ этотъ является синонимомъ «пустоты», закона относительности.

51) རི་བོ་དགེ་ལྡན་པ = དགེ་ལུགས་པ и т. д., названіе секты Цзонкабы.

52) འཇམ་མགོན་ཙོང་ཁ་པ,—такъ названъ Цзонкаба потому, что онъ считается воплощеніемъ бодисатвы Манджушри —бога мудрости.

53) ཐུན་རྭ,—обрядовый рожокъ для подавленія злыхъ, нечистыхъ силъ. Рожокъ обыкновенно дѣлается съ закрытымъ донышкомъ, обтянутымъ кожей. Верхушка рожка состоитъ изъ ваджры. Рожокъ снаружи имѣетъ орнаментныя вырѣзки. Внутрь рожка кладется составъ разныхъ снадобій, имѣющихъ магическое свойство подавлять нечистую силу. Приготовленный въ такомъ видѣ рожокъ, прежде чѣмъ быть пущеннымъ въ обиходъ, долженъ быть освященъ извѣстнымъ обрядомъ, придающимъ рожку магическія свойства. Имѣются спеціальныя книги о приготовленіи и освященіи рожка (ཐུན་རྭ་སྒྲུབ་ཆོག). Совершающій обрядъ съ примѣненіемъ рожка слегка потряхиваетъ имъ вверхъ и внизъ, причемъ содержимое въ рожкѣ издаетъ легкій звукъ, ударяясь о стѣнку — обтянутую кожу. Рожокъ этотъ распространенъ главнымъ образомъ среди послѣдователей старой секты.

54) རྙིང་མ—названіе старой секты,—первоначальнаго ламаизма, основаннаго въ Тибетѣ въ IX в. индійскимъ іогиномъ Падмасамбавой. Наряду съ этимъ названіемъ имѣемъ производное отъ этого слова རྙིང་མ་པ, которое означаетъ какъ самое названіе секты, такъ послѣдователя секты.

55) དཀོན་མཆོག.

56) པེ་དཀར = པེ་ཀར = དཔེ་དཀར = དཔེ་ཧར и т. д.—одинъ изъ главныхъ боговъ-геніевъ хранителей національно-тибетскаго миѳа.

57) སྡོམ་གསུམ་རབ་དབྱེ,—сочиненіе Саджа-пандиты Гунга-жалцана (1182—1251), излагающее буддійскіе обѣты монашества, бодисатства и мантризма (Символики): སོ་ཐར་བྱང་སེམས་གསང་སྔགས་ཀྱི་སྡོམ་པ་རྣམ་གསུམ.

58) ཏིང་འཛིན = ཏིང་ངེ་འཛིན, особое сосредоточенное на чемъ нибудь состояніе мысли, достигнутое путемъ практики созерцанія и вызываемое неограниченно-свободно въ любой моментъ и по отношенію къ любому объекту. Samādhi имѣетъ безчисленное множество видовъ и степеней, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи. Будда обладалъ всѣми высшими степенями и качествами Samādhi и могъ въ любой моментъ вызывать въ себѣ состояніе высшей Samādhi, сосредоточенной на любой изъ вдохновлявшихъ его идей.

Съ этимъ спеціальнымъ терминомъ нельзя смѣшивать общій терминъ བསམ་གཏན = dhyāna, обозначающій вообще природную способность живыхъ существъ къ Samādhi: всѣ живыя существа обладаютъ этой способностью, находящейся въ нихъ или въ состояніи скрытной силы или въ состояніи разныхъ степеней развитія.

59) གསུང་རབ = pravacana,—проповѣдь, подлинныя слова Будды, священный канонъ словъ Будды.

60) Тибетскій переводчикъ съ санскрита.

61) རིན་ཆེན་བཟང་པོ,—одинъ изъ великихъ тибетскихъ лоцабъ-переводчиковъ (958—1055).

62) སངས་རྒྱས་སྐར་རྒྱལ,—одинъ изъ тибетскихъ еретиковъ, хотѣвшій, по преданію погубить ученіе Будды въ Тибетѣ.

63) བདུད = māra,—діаволъ, искуситель, владыка мірской жизни, злой противникъ правды.

64) ཐོས་བསམ་སྒོམ་གསུམ: вся религіозная дѣятельность буддиста можетъ быть разсматриваема въ видѣ трехъ родовъ умственной дѣятельности: *слушанія*, т. е. образованія; *размышленія*, т. е. критическаго усвоенія Закона, и *созерцанія*, т. е. окончательнаго закрѣпленія въ себѣ всего усвоеннаго Закона.

65) འཆར་རྩོད་རྩོམ་གསུམ.

66) Передъ этимъ мы ожидали бы опредѣленіе плода исполненія размышленія. Пропускъ авторомъ этого мѣста не совсѣмъ понятенъ.

67) ཡི་དམ་ལྷའི་ཞལ་གཟིགས,—буквально «лицезрѣніе (созерцателемъ божества) iṣṭadevatā»,—клятвеннаго божества, т. е. такого высшаго порядка божества, которое, при соблюденіи созерцателемъ требуемыхъ правилъ, даетъ послѣднему клятву исполнить всѣ желанныя его цѣли.

68) ལུང་རིག,—термины для обозначенія двухъ критеріевъ истинности: *канона* (или священнаго писанія) и *разума*. Единственными критеріями истины являются «слова Будды» и «критическій разумъ». На эти два критерія истинности долженъ опираться писатель-буддистъ.

69) སྐྱེས་རབས. Подъ этимъ названіемъ разумѣется извѣстное сочиненіе учителя Ārya Çūra, «Jātakamālā» — поэтическое повѣствованіе о бодисатскихъ перерожденіяхъ Будды. Объ этомъ сочиненіи см.: Сергѣй Ольденбургъ, «Буддійскія легенды». Часть первая. Bhadrakalpāvadāna. Jātakamālā. СПб., 1894.

70) དགོན་པ་བ!, — одинъ изъ послѣдователей Атиши (см. прим. 15).

71) དུས་ཀྱི་སྙིགས་མ или སྙིགས་མའི་དུས. По представленію буддистовъ самымъ лучшимъ временемъ счастья живыхъ существъ считаются тѣ эпохи міровой жизни, когда появляются Будды — просвѣтители, и когда людямъ всего легче достигать состоянія Будды. Худшимъ же временемъ считаются тѣ періоды міровой жизни, когда люди, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія цивилизаціи, начинаютъ забывать религію Будды, становятся невоспріимчивыми къ Закону, и предаются всецѣло благамъ мірской жизни.

72) བཀའ་གདམས་གོང་མ, — т. е. Атиша и его ученики.

73) མདོ་བསྟན་བཅོས, — sūtra и çāstra, — т. е. сутры, — сборники словъ Будды, входящіе въ составъ Ганжура, — и сочиненія буддійскихъ авторовъ.

74) བྱང་ཆུབ་ལམ་གྱི་རིམ་པ, — одно изъ главныхъ сочиненій Цзонкабы, излагающее все ученіе буддизма въ видѣ системы пути достиженія состоянія Будды.

75) རྗེ་བླ་མ — почтительное прозвище Цзонкабы: «Владыка-лама» или «Верховный учитель».

76) ཐར་པ་དང་ཐམས་ཅད་མཁྱེན་པ — элементы состоянія Будды.

77) བློ་བཟང་གྲགས་པ = Sumatikīrti, собственное имя Цзонкабы.

78) ཚོགས་གཉིས (буквально: «Два собранія») = བསོད་ནམས་ཀྱི་ཚོགས་དང་ཡེ་ཤེས་ཀྱི་ཚོགས, — т. е. «Собраніе доброты и собраніе мудрости», — термины для обозначенія этическаго и умственнаго совершенствъ, достигнутыхъ Буддой.

79) ལྷུན་པོ = Sumeru, миѳическая гора, согласно общеиндійской космологіи: вокругъ нея вертятся солнце и луна, и на четырехъ ея сторонахъ расположена наша Земля въ видѣ четырехъ материковъ.

80) གླིང་བཞི, — см. прим. 79. Здѣсь сравнивается религія Будды съ четырьмя материками Земли, — благодатной опоры жизни существъ.

81) ཐུབ་(པ) = Muni, эпитетъ Будды.

82) རིག་གནས་ཆུང་བ་ལྔ: 1) སྙན་ངག = kāvya, — поэзія; 2) སྡེབ་སྦྱོར = chanda — метрика; 3) མངོན་བརྗོད = abhidhāna, — синонимика; 4) ཟློས་གར = nāṭaka, драма, сценическое искусство, и 5) སྐར་རྩིས = gaṇanā — астрологія.

83) སྐད་རིགས་ཆེན་པོ་བཞི: 1) ལེགས་སྦྱར(ལྷའི་སྐད) = saṃskṛta; 2) ཟཀྲིཏ་རང་བཞིན་པའི་སྐད = prākṛta; 3) ཨཔབྷྲཾཤ་ཟུར་ཆག་གི་སྐད = apabhraṃça, и ཟེཤཙེ་ཤ་ཟའི་སྐད = paiçācika.

84) དངོས་པོ, — астрономическій терминъ для обозначенія опредѣленнаго года.

85) རྒྱལ, — названіе послѣдняго зимняго мѣсяца луннаго лѣтосчисленія.

86) སྔགས་རམ་པ, — ученое званіе окончившаго курсъ школы Символики (སྔགས་པ་གྲྭ་ཚང или རྒྱུད་པ་གྲྭ་ཚང).

87) དཀོན་མཆོག་ཀུན་དགའ = Ratnānanda.

88) Каждое буддійское сочиненіе заканчивается всегда какимъ нибудь благопожеланіемъ по принципу: «каждое доброе дѣло должно кончиться добромъ». Такимъ же благопожеланіями оканчиваются индійскія драмы.

Э. К. Пекарскій.

Матеріалы по якутскому обычному праву.

(Три документа)

При всемъ сравнительномъ богатствѣ литературы о якутахъ, съ которыми въ этомъ отношеніи врядъ ли можетъ соперничать какая-либо другая народность Сибири, одна область якутовѣдѣнія, именно обычное право якутовъ, затронута слишкомъ мало въ нашей научной литературѣ. Основнымъ источникомъ для всѣхъ изслѣдователей въ этой области и до сихъ поръ служитъ извѣстный «Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ», изданный Д. Я. Самоквасовымъ (Варшава, 1876. Стр. 282), въ которомъ «обычіямъ якутовъ» отведено всего лишь 15 страницъ разгонистой печати. Работы, спеціально посвященныя юридическому быту якутовъ, какъ, напр., кн. Кострова (Очерки юридическаго быта якутовъ. ЗИРГО по Отд. Этногр. 1878 г. Т. VIII), М. В—ч а (Юридическіе обычаи якутовъ. Журн. гражд. и уголовнаго права. 1891, кн. III), Н. Харузина (Юридическіе обычаи якутовъ. По матеріаламъ И. И. Приклонскаго... Этнографич. Обозрѣніе 1898, № 2) и, наконецъ, Д. А. Кочнева (Очерки юридическаго быта якутовъ. Казань. 1899), не даютъ сколько-нибудь яркаго представленія объ этомъ бытѣ и носятъ несомнѣнные слѣды не изученія его на основаніи данныхъ живой дѣйствительности или какихъ-либо памятниковъ изъ области якутскаго обычнаго права, а поверхностнаго и чисто внѣшняго собранія разрозненныхъ фактовъ, кой-какъ скомбинированныхъ и подогнанныхъ подъ ту или другую теорію. Изъ извѣстныхъ мнѣ трудовъ по изученію юридическаго быта якутовъ всего болѣе способна остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя неизданная работа покойнаго Н. А. Виташевскаго «Якутскіе матеріалы для разработки вопросовъ эмбріологіи права», заслужившая чрезвычайно лестный отзывъ покойнаго М. М. Ковалевскаго. Къ сожа-

лѣнію, она начала печататься въ видѣ приложенія къ такому мало распространенному изданію, какъ «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Русск. Геогр. Общества», такими незначительными дозами и съ такимъ значительнымъ запозданіемъ и небрежностью въ корректурномъ отношеніи, что авторъ счелъ за лучшее пріостановить ея дальнѣйшее печатаніе въ Иркутскѣ, надѣясь издать ее здѣсь въ «Запискахъ» того же Общества по Отдѣл. Этнографіи [1].

Въ виду отмѣченнаго мною недостатка фактическаго матеріала по обычному праву якутовъ, я рѣшилъ воспользоваться гостепріимствомъ, оказаннымъ мнѣ редакціей «Сборника Музея Антропологіи и Этнографіи» и помѣстить въ настоящемъ томѣ документальный матеріалъ, относящійся къ Олекминскому, Верхоянскому и Якутскому округамъ. Говорить здѣсь о цѣнности подобнаго рода памятниковъ обычнаго права не приходится: объ этомъ въ свое время достаточно ярко писалъ Д. Я. Самоквасовъ въ предисловіи къ своему «Сборнику» и А. Кистяковскій въ посвященной послѣднему статьѣ «Собраніе и разработка матеріаловъ обычнаго права» (Кіевскія Университетскія Извѣстія. 1876 г., № 6). Замѣчу лишь, что приведеніе документовъ, написанныхъ мѣстами не совсѣмъ грамотно и вразумительно для современнаго читателя, въ ихъ первоначальномъ видѣ, а не въ изложеніи или пересказѣ, предпочтительнѣе потому, что даетъ возможность разносторонняго толкованія неясныхъ мѣстъ и сравненія ихъ съ текстомъ Д. Я. Самоквасова.

Въ другомъ мѣстѣ (см. приложеніе I къ «Эволюціи Черной вѣры (шаманства) у якутовъ» В. Ф. Трощанскаго. Казань. 1902) я уже отмѣтилъ, что та часть «Сборника» Д. Я. Самоквасова, которая касается «обычаевъ якутовъ», не есть первоначальный текстъ «Объясненія якутовъ Якутской области о законахъ и обычаяхъ ихъ», представленнаго «головами якутскихъ пяти улусовъ и двухъ волостей». Оно подверглось нѣкоторой переработкѣ въ Иркутскомъ Губернскомъ Правленіи, прежде чѣмъ попало во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи вмѣстѣ съ рукописными показаніями другихъ сибирскихъ инородцевъ объ ихъ «законахъ и обычаяхъ», составленными въ двадцатыхъ годахъ мин. столѣтія по распоряженію тогдашняго правительства. Въ томъ видѣ, въ какомъ «Объясненіе» якутскихъ головъ вышло изъ рукъ составителей, оно гораздо объемистѣе, чѣмъ помѣщенное въ «Сборникѣ» Д. Я. Самоквасова, и содержитъ въ

---

[1] Надеждѣ этой не суждено было осуществиться, такъ какъ по смерти И. А. Виташевскаго въ 1918 г. рукопись «Якутскихъ матеріаловъ», оставленная наслѣдницами въ частныхъ рукахъ, до сихъ поръ ими не разыскана, равно какъ и остальныя рукописи покойнаго.—Имѣетъ быть напечатана въ числѣ «Трудовъ» Академической Якутской Экспедиціи, организованной въ 1925 г.

себѣ много главъ (числомъ 26), коихъ въ послѣднемъ мы не находимъ вовсе, не говоря уже о произвольныхъ сокращеніяхъ и неудачныхъ добавленіяхъ въ самомъ текстѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи точную копію «Объясненія», я опубликовалъ въ приложеніи къ вышеупомянутому труду В. Ф. Трощанскаго лишь первыя двѣ главы — о «Жертвоприношеніи» и «Шаманствѣ», а затѣмъ, въ вып. II — III «Живой Старины» за 1909 г., посвященномъ В. В. Радлову по случаю 50-тилѣтія его ученой дѣятельности, привелъ еще отрывки, касающіеся якутскаго брачнаго права. Въ обоихъ случаяхъ эти свѣдѣнія были дополнены соотвѣтственными выдержками изъ показаній олекминскихъ и верхоянскихъ родоначальниковъ.

Если «свѣдѣнія» по Якутскому округу, хотя бы въ неполномъ и искаженномъ видѣ, все же были доступны изслѣдователямъ обычнаго права благодаря «Сборнику» Д. Я. Самоквасова, то «свѣдѣнія» по Верхоянскому и Олекминскому округамъ, за исключеніемъ незначительной части, опубликованной мною, появляются нынѣ въ печати впервые. Всѣ эти документы извлечены мною изъ архива Якутскаго Областного Управленія, именно изъ «Дѣла по предложенію Г. Якутскаго Областнаго Начальника съ приложеніемъ отношенія Губернскаго правительства о доставленіи въ Губернскій Совѣтъ нужныхъ свѣдѣній о осѣдлыхъ, кочующихъ и бродячихъ иновѣрцахъ. Началось 10 генваря 1823 г.» Свѣдѣнія эти понадобились Иркутскому Губернскому Совѣту для соображеній по вопросу о приведеніи въ исполненіе Устава объ инородцахъ 1822 г., «въ особенности о образѣ управленія».

Такъ какъ верхоянскіе родоначальники для своихъ «свѣдѣній» использовали почти буквально показанія олекминскихъ родоначальниковъ, то, во избѣжаніе повтореній, въ подлежащихъ мѣстахъ текста мною дѣлаются лишь ссылки, указывающія на незначительныя измѣненія или редакціонныя отступленія отъ первоисточника, т. е. олекминскихъ «свѣдѣній».

При томъ или другомъ параграфѣ я счелъ нелишнимъ указывать на соотвѣтственные параграфы «Обычаевъ якутовъ» въ «Сборникѣ» Д. Я. Самоквасова для сравненія и для облегченія могущихъ понадобиться читателю справокъ. Свѣдѣнія олекминскія обозначены инициалами ОС., верхоянскія — ВС., ссылки на Д. Я. Самоквасова — Сам.

Всѣ подстрочныя примѣчанія, пунктуація, прямыя скобки и жирный шрифтъ принадлежатъ мнѣ.

Э. П.

I.

СВѢДѢНІЯ,

составленныя вслѣдствіе предписанія Олекминскаго Окружнаго Земскаго Исправника 1'. 9 класса Карсакова отъ 8 ч. мая 1823 г. за № 1245 Олекминскаго вѣдомства якутскихъ 5-ти волостей князцами и лучшими родовичами о законахъ и обычаяхъ инородцевъ, собранныя частію изъ ясашной выписки и частію изъ преданіевъ. Іюня [без даты] дня 1823 г.

Кража разныхъ родовъ.

1. За кражу коннаго и рогатаго скота обличенный въ 1-й и 2-й разъ, по указу 751-го года іюля 9 дня (если въ томъ съ хозяиномъ, у кого укралъ, не помирится), платитъ за каждую скотину таковыхъ же по 3 [1], а сверхъ того, при сходкѣ народа, бываетъ сѣченъ и лозами. А если заплатить сихъ трехъ скотинъ въ натурѣ по бѣдности его нечѣмъ и прочаго никакого имѣнія не имѣетъ, то отдается, по приговору народа, въ погодное зарабатываніе. Учинившій же сіе преступленіе въ 3 и 4 разъ отсылается къ суду.— Ср. Сам. XVI. 3. 10.

2. За кражу кожъ, хлѣба, имѣнія и денегъ (кромѣ казенныхъ и общественныхъ) платитъ виновный покраденное тѣмъ же числомъ, а сверхъ того, смотря по суммѣ, на какую сдѣлана покража, наказывается содержаніемъ подъ карауломъ просто или въ колодѣ, а иногда при сходкѣ народа и лозами. За казенныя же, церковныя и общественныя кражи отсылаются къ суду.— Сам. XVI, 5.

3. За кражу сѣна наказывается виновной платежемъ за одинъ три воза и на сходкѣ народа [2] лозами.

4. За вынятіе изъ ловушекъ звѣря, птицы или [3] рыбы наказывается виновной при сходкѣ народа лозами и платитъ украденное въ натурѣ или по оцѣнкѣ [4] деньгами со всѣми убытками. — Сам. XI, 1, д.

5. За обманъ при продажѣ и обмѣнѣ [5], учиненный въ 1-й и 2-й разъ, приказывается удовлетворять обиженнаго чѣмъ обманулъ и, сверхъ того,

---

[1] ВС.: таковыхъ же три, разумѣя съ покраденною.

[2] ВС. прибавлено: въ страхъ другимъ.

[3] ВС.: и.

[4] ВС.: по цѣнѣ.

[5] ВС.: размѣнѣ.

при обществѣ дѣлается ему выговоръ съ подтвержденіемъ впредь того не дѣлать; въ 3-й же разъ наказывается при обществѣ лозами[1].

6. Случается иногда, что укравшій скотину или что-либо иное прячетъ[2], а другіе спрятанное у нихъ находятъ, и кто таковое найденное объявитъ, тому изъ той[3] же найденной части дѣлается[4] награжденіе; если же кто, нашедъ, утаитъ и употребитъ въ свою пользу, таковой наказывается какъ бы самъ то укралъ противъ 2-го пункта[5]. — Сам. XVI, 9; XVII, 4.

Примѣчаніе. На всѣ сіи роды воровства обвиняемый иногда не признается, но, будучи обличенъ 2-мя или 3-мя свидѣтелями, считается виновнымъ, а если таковой былъ и прежде въ воровствѣ [обличенъ], то принимается и одинъ свидѣтель, и съ таковымъ обличеннымъ поступаютъ какъ сказано выше.

Неповиновеніе родоначальникамъ.

За неповиновеніе, грубости и ослушаніе родоначальниковъ[6] дѣлается обиженнымъ на сугланахъ[7] жалоба, и когда въ томъ виновной обличенъ будетъ, то въ 1-й разъ, смотря по важности обиды, приказываютъ виновному просить у обиженнаго прощеніе, причемъ дѣлается одно только строжайшее запрещеніе и выговоръ; во 2-й разъ наказывается обществомъ лозами; въ 3-й и 4-й разъ отсылается къ суду. — Ср. Сам. VII, 2; VIII, в

Разборъ о калымахъ.

1. Если отецъ или мать просватанной за калымъ невѣсты, получивъ онаго часть или весь калымъ[8], а невѣста, не обвѣнчавшись, сбѣжитъ за другого, то взятой ея отцомъ за дочь свою калымъ взыскивается съ новаго ея мужа весь безъ остатку, рогатой скотъ съ приплодомъ и удоемъ, а конной съ тѣлами[9], а сверхъ того виновные на сходкѣ народа наказываются и лозами. — Сам. XIV, 9.

2. Если, по сдѣланному о замужествѣ договору, тесть или теща, получивъ отъ зятя своего нѣкоторую часть калыма и не сдержавъ своего слова,

---

[1] ВС.: въ 3-й же разъ содержится подъ стражею просто и въ колодкѣ, а за 4-й разъ наказывается при обществѣ лозами.

[2] ВС.: спрячетъ.

[3] ВС.: оной.

[4] ВС.: дѣлать.

[5] ВС.: ... укралъ безъ всякаго извиненія.

[6] ВС.: ослушанія родоначальникамъ.

[7] ВС.: на сугланахъ народу.

[8] ВС.: или и все количество.

[9] «Тѣло» коня или быка, по-мѣстному, значитъ: плата за временное пользованіе конемъ или быкомъ.

выдадутъ свою дочь замужъ за другого, тогда съ нихъ взыскивается, по вышеписанному, скотъ съ приплодомъ, удоемъ и тѣлами и за безчестіе и убытки, какіе отъ сего произойти могутъ. — Сам. XIV, 9.

3. Если женихъ съ невѣстою сговорясь выдти одна за другого замужъ и первой, отдавъ за нее калыму, оставитъ свою невѣсту[1] и женится на другой, тогда уже отданный имъ калымъ остается въ пользу засватанной[2] невѣсты, безъ всякаго взысканія, и притомъ при собраніи общества дѣлается ему выговоръ. — Сам. XIV, 9.

4. Если мужъ съ женою обвѣнчавшись и поживъ нѣсколько времени, хотя до 10-ти лѣтъ и болѣе, первой изъ нихъ помретъ, и оставшаяся послѣ него жена вздумаетъ выдти замужъ за другого, то сей послѣдній, по древнимъ нашимъ обычаямъ, обязанъ отдать свекру, свекрови или братьямъ перваго ея мужа половину калыма, отданнаго за нее первоначально, въ пополненіе убытка, ими тогда понесеннаго; нынѣ же сіе обыкновеніе пароxіальными священниками назадъ тому лѣтъ 15 и болѣе [прекращено], чрезъ что якуты въ калымныхъ своихъ договорахъ чувствуютъ не малые убытки. — Ср. ВС., п. 6.

Ослушаніе противъ родителей.

За грубости и ослушаніе противъ родителей, по доходящимъ просьбамъ, въ первый разъ виновные испрашиваютъ у родителей при обществѣ прощеніе, во второй разъ и болѣе при томъ же обществѣ наказываются лозами.— Сам. XV, 12.

О воспитанныхъ дѣтяхъ[3].

[1.] По древнему обыкновенію введено у якутовъ въ обычай, чтобъ принятой съ младенчества на воспитаніе мальчикъ, коего воспитываемый его отецъ[4] одѣваетъ и обуваетъ, и если въ ревизіи[5], то платитъ за него ясакъ и подати, за что онъ у него долженъ быть въ совершенномъ повиновеніи и жить безотлучно до 25 лѣтъ, по прошествіи же сего времени считается онъ свободнымъ и въ правѣ отъ отца своего отойти или жить у него по договору за наемъ.

---

[1] ВС.: Если женихъ, сговорясь взять себѣ невѣсту и отдавъ часть за нее калыму, оставитъ оную . . .

[2] ВС.: засватанной имъ.

[3] Этотъ отдѣлъ составляетъ пп. 7 и 8 ВС. отдѣла «Разборъ о калымахъ»

[4] ВС.: Въ обыкновеніи у якутовъ бываетъ принимать съ младенчества дѣтей родственниковъ своихъ или стороннихъ людей, коихъ воспитываемый отецъ и т. д.

[5] ВС.: и если въ ревизіи мужчина . . .

[2.] Если же ранѣе 25-ти лѣтъ отецъ воспитанника своего пожелаетъ женить и возьметъ за него невѣсту за калымъ, а сынъ его, женясь, не захочетъ у него жить и съ женою своею отойдетъ, тогда отецъ отданной за жену его калымъ взыскиваетъ съ сына своего весь безъ остатка.

Ссоры, драки и ругательства.

[1.] Если[1] случатся между родовичами[2] ссоры и въ оной одинъ другаго ударитъ легкимъ образомъ, тогда виноватой наказывается выговоромъ[3]. Если же ударитъ или прибьетъ жестоко и притомъ изувѣчитъ, тогда виноватой[4] долженъ изувѣченнаго лѣчить, до выздоровленія пропитывать и домовую его работу работать, и сверхъ того при сходкѣ народа сѣченъ[5] бываетъ лозами.

[2.] Если же одинъ, не снеся удара своего противника, начнетъ драться самъ, и если сей бой былъ легкой, тогда оба наказываются выговоромъ, или содержаніемъ подъ арестомъ, а если тяжелой[6], то также оба при сходкѣ народа сѣкутся лозами.

Пожегъ лѣсовъ, дворовъ, сѣна и прочаго.

Если кто нечаяннымъ образомъ сожжетъ сосѣда своего дворъ, сѣно, лѣсъ и прочее, то весь причиненной отъ того убытокъ бываетъ обязанъ заплатить хозяину и, сверхъ того, объ осторожности дѣлается ему при обществѣ строжайшій выговоръ. — Ср. ВС. п. 1 соотв. отдѣла; Сам. XXXI, 2.

Потрава пашни и сѣнокосовъ скотомъ.

1. Если кто потравитъ своимъ скотомъ пашню или покосъ умышленно, тогда платитъ всѣ убытки и наказывается при сходкѣ лозами. — Ср. ВС. п. 1 соотв. отдѣла; Сам. XI, 2. д.

2. Когда въ цѣлой огородъ войдетъ чья скотина, потравитъ сѣно или пашню, тогда хозяинъ платитъ убытокъ безъ наказанія, и дѣлается ему подтвержденіе, чтобъ скотъ свой содержалъ взаперти или въ колодкѣ, чтобъ

---

[1] ВС.: Ежели . . .
[2] ВС.: инородцами.
[3] ВС.: тогда какъ виновникамъ обоихъ сторонъ дѣлается выговоръ
[4] ВС.: виновной.
[5] ВС.: наказанъ.
[6] ВС.: тяжкой.

не могъ переходить или ломать заборы. — Ср. ВС. п. 2 соотв. отдѣла; Сам. XI, 2, е.

3. Когда чей огородъ ветхой и въ оной войдетъ скотина, тогда хозяинъ оной отъ всякаго платежа освобождается. — Сам. XI, 2, д.

За пьянство.

Дѣлается сперва родоначальниками и старшинами выговоръ, потомъ вытрезвливаютъ чрезъ отданіе степеннымъ людямъ, за всѣмъ симъ сажается подъ караулъ; а если въ пьянствѣ дѣлаетъ еще и обиды, то и въ колоду или, смотря по дѣлу, сѣчется и лозами. — Сам. XXI.

За лѣность.

Лѣнивые въ работѣ и не радящіе о домѣ своемъ принуждаются къ трудолюбію чрезъ родоначальниковъ и старшинъ[1] въ родѣ, сажаются подъ арестъ, отдаются подъ надзоръ десятниковъ или надежныхъ родовичей для понужденія къ работѣ.

Самовольныя отлучки.

За отлучку безъ дозволенія родоначальника, если онъ, не заплатя податей или броситъ[2] семейство свое безъ призрѣнія, или укроется во избѣжаніе платежа долговъ, таковый возвращается чрезъ десятниковъ[3], и въ первый разъ дѣлается ему строгой[4] выговоръ съ подтвержденіемъ, а послѣ, смотря какого рода[5] была его отлучка, наказывается при сходкѣ и лозами. — Ср. Сам. XXII, 1.

Разборъ долговъ между родовичами.

|1.| Разборъ долговъ бываетъ: если должникъ сознается въ своемъ долгѣ и на платежъ онаго имѣетъ состояніе, тогда приказывается заплатить ему свой долгъ безотговорочно; если жъ онъ долженъ, но не имѣетъ что заплатить, тогда отдается въ зарабатываніе въ погодной платежъ, изъ коего вычитаются повинности и на пропитаніе его семейства, а достальнымъ удовлетворяются кредиторы |ср. ВС., п. 1|; |2.| если жъ, напротивъ того, кто въ долгѣ своемъ запирается, то уличаемъ бываетъ свидѣтелями, или чрезъ

---

[1] ВС.: десятниковъ.
[2] ВС.: бросся.
[3] ВС.: чрезъ посланнаго за нимъ.
[4] ВС.: строжайшій
[5] ВС.: роду.

избраніе посредниковъ разсчитываются, а потомъ, какъ выше сказано, полагается и платежъ. — Ср. Положеніе объ инородцахъ, изд. 1892 г., § 307.

Карточная игра.

Если дойдетъ до свѣдѣнія гдѣ открылась карточная игра, тогда, по изобличеніи, дѣлается строжайшій при обществѣ выговоръ; во второй разъ берется съ него подписка и подтверждается въ обществѣ имѣть за нимъ смотрѣніе, а если дойдетъ жалоба о проигрышѣ однимъ другому денегъ, вещей и прочаго, то отъ выигравшаго возвращается половина выиграннаго, а проигравшей при сходкѣ народа наказывается лозами, а выигравшей содержаніемъ нѣсколько времени подъ карауломъ. — Сам. XX.

Ябедничество.

Если въ[1] обществѣ окажется ябедникъ или вчинатель несправедливыхъ жалобъ, о таковомъ дѣлается въ обществѣ подтвержденіе[2], чтобъ никакихъ жалобъ отъ него не принимать и до оныхъ не допущать[3]; сверхъ того, берется отъ него въ томъ подписка, и онъ въ обществѣ во время суглановъ не имѣетъ никакого голоса. — Сам. IX.

О несогласіяхъ мужа съ женою.

Несогласія между мужемъ и женою и бывшія чрезъ то ссоры прекращаются чрезъ родоначальниковъ и избранныхъ посредниковъ примиреніемъ, берется съ нихъ о невчинаніи[4] впредь подписка, а иногда отдаются таковые благонадежнымъ людямъ подъ присмотръ и доводится до свѣдѣнія парохіальныхъ священниковъ, такъ какъ сіе болѣе до ихъ должности относится, а сими дѣлается о дружелюбномъ ихъ другъ съ другомъ примиреніи[5] увѣщаніе.

Брать въ тѣла лошадей.

Есть обыкновеніе у якутовъ брать другъ у друга лошадей, такъ называемое въ тѣло, на срокъ, а коровъ въ удой, и если таковой взятой ими скотъ, будучи въ рукахъ взявшаго ихъ, какимъ-нибудь образомъ издохнетъ,

---

[1] ВС.: въ какомъ-либо.

[2] ВС.: таковому дѣлается при сходѣ народа подтвержденіе и выговоръ; въ 3-й же разъ и болѣе въ томъ обличенный, по рѣшенію инородной управы, публикуется, чтобъ и т. д.

[3] ВС.: слова «и до оныхъ не допущать» — выпущены

[4] ВС.: о невчинаніи другъ на друга

[5] ВС.: и житіи.

т. е. отъ недостатку ли сѣна, отъ худого присмотра и проч. (кромѣ бываемаго повальнаго падежа), то приказывается за оной платить такое же число скотинъ, какое взялъ, и такого жъ рода, и, сверхъ того, взыскивается за все то время, которое сверхъ срока у себя продержалъ и не возвратилъ хозяину, за лошадей за тѣла, а коровъ съ удоемъ и приплодомъ.—Сам. XXV, 1. 2. 3.

Нечаянной убой скота.

Нерѣдко случается во время охоты, [что] кто-нибудь, подкрадываясь съ ружьемъ подъ звѣря или птицу, убьетъ нечаянно чью-нибудь скотину, то убившему оную приказывается платить за нее натурою или по цѣнѣ деньгами и, сверхъ того, при сходкѣ народа дѣлается ему строжайшій [1] выговоръ.

О рабочихъ людяхъ.

1. Если кто изъ родовичей, договариваясь къ кому на срокъ въ работу и получа отъ него плату, перейдетъ до срока къ другому и чрезъ то первому хозяину сдѣлаетъ въ работѣ остановку, таковаго приказываютъ отыскать и отдать хозяину, и за таковый поступокъ наказывается при сходкѣ народа лозами, а перезвавшій его къ себѣ хозяинъ, если задалъ [тому] работнику деньги, долженъ оныхъ лишиться — Сам. XXVIII, 3.

2. Если таковой же работникъ, договорясь къ хозяину своему въ работу, будетъ отъ оной лѣностію и нерадѣніемъ отбѣгать и притомъ хозяину своему будетъ дѣлать грубости и неповиновеніе, и дойдетъ о томъ жалоба съ тѣмъ, что хозяинъ его понесъ чрезъ то убытокъ, то, по достовѣрномъ о семъ изысканіи, дѣлается ему по 1-й и 2-й жалобѣ строжайшій выговоръ съ содержаніемъ иногда подъ карауломъ, а по 3-ей наказывается при сходкѣ лозами. — Сам. XXVIII, 5.

3. Если нанявшій къ себѣ въ работу хозяинъ на работника своего будетъ налагать работу свыше его силъ и притомъ станетъ его самовольно бить [2], таковому хозяину по 2-мъ жалобамъ дѣлается чрезъ десятниковъ, старшинъ или князца, а иногда и при собраніи общества выговоръ и подтвержденіе [3], а въ 3-й разъ приказываютъ, разсчитавшись съ работникомъ въ заработанныхъ дняхъ противъ полученной платы [4], работникъ увольняется. — Сам. XXVIII, 5.

---

[1] ВС.: строгой.
[2] ВС.: и увѣчить.
[3] ВС.: ...общества подтвержденіе воздержаться отъ того.
[4] ВС.: ...съ работникомъ во всемъ противъ договорной платы

Продажа 2-мъ хозяевамъ.

Если кто кому запродалъ скотину, звѣря или чего другое[1] и, получивъ въ задатокъ деньги, продастъ другому, таковому, по дошедшей жалобѣ, дѣлается въ собраніи строжайшій выговоръ и приказано бываетъ запроданное имъ первому хозяину отдать безъ всякаго послабленія.

За ложное свидѣтельство.

Если кто изобличенъ будетъ въ ложномъ свидѣтельствѣ, то оной, смотря по важности дѣла, наказывается при обществѣ строжайшимъ выговоромъ, содержаніемъ подъ карауломъ просто и въ колодѣ, а иногда наказаніемъ на сходкѣ и лозами. На подлинномъ подписали Олекминскаго вѣдомства якутскихъ пяти волостей старосты. — Сам. XIX, 2.

II.

СВѢДѢНІЯ,

составленныя, во исполненіе предписанія Верхоянскаго Окружнаго Исправника Коллежскаго Секретаря Михалева, онаго жъ вѣдомства и округи якутскими улусными головами и повѣренными верхоянскимъ, элге[т]скимъ и устьянскимъ со старостами нѣкоторыхъ родовыхъ управленій и лучшими родовичами о законахъ и обычаяхъ инородцевъ оныхъ, собранныя изъ свѣдѣній по дѣламъ и изъ устныхъ преданій. Декабря 30 дня 1823 г.

Кража разныхъ родовъ и взыскательность за то.

1. [Буквально то же, что п. 1 ОС.].

2. За кражу денегъ, имѣнія и вещей (кромѣ казенныхъ и общественныхъ) до 50-ти руб. платитъ виновный покраденное тѣмъ же числомъ и, сверхъ того, по приговору инородной или родовой управы, наказывается лозами при сходкѣ народа; за казенныя же, церковныя и общественныя кражи отсылается къ суду. — Ср. ОС., п. 2.

3. За кражу денегъ, имѣнія и вещей свыше 50-ти до 100 руб. таковый преступникъ по обличеніи въ третій разъ отсылается къ суду для поступленія по указамъ 1799 іюля 31 и 1802-го мая 14 дня, взысканіе же

---

[1] ВС.: звѣря, птицу, рыбу и проч.

производится изъ имѣнія его, если оное окажется; за неимѣніемъ же таковаго истецъ остается безъ удовлетворенія.

4. Цѣну покраденнаго скота, въ случаѣ неплатежа похитителемъ въ натурѣ за неимѣніемъ, полагать на деньги сообразно партикулярнымъ справочнымъ цѣнамъ, которую и зарабатываетъ преступникъ, какъ въ 1 пунктѣ полагается. Сам. XVI, 10.

5. [То же, что п. 3 ОС.].

6. [То же, что п. 4 ОС.].

7. [См. п. 5 ОС.].

8. [То же, что п. 6 ОС.].

9. За принятіе отъ вора денегъ, имѣнія и вещей или чего другаго завѣдомо краденаго виновный судится какъ настоящій преступникъ, платитъ тѣмъ же числомъ и наказывается лозами. — Сам. XVI, 9.

10. Принявшій отъ вора покраденное незавѣдомо и окажется по изслѣдованію о томъ дóпряма, таковый, обративъ полученное въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами, избавляется отъ наказанія.

11. Родовые старосты обязаны оглашать воровъ, обличившихся хотя и въ первый разъ, дабы, по неизвѣстности объ нихъ, несопричастные къ тому не могли отъ полученія чего-либо себѣ опорачиваться, а потому, ежели староста упуститъ публиковать, то, по обнаруженіи сего упущенія, подвергается платежу за несостоятельныхъ воровъ истцу вполнѣ, а самъ беретъ право его на себя.

Примѣчаніе. [Такое же, какъ и въ ОС.].

Пьянство. — Сам. XXI.

1. Если кто въ пьянствѣ найденъ бываетъ валяющимся по улицѣ, таковый берется подъ стражу и вытрезвливается въ колодѣ и просто, а при освобожденіи дѣлается строгое подтвержденіе о воздержности.

2. За безпокойство въ пьянствѣ кого бы то ни было инородная управа и родовый стáроста берутъ подъ стражу и содержатъ сутки въ колодѣ и просто, а при освобожденіи дѣлается выговоръ.

3. За всякую обиду дѣйствіемъ и словами въ пьянствѣ полагать противу трезваго наказаніе вдвое.

4. За драку въ пьянствѣ истца и отвѣтчика, по словесному разбору родоваго старосты и управы, въ первой и второй разъ сажаютъ подъ стражу просто и въ колоду, а въ третій и далѣе наказываютъ лозами при сходкѣ народа до 12 человѣкъ.

5. За всякое преступленіе въ пьянствѣ, которое не будетъ подлежать

разбору управы и старость, виновный отсылается къ суду для поступленія по законамъ.

Самовольныя отлучки.

1. [То же, что въ ОС. подъ заголовкомъ: «Самовольныя отлучки»].

2. О самовольной отлучкѣ родоначальника управа доноситъ мѣстному управленію письменно, которое, по возвращеніи отлучившагося, разыскиваетъ причину таковаго самоволія и за явное обличеніе въ томъ, для поступленія по законамъ, отсылается къ Суду.

3. Явившіеся безъ письменнаго вида Земскаго Начальства другаго вѣдомства инородецъ или родоначальникъ представляются мѣстному управленію для поступленія по законамъ. За необнаруженіе подобныхъ сему людей отвѣтствуетъ то мѣсто и лицо, гдѣ таковые будутъ находиться.

Неповиновеніе родоначальникамъ.

1. [То же, что въ ОС. подъ заголовкомъ «Неповиновеніе родоначальникамъ»].

2. За неявку на позывы родоваго старосты и родовой управы изъ единаго неповиновенія къ нимъ въ 1-й разъ дѣлается виновному строгое подтвержденіе, во 2-й разъ содержится подъ стражею въ колодѣ, а въ 3-й наказывается лозами. — Сам. VII, 1, б.

3. Если мѣра опредѣляемаго взысканія не будетъ дѣйствительна противу неповинующагося, тогда, постановя письменный приговоръ мірской сходки, представить къ Суду для поступленія по законамъ.

4. [То же, что въ ОС. въ отдѣлѣ «Ослушаніе противъ родителей», съ прибавленіемъ въ концѣ фразы: «(если родители ихъ будутъ требовать сего для приведенія къ себѣ въ повиновеніе)»].

Ссоры, драки и ругательства.

1. [То же, что п. 2 ОС. того же отдѣла].

2. Во всѣхъ дѣлахъ по дракамъ, къ Суду и расправѣ доходящимъ, для составленія мірскаго приговора полагается быть въ наличіи 12-ти человѣкамъ изъ почетныхъ инородцевъ со стороны истца и отвѣтчика, при которыхъ инородная или родовая управа, окончивъ судъ, исполняетъ приговоръ свой о наказаніи виновнаго.

3. [То же, что п. 1 ОС.].

4. Не отъемлется ни у кого права въ дракахъ и ругательствахъ до суда или и на ономъ между собою помириться и тѣмъ иски свои уничто-

жать; однако, позволяется сіе не свыше трехъ разъ, а при четвертомъ, яко дерзкій виновникъ, наказывается по приговору управы.

5. Если кто при разговорахъ между товарищемъ своимъ употребитъ такія слова и укоризну, которыя приняты будутъ за обиду, то причинившій сіе виновникъ, по точномъ чрезъ свидѣтелей доказѣ, подвергается, по приговору управы, выдержанію подъ стражею просто и въ колодѣ, смотря по мѣрѣ вины.

6. Буде кто во время собранія на сугланѣ, при лицахъ власть имѣющихъ, обнаружитъ себя въ дерзновенныхъ покушеніяхъ словами, таковому въ первый разъ дѣлается подтвержденіе, во второй разъ — строгій выговоръ, а въ третій сажается подъ стражу просто и въ колоду, смотря по намѣренію къ дерзости. — Ср. Сам. XV, 7.

7. За обиду ругательствомъ и непристойными словами, женскому полу причиненную, виновникъ, по словесному разбору инородной или родовой управы, подвергается выдержанію подъ карауломъ въ крѣпи и просто.

О лѣнивыхъ.

1. [То же, что въ ОС. въ отдѣлѣ «За лѣность», съ прибавкою въ концѣ: «неисправляющіеся же при семъ при сходкѣ народа по приговору сѣкутся лозами»].

2. За всякій непорядокъ по домоводству, несоблюденіе приономъ чистоты и опрятности родоначальники и капралы въ родѣ строго взыскиваютъ и наблюдаютъ, лѣнивые же при семъ побуждаются подтвержденіемъ, а неисправляющіеся отъ того сажаются подъ стражу просто и въ колоду на сутки при сходкѣ народа.

О карточной игрѣ.

1. Если дойдетъ до свѣдѣнія гдѣ открылась карточная игра, тогда, по изобличеніи, дѣлается строжайшій при обществѣ выговоръ; во второй разъ берется съ него подписка и подтверждается въ обществѣ имѣть за нимъ смотрѣніе: въ 3-й разъ берется подъ стражу и содержится при оной просто и въ колодѣ трои сутки. — Ср. въ ОС. первую половину отдѣла «Карточная игра».

2. Буде дойдетъ жалоба о проигрышѣ однимъ другому денегъ, вещей и прочаго, то отъ выигравшаго возвращается въ томъ же числѣ и дѣлается обоимъ наказаніе лозами при сходѣ народа по приговору. — Ср. въ ОС. вторую половину отдѣла «Карточная игра».

3. Воспрещается строго о неиграніи въ запретительныя и разорительныя игры въ карты, почему, дабы сила воспрещеній исполнялась въ

точности, полагается слѣдующее: а) за вывозъ и продажу картъ поступать по послѣдпераспубликованнымъ правиламъ и законамъ, т. е. виновнаго представлять Суду, б) упустившій сіе и послѣ обнаружившійся по доказательству подвергается взысканію и суду присутственнаго мѣста за участіе въ противозаконномъ поступкѣ и в) за открытіе въ домѣ своемъ зерни для карточной игры хозяинъ, по ясномъ изобличеніи, подвергается, съ приговора управы, выдержанію на сутки подъ карауломъ просто и въ колодѣ.

4. За драку при картежной игрѣ, по разбирательству словесно инородной управы и старосты обществъ, виновный получаетъ наказаніе при сходкѣ 12-ти лицъ обѣихъ сторонъ инородцевъ выдержаніемъ подъ карауломъ просто и въ колодѣ, или лозами, смотря по важности дѣла.

5. Буде изъ почетныхъ въ родѣ, староста и старшина обличены будутъ въ преступленіи противу вышеписанныхъ пунктовъ, инородная управа, по изслѣдованіи дѣла, о томъ представляетъ на рѣшеніе судебнаго мѣста.

О лжесвидѣтеляхъ.

1. Ежели кто изобличенъ будетъ въ ложномъ свидѣтельствѣ, то, смотря по важности дѣла, наказывается содержаніемъ подъ карауломъ просто и въ колодѣ, а иногда на сходкѣ народа, по приговору, лозами, и послѣ того вторично ни по какимъ дѣламъ во свидѣтельство не пріемлется.

2. Если кто учинитъ ложную присягу, склонясь на подарки или посулы, и въ томъ изобличится, таковый, яко клятвопреступникъ, отсылается къ Суду къ поступленію по законамъ или рѣшается инородною управою, смотря по важности дѣла.

Ябедничество.

[То же, что въ ОС. подъ такимъ же заглавіемъ].

Разборъ о калымахъ и рѣшеніе о томъ же.

1. [То же, что въ отдѣлѣ «Разборъ о калымахъ» ОС., п. 1].
2. [То же, что въ отдѣлѣ «Разборъ о калымахъ» ОС., п. 2].
3. [То же, что въ отдѣлѣ «Разборъ о калымахъ» ОС., п. 3].
4. Ежели холостой и незамужняя окажутся въ незаконномъ по общему согласію сожитіи и, по дошедшей о томъ въ управу жалобѣ, по точномъ удостовѣреніи, предоставляется онымъ вступить въ бракъ, послѣ коего зять платитъ калыму родителямъ жены своей по положенію инородной управы; непожелавшіе же вступить въ бракъ отсылаются къ Суду къ поступленію по законамъ.

5. Разрушающій законный бракъ между мужемъ и женою, при трехъ свидѣтеляхъ обличенный, отсылается къ Суду для взысканія по законамъ, подозрѣваемый же въ семъ случаѣ безъ явныхъ доказовъ остается на рѣшеніи инородной управы.

6. Если мужъ съ женою обвѣнчавшись и поживъ нѣсколько времени, хотя до 10-ти лѣтъ и болѣе, первой изъ нихъ помретъ, и оставшаяся послѣ него жена вздумаетъ выдти замужъ за другаго, то сей послѣдній обязанъ отдать свекру или братьямъ перваго ея мужа половину калыма, отданнаго за нею первоначально, въ вознагражденіе убытка, ими тогда понесеннаго. — Ср. ОС., п. 4.

7. [То же, что въ ОС., въ отдѣлѣ «О воспитанныхъ дѣтяхъ», п. 1].

8. [То же, что въ ОС., въ отдѣлѣ «О воспитанныхъ дѣтяхъ», п. 2].

9. Принявшій на воспитаніе женскаго полу младенца по совершенномъ возрастѣ отдаетъ въ замужество и получаетъ калымъ по условію въ пользу свою, хотя бы отецъ и мать дочери были живы.

10. Буде отецъ и мать, безъ воли сына своего, высватаютъ за калымъ невѣсту и заплатятъ изъ онаго часть при договорѣ, но послѣ, по несогласію жениха ко вступленію въ законный съ этою сговоренною отцомъ и матерью его невѣстою бракъ, тогда заданный калымъ остается въ пользу невѣсты, отцу же и матери жениха дѣлается строгій выговоръ и подтвержденіе впредь того не дѣлать. — Ср. Сам. XIV, 9.

11. Напротивъ того, если отецъ и мать просватаютъ дочь свою за жениха съ полученіемъ какой-либо части изъ калыма, а послѣ того, по нежеланію дочери ихъ, отказано будетъ оною отъ брака, то отецъ и мать жениха получаютъ отданный калымъ рогатаго скота съ приплодомъ и удоемъ, а коннаго съ тѣлами и убытками, отъ сего понесенными; сверхъ того дѣлается отцу и матери невѣсты за неосмотрительность въ договорѣ выговоръ. — Ср. Сам. XIV, 9.

12. Ежели просватанная до обвѣнчанія съ мужемъ умретъ, тогда отданной женихомъ въ калымъ скотъ обращается ему, только не съ прибылью, а тѣмъ, чѣмъ отданъ; также и женихъ ежели умретъ, то и въ ономъ случаѣ обращается уже родственнику. — Ср. Сам. XIV, 8.

Пожегъ лѣсовъ, дворовъ и проч.

1. Ежели кто нечаяннымъ образомъ сожжетъ сосѣда своего дворъ, сѣно, лѣсъ и проч., то весь причиненный отъ того убытокъ обязанъ заплатить хозяину причинившій сіе и, сверхъ того, за неосторожность въ обращеніи съ огнемъ, подвергается къ выдержанію подъ карауломъ на то время,

какъ опредѣлитъ инородная управа. — Ср. въ ОС. отдѣлъ «Пожегъ лѣсовъ, дворовъ, сѣна и прочаго»; Сам. XXXI, 2.

2. За намѣренное зажигательство и причиненный вредъ виновникъ, по явномъ обличеніи въ томъ свидѣтелями, отсылается къ суду; въ случаѣ же одного подозрѣнія въ томъ рѣшается инородною управою и дѣлается наказаніе по приговору.

Потрава скотомъ мѣстъ.

1. Если кто потравитъ своимъ скотомъ покосъ умышленно, тогда платитъ всѣ убытки и наказывается выдержаніемъ на сутки въ колодѣ. — Ср. въ ОС. п. 1 отдѣла «Потрава пашни и сѣнокосовъ скотомъ»; Сам. XI, 2, д.

2. Когда въ цѣлой огородъ войдетъ чья скотина и потравитъ сѣно, тогда хозяинъ платитъ убытокъ за то, что скотъ свой содержалъ просто и не предупредилъ, чтобъ оной не могъ переходить или ломать заборы [и] поскотину. — Ср. въ ОС. п. 2 соотв. отдѣла; Сам. XI, 2, с.

3. [То же, что ОС., п. 3.].

Пресѣченіе шаманства.

Шаманство между инородцами, по древнему обычаю при идолопоклонствѣ производимое, доселѣ ничто иное есть, какъ обманъ предсказателя и мошенничество, проворствомъ къ пользѣ своей употребляемое; со времени же исповѣдыванія вѣры христіанской обычай сей, какъ противный закону божію, оставленъ, почему въ подтвержденіе сего постановлены слѣдующія правила въ рѣшеніи дѣлъ:

1. Буде кто окажется и изобличенъ будетъ, по слѣдствію, въ шаманствѣ надъ больнымъ, дѣйствуя въ шаманскомъ платьѣ съ бубномъ и жертвоприношеніемъ діаволу, увѣривъ больного, что онъ чрезъ то выпользуетъ его, таковаго, какъ развратителя вѣры христіанской, представлять къ Суду присутственнаго мѣста для примѣрнаго поступленія по законамъ.

2. По различію дѣйствій шаманства есть таковыя изъ оныхъ, которыя могутъ производить безъ шаманскаго платья, бубна и жертвоприношенія, по склонности своей къ обману и пользуясь легкомысленностью заставляющихъ людей, въ каковомъ дѣйствіи, по изслѣдованію инородной управы и старосты родоваго управленія, если кто обличится, то за первый разъ сажается подъ стражу на трои сутки и при освобожденіи дѣлается строгое подтвержденіе, а за второй разъ и болѣе наказывается при сходкѣ народа лозами и отдается подъ присмотръ благонадежныхъ родовичей.

3. Хозяинъ дома, гдѣ производилось значущееся во 2 пунктѣ шаманство, или просившій о произведеніи послѣдняго надъ чѣмъ-бы то не было,

подвергается суду инородной управы и наказывается, по явномъ изобличеніи, при сходкѣ народа лозами.

Разборъ долговъ между родовичами.

1. Разборъ долговъ бываетъ: если должникъ сознается во всемъ долгѣ и на платежъ онаго имѣетъ состояніе, тогда приказывается заплатить ему свой долгъ безотговорочно; если жъ онъ долженъ, но не имѣетъ чѣмъ заплатить, тогда отдается въ зарабатываніе въ погодной платежъ, изъ коего вычитаются повинности. — Ср. ОС., п. [1].

2. То же, что ОС., п. [2].

Несогласіе мужа и жены.

[То же, что въ ОС., въ отдѣлѣ «О несогласіяхъ мужа съ женою»].

Постановленіе ловушекъ и нечаянной убой скота.

[Ср. Сам. XI, 1, ж].

Для промысла большихъ звѣрей, какъ то: лосей, дикаго оленя и барановъ, дѣлаются засѣки въ такихъ мѣстахъ, куда никакое скотоводство не достигаетъ, и постановляются на оныхъ засѣкахъ поставушечные луки; однако иногда случается такъ, что, при убѣгѣ отъ хозяевъ или шатаясь безъ присмотра оныхъ, скотина, трафляя таковыя мѣста, пропадаетъ на тѣхъ лукахъ, для чего, при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ, наблюдать слѣдующее:

1. За подстрѣлившуюся на поставленномъ въ своемъ мѣстѣ на звѣря луку скотину, какого бы оная штука сорта не была, хозяину ея платежа не производить, а предоставить ему пользоваться мясомъ оной, потому что сіе отъ худого его присмотра учинилось.

2. Буде кто для промысла мелкихъ звѣрей, — волковъ, лисицъ, песца, зайца и проч., — поставитъ луки на поляхъ и въ лѣсахъ, гдѣ находится скотоводство, и, на оныхъ лукахъ подстрѣлившись, скотина подохнетъ, тогда предоставляется хозяину ловушекъ пользоваться мясомъ той скотины, заплатить вмѣсто оной таковую жъ въ натурѣ [тому], чья была скотина.

3. За воспрещеніемъ ставить вредныя ловушки на мелкихъ звѣрей, т. е. отъ жительства и домовъ ближе 10-ти, а отъ трактовыхъ и проселочныхъ дорогъ, по ненаселенности мѣстъ, 3-хъ и 5-ти верстъ, если послѣдуетъ пропажа скоту, тогда виновный платитъ за оную хозяину въ натурѣ и, по приговору мірскому, выдерживается подъ стражею въ колодѣ однѣ сутки.

4. За собаку, попавшую въ какую-либо на звѣря ловушку, иска не имѣть, потому что оная, привыкши осматривать ловушки, подвергается тому.

5. [То же, что въ ОС. въ отдѣлѣ «Нечаянной убой скота»].

Брать въ тѣла лошадей.

1. [То же, что въ ОС. подъ такимъ же заглавіемъ].

2. Если случится такъ, что получившій лошадь въ тѣло, а корову въ удой, и имѣя оныя у себя на рукахъ, безъ вѣдома настоящаго хозяина употребитъ въ свою пользу, то таковый, сверхъ платежа, какъ въ 1 п. сказано, наказывается по приговору при сходкѣ народа лозами.

Раздѣлъ покосныхъ мѣстъ.

1. Всякіе споры, неудовольствія и тяжбы, между якутами происходящіе, о мѣстахъ для выпусковъ скота и сѣнокоса, рѣшаются чрезъ родоначальниковъ и посредниковъ, избранныхъ тяжущимися съ обѣихъ сторонъ, коими и разводятся по разбирательству своему съ удовлетвореніемъ справедливой стороны; въ случаѣ изъявленія неудовольствія, дѣло о семъ переносится въ первую инстанцію для разсмотрѣнія и рѣшенія по законамъ, до воспослѣдованія коего мѣста остаются во владѣніи по присуду посредниковъ.

2. Частный общественный раздѣлъ покосныхъ и другихъ мѣстъ предоставляется родовому старостѣ и старшинѣ съ почетными изъ общества, а въ случаѣ неудовольствія и просьбы на сей раздѣлъ разсматриваетъ оной улусный голова и избранные къ тому, и если окажется, что раздѣлъ учиненъ неправильно, а просьба была справедливая, тогда родовой староста со старшиною и почетными платятъ убытки обиженнаго, а сверхъ того оный удовлетворяется отводомъ мѣста вполнѣ.

3. Улучившій въ обществѣ какое-либо мѣсто и сдѣлавшій удобнымъ для сѣнокошенія пользуется онымъ на два года безъ отвода въ число слѣдующихъ мѣстъ, а на третій отдается ему или, съ воли его, другому кому въ число мѣстъ, раздѣляемыхъ въ обществѣ, смотря по урожаю каждогодно.

О рабочихъ людяхъ.

[То же, что и въ ОС. подъ такимъ же заглавіемъ].

Продажа двумъ хозяевамъ одной вещи и прочаго.

Если кто кому запродалъ скотину, звѣря, птицу, рыбу и проч. и, получивъ въ задатокъ деньги, продастъ другому, таковому, по дошедшей жалобѣ, дѣлается въ собраніи строжайшій выговоръ, а за третій разъ сажается подъ стражу просто и въ колоду или наказывается лозами, и приказано бываетъ запроданное имъ отдать первому хозяину безъ всякаго послабленія. На подлинномъ приложены печати и т. д.

III.

ОБЪЯСНЕНІЕ

якутовъ Якутской области о законахъ и обычаяхъ ихъ[1].
Порядокъ, на коемъ основывали якуты рѣшенія свои по разнымъ искамъ, и обряды, понынѣ имѣющіеся въ употребленіи.

1-е. Жертвоприношеніе. — Сам. 1.

Жертвоприношеніе Богу, подъ разными именами всѣми вообще якугами, въ томъ числѣ и крещеными, дѣлаемое, какъ то:

1-е. При началѣ доенія новаго плода кобылъ весною и по скопленіи кумыса держаніемъ въ трехъ разныхъ[2] большихъ посудахъ въ видѣ сосудовъ, изъ дерева дѣлаемыхъ, изліяніемъ на огонь; относя сіе къ богу подъ названіемъ юрюнь аи[3], то-есть: Господь Саваоѳъ, и духъ святый, или провидѣніе; юрюнь аръ[4], то-есть сынъ божій, подъ симъ наименованіемъ разумѣя святую троицу, какъ мы послѣ, по просвѣщеніи и по воспріятіи вѣры христіанской святымъ крещеніемъ, могли узнать, что въ сіе время дѣлается у всѣхъ вообще якутовъ таковое жертвоприношеніе съ восхищеніемъ сердечнымъ и возвышеніемъ ума чувствительной благодарности въ бодрости духа въ Его неисповѣдимую десницу[5]. Кюнь Кюбяй хотунъ[6], то-есть божія матерь, Эехситъ[7], то-есть ангелъ божій. Потомъ собравшійся народъ пьетъ кумысъ[8]. Сей обрядъ употребляется всѣми вообще якутами, въ томъ числѣ и крещеными.

2-е. При отъѣздѣ на промыслы и при убитіи перваго лова звѣря, а также при началѣ неводьбы рыбы, сдѣлавъ на деревѣ лицо человѣка — называя сіе Баянай[9], подъ симъ именемъ разумѣютъ Николая Чудотворца, дающаго намъ счастіе въ промыслахъ; впрочемъ сіе оставляется на томъ же мѣстѣ безъ употребленія.

---

[1] Представлено въ Якутское Областное Управленіе головами якутскихъ пяти улусовъ и двухъ волостей Якутскаго округа при рапортѣ отъ 25 августа 1823 г.

[2] У Сам.: трехручныхъ.

[3] Читай: Ӱрӱӊ аjы̄.

[4] Читай: Ӱрӱӊ а̄р.

[5] Вѣроятно, къ этому мѣсту относится сдѣланное Якутскимъ Областнымъ Правленіемъ (Журн. отъ 28 августа 1823 г.) улуснымъ головамъ замѣчаніе, что «въ спискѣ ихъ при первомъ взглядѣ оказались неловкія выраженія, примѣтно писарями ихъ въ игру ума употребленныя, то подтвердить онымъ, чтобъ они излагали бумаги прямыми выраженіями, не озабочивая себя подборомъ велерѣчивости свыше понятія своего».

[6] Читай: Кӱн Кӱбäі хотун.

[7] Читай: Äjäхсіт или Іäjäхсіт.

[8] У Сам. прибавлено здѣсь: «что называется шехомъ», — читай: ысыах-омъ

[9] Читай: Баjанаі.

2-е. Шаманство. — Сам. XII.

Шаманство, хотя и тайно, но употребляется у многой части якутовъ, какъ то:

1-е. При болѣзни какой-либо производится изслѣдованіе чрезъ шамана, отъ каковаго [дьявола] произошла болѣзнь, и потомъ упрашиваніе того дьявола или иногда и самаго бога о избавленіи отъ болѣзни одержимаго оною съ приношеніемъ въ жертву скотины, собаки или чего другаго, что и нынѣ нѣкоторыми тайно дѣлается, и отъ большей вѣры къ сему получается иногда облегченіе, ибо якуты всему причиною признаютъ дьявола, какъ то: заболитъ ли человѣкъ или скотина, или же телята пропадаютъ, то говорятъ: ѣстъ дьяволъ, вовсе не понимая, что все то происходитъ отъ натуральныхъ дѣйствій, а польза, чрезъ шаманство получаемая иногда, происходитъ отъ симпатическихъ дѣйствій, какъ то: кричаніе на больные глаза, дѣлаемое хотя не шаманомъ, но простымъ якутомъ, плеваніе на больную часть и прочее, что все, къ шаманству относящееся, есть одно невѣжество, ибо симъ крещеные и некрещеные нисколько не забываютъ, что есть боги, управляющіе самими тѣми дьяволами, кои ихъ, такъ сказать по ихному, мучатъ, ибо обыкли они сыстари говорить: когда умретъ человѣкъ, то отошелъ онъ къ богу [1], не разбирая того, праведенъ или грѣшенъ, шаманъ ли или простой, честной ли или воръ, но все отходитъ къ богу. А отъ большой вѣры къ шаманству бывало повсюду бѣснованіе [2], по большей части въ женскомъ полѣ, кое пресѣкается, коль скоро пошаманитъ шаманъ, а безъ того страданіе не пресѣкается; все сіе хотя и тайно, но въ большемъ количествѣ якутовъ существуетъ, а потому сіе обстоятельство, болѣе происходящее отъ невѣжества, причитается и нами къ невѣжеству жъ, а по принятіи христіанской вѣры время отъ времени вовсе почти пресѣкается и нынѣ не уважается и не строго взыскивается, а болѣе обвиняются шаманы, ибо:

2-е. Шаманъ, предназнача исцѣленіе больному, но по неуспѣху въ томъ, платитъ убитую на жертву скотину и всѣ понесенные со стороны больного убытки, и ежели онъ обличился въ томъ нѣсколько разъ, то признается обманщикомъ и получаетъ всегдашнія насмѣшки, напослѣдокъ вовсе остается безъ употребленія.

---

[1] Это, очевидно, переводъ якутскаго слова таӊаралāбыт, отъ глаг. таӊаралā, который собственно означаетъ: отправляться на небо или къ богу, а затѣмъ уже — преставляться.

[2] Т. е. менеряченье (мäнäрiji), — по «Энциклопедическому Словарю» Ф. Павленкова ошибочно (стр. 1295) меряченіе, называемое по-якутски öмӱрӱ̄, отъ глагола öмӱр — мерячить, непроизвольно повторять чужія слова (болѣзнь, распространенная среди якутскихъ женщинъ; противъ нея шаманъ безсиленъ, и къ такой больной шаманъ никогда не приглашается).

3-е. Сіе дѣлается съ шаманомъ и въ такомъ случаѣ, когда больной по предсказанію его не оздоровѣлъ и умеръ.

4-е. По нынѣ никакихъ строгихъ мѣръ по сей части не употреблялось, ибо, если положить шаманамъ какое строгое наказаніе, то подвергаться должны оному и тѣ, кои заставляли шаманить—и притомъ бывшихъ для зрѣнія, привлекающихся для ѣды убиваемой скотины, и коихъ бываетъ много, такъ что до 50-ти[1] и болѣе человѣкъ, а изъ сего и выйдетъ, что неоштрафованныхъ не будетъ — да и изысканія и доносы увеличатся и умножатся отъ того такъ, что одними занятіями будутъ лишь дѣла о шаманствѣ, съ отвлеченіемъ отъ полезныхъ Государю и отечеству домовыхъ занятій[2].

3-е. Многоженство. — Сам. XIII.

Многоженство изстари[3] существовало у большаго числа якутовъ, однако жъ болѣе пяти женъ въ одно время не имѣли; а со времени принятія якутами христіанской вѣры, по строгимъ надзорамъ и изысканіямъ духовныхъ пастырей стало умаляться[4]. Многоженство дѣлалось отъ разныхъ причинъ и болѣе предполагая пользы, отъ того проистекающей, какъ то:

1-е. Якуты сговариваютъ своихъ дѣтей въ малыхъ лѣтахъ, кои, по пришествіи въ возрастъ, не станутъ[5] любить другъ друга, а отъ сего выходитъ вторая жена.

2-е. Живя нѣсколько лѣтъ съ женою и не имѣя отъ нея дѣтей, беретъ другую и третью единственно для того, дабы имѣть дѣтей.

3-е. Богатые якуты имѣли многихъ женъ для призрѣнія обыкновенно состоящихъ въ разныхъ мѣстахъ домовъ и скотоводства, ибо жены усерд-

---

1 У Сам.: по-пяти.

2 Сравненіе первыхъ двухъ главъ съ соотвѣтствующими главами у Самоквасова показываетъ, что впослѣдствіи показанія якутовъ были не только исправлены и сокращены, но, въ нѣкоторыхъ частяхъ, и дополнены. Дополненія эти сдѣланы, вѣроятно, уже въ Иркутскѣ «особымъ Комитетомъ», учрежденнымъ, между прочимъ, «для составленія проекта законовъ» при участіи вызванныхъ туда въ 1824 г. представителей отъ якутовъ. Не лишне отмѣтить, что основного тезиса нѣкоторыхъ изслѣдователей (см. Михайловскій, В. М. Шаманство. Вып. 1-й. М. 1892) — «шаманство не есть вѣра или религія якутовъ, но дѣйствіе частное» (Сам., 218),—въ первоначальномъ текстѣ, какъ оказывается, вовсе не имѣется, и авторомъ этого тезиса былъ, по всей вѣроятности, чиновникъ Иркутскаго Губернскаго Правленія, систематизировавшій доставленныя туда Якутскимъ Областнымъ Правленіемъ свѣдѣнія.

3 Сам.: издревле.

4 Нынѣ оно вовсе не встрѣчается, такъ какъ всѣ якуты теперь христіане. Ср. Сам., стр. 221: «Однакожъ, со времени воспріятія Якутами христіанской вѣры и по мѣрѣ просвѣщенія ихъ строгими надзорами, а иногда и снисходительными увѣщеваніями епархіальныхъ священниковъ, постепенно уничтожается» и пр.

5 Сам.: перестаютъ.

нѣе управляютъ имѣніемъ, нежели сторонніе лица, чрезъ что улучшается хозяйство и сберегается состояніе.

4-е. Бросая однѣхъ[1], берутъ другихъ женъ, по открывшимся порочнымъ поступкамъ первыхъ, либо по бѣснованію, никогда не прекращающемуся, либо потому, что жена, по какой-либо болѣзни или вдругъ лишась глазъ, языка, рукъ и ногъ, дѣлается совершенно неспособною заниматься домомъ и скотоводствомъ, ибо у якутовъ весь домъ и все скотоводство состоитъ на попеченіи женъ.

5-е. И другіе многоразличные случаи доводятъ якутовъ до многоженства, но всѣ оные есть причиною желанія добра, призрѣнія дома, обзаводства[2] и умноженія скотоводства. А законности жъ или незаконности дѣтей не привыкли разсчитывать.

4-е. Калымы. — Сам. XIV.

Якуты женятся за калымъ, отдавая условное количество скота[3], почему тяжбы въ калымахъ происходятъ оттого, что мужъ броситъ жену, или жена отойдетъ отъ мужа, будучи невѣнчанные, причины жъ сему многоразличны, и если оныя произошли не отъ естественныхъ причинъ, то бываютъ еще многочисленныя; но извѣстныя и главныя есть слѣдующія:

1-е. Живя нѣсколько лѣтъ жена съ мужемъ, вдругъ оная оставляетъ, говоря, что онъ не можетъ удовлетворить естественной нужды; сіе иногда бываетъ справедливо, а иногда ложно; когда жъ справедливо, женка невиновата и обвиняется мужъ, то калымъ по расчету обращается, не считая ни приплоду, ни удою; когда же ложно, то женка либо виновата, либо нѣтъ, ибо находитъ причины отойти по неимѣнію сердечнаго расположенія, или по жестокостямъ мужа.

2-е. Женки убѣгаютъ по подговорамъ другихъ, и въ такомъ случаѣ калымъ и всѣ убытки платятъ подговорщики и наказываются они тѣлесно, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ разводятъ сіи союзы, разсчитывая обоюдные убытки, а если изъ оныхъ одинъ превышаетъ, то присуждаютъ платежъ, но всѣхъ оныхъ предопредѣлить и поставить не можно, ибо иногда платить по большей бѣдности бываетъ нечѣмъ.

3-е. Поняншіеся въ малолѣтствѣ и потомъ по возрастѣ разведшіеся по расчету обращаютъ калыма половину въ то жъ время, т. е. при разводѣ, а другую половину по выходѣ женки замужъ за другого.

---

[1] Сам.: оставляя однѣхъ женъ, даже и вѣнчанныхъ...

[2] Сам.: «до многоженства, коего главною причиною есть желаніе добраго призрѣнія домообзаводства»...

[3] Сам.: «живого и убитаго скота, а иногда и денегъ, по временамъ и по частямъ, что называется калымомъ».

4-е. Бросившій жену безъ всякихъ побудительныхъ причинъ не обращаетъ калыма, а напротивъ отдаетъ приданое платье и всѣ приданые уборы и вещи.

5-е. За жену, отошедшую безъ побудительныхъ причинъ, обращаетъ отецъ ея весь калымъ.

6-е. За женокъ, коихъ мужья, по выходѣ ихъ, умрутъ, то родственники мужа не въ правѣ ее во второй разъ выдавать замужъ, а если таковую выдастъ замужъ отецъ или ближніе ея родственники, то оные по расчету платятъ излишнее причитавшееся, и таковая жена удерживаетъ у себя отъ перваго мужа свою лошадь съ приборомъ и свое платье; впрочемъ женка таковая и сама свободна выходить замужъ безъ калыма.

7-е. Если жъ жена, по сговорѣ, живя у отца, умретъ и не было совокупленія съ женихомъ, то обращается калымъ весь, а если по совокупленіи умретъ, то обращается половина калыма.

8-е. Да и калымы въ настоящемъ существѣ своемъ не значатъ никакого убытка, ибо по уплатѣ калыма получается приданое скотомъ и платьемъ въ половину калыма, да зять отъ родственниковъ жены беретъ за каждую подаренную штуку по десяти, и такъ зять получитъ иногда болѣе или вдвое противъ калыма. Что жъ касается до употребляемаго въ пищу скота, то оной ѣдятъ многіе пришлые гости, слѣдовательно онаго и въ платежъ поставляться нельзя, ибо бѣдной, раподчивавъ онымъ гостей безъ остатка, если будетъ платить, то долженъ разориться, а другому и платить нечѣмъ. Если жъ одна сторона угощала, а другая нѣтъ, то неугощавшая сторона платитъ половину убытковъ[1].

5-е. Собранія.

Собранія наслеговъ бываютъ различны, смотря по тому, кому и какъ удобно, кто и какъ привыкъ, а болѣе по обстоятельствамъ хорошаго и худаго года и по мѣстоположеніямъ, слѣдовательно и начальство въ требованіяхъ своихъ по дѣламъ и по надзорамъ должно руководствоваться симъ, а для чего и нужно каждому улусу и наслегамъ росписать оныя порознь, и потому Высочайшаго Устава о инородцахъ § 238, чтобъ земское начальство посѣщало насъ въ годъ 6 разовъ, для насъ можетъ быть тягостно, ибо сіе случиться можетъ во время сосновой и сѣнокосной страды, также ловли изъ рѣчекъ и озеръ мелкой рыбы, или въ необыкновенное для насъ время и тогда, когда не бываетъ у насъ собраній и родники въ разбродѣ, или отъ сбору ихъ послѣдовать можетъ важное отягощеніе, а потому и про-

[1] Этого абзаца у Сам. вовсе нѣтъ, зато прибавлены новые пункты (см. у него стр. 223 и 224).

симъ выѣзды къ намъ установить сообразно съ нашими собраніями и не болѣе какъ въ годъ одинъ разъ. — Ср. Сам. X (О дѣлахъ, зависящихъ отъ общаго распоряженія цѣлаго наслега).

6-е. Смѣшанное жительство.

1-е. Якуты зимою живутъ на самыхъ покосныхъ мѣстахъ, находя удобнымъ скотъ кормить у самаго стога сѣна, а потому и переѣзжаютъ туда, гдѣ есть урожай сѣна и гдѣ оное ими выкошено, т. е. буде въ самомъ наслегѣ и на своихъ мѣстахъ не родилось травы, то берутъ за кортомъ въ другихъ наслегахъ того жъ улуса или и другаго улуса въ наслегахъ и тамъ зимуютъ, напр. Мегинскаго и Батурусскаго улуса въ Кангаласскомъ, а Кангаласскіе во оныхъ, что дѣлается и по покупкѣ готоваго сѣна даже чрезъ сотни верстъ безъ всякихъ билетовъ, въ чемъ никакихъ споровъ не бываетъ, поелику якуту по одиначеству и по неизбыточеству въ кочтѣ возить сѣна изъ дальнихъ мѣстъ никакъ невозможно, слѣдовательно самая необходимость требуетъ кочевать со скотомъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сѣна приготовлены, а изъ сего и выходитъ, что собраній наслежныхъ, улусныхъ дѣлать во всякое время, когда вздумается, нельзя. — Ср. Сам. X.

2-е. По части лѣтниковъ еще болѣе затрудняются, ибо по засухамъ переѣзжаютъ съ лѣтника на лѣтникъ и другого владѣнія, но безъ стѣсненія однако жъ владѣльца, до чего не допускаются. Сіе дѣлается и безъ засухи, коль скоро скотъ, простоявъ на одномъ мѣстѣ, вытаптываетъ, а потому и нужно бываетъ переходить на другія мѣста.

7-е. Расположеніе поборовъ. — Ср. Сам. X.

При расположеніи поборовъ не всегда можетъ быть половина или двѣ трети голосовъ, и якутовъ, по примѣру крестьянъ, семьями или домами считать нельзя, ибо, по непостоянному жительству якутовъ, ни семей ни домовъ постоянныхъ не бываетъ, а на другія собранія въ худые годы, да и въ хорошіе, изъ отдаленныхъ жительствъ собираться нельзя, ибо, живя отъ мѣста собранія 50, 100, 300 и 500 верстъ, какъ одинъ хозяинъ заключаетъ въ себѣ и работника, то, оставя семейство и домъ женскому полу и малолѣтнимъ дѣтямъ, слѣдовать на собраніе нельзя, а паче другимъ бѣднымъ, въ зимнее время не имѣющимъ ни платья, ни лошадей на съѣздъ, а потому и опредѣлять, что столько-то голосовъ должны составлять приговоръ о поборахъ или о другомъ чемъ, нельзя; а ближая положить такъ, что и нынѣ производится: напр., Генеральное Собраніе бываетъ, или по худобѣ года,— ибо въ худой годъ, по недостатку сѣна, и собранія дѣлать нельзя, потому

что занимаются разгребаніемъ изъ-подъ снѣгу для скота называемой отавы и рубкою для онаго тальника, — будетъ въ такомъ-то мѣсяцу; узнавъ о семъ или по повѣсткѣ, если оную можно будетъ дѣлать, или по слухамъ кто будетъ на собраніе[п], тотъ не въ правѣ послѣ перечить и опровергать сдѣланнаго собравшимися родниками. Сіе же относится единственно къ тѣмъ, которые участвуютъ въ платежѣ повинностей и поборовъ, коихъ, если взять подгородняго вѣдомства Якутской округи въ общій счетъ по числу ревизскихъ душъ, то едва ли изъ 4-хъ двѣ трети можетъ выйти состоятельныхъ родниковъ, а изъ другой половины составляютъ части бѣдныхъ, престарѣлыхъ, малолѣтнихъ и неимущихъ, которые не только не участвуютъ въ платежѣ поборовъ и повинностей, но еще за большее число таковыхъ оплачивается обществами казенная и въ земскую повинность подать. Слѣдовательно, таковые неимущіе къ вызову уже изъ мѣстъ жительства ихъ на собранія къ поясненному выше предмету не подлежатъ, и какъ собраніе состоятельныхъ и сдѣланной ими во ономъ приговоръ считать законнымъ. А хотя нынѣ, по требованіямъ начальства, составленіе смѣтъ и прочаго, зависящаго отъ общаго дѣйствія или отвѣта и объясненія наслега или цѣлаго улуса, и дѣлается въ необыкновенное для якутовъ время, какъ то: въ мѣсяца, въ кои вовсе собрать и 10-ти человѣкъ нельзя, или въ самомъ городѣ, куда также цѣлые наслеги собирать неудобно, но, исполняя волю начальства, дѣлаются оныя именемъ родниковъ и безъ нихъ, ибо отзывъ невозможности не пріемлется, а сборъ родниковъ вовсе невозможенъ и сопряженъ съ разореніемъ оныхъ. Подобно сему

8-е. Городскія собранія.

въ городѣ собираются всѣхъ улусовъ головы съ генваря мѣсяца со всѣми князцами, а отъ другихъ повѣренными, числомъ 7-ми головъ, 106 князцовъ или повѣренныхъ, до 100 и болѣе старшинъ, болѣе 100 товарищей, привлеченныхъ для подрядовъ и по другимъ надобностямъ до 300 человѣкъ, а всего болѣе 600 якутовъ, ...[1] предметы собранія: разложка подъ казенныя тягости лошадей, полученіе за оныхъ провозной платы, разложка на расчистку дорогъ людей, вызовы на оную подрядчиковъ и подрядчиковъ же на содержаніе перевозовъ, на поставку отвощичьихъ лошадей, разложка частныхъ подводъ, распорядокъ обывательскихъ станцій, разложка поборовъ улусныхъ, а потомъ наслежныхъ и проч., ибо какъ распорядки сіи исправляются деньгами, то до узнанія оныхъ и поборовъ располагать нельзя, поелику примѣрное расположеніе оныхъ, если суммы ока-

---

[1] Здѣсь пробѣлъ, занимающій болѣе одной строки

жутся излишними, то тѣмъ отягощаются родники, а если суммы окажутся недостаточными, то въ исправленіи нужныхъ пунктовъ встрѣчаются большія затрудненія и самыя остановки, а по онымъ безвинное нареканіе отъ начальства и безвинной отвѣтъ.

Собранія такія продолжаются по 3 мѣсяца безотлучно; но если бы распорядокъ подъ казенныя тягости лошадей, на расчистку дорогъ, подводъ транспортныхъ смотрителей и другихъ частныхъ подводъ и проч. выходилъ заблаговременно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, то бы таковыхъ продолжительныхъ собраній быть не могло, а, сверхъ того, имѣющіе надобность въ долгомъ пребываніи въ городѣ наслеги и улусы могутъ заниматься въ ономъ безвозбранно, но другіе наслеги и улусы, за прожитіемъ другихъ удерживаясь, отягощаются.

Паче городскія собранія продолжаются болѣе и отъ того, что якуты, бывъ склонны къ тяжбамъ и не сождавъ рѣшенія князцовъ и головъ, а другіе, не просивъ во всѣхъ нужныхъ степеняхъ, прямо входятъ къ главнымъ лицамъ и мѣстамъ, отъ коихъ выходятъ понудительныя повелѣнія, а отъ сего на городскихъ собраніяхъ затрудняютъ тяжебныя дѣла, отвлекая отъ главныхъ поборныхъ и прочихъ дѣлъ, и отягощаются родники, вызываемые для сихъ дѣлъ по ябедѣ одного да хотя бы и праваго лица.

А потому и просимъ милостивѣйшаго уваженія сихъ обстоятельствъ и повелѣнія начальства, во-первыхъ, о даваніи благовременно въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ свѣдѣній о числѣ слѣдующихъ подъ казенныя тягости лошадей, на расчистки дорогъ людей и всего относящагося до общихъ содѣйствій и раскладокъ улусовъ, позволя одну разложку казенныхъ тягостей дѣлать въ городѣ; во-вторыхъ, головъ и князцовъ по прихотямъ другихъ ихъ собраній не держать въ городѣ, а оставить въ ихъ волѣ, быть и не быть въ городѣ, понуждая тѣхъ, кои неявкою на общія собранія останавливаютъ окончанія улусныхъ дѣлъ, не ставя въ вину самовольныхъ князцовъ и головъ выѣздовъ изъ города; въ-третьихъ, не дѣлать понужденій разбирать тяжебныя дѣла въ городѣ, а предоставить князцамъ и головамъ на волю сообразно съ ихъ досугами и дѣлами заниматься или не заниматься оными въ городѣ, ибо намѣренная проволочка тяжущихся и прочее можетъ быть разсмотрѣна въ высшихъ степеняхъ суда, когда дѣло дойдетъ до оныхъ, и виновные въ томъ родоначальники могутъ быть тогда штрафованы; въ-четвертыхъ, воспретить по какимъ бы то дѣламъ не было вызывать родниковъ нашихъ въ городъ и держать ихъ во ономъ по нѣскольку мѣсяцовъ.

Къ сему нужнымъ находимъ представить и то, что якуты изстари привыкли большія и малыя тяжбы производить письменно болѣе по внушенію писцовъ за не малую себѣ пользу изъ того находящихъ, а также и

по собственнымъ своимъ наклонностямъ къ тяжбамъ, ибо сіе замѣчается изъ того, что если бѣдной или глупой якутъ проситъ на богатаго или бойкаго якута, то сей послѣдній отзывается, что онъ на словесную просьбу отвѣта не дастъ, а просилъ бы на него письменно, зная, что бѣдному писца напять нечѣмъ, и тѣмъ оставляются и важныя обиды; и хотя по Высочайшему Уставу объ инородцахъ положена словесная расправа, но родники сему не внемлютъ, а другіе, хотя и въ ложной тяжбѣ, но надѣясь на славу писаря, признаваемаго якутами жъ бойкимъ въ тяжбахъ, зачинаютъ оныя письменно. По всѣмъ симъ причинамъ находимъ нужнымъ, дабы здѣшнія мѣстныя начальства отъ якутовъ, кромѣ апелляціонныхъ, другихъ письменныхъ просьбъ не принимали и за тяжущимися письменными просьбами имѣли строгое наблюденіе.

Впрочемъ, какъ бываютъ хитрыя и ябедническія претензіи, многосложные и затруднительные расчеты, то въ таковыхъ случаяхъ никакъ нельзя словеснымъ изысканіемъ дойти до истины, а потому съ разсмотрѣнія князцовъ и головъ можно позволить и письменныя тяжбы, не отдавая однако жъ сего на волю тяжущихся, и какъ по онымъ, такъ и по словеснымъ должны родовыя управленія и инородныя управы дѣлать свои рѣшенія письменно и крайне кратко, излагая одинъ ихъ приговоръ, чрезъ наслежныхъ и улусныхъ писарей, не производя онымъ особой за сіе платы. — У Сам. соотвѣтственной главы не имѣется.

9-е. Обида и оскорбленіе. — Сам. XV.

За обиду словами и дѣйствіемъ отъ подчиненныхъ и между собою . . . .[1]

1-е. Головѣ. 2-е. Князцу. 3-е. Старшинѣ. По изобличеніи доказательствами платятъ хорошую иноходую или другую лошадь, стоющую ста руб., и угощаютъ убитіемъ одной конной или рогатой скотины и посуды кумыса. Все сіе — если согласится обиженной, а въ противномъ случаѣ за ударъ и битье наказываются лозами — при собраніи родовичей по приговору. Если жъ таковое происшествіе случится между двумя должностными въ присутствіи собранія, то виноватой платитъ въ то жъ время по резолюціи прочихъ пени 10 руб. съ подтвержденіемъ, чтобъ онъ въ другое время былъ осторожнѣе, и сверхъ того обиженному платитъ упомянутое выше безчестье, а во второй разъ отдается подъ арестъ на одну недѣлю на хлѣбъ и на воду, въ третій же разъ, какъ противникъ и безнадежной, отрѣшается отъ должности; равнымъ же образомъ и простые родовичи во время тяжбы между собою подвергаются къ таковому жъ взысканію сверхъ платежа безчестья обиженному. — Ср. Сам. пп. 1, 2 и 7.

---

[1] Пробѣлъ.

4-е. Женъ и дѣтей помянутыхъ родоначальниковъ. Также сообразно вышеписанному вдвое съ наказаніемъ за ударъ и битье виновнаго простого родовича. — Ср. Сам. п. 3.

5-е. Простыхъ родниковъ. По изобличеніи доказательствами платятъ годовой платежъ поборовъ и ясака. — Ср. Сам. п. 4.

6-е. Женъ и дѣтей простыхъ родовичей. Вдвое противъ платимой мужемъ или отцомъ годовой повинности и ясака. — Ср. Сам. п. 5.

7-е. Оскорбленіе родителей дѣтьми не имѣетъ послѣдствіемъ никакой строгости, а разсматривается и разбирается какъ и о простыхъ родникахъ, но прекращаются болѣе миромъ, а въ случаѣ непреклонности дается право самимъ родителямъ наказывать по мѣрѣ вины. — Ср. Сам. п. 12.

8-е. Обида русскимъ всякаго званія разбирается по вышеписанному жъ. — Ср. Сам. п. 10.

10-е. Употребленіе присяги. — Ср. Сам. V, пп. 5—7.

1-е. Къ присягѣ приводятъ Богу и Его образу, и святымъ, крещеныхъ — по русскому обряду, а некрещеныхъ — по якутской вѣрѣ.

2-е. Къ присягѣ приводятъ до спросу о дѣлѣ, а приведя уже къ присягѣ — спрашиваютъ.

3-е. Во всякой малости и именно до пяти рублей.

4-е. Просителя и отвѣтчика, которые присягой избавляются отъ платежа по иску или отъ иска, т. е. если нѣтъ съ той и другой стороны ясныхъ доказательствъ и свидѣтелей.

11. Наслѣдственное преемничество княжескаго и старшинскаго достоинства.

1-е. Предки наши въ самой глубокой древности, какъ изъ словесныхъ преданій старѣйшинъ извѣстно, были два человѣка: одинъ изъ братскихъ Омогой[1], другой изъ татаръ Эллей[2], кои по извѣстности, бывъ хорошей породы, изъ князей, для прiисканія свободной и полезной къ поселенію своему земли и нашедъ таковую здѣсь по удобности и хорошему мѣстоположенію, немедленно обратясь, вывезли потомъ изъ мѣстъ пребываній своихъ семейства, пригласивъ и ближнихъ родственниковъ, и людей своихъ съ собою. Такимъ образомъ, приплывъ на плотахъ сверху р. Лены въ здѣшній край, обселили оной и сдѣлали полезнымъ для потомковъ своихъ, и родившійся отъ нихъ народъ, называющійся якутами, состоитъ нынѣ почти до 70 ты-

---

[1] Читай: Омоҕоі.

[2] Читай: Älläi.

сячъ мужскаго пола душъ, и дѣлали изстари Высочайшему престолу и отечеству безъ малѣйшаго сопротивленія не малыя пользы, найдя тунгусовъ, привлекли ихъ также подъ Высочайшій скипетръ, и оному подчинились безъ всякаго противорѣчія, чрезъ каковое заселеніе и пріобрѣтенія предками нашими выгодныхъ для расширенія Россійской имперіи земель впослѣдствіи построены по Якутской области, по мѣрѣ заселенія, многіе города, крѣпости и во оныхъ святые храмы Божіи, потомъ и мы, познавъ истиннаго Бога, приняли христіанскую вѣру и построили въ селеніяхъ своихъ храмы божіи, а потому населяемыя нынѣ нами земли считаются нашими природными. Полагая жъ иногда быть могущее какое-либо отъ сихъ нашихъ земель отрѣзаніе для русскихъ, какъ сіе уже и было, т. е. подъ станціи и живущихъ на оныхъ посельщиковъ, по крайней малости выгодныхъ мѣстъ, всенижайше просимъ оныя рѣшительно за нами утвердить. А къ тому

2-е. Во время вѣчно славной памяти Государя Императора Петра Великаго на ободреніе и утвержденіе многіе изъ якутовъ отличаемы были почестію дворянства по московскому списку съ жалованьемъ, и въ послѣдующія, и въ настоящія времена многіе изъ насъ жалованы медалями и серебренными кортиками, а во время ясашной Комиссіи каждому князцу даны мѣдные кортики, передающіеся, какъ и должность, и съ самой глубокой древности якутскіе старшіе родоначальники назывались князьями, какъ рѣчь сія есть природная по происхожденію нашему отъ татаръ, а не князцами, ибо въ якутскомъ словѣ рѣчи князецъ нѣтъ и выговаривать онаго не могутъ, а говорятъ князь. А изъ сего выходитъ, что сіе званіе есть у насъ природное, сообразно чему въ древности всѣ Августѣйшіе монархи установили называть князьями, а отъ того въ перепискахъ неизвѣстно почему произошло называть князецъ, а о названіи князья подносится при семъ копія съ грамоты великаго Государя царя Петра Алексѣевича 1721 г., чему прошло 102 года, да еще и другія 3 копіи[1] съ таковыхъ же грамотъ доказываютъ жалованье отъ Августѣйшихъ Государей князьями, и именно Кангаласскаго улуса Бортонъ и Кучунянъ Мазарины въ 1709 г. пожалованы князьями, Борогонскаго улуса Турчакъ Бочуковъ въ 1716 пожалованъ княземъ, и подносятся при семъ[2] двѣ подлинныя грамоты о пожалованіи одного кангаласскаго Мазары, другаго мегинскаго Чугуна князцами. и ему прошло 146 годовъ, подлинники жъ сихъ грамотъ хранились въ Якутскомъ областномъ архивѣ, а хотя и у прочихъ улусовъ были таковыя жъ грамоты, но подлинники оныхъ должны быть въ томъ же архивѣ. Ср. Сам. II, п. 2.

---

[1] Копіи эти я не удосужился въ свое время списать.
[2] Т. е. при представленномъ «Объясненіи».

3-е. Съ поводу подачи блаженной и вѣчной славы достойной памяти Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ 2-й бывшимъ въ Санктпетербургѣ изъ якутовъ Якутской округи, Борогонскаго улуса, Соттуцкой волости, Алексѣемъ Аржаковымъ прожекта о положеніи всѣхъ вообще якутовъ семи улусовъ именнымъ указомъ, 1790 г. генваря 19-го дня состоявшимся, 1-мъ пунктомъ позволено намъ было выбирать областнаго Голову на правѣ, дворянству присвоенномъ, и выборъ сей тогда былъ составленъ и по баламъ избранъ Софронъ Сыраповъ, но выборъ тотъ тогдашнимъ областнымъ начальствомъ неизвѣстно по какимъ причинамъ былъ оставленъ, и, можетъ быть, сколько намъ извѣстно, и по разнымъ толкамъ въ противную сторону, поводомъ симъ и нѣкоторые якуты отъ безпечности ли своей, или по слабому понятію и недоразумѣнію объ общемъ чрезъ то благѣ, къ сожалѣнію, уничтожили таковой; но нынѣ, къ счастію, при настоящемъ образованіи по волѣ Высочайшаго престола и требованіи правительствомъ о положеніи нашемъ всѣхъ нужныхъ къ лучшему устройству свѣдѣній, мы за первой долгъ обязанности своей поставляемъ, изложивъ въ краткихъ терминахъ вышепоказанной предметъ, желая возстановить между собою лучшій порядокъ и спокойствіе обществъ къ общему благу, сообразно вышеписанному, позволить имѣть намъ областнаго Голову.

4-е. Наслѣдственный выборъ князцовъ и старшинъ и собственное разбирательство утверждены указомъ ноября 8-го 1729 года, Высочайше данною лейбъ-гвардіи секундъ-маіору Щербачеву инструкціею 1763 года іюля 4 дня, указомъ 1783 года марта 6 дня 4-мъ пунктомъ, чѣмъ долго и руководствовались съ пользою — въ разсужденіи внутренняго порядка.

А по симъ причинамъ не благоугодно ли будетъ начальству представить Высочайшему престолу о утвержденіи за нами природнаго титула князей, не именуя старостами, къ разъясненію жъ 2-й главы Уст. объ инор. §§ 94 и 66 нужнымъ находимъ пояснить, что улусъ или стойбище не можетъ состоять изъ 15-ти семействъ, а сіе можетъ заключать одинъ родъ; родъ сей не есть наслегъ, ибо, какъ напр., Кангаласскій улусъ состоитъ изъ 27 наслеговъ, въ коихъ считается 10.930 душъ, — въ каждомъ наслегѣ по 2, 3 и 5 родовъ. въ каждомъ наслегѣ одинъ князецъ, отъ 100 до 300, 500 и до 1000 душъ въ каждомъ, или въ двухъ и трехъ родахъ одинъ старшина, утверждаемый такъ же, какъ и князецъ, Указомъ. Подобно сему и прочіе улусы и 2 волости въ себѣ заключаютъ, для единообразія жъ и сіи двѣ волости должно назвать улусами. И такъ изъ сего выходитъ: въ родѣ, заключающемъ 50, 100, 200 и болѣе душъ, старшина завѣдываетъ, нѣсколько такихъ родовъ въ совокупности называются наслегъ, подъ управленіемъ князца вообще со старшинами, и сіе названіе наслегъ есть привычное якутамъ, и потому вмѣсто наслега называть во-

лостью не слѣдуетъ, а нѣсколько наслеговъ составляютъ улусъ подъ управленіемъ головы. — Сам. II, пп. 1—3.

5-е. Князцы и старшины избираются не на опредѣленное[1] время наслѣдственно, а иногда, несмотря на сіе, по пресѣченіи наслѣдственной линіи, или по бѣдности оной и неспособности, какъ и по худому поведенію наслѣдуемаго, допускаются и изъ простыхъ достойныхъ людей. — Ср. Сам. III, п. 1.

6-е. Головы избираются не наслѣдственно изъ князцовъ, старшинъ и изъ простыхъ родниковъ на два года, а для насъ удобнѣе бы было избирать ихъ на три года. — Ср. Сам. III, п. 2.

12-е. Покосы и лѣтники.

1-е. Самовольное завладѣніе покосовъ и другихъ угодій разбиралось мѣстными присутственными мѣстами, а иногда малыя сего рода дѣла разбирались якутскими родоначальниками и по предписаніямъ присутственныхъ мѣстъ медіаторскимъ судомъ.

2-е. Раздѣленіе покосовъ бываетъ въ улусахъ и наслегахъ различно, напр. въ одномъ наслегѣ дѣлятъ по ясакамъ, а въ другомъ по поборамъ, какъ то: по ясакамъ на соболя въ одномъ наслегѣ по 12-ти и 9-ти, а въ другомъ по 6-ти остожьевъ; на лисицу — въ одномъ наслегѣ по 4, а въ другомъ по 2 остожья; въ другихъ же наслегахъ есть на всѣ сіи оклады по 2, а въ другихъ и по 1-му остожью, смотря по изобилію или малоимѣнію покосныхъ мѣстъ; въ цѣломъ соболѣ состоятъ три человѣка, и каждой называется въ трети соболя, почему и получаетъ изъ 12-ти четыре, изъ 9-ти по три, а изъ 6-ти два остожья, почему поборы дѣлятся сообразно сему; если на состоящаго въ трети соболя досталось 20 руб., то на состоящаго въ двухъ 40 руб., а на состоящаго въ трехъ третяхъ или одномъ соболѣ 60 руб. и тутъ смотря по иможенію. Въ другихъ наслегахъ поборы располагаются раздѣля наслегъ на 4 класса: въ 1-мъ — богатые, во 2-мъ — посредственно богатые, въ 3-мъ — достаточные, въ 4-мъ — бѣдные; покосы дѣлятся сообразно сему, и получаютъ: 1-го — 4, 2-го — 3, 3-го — 2 и 4-го классовъ 1 остожье, въ другихъ же наслегахъ дѣлятся и на 5 классовъ; но и сіе надѣленіе бываетъ въ каждомъ наслегѣ различно, смотря по избыточности или малоимѣнію покосовъ. Остожья бываютъ такія, на коихъ ставятся 13-ти, 12-ти, 10-ти и 8-мисаженные стога кошенаго сѣна. — Ср. Сам. XI, п. 2, а.

3-е. При раздѣленіи покосовъ уважается болѣе то, чтобъ владѣльцевъ съ предковъ не переселять на другое мѣсто, и должно оное поступить отъ

[1] Сам. III, п. I: на неопредѣленное.

отца къ сыну и такъ далѣе; если жъ оное уменьшилось, или вовсе занялось водой, или сдѣлалось негоднымъ, то дается вмѣсто онаго другое или прибавляется, отрѣзывая отъ имѣющихъ избыточныя мѣста или изъ вновь удобренныхъ и расчищенныхъ мѣстъ, а переходитъ оное въ другое постороннее, т. е. въ одномъ наслегѣ, владѣніе тогда уже, когда прежде владѣющая линія обѣднѣетъ, такъ что ясака и поборовъ, по тому мѣсту взыскиваемыхъ, сдѣлается не въ силахъ платить, что дѣлается по общественному приговору. — Ср. Сам. XI, п. 2, б.

4-е. По смерти мужевей жены и всякой женской полъ, если имѣетъ родныхъ или воспитанныхъ дѣтей, буде въ состояніи по капиталу, владѣютъ покосными мѣстами, изъ нихъ воспитанныя по согласію общества платятъ слѣдующіе по онымъ ясаки и поборы, а если бездѣтны, то сего не допускается; а малолѣтнія дѣти и съ капиталомъ до возраста отдаются подъ опеку ближнихъ родственниковъ. — Ср. Сам. XI, п. 2, в.

13-е. Завладѣніе движимыхъ и недвижимыхъ всякаго рода вещей и скота насильно и безъ насилія.

Разбирались въ видѣ исковыхъ дѣлъ, и, по открытіи справедливости, заплатой въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами и оставляется на замѣчаніи.

1-е. Кража скота между собой и у другихъ разбирается и рѣшается у родоначальниковъ, и по признаніи вора или по другимъ какимъ доказательствамъ, если оныя дѣлаютъ преступленіе имовѣрнымъ, хотя воръ и не сознался, полагается платежъ за одну съѣденную штуку скота 4 такихъ же, какая украдена, т. е. разумѣя доброту и цѣну; а если найдена въ живности, то, сверхъ оной, платитъ три съ понесенными въ розысканіяхъ убытками, ибо въ долговременныхъ розысканіяхъ по отдаленному и разсѣянному жительству между собою многимъ числомъ людей употребляются въ пищу цѣлыя штуки скота, и потомъ воръ по приговору родоначальниковъ наказывается при собраніи родниковъ тѣлесно розгами; а за три кражи, въ одно ли время или въ разные годы учиненныя, безнадежные къ поправленію поведенія ссылались въ Охотскъ и Камчатку. Кражи, кромѣ скота, вещей и прочаго платятся по настоящей цѣнѣ, а не вчетверо, и воръ наказывается тѣлесно розгами, не различая въ большой или въ малой мѣрѣ кража, чѣмъ преступленія сего рода хотя не совсѣмъ, но по возможности удерживались; по отнесеніи же нынѣ кражъ въ число исковыхъ дѣлъ и по неопредѣленіи вслѣдствіе того мѣры наказанія, а, напротивъ того, по умноженію между якутами воровства, увеличивается оное до того, что, наконецъ, исправить нравы и склонности будетъ весьма трудно, и число воровъ умножится тѣмъ болѣе, что по новому Уставу у инородца

коннаго и рогатаго скота всего 28 штукъ остаются неприкосновенны, а якуты вообще по такому количеству скота не имѣютъ, кромѣ извѣчныхъ состоятельныхъ, не могущихъ уже впасть въ преступленіе; слѣдовательно, всякій, не имѣющій свыше 28 штукъ скота, можетъ свободно похищать чужое имѣніе и скотъ въ надеждѣ, что онъ не лишится своего скота и не наказывается. — Ср. Сам. XVI, пп. 3—5.

14-е. Насиліе женскому полу, дѣвицѣ или женщинѣ дѣлаемое, по дѣламъ не бываетъ гласно, а болѣе оставляется въ тайнѣ. — Ср. Сам. XVIII.

15-е. Въ проѣздѣ или случайно въ чужихъ дачахъ **ловъ звѣря и птицъ** не возбраняется, а ловъ въ озерахъ или рѣкахъ рыбъ разбирается въ числѣ исковыхъ дѣлъ словесно, ибо промыселъ таковой долженъ быть съ воли и согласія владѣльцовъ, въ противномъ же случаѣ упромышленное обращается владѣльцу въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами. — Ср. Сам. XI, п. 1, в, г.

16-е. Ловъ въ одномъ наслегѣ на дачѣ другого владѣльца принимается за общее всего наслега, а потому ловомъ одного наслега озеръ рыбы, птицы и прочаго должны пользоваться всѣ родники, не преграждаясь тѣмъ, что мѣсто таковое состоитъ на дачѣ одного или двухъ родниковъ, а ловъ всякаго звѣря производить по всѣмъ отдаленнымъ мѣстамъ безъ всякаго другъ другу воспрещенія. — Ср. Сам. XI, п. 1, б.

17-е. Прелюбодѣяніе судится духовнымъ начальствомъ, а блудъ или **любодѣяніе** разбираются просто якутами и наказываются тѣлесно; а если просватанная или замужняя, разумѣя, однако жъ, невѣнчальная, и мужъ не согласится взять, то разводится и получаетъ отъ отца дочери, если со свѣдѣнія его она сдѣлала блудодѣяніе съ другимъ, по расчету калыма вдвое, а иначе платитъ таковое тотъ, кто съ нею имѣлъ дѣло, и получаетъ женку лишившій дѣвства, равнымъ образомъ и мужу, если таковой поступокъ произведенъ въ его уже домѣ по взятіи жены отъ отца. — Ср. Сам. XVIII, пп. 2 и 5.

18-е. Поскотины.

Во многихъ наслегахъ нѣтъ граничныхъ сѣнокосныхъ поскотинъ, отчего скотъ одного наслега, вбѣгая въ покосы другаго, вытаптываетъ оные, а симъ бѣдные много разоряются, но ничѣмъ не вознаграждаются, ибо полученіе кортома вытоптаннаго мѣста не замѣняетъ того, что онъ выкошеннымъ съ того мѣста сѣномъ могъ прокормить, а все сіе есть отъ одной безпечности князцовъ; а потому и слѣдуетъ посему принять надежныя

мѣры, чтобъ всѣ покосныя мѣста были обведены крѣпкими поскотинами, и чтобъ у оныхъ вблизи живущіе обязаны были смотрѣть и отвѣчать за оными, и чтобъ за вытравленную траву платили тѣ, коихъ скотъ вытопталъ, не однимъ кортомъ, а цѣну того, сколько бы вышло съ онаго мѣста выкошенной травы и сія трава въ стогахъ какой бы не была цѣны, или въ натурѣ сѣномъ же. — Ср. Сам. XI, п. 2, д.

19-е. Отдачу въ кортомъ покосныхъ мѣстъ разнымъ людямъ якуты обыкли дѣлать въ видѣ заклада и просто на одно лѣто, и даже до трехъ годовъ, по обязательствамъ за свидѣтельствомъ у князцовъ и безъ оныхъ; симъ случаемъ всякой владѣлецъ изворачивается и отыскиваетъ платежъ поборовъ и ясака, а поборы и ясакъ, платимые по тому мѣсту, не пресѣкаются; въ случаѣ же несостоянія настоящаго владѣльца мѣста поступаютъ въ наслегъ, а долгъ платится должникомъ, по отнятіе мѣстъ дѣлается заблаговременно до сѣнокошенія. — Ср. Сам. XI, п. 2, и.

20-е. Неустойка по условіямъ въ поставкѣ всякаго рода вещей, какъ то: сѣна, дровъ, масла, тару (т. е. кислаго молока), шкуръ скотинныхъ и звѣриныхъ, не исключая и дорогихъ цѣнъ, коннаго и рогатаго скота, въ путь годнаго, на убой назначеннаго, коровъ стельныхъ, кобылъ бережихъ, говядины, жиру, рыбы, — разной свяжей[1] сушеной и вяляной[2] въ юколахъ и порсѣ и проч. — все сіе, если на срокъ не поставлено, то платится по цѣнамъ въ срокъ существующимъ, напр. взялъ за сажень дровъ 1 рубль, а во время срока платежа существуетъ цѣна 3 рубля, то платитъ сію послѣднюю цѣну; коровъ стельныхъ, кобылъ бережихъ платитъ съ приплодомъ и удоемъ чрезъ годъ, напр. изъ шести годовъ за три просто[3], а за лошадей платятся тѣла по 20-ти и 25 руб. въ годъ. — Ср. Сам. XXV, пп. 1 и 2.

21-е. Отдача въ тѣла лошадей дѣлается такъ: взявъ на съѣздъ на одинъ путь, напр. до Охотска, платитъ отъ 15-ти до 25-ти руб., и потомъ, совершивъ путь, лошадь обращаетъ хозяину, а если лошадь въ его рукахъ пропадетъ отъ чего бы то ни было, то платитъ цѣну, условленную при взятіи лошади, напр. отъ 60-ти до 80-ти руб. или болѣе, т. е. сверхъ того, что заплатитъ при взятіи лошади за тѣло. — Ср. Сам. XXV, пп. 2 и 3.

---

[1] Сам.: свѣжей.

[2] Сам.: ивленой [?].

[3] У Сам. яснѣе: «кто не заплатитъ въ теченіе шести годовъ, то приплодъ и удой считается на должникѣ за три только года, въ каждой на кабылу по одному жеребенку».

22-е. Подобно сему дѣлается, если беретъ лошадь на ѣзду на цѣлое лѣто, зиму или цѣлой годъ и на другіе съѣзды, ибо во всякомъ такомъ случаѣ лошадь для хозяина всегда жива, хотя бы оная пала и въ повѣтріи шатунѣ. Быки, для прегапія взятые, на семъ же порядкѣ оспуются. Если же завладѣетъ живностію и нѣсколько лѣтъ не заплатитъ, то, по взысканіи таковаго, взыскивается съ тѣлами за всѣ годы, но во всѣхъ таковыхъ случаяхъ разсматривается начальный договоръ. — Ср. Сам. XXV, п. 3.

23-е. Отдача въ содержаніе якутамъ отъ русскихъ и отъ своей собратіи скота дѣлается такъ:

Якутъ беретъ 10-ть штукъ скота коннаго или рогатаго весною около Николина дня до будущей весны лѣтомъ пасти, а зимой прокормить своимъ сѣномъ и вывести къ веснѣ тучнымъ и здоровымъ; въ числѣ сего скота получаетъ двѣ дойныхъ коровы, оцѣня однолѣтнее молоко оныхъ по 10-ти въ 20 руб., деньгами 10 руб., одного быка для прегапія, оцѣня тѣло онаго за 3 и 5 руб., а иногда вмѣсто дойныхъ беретъ деньгами, или покосными мѣстами, или и другимъ чѣмъ-либо; итакъ содержаніе каждой скотины обходится 3 р. 50 к., а иногда дороже и дешевле, смотря по обоюдному договору. Сія цѣна бываетъ за каждыя 10-ть штукъ, ибо другой беретъ 20, 30 и 40 штукъ. Во время жъ содержанія, если скотина пропадетъ отъ чего бы то ни было или украдутъ, то оную платитъ въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами, ограничиваясь однимъ случаемъ, т. е. падежа отъ повѣтрій, — въ семъ только случаѣ не платитъ. Если не заплатитъ скотину въ срокъ, то послѣ до уплаты считается отъ коровы каждогодній приплодъ и удой, а если безъ спросу истратитъ, то платитъ за одну одною жъ и наказывается тѣлесно. Скотъ долженъ выходить къ веснѣ здоровой для того, что сухія коровы стельныя и кобылы берёжія выкидываютъ и скоро не телятся и не жеребятся, однѣ дѣлаются чахлыми, а другія и вовсе не поправляются, за коихъ и должны платить. Сухость же дѣлается отъ того, что по недостатку сѣна кормятъ рогатой скотъ тальникомъ, а конной — атавой, чего дѣлать, взявши плату, не слѣдуетъ, а если скотина отъ собственныхъ причинъ сдѣлается худа, то не платитъ. — Ср. Сам. XXVI, пп. 1 и 2.

24-е. Долги.

1-е. Заемъ денегъ производится по кабаламъ и безъ оныхъ съ позволеніями головъ, князцовъ и старшинъ, или и безъ онаго, оставя на волю заимодавца вѣрить заемщику, и о всѣхъ таковыхъ случаяхъ, т. е. въ кабальныхъ и безкабальныхъ долгахъ, давался строгій судъ, подвергая секвестру и продажѣ имѣнія должника и отдавая его, въ случаѣ несостоянія

къ платежу, въ зарабатываніе, чѣмъ сохранялось долго общее довѣріе, и якуты, до времени своихъ промысловъ и другихъ изворотовъ, заимствуясь между собою и у русскихъ, были состоятельны къ платежу принадлежащихъ съ нихъ сборовъ и въ содержаніи своемъ не лишаясь скотоводства; но какъ впослѣдствіи якуты начали въ обиду кредиторовъ нарушать свои обязательства, основываясь на томъ, что они, по новому Уставу, не лишаются своего скота 28-ми штукъ и другого имѣнія и что не подлежатъ къ отдачѣ въ зарабатываніе, почему, отказываясь отъ платежа, выводятъ еще то, что какъ они, якуты, иногда при прошеніи въ долгъ денегъ или другаго, даютъ въ подарокъ (въ беляхъ [1]) мягкою рухлядью или скотомъ, что дѣлаютъ также при упрашиваніи отсрочекъ и сего въ счетъ истинной суммы не включая, послѣ, выманивъ такимъ образомъ капиталъ, выставляютъ разные счеты и тяжбами своими доводятъ заимодавцовъ до большихъ хлопотъ и убытковъ, то нынѣ прекратилось общее довѣріе, и нахожденіе въ крайнихъ случаяхъ денегъ совершенно пресѣклось, а отъ сего продажа послѣдняго скота увеличилась и дошла до того, что на взносъ нынѣ ясака и податей уходилъ скотъ въ третью долю той цѣны, за кою прежде продавался, слѣдовательно въ недолгое время можетъ вывестись весь скотъ въ сущую пагубу, почему въ разсужденіи сего находимъ выгоднымъ и необходимымъ возстановить прежнее право со слѣдующимъ дополненіемъ и изъясненіемъ. 1) Если заимодавецъ даетъ въ долгъ деньги со свѣдѣнія или безъ свѣдѣнія родоначальниковъ, то въ семъ случаѣ долженъ знать напередъ состояніе должника и поручителя по немъ, если таковый требованъ отъ него будетъ, и по мѣрѣ таковаго вѣрить, не превышая состоянія. 2) Въ случаѣ несостоянія по какимъ-нибудь законнымъ причинамъ должника къ платежу на срокъ заемной суммы и если не сдѣлается пересрочки со стороны кредитора, то должно подвергнуться неминуемо скотоводство должника къ секвестру и потомъ къ распродажѣ на ту самую сумму, въ коей онъ былъ долженъ, а сверхъ оной завѣренное должнику безъ поручительства остается безъ взысканія; за недостаткомъ же скота на удовлетвореніе всей завѣренной суммы недостающее число дополняется отъ поручителя, а въ зарабатываніе должника не отдавать, дабы чрезъ то не лишить его способа въ домашнемъ занятіи и призрѣніи семейства, а не менѣе того и къ платежу казенной подати и общественныхъ повинностей. 3) При началѣ займа денегъ и при взятіи заимодавцомъ кабалы или обязательства отъ должника и при представленіи онаго къ свидѣтельству родоначальникамъ, оныхъ послѣ, въ случаѣ неисправности должника, ни къ какому взысканію не подвергать, потому болѣе, что таковое свидѣтельство дѣлается единственно для пере-

---

[1] Читай: bäläx — подарокъ.

увѣренія должника и поручителя въ справедливомъ занятіи денегъ, каковой порядокъ соблюдается и въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, не относя въ вину свидѣтельствующаго, каковымъ распорядкомъ, безъ стѣсненія ни того, ни другого, поддержится общее благосостояніе. — Ср. Сам. XXV, пп. 1 и 4.

2-е. Поелику изъ якутовъ весьма малая часть занимаются промыслами, да и промыселъ сей значительнаго счету не составляетъ, но главцой изворотъ заключается отъ поставки въ Охотскъ и въ другія мѣста казенныхъ тягостей, чѣмъ единственно уплачиваютъ якуты во многотысячной суммѣ ясаки и всѣ государственныя и общественныя повинности, а безъ сего случая къ платежу сборовъ были бы вовсе несостоятельны, но, исправляя поставки таковыя, по неимѣнію залогомъ служить могущихъ имѣній, обезпечивались поручительствомъ другъ по другѣ и исполняли обязанности по доброй вѣрѣ, нынѣ же поручительство таковое, по неприкосновенности 28-ми штукъ скота и прочихъ вещей, дѣлается уже несовмѣстно, а чрезъ то послѣдовать можетъ неминуемое препятствіе въ обращеніи капитальныхъ оборотовъ, то просимъ въ семъ случаѣ утвердить прежній порядокъ, какъ въ предыдущемъ 1-мъ пунктѣ ограничено.

25-е. Подарки (подъ названіемъ беляхъ[1]).

Одинъ даритъ другому лошадь хорошую, или 100 руб. денегъ, или жъ другое что-либо, принимающій отдариваетъ вполтора, вдвое и втрое, объясняя, что онъ за симъ будетъ гостить въ такое-то время, почему подарокъ сей и продолжается между ими безпрерывно съ обѣихъ сторонъ съ превышеніемъ и оканчивается отъ воли обоихъ, когда уравнятъ сами, а иногда выходятъ и неудовольствія, если одинъ по времени подаритъ мало или вовсе не отдаритъ, отчего и прибѣгаютъ къ суду родоначальниковъ, а оные оканчиваютъ расчетомъ, по коему платитъ перебравшій безъ всякихъ процентовъ, не полагая за лошадей тѣла, также приплоду и удою; а если кто подаритъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ не взыскивать, то таковымъ суда не дается. — Ср. Сам. XXIX, пп. 2 и 3.

26-е. Находки.

1-е. Если якутъ нашелъ или, поймавъ отгульную или бѣглую скотину, конную и рогатую, удержитъ безъ объявленія родовому начальству или, по отдаленности онаго, ближнимъ сосѣдямъ болѣе трехъ сутокъ, то признается за вора и платитъ какъ воръ. — Ср. Сам. XVII, п. 1.

---

[1] Читай: bälä̈x.

2-е. Нашедши скотину или другое что-либо, если объявитъ честно, то получаетъ плату, соразмѣрную трудамъ, и убытки, если оные понесъ; а если оную, ѣздивши, убьетъ или повредитъ, то платитъ таковую жъ одну или по цѣнѣ деньгами, а буде сама пропадетъ, то не платитъ. — Ср. Сам. XVII, пп. 1 и 2.

3-е. Сказавъ, что скотина такого-то ходила пріобщившись къ его скоту, но послѣ, когда не окажется, онъ не объявитъ времени отлучки оной, платитъ штуку за штуку, если на него не будетъ особенныхъ подозрительныхъ причинъ; въ такомъ случаѣ судится какъ воръ. — Ср. Сам. XVII, п. 3.

4-е. Присвоя чужую скотину или вещь и споря, что она его, но, по обнаруженіи разными доказательствами и свидѣтелями противнаго, платитъ и отвѣчаетъ какъ воръ, или неправильно искавшій платитъ понесенные отвѣтчикомъ убытки и наказуется или остается въ числѣ порочныхъ, смотря по важности дѣла. — Ср. Сам. XVII, п. 4.

5-е. Взятое съ ловушекъ или похищеніе самыхъ ловушекъ звѣриныхъ и рыболовныхъ принимается за воровство и наказывается по тому жъ съ платежемъ украденнаго. — Ср. Сам. XI, п. 1, д.

27-е. Наслѣдство.

1-е. Наслѣдство женатые сыновья, какъ обжененные при жизни отца ихъ капиталомъ и обзаведшіеся особымъ домомъ, при холостыхъ братьяхъ и незамужнихъ сестрахъ, не получаютъ никакого удѣла, ибо въ свою очередь купилъ жену за калымъ и пользуется приданымъ скотомъ жены. — Ср. Сам. XXIV, п. 2.

2-е. Оставшіеся необжененными сыновья или дочери незамужнія получаютъ части поровну, и послѣднія при выходѣ въ замужство должны замѣнить сію часть въ приданое. — Ср. Сам. XXIV, п. 2.

3-е. Жена, хотя и есть купленная калымомъ, но получаетъ отъ всего 4 части[1], а иногда и все наслѣдство, если была на то воля мужа при смерти; но оной не въ правѣ завѣщать имѣнія такого, которое есть наслѣдственное, а распоряжаетъ только собственно пріобрѣтеннымъ, и родственники искать не въ правѣ, но обязана она сыновей обженить, а дочерей выдать замужъ. — Ср. Сам. XXIV, п. 3.

4-е. Не въ правѣ же однако жъ изъ капитала передавать въ родъ свой ничего, кромѣ развѣ той жены, коей приданое по расчету будетъ превышать заплаченной за нее калымъ, а таковая жена разумѣется имѣющая прида-

---

[1] Сам.: четвертую часть

ное, слѣдовательно она получаетъ изъ мужнина капиталу сверхъ приданаго еще часть, если самъ умершій особеннаго не сдѣлалъ распоряженія. — Ср. Сам. XXIV, п. 4.

5-е. Если изъ сыновей одинъ при жизни отца обженenъ и имѣетъ капиталъ, а прочіе сыновья остаются въ бѣдности, то первой послѣднихъ обязанъ обженить, а промотавшимъ отцовской капиталъ таковой помощи не дѣлаетъ. — Ср. Сам. XXIV, п. 7.

28-е. Ушибленіе на поставленныхъ на звѣрей лукахъ.

Если въ селеніяхъ или въ тѣхъ мѣстахъ, куда ѣздятъ за дровами или за обозрѣніемъ скота, поставитъ кто лукъ, не предостерегши жителей, тотъ ушибившагося человѣка вылѣчиваетъ на свой счетъ и платитъ убытки, кои слѣдуютъ отъ непризрѣнія больнымъ домоводства; а если ушиблась скотина, то платитъ въ натурѣ; но вообще не въ правѣ никто ставить луковъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда отпущается скотъ на отаву. — Ср. Сам. XI, п. 1, ж.

29-е. Посылки по тяжбамъ.

По просьбѣ одного посылается за другимъ и также и за свидѣтелями по найму отъ просителя; сей убытокъ, по окончаніи суда, платитъ обвиненный; а если проситель окажется неправымъ, то оставляется вмѣсто вины его; если жъ кому по бѣдности послать нечѣмъ, то обязаны вытребовать сами родоначальники и, по рѣшеніи дѣла, съ виновнаго удовлетворить посыльщика нарочнаго. — Ср. Сам. V, п. 4.

30-е. Картежная игра.

Игра картами во многомъ числѣ якутовъ употребительна и въ числѣ порочныхъ и зазорныхъ дѣлъ не считается въ нѣкоторыхъ наслегахъ, а въ другихъ строго наказывается, а потому, если дойдетъ до суда, то обращать истцу проигранное имъ съ наказаніемъ его. Въ случаѣ жъ отъ сего произойти могущихъ буйствъ наказываются оба игрока, смотря по важности послѣдствія. — Ср. Сам. XX.

31-е. Ловля звѣря.

Одинъ, гонявши звѣря, не убьетъ по пристали лошади, а другой догонитъ и убьетъ или поможетъ, давъ свѣжую лошадь, то убитаго звѣря или цѣну онаго дѣлятъ поровну или смотря трудовъ и пособія послѣдняго частію, и по тяжбамъ въ томъ присуждаются тѣмъ же; а гонявшійся и пере-

ставшій гонять по прошествіи троихъ сутокъ не въ правѣ присвоять звѣря.— Ср. Сам. XI, п. 1, е; Сводъ степныхъ законовъ, раздѣлъ II, гл. III, § 133, I, выноска.

32-е. Повѣренные.

1-е. Улусные головы, по неимѣнію времени ѣздить самимъ, посылали по разнымъ дѣламъ въ наслеги или въ городъ кого они признаютъ способнымъ, хотя бы то и изъ простыхъ родниковъ; а какъ нынѣ при головахъ положены выборные, то удобно посылать изъ оныхъ, ибо головѣ съ выборными, писарями и разсыльщиками всѣмъ ѣздить за каждымъ дѣломъ будетъ тягостно жителямъ, ибо и подводъ въ наслегахъ только по двѣ пары, а иногда голова или выборный и одинъ можетъ ѣздить съ писаремъ. Отлучку жъ оныхъ внутри улуса замѣняютъ должности ихъ оставшіеся выборные. — Ср. Сам. II, п. 5.

2-е. Наслежные князцы, во время отлучекъ своихъ отъ домовъ, оставляютъ вмѣсто себя повѣренными изъ простыхъ родниковъ достойныхъ; подобно сему дѣлаютъ и старшины. — Ср. Сам. II, п. 5.

3-е. Поелику же по новому Уставу слѣдуетъ быть въ инородной управѣ при головахъ двумъ выборнымъ, и, въ должности сіи избираясь, князцы или старшины, или же родовичи, по разсѣянному и отдаленному жительству должны, оставя свои наслеги и хозяйство, жить при головѣ сколько въ затруднительность, столько же и въ разореніе, ибо удаляютъ отъ призрѣнія дома скота и отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, почему убѣдительнѣйше просимъ отъ выбора сего, какъ невыгоднаго для якутовъ, освободить, ибо разборъ и рѣшеніе дѣлъ на прежнемъ порядкѣ безъ затрудненія будетъ происходить у одниxъ головъ, а въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе ихъ жалобы слѣдуютъ по принадлежности. — Ср. Сам. II, п. 3.

33-е. Если родникъ не пришелъ на позывъ родоначальниковъ по упрямству или ослушанію, то по приговору ихъ наказывается тѣлесно розгами. — Ср. Сам. VII, п. 1.

34-е. Головы и князцы, если имѣютъ претензію на своихъ родниковъ, то просятъ и разбираются своего наслега старшинами, а другихъ наслеговъ на родниковъ просятъ у князцовъ ихъ. — Ср. Сам. V, п. 1.

35-е. Сами головы, князцы и старшины, по просьбамъ на нихъ родниковъ своихъ или другихъ наслеговъ, улусовъ, судятся и разбираются: князецъ — у головы, а старшина — у князца, наконецъ же самъ голова — въ присутственномъ мѣстѣ по порядку. — Ср. Сам. V, п. 2.

36-е. Родники, подавъ на родоначальниковъ и головъ жалобы и говоря, что они подали на нихъ бумаги или имѣютъ съ ними ссору, отбываютъ отъ суда и, проволачивая дѣло и продолжая время, и тѣмъ находятъ случай избавиться отъ взысканія, не давая ни въ чемъ воли, дѣлаютъ важныя и большія во всемъ затрудненія, и многіе ищутъ отдѣленія особыми родами, а отъ сего происходятъ большія помѣшательства, а потому таковыя отдѣленія нужно необходимо прекращать, ибо, по неудовольствію на одно лицо, т.-е. на князца, дѣлать таковыя возмущенія не похвально, а ближае, если князецъ, по мнѣнію желающихъ отдѣлиться, отягощаетъ ихъ, то, изыскавъ строго и скоро, виновнаго отрѣшать и тѣмъ не давать возмущаться, не оттягивая таковыхъ дѣлъ надолго и не дѣлая по нѣскольку слѣдствій, да и начальство, по просьбѣ одного якута въ общественныхъ дѣлахъ безъ всякой довѣренности родниковъ, дѣлаетъ слѣдствія, то просимъ въ сихъ двухъ случаяхъ преграды, такъ чтобъ родникъ, подавшій на князца или голову жалобу, до обнаруженія вины не выходилъ изъ повиновенія его, или бы тогда жъ отдаваемъ былъ въ распоряженіе другого родоначальника, а также отъ одного родника, безъ довѣренности общества по общественнымъ дѣламъ, какъ въ отягощеніи поборами и прочими распорядками цѣлаго наслега или рода, жалобъ чтобъ начальство не принимало; въ отягощеніи князцомъ рода долженъ просить старшина, а цѣлаго наслега — всѣ старшины. — Ср. Сам. VII, п. 4.

37-е. Разсѣвателей лживыхъ слуховъ наказывали и нынѣ наказывать на тѣлѣ розгами. — Ср. Сам. XIX, п. 1.

38-е. Какая-либо постройка на чужихъ покосахъ вовсе воспрещается, кромѣ того — если согласенъ владѣлецъ оныхъ. — Ср. Сам. XI, п. 2, г.

39-е. Пропитаніе бѣдныхъ.

Бѣдные должны пропитываться родственниками, а если оныхъ нѣтъ, то не однимъ родомъ, къ коему они принадлежатъ, а цѣлымъ наслегомъ, ибо въ одномъ родѣ есть таковые, а въ другомъ нѣтъ, отчего и могутъ выходить отягощенія и споры, если возлагать по родамъ; подобно сему за лѣченіе бѣдныхъ больныхъ и за погребеніе оныхъ дѣлать на основаніи сего: на все сіе производить поборами денежными, внося оныя въ общія смѣты, ибо добровольныхъ окладовъ никто дѣлать не соглашаются, а натурально и очередями исправлять вовсе неудобно. — Ср. Сам. XXIII.

40-е. Десятники по родамъ, улусные разсыльщики, повѣренные за платежемъ податей и по другимъ порученіямъ, капралы въ Охотскъ за казен-

ными тягостями улусные и наслежные, оспенные ученики всегда продолжают службы сіи съ должною платою, собираемою съ родниковъ въ числѣ поборовъ, ибо сіи должности очередями исправлять неудобно и вовсе невозможно, какъ по разсѣянному жительству якутовъ, кромѣ годовыхъ, очередей дѣлать нельзя; итакъ, въ наслегѣ, въ коемъ состоитъ 300 душъ, поборы платящихъ, очередь должна упадать иногда на человѣка неспособнаго и слабаго; сверхъ сего, плата повѣренныхъ за платежемъ податей и по другимъ порученіямъ, капраловъ за казенными тягостями, оспенныхъ учениковъ входитъ въ общія смѣты и принимается начальствомъ, платы жъ десятниковъ, улусныхъ разсыльщиковъ начальствомъ въ смѣты вносить не позволено, почему, хотя оныя и не вносятся въ смѣты, но исправляются деньгами. — Ср. Сам. II, п. 4; III, пп. 4—7; IV, пп. 3 и 4.

41-е. Бѣдные родники, не имѣвъ себѣ иногда призрѣнія отъ родственниковъ, а другіе сами бывъ склонны къ бродяжеству, шатаются по селеніямъ и въ самомъ г. Якутскѣ, гдѣ ихъ и безъ билетовъ терпятъ, а отъ сего выходятъ разные безпорядки, но князцовъ обвинить въ семъ случаѣ не можно, ибо они, по нежительству деревнями, всего узнать не могутъ, ибо объ отлучкѣ родниковъ отъ домовъ узнаютъ тогда, какъ оные понадобятся; да и самимъ родникамъ постановить правиломъ о каждой отлучкѣ спрашиваться не можно — по разсѣянному жительству и по нечаянно встрѣчающимся на отлучку надобностямъ, а изъ сего и выходитъ то, что должны пещись о семъ тѣ, въ селеніяхъ коихъ бродяжествуютъ посторонніе родники безъ всякой правильной надобности, да и городское начальство должно найти способы, по коимъ бы якуты, не имѣющіе билетовъ, не могли скрываться въ ономъ подъ разными видами, имѣя другіе въ городѣ и въ предмѣстіяхъ онаго непремѣнное жительство, да и увольняемые по билетамъ, по истеченіи сроковъ, чтобъ не могли быть терпимы въ городѣ, и, конечно, благоразумное и рѣшительное распоряженіе начальства можетъ возстановить сію часть.

Къ таковому возстановленію способствовало бы и то, еслибъ якутовъ, находящихся въ г. Якутскѣ по работамъ ли или по временнымъ приходамъ, въ преступленіяхъ и проступкахъ, въ городѣ учиненныхъ, судить въ полиціи по общимъ государственнымъ законамъ, согласно тому, какъ повелѣно Высочайшаго Устава объ инор. въ § 36-мъ, чѣмъ сколько городскіе жители освободятся отъ большихъ убытковъ, ибо не каждой можетъ во всякой малости съ работникомъ ѣхать чрезъ сотни верстъ судиться къ родоначальникамъ, столько же и якуты, бывъ судимы и наказаны въ городѣ за преступленія, въ ономъ содѣянныя, оставятъ имѣть тутъ убѣжище, а сбывать покраденное въ уѣздѣ, какъ и, шатаясь въ городѣ и укравъ въ ономъ, сбывать воровское въ уѣздѣ, каковые случаи часто обнаруживаются, ибо

покраденное въ городѣ находятъ въ якутскихъ селеніяхъ, а покраденное въ оныхъ находятъ въ городѣ; но чтобъ при семъ преступленія, содѣянныя въ уѣздѣ, не входили въ разсмотрѣніе городской полиціи. А какъ отъ даванія земскимъ Судомъ родникамъ нашимъ билетовъ выходятъ большія помѣшательства во взысканіи поборовъ и прочаго, то просимъ рѣшительно дачу билетовъ отъ земскаго суда воспретить, да и всѣмъ якутамъ позволить ѣздить на промыслы звѣря по однимъ билетамъ, даваемымъ отъ самихъ князцовъ на какое бы разстояніе не было, потому болѣе, что всякому отправляющемуся на промыселъ родовичу выѣзжать въ городъ за полученіемъ отъ земскаго суда билета, по совершенной отдаленности онаго, затруднительно и вовсе неудобно, сопряжено, притомъ, съ немалыми убытками, и лучше согласится онъ оставить походъ свой на промыселъ, нежели доставать билетъ себѣ изъ города, чрезъ что теряется у него время въ благовременной поѣздкѣ и изнуряется лошадь, на коей надлежало ѣхать ему на промыселъ.

42-е. По части возникающихъ претензій родниковъ на князцовъ въ излишнихъ поборахъ различныя происходятъ изысканія, несмотря иногда на то, что весь наслегъ или большая часть онаго утвердила оные поборы приговоромъ и ревизовкою, даже по доносу одного родника безъ всякой довѣренности и чрезъ нѣсколько годовъ, напримѣръ о бывшихъ назадъ тому 9-й годъ поборахъ возникаютъ слѣдопроизводства, а отъ сего сколько наслеги, отвлекаясь отъ работъ, занятій и промысловъ, терпятъ отягощенія, столько жъ князцы безвинно оскорбляются. До сего, по претензіи о поборахъ, производились слѣдствія членами Земскаго Суда и потомъ оныя отдавались на рѣшенія самихъ обществъ на основаніи Высочайше конфирмованнаго въ 7-й день августа 1797 г. положенія о порядкѣ внутренняго управленія казенныхъ волостей, а иногда отдавались на разборъ улусныхъ головъ тѣхъ же улусовъ, иногда — головъ постороннихъ улусовъ, а иногда на судъ медіаторскій, отчего и выходило, что изысканія [излишніе?] поборы не считались въ числѣ уголовныхъ преступленій. — Ср. Сам. IV, п. 1.

Нынѣ, въ Высочайшемъ Уставѣ объ инородцахъ въ § 37-мъ, между прочимъ, сказано: уголовными дѣлами относительно инородцевъ почитать и вообще похищеніе казеннаго и общественнаго имущества, то по сему § излишніе поборы считаются ли уголовнымъ преступленіемъ, или попрежнему не уголовнымъ, просимъ на оное разрѣшенія, а ежели не уголовнымъ, то кому именно оные разбирать и рѣшать.

43-е. Выборъ писарей. — Сам. III, п. 3.

Писаря выбираются въ улусѣ улусными князцами, а въ наслегѣ наслежными родниками, не давая въ томъ преимущества въ улусѣ головѣ, а въ наслегѣ князцу, хотя отвѣтственность писаря лежитъ на одномъ головѣ и на одномъ князцѣ; но и то, и другое не имѣетъ существенной пользы, а притомъ форма настоящихъ контрактовъ писарей дѣлаетъ оныхъ раболѣпными исполнителями воли князцовъ, ибо писарь, найдя чрезъ какіе-либо способы случай быть писаремъ, по бѣдности своей и зная, что родоначальники, въ случаѣ малѣйшаго неудовлетворенія прихотливыхъ ихъ желаній, властны и имѣютъ способы, такъ сказать, выкинуть его отъ должности, по сей причинѣ угождая зажиточнымъ родникамъ, имѣющимъ въ обществѣ голосъ, за миротворство имъ, съ поддержкою ихъ дѣйствуютъ какъ хотятъ, а потому каждый писарь, при малѣйшемъ на него неудовольствіи родоначальниковъ, подверженъ самой смѣнѣ, ибо и въ формѣ контракта дана воля отрѣшать писарей до сроку, не говоря, за вину или безъ вины, но, чтобъ не подвергнуться тому, старается снискать себѣ подкрѣпленіе, оказывая себя, можетъ быть, къ крайнему вреду и разоренію якутовъ, раболѣпнымъ исполнителемъ воли и наблюдателемъ выгодъ своихъ благодѣтелей; напротивъ, выборъ писаря улуснаго князцами, а наслежнаго родниками безъ воли головы и князца также безполезенъ, ибо князцы въ улусѣ, а родники въ наслегѣ, по различнымъ иногда видамъ и неудовольствіямъ, опредѣляютъ писарей вовсе неспособныхъ, а отъ сего упущенія и безпорядки писарей остаются на отвѣтственности головъ и князцовъ, несовмѣстному начальству — входить въ сіе дѣло кажется излишне и нерезонно. А ближайшимъ для сего есть:

1-е. Чтобъ въ выборъ писарей мѣстное начальство не вмѣшивалось, кромѣ утвержденія оныхъ областнымъ начальникомъ.

2-е. Чтобъ писарей мѣстное начальство безъ воли головъ и князцовъ до срока и послѣ срока не отрѣшало и чтобъ начальство и нанимающіе безъ суда и не обнаружа вины отъ должностей не удаляли.

3-е. Чтобъ въ наймѣ писарей болѣе уважали въ улусѣ голосъ головы, а въ наслегѣ голосъ князца.

4-е. Чтобъ улусныхъ и наслежныхъ писарей до срока не отрѣшали, а по истеченіи срока, если понравится головѣ и князцу по хорошему поведенію, то остается и на другой годъ, однако жъ по согласію обѣихъ сторонъ, въ противномъ же случаѣ отказывается отъ писарской должности безспорно.

5-е. Нанимать писарей по контрактамъ, но контракты сіи позволить заключать въ тѣхъ словахъ, какія кому по обстоятельствамъ ихъ удобны и возможны, придерживаясь, однако жъ, настоящей формы.

44-е. Коновальство.

Коновалы изъ якутовъ, пущая у коннаго и рогатаго скота кровь изъ гортани или изъ другихъ частей, по неосторожности, а иногда и по незнанію прокалываютъ до того, что пропадетъ скотина, и въ такомъ случаѣ платятъ цѣну оной; охолащивая же жеребцовъ и порозовъ также доводятъ до падежа, въ такомъ случаѣ также платятъ цѣну; и о всѣхъ таковыхъ случаяхъ дѣлаетъ приговоръ бывшій при началѣ договоръ. — Ср. Сам. XXVII.

45-е. Если, взявши въ тѣло лошадь или быка, наджабитъ спину или повредитъ какую часть, то платитъ цѣну штуки. — Ср. Сам. XXVI, п. 4.

46-е. Если, имѣя скотъ въ пастьбѣ, будетъ безъ позволенія запрягать или ѣздить, то платитъ годовое тѣло, въ какой цѣнѣ оное въ той околотнѣ существуетъ; а если, ѣздя или запрягая, наджабитъ спину или повредитъ какую часть, то платитъ полную цѣну. — Ср. Сам. XXVI, п. 4.

47-е. **Порочные**, какъ то: тѣлесно наказанные по письменнымъ приговорамъ, содержанные подъ арестомъ, обличенные по письменнымъ приговорамъ въ кражѣ и наказанные за то по письменнымъ же приговорамъ, переселенные по замѣчаніямъ, названные по приговорамъ ябедниками, отрѣшенные отъ должностей по повелѣніямъ начальства, учинившіе три кражи и за то наказанные или платившіе — въ общественныхъ собраніяхъ не имѣютъ никакого голоса. — Ср. Сам. IX.

48-е. Границы.

Границъ между улусами и наслегами понынѣ между якутами особыми актами и особыми знаками не было опредѣлено, кромѣ изустнаго о томъ знанія; а о другихъ, хотя и есть письменныя о томъ свѣдѣнія, по оныя не такъ достаточны; а потому и просимъ всепокорнѣйше главное начальство позволить сіе сдѣлать на слѣдующемъ порядкѣ:

1-е. Смежныхъ съ городомъ мѣстъ наслежные князцы, при улусномъ своемъ головѣ, при отряженномъ изъ города депутатѣ, должны ограничить грань обоюдныхъ владѣній и поставить столбы по разсмотрѣнію гдѣ угодно.

2-е. На границахъ съ комисарствами должны сіе дѣлать того комисарства и здѣшняго вѣдомства съ смежными головами или съ ближайшими князцами, подобно какъ и на границахъ къ Охотску.

3-е. Грани между улусами опредѣлить тѣхъ улусовъ головамъ съ живущими на границахъ князцами.

4-е. Грани съ посельщиками и крестьянами опредѣлить князцамъ со старостами крестьянъ при улусномъ головѣ.

5-е. Грани между наслегами опредѣлить тѣхъ наслеговъ князцамъ при улусномъ ихъ головѣ.

6-е. Какъ смѣшанныхъ чрезполосно мѣстъ много, то оныя, по опредѣленіи главныхъ граней, означить особыми вѣдомостями за подписаніемъ обоихъ наслеговъ князцовъ и улуснаго головы, напр. во владѣніи Малтанскаго наслега состоитъ на такомъ-то острову, Жерскаго наслега такъ называемое мѣсто, указавъ концы всѣхъ четырехъ сторонъ и разстоянія примѣрно отъ ближней главной грани.

7-е. По опредѣленіи такимъ образомъ всѣхъ граней, акты о томъ предписать [подписать?] всѣмъ назначеннымъ къ тому лицамъ съ приложеніемъ ихъ печатей и потомъ утвердить оные, по личномъ опросѣ подписавшихъ, Якутскому областному начальнику, а таковыхъ подлинныхъ актовъ составя сколько можно — хранить одинъ въ Якутскомъ областномъ архивѣ, во всѣхъ улусныхъ и наслежныхъ архивахъ тѣхъ, коихъ грани означены, все по сей части производство писать улуснымъ и наслежнымъ писарямъ, не требуя особой платы.

8-е. На семъ порядкѣ опредѣлить границы съ тонгусами никакъ нельзя, ибо, во время звѣроловства, они ходятъ на наши мѣста, а мы на ихъ безъ всякаго препятствія, такъ какъ они постоянныхъ и настоящихъ мѣстъ и жительствъ не имѣютъ.

49-е. О нечаянныхъ смертяхъ.

Ибо разумѣемыя нечаянными смертями дѣла производитъ Якутскій Земскій Судъ, какъ то: о утопающихъ во время переправъ въ водѣ, зашибаемыхъ лѣсомъ и прочее, каковыя и сомнѣнію вовсе не принадлежащія дѣла Земскій Судъ нынѣ принялъ на себя, что для насъ должно быть крайне тягостно, а первое предоставленіе сихъ дѣлъ по Высочайшему Уставу объ инородцахъ нашему суду для насъ было бы полезно.

50-е. Если кто-либо у скотины обрѣжетъ гриву или хвостъ, то платитъ цѣну гривы и хвоста и наказывается тѣлесно какъ **воръ.** — Ср. Сам. XVI, п. 8.

51-е. Якутскіе головы, князцы и старшины сыздревле не имѣютъ никакихъ **доходовъ,** могущихъ быть присвоенными ихъ званіямъ или цѣлымъ обществамъ. — Ср. Сам. IV, п. 1.

52-е. Отъ многоразличныхъ прежнихъ и нынѣ умножившихся формъ, по коимъ требуются отъ насъ разные отчеты и свѣдѣнія, напр. расчисленіе поборовъ, по скольку приходится съ души, отчеты о дѣлахъ, о народонаселеніи, о пространствѣ земли и прочія тому подобныя умноженія, такъ что и настоящій канцелярскій порядокъ превышающія, по коимъ въ требованіяхъ начальства на сроки, по мѣстожительству нашему разсѣянно и въ отдаленныхъ мѣстахъ, никакъ въ свое время отчету дать не можемъ, а чрезъ то безвинно подвергаемся взысканію и самой неизвинительной отвѣтственности начальства, да и въ полной мѣрѣ всего того выполнять знающихъ порядокъ писарей найти не можно, а хотя съ большею затруднительностію и убѣжденіемъ нѣкоторые и находятся, но плата ихъ нынѣ увеличилась по большей степени, такъ что въ сравненіи прежняго нашего управленія считаемъ вчетверо, которая по трудамъ ихъ хотя и соразмѣрна, но служитъ въ тягость, а нынѣ, сверхъ прежнихъ занятій по умноженію дѣлъ и разныхъ свѣдѣній, еще увеличится, да и намъ управлять въ полной мѣрѣ безъ упущенія по вновь изданному Учрежденію и уставу по непривычкѣ и незнанію россійской грамоты не можно, такъ какъ писаря въ переводѣ оныхъ, отъ недостаточества своего въ понятіяхъ, а другіе и малограмотные, растолковать намъ могутъ въ различныхъ смыслахъ и отношеніяхъ, отчего и мы, бывъ въ помѣшательствѣ, должны управлять различно съ большими упущеніями, а потому не возможно ли будетъ начальству всѣ сіи формы для насъ отмѣнить.

53-е. Какъ по обѣднѣлости нашихъ обществъ на платежъ государственныхъ податей и общественныхъ повинностей вовсе почти не стали находить денегъ, ибо и получаемая за провозъ казенныхъ тягостей плата не такъ удовлетворительна, а потому не малымъ бы пособіемъ для насъ могло служить, если бъ начальство, на основаніи Высочайшаго положенія о земскихъ повинностяхъ, предоставило намъ содержаніе по всѣмъ Якутской области трактамъ почтовыхъ и обывательскихъ станцій съ выдачею нынѣ производимой за оныя подрядчикамъ платы.

54-е. Какъ съ бытности въ Якутскѣ 1767 года Коммисіи о ясакахъ управлялись мы по особой ясашной выпискѣ, учиненной на правахъ и обычаяхъ нашихъ, коей правила и выше подробно объяснены, и кои для насъ утвердить.

55-е. Свидѣтельство контрактовъ между собою о наймѣ къ свозу тягостей.

1-е. При каждогодномъ распоряженіи принятыхъ изъ казны къ свозу въ Охотскъ и другія мѣста казенныхъ тягостей, по разложеніи оныхъ по-

наслежно, нерѣдко случается, что другой наслегъ, не имѣя возможности выставить всѣхъ доставшихся на него подъ тягости лошадей, по необходимости передаютъ и нанимаютъ другихъ зажиточныхъ якутовъ, хотя бы и другого улуса оные были, отъ 5-ти до 10-ти и болѣе лошадей и заключаютъ съ ними контракты по согласію между собою и вѣрѣ на простой, а иногда, если случится, и на гербовой бумагѣ, свидѣтельство коихъ до сего зависѣло отъ Якутскаго Областнаго Правленія; но по затрудненіямъ и самой задержкѣ считаемъ мы для себя неудобнымъ и отяготительнымъ, ибо таковая передача на свозъ тягостей и самой договоръ по большей части бываетъ въ селеніяхъ нашихъ на довольно дальномъ разстояніи отъ города, т. е. въѣзжать въ оной за однимъ только свидѣтельствомъ контрактовъ въ областномъ правленіи сколько теряется время своевременной отправки тягостей, столько же и затруднительность сопряжена съ неменьшими издержками, а потому просимъ высшее правительство отнынѣ впредь свидѣтельство таковыхъ контрактовъ между собою предоставить въ селеніяхъ дѣлать улусному головѣ по мѣстному его пребыванію.

56-е. О разсѣянномъ жительствѣ якутовъ.

1-е. Многими предписаніями мѣстнаго начальства подтверждается о сближеніи понаслежно жительствъ родниковъ цѣлыми семьями наподобіе русскихъ деревень, такъ чтобы на каждомъ выгодномъ мѣстѣ имѣлось отъ 5-ти до 10-ти дымовъ, каковое сближеніе жительствъ хотя нѣкоторыми наслегами и исполняется, но для другихъ и самихъ тѣхъ, по роду жизни всѣхъ вообще якутовъ и мѣстоположеніямъ, вовсе неудобно и сопряжено съ величайшею трудностію и отягощеніемъ, потому болѣе, что у каждаго почти якута покосы состоятъ по ясашному окладу порознь въ разныхъ мѣстахъ на довольномъ одного противъ другого разстояніи, гдѣ онъ, по заготовленіи сѣна построивъ юрту, зимуетъ, если жъ на одномъ мѣстѣ вышло сѣно, то къ веснѣ переходитъ на другое по неудобности возить издали, въ случаѣ жъ неурожая, по худобѣ года или за съѣденіемъ кобылкою на его мѣстахъ травы, то по необходимости отыскиваетъ мѣста въ другихъ наслегахъ и улусахъ, гдѣ только можетъ навѣдаться, что есть тамъ урожай травы, куда уѣзжая и кортомитъ, а потомъ, со всѣмъ семействомъ своимъ и скотомъ перекочевавъ на то мѣсто разстояніемъ отъ прежняго жительства своего отъ 50-ти до 100 и болѣе верстъ, построивъ тамъ вновь юрту, занимается сѣнокосною въ лѣтѣ работою и зимуетъ на мѣстѣ семъ, также, если не на одномъ мѣстѣ сѣна, съ перекочевкою къ онымъ, и сія безсѣнница нерѣдко трафляется, такъ что и въ настоящемъ году, по неурожаю почти повсемѣстно травъ, родовичи наши разошлись по разнымъ отдаленнымъ

мѣстамъ, а потому просимъ правительство, дабы въ жительствѣ нашемъ не было дѣлано ни малѣйшаго стѣсненія, а оставить насъ на прежнемъ положеніи по свойственной удобности въ жизни нашей.

57-е. О употребленіи на водахъ берестяныхъ ветокъ или лодокъ.

1-е. Со стороны мѣстнаго начальства строго воспрещается чрезъ насъ родовичамъ нашимъ, чтобъ не плавать по озерамъ и рѣчкамъ въ берестяныхъ веткахъ и деревянныхъ стружкахъ потому, что нерѣдко подвергаются по неосторожности преждевременной смерти въ утопленіи себя; хотя сей распорядокъ, съ одной стороны, справедливъ, а съ другой крайне отяготителенъ для бѣдныхъ сородцовъ нашихъ, потому болѣе, что всѣ вообще якуты изстари обыкли имѣть берестяныя ветки по легости оныхъ для плаванія по озерамъ и рѣчкамъ за ловлею къ продовольствію своему мелкой рыбы, и съ коихъ каждой бѣдной родовичъ переноситъ таковую ветку на себѣ свободно отъ одного озера къ другому на довольно дальномъ разстояніи, а другіе, совершенно бѣдные, не имѣющіе таковыхъ, по нуждѣ дѣлаютъ для себя деревянные стружки, которые и остаются неподвижно на одномъ озерѣ, такъ какъ переносить ихъ на себѣ по тяжести неудобно, а возить на саняхъ столько жъ затруднительно по болотистымъ и чащавитымъ мѣстамъ, а другимъ, по неимѣнію быка, и сдѣлать сего невозможно, чрезъ каковую преграду многіе бѣдные родовичи наши, лишась возможности въ ловлѣ изъ озеръ мелкой рыбы, терпятъ въ пропитаніи себѣ крайній недостатокъ, а потому, дабы подкрѣпить нетолько [нѣсколько?] состояніе ихъ, мы за удобное находимъ предположить такъ, чтобъ каждой родовичъ, имѣющій нужду въ ловлѣ изъ озеръ и рѣчекъ мелкой рыбы, не истребляя берестяныхъ ветокъ и деревянныхъ стружковъ, для безопасности своей привязывали по бокамъ оныхъ круглыя бревешки посредственной толщины, каковымъ дѣйствомъ, безъ сомнѣнія, можно надѣяться въ безопасности, въ разсужденіи чего и просимъ правительство разрѣшить безпрепятственно о употребленіи берестяныхъ ветокъ на предположенномъ средствѣ. Августа 24 дня 1823 г. На подлинномъ приложены улусныхъ головъ печати и своеручно подписалъ Баягантайской волости Голова и староста Андрей Сыромятниковъ. Печати описывали Кангаласскаго Ивана Козлова Догдогинской волости ясашной Федоръ Сивцовъ, Батурусскаго Григорія Старостина канцеляристъ Ипатьевъ, Борогонскаго Ивана Мигалкина канцеляристъ же Ипатьевъ, Мегинскаго Константина Попова родникъ Григорій Новиковъ, Намскаго Ивана Винокурова канцеляристъ Федоръ Ипатьевъ, Дюпсинскаго Петра Васильева канцеляристъ Ипатьевъ.

Указатель къ статьѣ „Матеріалы по якутскому обычному праву.

(Цифры обозначаютъ страницы).

В. А. Гордлевскій.

Гаданія татарокъ о женихѣ.

(Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Уфѣ).

Мой учитель татарскаго языка (въ Уфѣ), Губайдулла Усмановъ, преподавалъ въ Женской учительской семинаріи. Учтя это, я предложилъ ему однажды (въ концѣ 1917 г.) задать ученицамъ домашнюю работу на тему «гаданія о женихѣ». Значительное большинство ученицъ семинаріи только во время занятій живетъ въ Уфѣ; были тамъ и изъ глухихъ закоулковъ Уфимской губерніи, и издалека (изъ Вятской, Тамбовской губерній). Анкета, впрочемъ, была не особенно удачна: стѣснялись ли дѣвушки отвѣчать на вопросъ, который затрагивалъ завѣтныя ихъ думы, или не привыкли еще, какъ слѣдуетъ, высказываться письменно, — не знаю. Вѣроятно, было то и другое. Возрастъ ученицъ въ классѣ колебался: между дѣвицами (сформировавшимися), лѣтъ 19-ти, сидѣли маленькія пухленькія дѣвочки, лѣтъ 12-ти; онѣ, конечно, воспринимали игры иначе; кое-кто, описывая деревенскія гаданія, вносилъ субъективный элементъ, личныя переживанія и ощущенія. Просмотрѣнныя мною тетради обнаруживали (иногда) зависимость записей одна отъ другой: ученицы, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго или труднаго урока, заглядывали къ подругамъ въ тетради и частью списывали, частью искали тамъ указаній, вспоминая аналогичныя игры. Богатство картины, какъ будто, исчезло, затушевалась и пестрота національнаго происхожденія — наряду съ татарками въ семинаріи были и башкирки, и мещерки, но всѣ онѣ, видно, поддались культурному татарскому вліянію и денаціонализовались.

Кое-какія черты до-мусульманскаго быта на гаданіяхъ, быть можетъ, и сохранились (сознаніе, что для успѣха гаданія необходимо, такъ сказать,

отречься отъ мусульманства); но общій колоритъ говоритъ уже о распаденіи старой культуры. Такъ, напр., гаданіе по огню (по пламени) или по костямъ животныхъ (по бараньей лопаткѣ — жженой) издавна распространенное и между турками (и отмѣченное старыми путешественниками), — татарами забыто. Процессъ утраты старыхъ обычаевъ, — отголосковъ кочевой жизни, идетъ со времени утвержденія среди турокъ ислама; Тимуръ уже предпочитаетъ гадать по Корану. Однако и исламъ (какъ и всякая другая религія) долженъ былъ пойти на уступки народнымъ вѣрованіямъ, облекая иногда только въ новую форму старыя, близкія сердцу, гаданія (напр., «истихāре» — гаданіе по сну; впрочемъ, эротическія гаданія благочестивая мусульманская мысль кашгарца Мухаммеда Садыка, автора «Хорошаго тона на Востокѣ», приписываетъ навожденію и шайтану).

Здѣсь, въ Европейской Россіи, татары испытали воздѣйствіе культуръ, славянской и финской, которыя затерли то, что наблюдается еще в Азіи у сородичей ихъ — у киргизовъ, якутовъ и др. Бѣглый обзоръ гаданій вскрываетъ глубокое вліяніе, оказанное сосѣдствомъ съ русскими; гаданія часто совпадаютъ съ записями у русскаго населенія (параллели, и обширныя, легко могли бы быть подобраны). Мечты дѣвушки, «не придетъ ли онъ, ненаглядный мой, напоить коня студеной водой»; курица; овца; зеркало; подслушиванье, и т. д. и т. д., — все это хорошо знакомо и татарамъ. Дѣвичьи гаданія — группа, возникшая сравнительно поздно — должна отражать новый бытъ на русско-европейской равнинѣ, въ новыхъ условіяхъ, — условіяхъ осѣдлой жизни; эти гаданія бросаются сразу въ глаза и отчасти уже зарегистрованы (у крещеныхъ татаръ — С. Матвѣевымъ, Р. Даулеемъ [1].

Но, конечно, объяснять сходство, какъ это ни заманчиво, однимъ заимствованіемъ — было бы неосторожно: общность гаданій, до мелочей, вытекаетъ часто изъ единства міросозерцанія человѣка, одинаковыми путями ищущаго отвѣта на волнующіе жизненные вопросы.

Въ деревенской татарской средѣ положеніе дѣвушки незавидное [2]. Между тѣмъ какъ мужчина—вольная птица, дѣвушка связана, судьбу свою сама она устроить не можетъ, все зависитъ отъ того, за кого она выйдетъ замужъ, или точнѣе: за кого выдадутъ ее родители, а родители разсуждаютъ такъ, что исключается мысль о бракѣ по любви: «если кто вышелъ замужъ по любви, думаютъ родители, будетъ несчастливъ». Но дѣвичье сердце далеко отъ сухихъ умозрѣній, не по указкѣ родителей течетъ все же жизнь внутренняя

---

[1] См. Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн., тт. XIV, XIX и XXIII.

[2] Въ годину голода, напр., дѣвушки продавались родителями въ неволю; на этотъ позоръ обратила уже вниманіе и художественная литература, татарская (Валеевъ) и русская (Маминъ-Сибирякъ).

дѣвушки. Какъ ни какъ, дѣвушки и парни сталкиваются въ деревнѣ — встрѣчи, знакомства, и завязывается первая любовь. Знакомятся парни и дѣвушки во время «ӳме» — сосѣдской помощи въ страду, страдная пора — какъ бы праздникъ для молодежи.

Естественно, что сызмала вниманіе дѣвушки устремлено въ темную таинственную даль, ей хочется узнать суженаго, и она обращается къ гаданьямъ и играмъ. Въ играхъ находитъ она утѣшеніе, тамъ заключенъ для нея отвѣтъ на то, чтó ожидаетъ ее въ будущемъ. «Только этимъ и приходится намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, довольствоваться, *житъ въ мечтѣ* («мічтать ітмек»)», — писала одна дѣвушка-мещерка.

Какъ только кончены полевыя работы, нетерпѣливо поджидаютъ дѣвушки осени: осенью устраиваются игры. Взрослые (мужчины и женщины) уходятъ другъ къ другу въ гости. Дѣвушки остаются дома однѣ и сзываютъ къ себѣ подругъ, благо домъ пустой («аулак ӳj»). Бываетъ, что дѣвушки тащатъ и маленькихъ сестренокъ, которыя ввѣрены ихъ попеченію; тѣ смотрятъ, какъ играютъ старшія. Сходятся, конечно, только взрослыя дѣвушки, отъ 16-ти, приблизительно, лѣтъ; парней нѣтъ. Заранѣе приготовляютъ угощенье, пища эта — *тайная* («урын аш»), приготовлена безъ вѣдома родителей. Собираютъ между собой натурой — масло, мясо, муку и др. Собираютъ и деньги въ складчину — кто несетъ деньги, заработанныя собственнымъ трудомъ, кто продаетъ изъ дому какія-нибудь свои вещи, — рукодѣлье, напримѣръ, — все это идетъ на сладости, пряники. Пьютъ сперва чай, ѣдятъ блины («qыjмаq»), блинчики съ начинкой («qыстыбі») — съ картошкой, творогомъ, и т. д. Приносятъ дѣвушки и рукодѣлье, но до работы ли теперь. Начинаются игры; игры затягиваются до полуночи, — играютъ и въ избѣ, выходятъ и на улицу. Потомъ ложатся спать, но и во снѣ судьба тоже должна показать жениха[1].

Вотъ картина, рисующая жизнь татарской дѣвушки до войны.

I. Гаданье въ домѣ.

1. Гаданье на кольцахъ[2].

Садятся въ кругъ, на стульяхъ. Одна дѣвушка собираетъ у подругъ перстни или серьги; зажмуривъ глаза, она вынимаетъ по одному кольцу и выкрикиваетъ: «Такому-то парню!» Затѣмъ открываетъ глаза — всѣ смо-

---

[1] Кой-какія гаданія описаны уже въ художественной татарской литературѣ, ушедшей корнями въ народъ (М. Г. Исхаковымъ, Г. Ибрагимовымъ и др.).

[2] По-татарски: «джӳзӳк (или: «балдаq») салыш с уjнау». «Гаданію на кольцахъ у крещеныхъ татаръ» посвящена спеціальная замѣтка С. М. Матвѣева (Извѣстія Общества Арх., Ист. и Этн., т. XXIII, вып. 1).

трять, чье кольцо кому досталось. Чѣмъ чаще повторяется совпаденіе именъ, тѣмъ бóльшая царитъ увѣренность, что такъ и будетъ, и тѣ, на кого гадаютъ, поженятся.

Елабужскій у., Вятской губ.

Первый варіантъ.

Высылаютъ дѣвушку изъ комнаты и, поднимая перстень, спрашиваютъ у нея: Кому? Та отвѣчаетъ. Такъ гадаютъ до трехъ разъ.

Второй варіантъ.

Садятся вокругъ стола. На столѣ ставятъ ведро съ водой и опускаютъ туда кольца. Кто-нибудь вынимаетъ кольцо и говоритъ при этомъ: «Абдуллаху!». Если совпаденіе происходитъ три раза, значитъ, «волосы тѣхъ, на кого гадаютъ, связаны»[1], т. е. они суждены другъ другу.

Сарапульскій у., Вятской губ.

2. Бросаніе иголокъ, или кто за кого?[2]

Берутъ въ руки по двѣ тонкихъ иголки и трутъ ихъ острія. Когда иголки нагрѣются, опускаютъ ихъ въ блюдечко, наполненное водой. Иголки держатся на поверхности воды; каждая иголка олицетворяетъ опредѣленнаго парня или дѣвушку, и если какая пара иголокъ соединится остріями, значитъ, молодые люди поженятся.

Сарапульскій у., Вятской губ.

3. [Какъ звать моего жениха?][3]

Наливаютъ въ блюдечко воды, а по краямъ прилѣпляютъ бумажки, которыхъ выписываютъ мужскія имена. Затѣмъ дѣвушка беретъ спичку и пускаетъ ее въ воду, произнося чье-либо женское имя, напримѣръ, Эсма. Спичка гдѣ-нибудь остановится, тогда смотрятъ, куда обращена головка спички, — это и есть женихъ.

Уфимскій у.[4].

---

1 По-татарски: «чечlеpi беjlенгäн».

2 По-татарски: «iнē салыш ујнау», «кімгä кім?»

3 Названія, поставленныя въ прямыя скобки, сочинены мною.

4 Это гаданье распространено и между мещеряками Самарской губ.

4. [Какой будетъ у меня женихъ?]

Берутъ на подносъ три-четыре блюдца и подъ нихъ подкладываютъ примѣрно, — хлѣбъ, серебро, шерсть, вату, уголь. Одна дѣвушка закрываетъ глаза, другая поднимаетъ какое-нибудь блюдечко и спрашиваетъ: Кому это? Та отвѣчаетъ.

Хлѣбъ — богатый женихъ; серебро — молодой; шерсть — старый; уголь — скупой или курящій[1].

Въ *Чишмахъ* (*Уфимской губ.*) подъ одно блюдечко подкладываютъ перстень («балдаq»), что указываетъ также на молодого жениха.

Въ *Бирскомъ у.* (*Уфимской губ.*) берутъ четыре блюдца, подъ которыя кладутъ — паклю (чӯбыq) — старикъ; кольцо — молодой; хлѣбъ — богатый, бумагу — курящій.

Варіантъ.

Высылаютъ изъ комнаты трехъ дѣвушекъ, а блюдца тѣмъ временемъ перемѣщаютъ. Дѣвушки возвращаются и выбираютъ себѣ какое-нибудь блюдце. Такъ гадаютъ до трехъ разъ.

Гор. Уфа.

Эта игра распространена всюду. Дѣвушки со страхомъ поднимаютъ чашки или блюдца, подъ которыми скрывается ихъ судьба. Если, напр., гаданье предвѣщаетъ мужа-старика,—волнуются и безпокоятся. Во всякомъ случаѣ, гаданье разсѣиваетъ сомнѣнія и недоумѣнія. «Теперь я знаю свою судьбу, и весело живу», — писала одна молоденькая дѣвушка, довольная гаданьемъ; «у меня безпокойно забилось сердце», — писала другая, которой выпалъ старый женихъ.

5. [Гаданье съ курицей].

Въ избу вносятъ курицу, а передъ ней на полу ставятъ воду, хлѣбъ, зеркало. Если курица сперва начнетъ пить воду, — значитъ, женихъ — пьяница; зерна станетъ клевать — богатый. А если начнетъ чиститься и прихорашиваться передъ зеркаломъ, — женихъ будетъ опрятный, хорошо

---

[1] Куренье табаку, конечно, «новшество», и не одобряется. И во снѣ видѣть табакъ предвѣщаетъ печаль.

будетъ одѣваться. Если курица опуститъ голову внизъ, — значитъ, женихъ будетъ грустный и будетъ пѣть унылыя пѣсни[1].

Чишмы, Уфимской губ.

6. [Гаданье съ зеркаломъ].

Ставятъ ночью въ пустомъ домѣ два зеркала, одно противъ другого, между ними — свѣчи. Долго смотритъ дѣвушка въ зеркало; наконецъ, по плечу кто-то ударяетъ ее, — это и есть женихъ. Необходимо однако сохранять спокойствіе; если испугаться, — умрешь. Иногда при этомъ идетъ голосъ (жениха) отъ печи[2].

Разсказываютъ, однажды парень захотѣлъ подшутить, онъ спрятался за печкой и закричалъ: «Тебѣ будетъ несчастье»! Дѣвушка перепугалась на-смерть.

Гор. Уфа.

7. [Любитъ, не любитъ].

Садятся на полу, а по серединѣ разстилаютъ «миндерь». Одна дѣвушка уткнется въ «миндерь» головой, ей гадающая на голову кладетъ руки, а кто-нибудь, покруживъ въ воздухѣ руку, опускаетъ ее на дѣвушку и распѣваетъ:

«Алым салыjм, (Гӱl Джамалга) кijеу саjлыjм; бал салмаган чileккä балауз qаjдан jабышqав? (Гӱl Джамал) бiрläн фалан джiгiт qаjан кiliп табышqан?».

(Переводъ: Возьму я и опущу, выберу я жениха (для Гюль-Джамалъ); какъ попали соты въ ведро, куда не клали меда; откуда нашли другъ друга (Гюль-Джамалъ) и такой-то—имя рекъ—парень?).

Если дѣвушка (лежащая) угадаетъ, назвавъ точно имя дѣвушки, — значитъ, они *не* любятъ другъ друга[3].

II. Гаданье на дворѣ.

1. У скирда.

Идутъ на дворъ и вытаскиваютъ изъ скирда колосокъ. Вернувшись домой, смотрятъ: если колосъ тучный, — значитъ, хорошая будетъ жизнь, домъ — полная чаша; если колосъ пустой, — стало-быть, женихъ — бѣдный.

Уфимской губ.

---

[1] Впрочемъ, и вообще-то пѣсни татарскія, — какъ замѣтилъ и поэтъ Тукаевъ, — унылы.

[2] Печь, по вѣрованію татаръ, — мѣстопребываніе нечистой силы.

[3] Примѣта, основанная, вѣроятно, на передавшемся отъ родителей взглядѣ: если парень не нравится, — значитъ, онъ любитъ, и жизнь будетъ счастливая.

2. Въ овчарнѣ.

Идутъ вечеромъ въ овчарню, хватаютъ наугадъ барана и привязываютъ мочалу или тряпочку; утромъ смотрятъ: какой баранъ, старый или молодой, — такой и женихъ[1].

Уфимской губ.

3. Подъ окнами.

Идутъ подъ окна и подслушиваютъ: если въ домѣ — споръ, значитъ, и жизнь будетъ тяжелая.

Гурьево (заводъ Акчуриныхъ), Симбирской губ.

Если разговоръ — тихій, хорошій, это — знакъ хорошій, и наоборотъ.

Уфимской губ.

4. На землѣ или на снѣгу.

Идутъ ночью на дворъ и валяются по землѣ (или въ снѣгу), какъ лошади; утромъ смотрятъ: если на землѣ виденъ слѣдъ отъ кнута, — значитъ, мужъ будетъ злой; если ничего не видно, — хорошій знакъ.

Чишмы, Уфимской губ.

III. Сонъ.

1. Женихъ приходитъ поить лошадь.

Свертываютъ бумажки и кладутъ ихъ въ видѣ колодезнаго сруба. Потомъ произносятъ «нехорошія слова» (заклинаніе?), прячутъ бумажки подъ подушку и ложатся спать съ распущенными волосами, безъ молитвы, т. е. не произнося имени Божьяго[2]. Во снѣ приходитъ джиннъ и, принявъ образъ жениха, поитъ лошадь.

Чишмы, Уфимской губ.

2. Женихъ подноситъ воду.

Смѣшиваютъ золу съ солью; замѣсивъ, кладутъ въ печь и выпеченныя лепешки (величиной съ горошину) ѣдятъ, усѣвшись на порогѣ. Потомъ ложатся спать, отъ жажды губы сохнутъ, — во снѣ женихъ подноситъ воду.

Уфимской губ.

---

[1] Это гаданье извѣстно и черемисамъ: *Живая Старина* 1916, вып. II—III, стр. 230 (Рефератъ труда финскаго ученаго Гольмберга); см. также: Д. Зеленинъ. Описаніе рукописей Ученаго Архива Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ второй (П. 1915), стр. 490 (Рукопись 1848 года А. Артемьева—о черемисахъ Казанской губ.).

[2] Такимъ путемъ облегчается вмѣшательство нечистой силы, ср. у меня пословицу 1243-ю: Образцы османскаго народнаго творчества. М. 1916, стр. 57.

3. [Витье мочалы].

Три-четыре дѣвушки садятся на порогѣ, остальныя располагаются около нихъ; тѣ, что сидятъ на порогѣ, молча начинаютъ вить мочалу (длиной съ локоть). Потомъ кладутъ мочалу подъ подушку и ложатся спать. Во снѣ открывается будущее.

Одна ученица (19-ти лѣтъ) писала: «Я увидала во снѣ красивый садъ; я иду, любуюсь цвѣточками; навстрѣчу мнѣ—человѣкъ; проходя мимо меня, онъ улыбнулся. Думаю, что сонъ предвѣщаетъ мнѣ хорошее будущее; съ того дня я живу радостная».

(Бирскій у.?) Уфимской губ.

Зуша, 28-го августа 1918 г.

———

Л. Я. Штернбергъ.

Культъ орла у сибирскихъ народовъ.

(Этюдъ по сравнительному фольклору).

О вѣрованіяхъ и культѣ сибирскихъ народовъ собрано довольно много матеріала. Правда, матеріалъ этотъ нуждается въ существенномъ пополненіи, а для многихъ народностей даже въ полномъ обслѣдованіи ихъ заново. Тѣмъ не менѣе уже и теперь сравнительная обработка этого матеріала, или хотя бы опыты такой обработки, могли бы дать много цѣннаго по цѣлому ряду историко-культурныхъ вопросовъ высокой важности и, во всякомъ случаѣ, подобная работа показала бы, въ какомъ направленіи добиваться пополненія уже имѣющихся матеріаловъ.

Какъ на яркій примѣръ укажу на такую крупную область сибирскаго культа, какъ шаманство, по которому собрано много матеріала. Чѣмъ больше мы знакомимся съ этимъ матеріаломъ, тѣмъ больше бросается въ глаза, на ряду съ индивидуальными отличіями, поразительное сходство не только въ основныхъ элементахъ, но и въ такихъ деталяхъ, которыя самостоятельнымъ происхожденіемъ у отдѣльныхъ народовъ объяснены быть не могутъ. Такія общія черты, вплоть до совпаденія иногда терминовъ частей шаманскаго обряженія или отдѣльныхъ дѣйствій шамана, несомнѣнно указываютъ либо на общій центръ происхожденія специфическихъ особенностей сибирскаго шаманства, либо на древнія культурныя связи между нынѣ очень отдаленными другъ отъ друга народами. Ясно, что опыты работы въ этомъ направленіи крайне важны. Необходимъ только осторожный методологическій подходъ къ подобнаго рода работамъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждой области культуры мы находимъ троякаго рода элементы. Одни изъ нихъ — тѣ, которые можно назвать общечеловѣческими, элементы, которые могутъ вырабатываться у самыхъ различныхъ народовъ совершенно самостоятельно, въ силу тождества психико-интеллектуальной природы человѣка.

Такимъ именно образомъ можно объяснить универсальность такихъ, напримѣръ, культурныхъ категорій, какъ анимизмъ, шаманство, колдов-

ство, или такіе соціальные институты, какъ экзогамія, родъ, половые табу и т. д. Сравнительное изученіе такихъ элементовъ очень важно для общей науки о культурѣ, но для этнической генетики или для исторіи общенія народовъ ничего дать не можетъ. Съ другой стороны, въ силу варіаціонности и различій въ условіяхъ среды, въ отдѣльныхъ мѣстахъ могутъ вырабатываться индивидуальныя особенности, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся. Но подобныя совершенно индивидуальныя особенности, которыя не могутъ быть объяснены, какъ логическое развитіе какой-нибудь общечеловѣческой идеи или какъ продуктъ одинаковости условій среды, мы находимъ часто и у цѣлаго ряда отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ. Въ такихъ случаяхъ мы вправѣ видѣть слѣды стародавняго культурнаго общенія или генетическаго родства, но опять-таки только тогда, когда такія особенности представляютъ сходство не одной какой-либо чертой, которая можетъ быть результатомъ конвергентности, а цѣлымъ рядомъ деталей, представляющихъ комплексъ характерныхъ чертъ.

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду этотъ методологическій подходъ примѣнить къ одному частному, но очень интересному явленію, именно къ культу орла у сибирскихъ народовъ, явленію, которое представляетъ для насъ особенный интересъ по связи его съ фольклоромъ индо-европейскимъ.

I.

Культъ орла, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе универсальныхъ. Мы его находимъ у народовъ самыхъ различныхъ культуръ и самыхъ различныхъ расъ, наиболѣе удаленныхъ другъ отъ друга. Мы его находимъ и у дикихъ австралійцевъ, и у индѣйцевъ Америки, и у народовъ классической древности, и притомъ почти въ одинаковыхъ формахъ. Вездѣ орелъ ассоціируется такъ или иначе съ солнцемъ, то совершенно отождествляясь съ нимъ, то представляясь его хозяиномъ, и въ качествѣ таковаго творцомъ, верховнымъ божествомъ, либо священной птицей верховнаго божества, и, во всякомъ случаѣ, является благодѣтелемъ и покровителемъ какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ родовъ, птицей счастія и т. д.

Эта универсальность культа орла легко объясняется, помимо той общей примитивной психологіи, которая привела къ созданію культа животныхъ, специфическими особенностями этого исключительнаго пернатаго, которое до сихъ поръ сохранило за собою эпитетъ царя птицъ.

Огромная сила этого хищнаго пернатаго, дающая ему возможность уносить въ своихъ когтяхъ ввысь крупную добычу, въ глазахъ примитивнаго человѣка ставитъ его выше самыхъ крупныхъ хищниковъ сухопутныхъ, окружая ореоломъ всемогущаго существа. Съ другой стороны, несравненная

сила полета, уносящаго его въ недосягаемую высь, къ самому небу, страшный огонь въ его глазахъ, мечущихъ молніи, примитивному человѣку говорить о связи его съ солнцемъ, а, быть можетъ, самое поразительное для примитивнаго человѣка—это обычная неагрессивность орла[1] по отношенію къ человѣку, и это то превращало въ его глазахъ эту птицу въ благодѣтельное божество и покровителя человѣка. Наконецъ, въ культѣ орла, какъ въ культѣ нѣкоторыхъ другихъ перелетныхъ птицъ, играло роль совпаденіе прилета его съ наступленіемъ весны и отлета съ наступленіемъ осени, что подало поводъ считать его существомъ вызывающимъ явленія временъ года. У цѣлаго ряда сибирскихъ народовъ, у гиляковъ, якутовъ, самоѣдовъ, чулымскихъ татаръ и т. д. мѣсяцъ мартъ называется мѣсяцемъ орла.

Эти-то всѣмъ очевидныя свойства орла и создали универсальное поклоненіе ему, связавъ его съ солнцемъ и верховнымъ божествомъ. Поэтому совпаденія, часто весьма близкія, въ воззрѣніяхъ на орла у самыхъ различныхъ народовъ не могутъ еще свидѣтельствовать о генетической или исторической связи между народами. Но въ то же время въ деталяхъ культа, въ миѳахъ мы находимъ комплексы отличительныхъ особенностей и оттѣнковъ, которые характерны только для извѣстныхъ группъ народностей.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію особенностей этого культа у сибирскихъ народовъ. Наиболѣе полно и ярко комплексъ этого культа находимъ, какъ это ни странно, у самаго дальняго изъ урало-алтайскихъ народовъ, у якутовъ. До самаго послѣдняго времени мы и у нихъ объ этомъ культѣ имѣли очень скудныя свѣдѣнія, и только благодаря появленію въ печати «Орла по воззрѣніямъ якутовъ» В. М. Іонова[2], и нѣкоторымъ другимъ ранѣе появившимся работамъ, мы можемъ возсоздать комплексъ этого культа съ его общечеловѣческими и индивидуальными особенностями и сопоставить послѣднія съ таковыми же у другихъ народовъ.

Анализъ этотъ прежде всего покажетъ намъ, что, какъ это ни странно, комплексъ культа орла у якутовъ, изъ всѣхъ урало-алтайскихъ народовъ, ближе всего стоитъ къ самымъ дальнимъ изъ этихъ народовъ — къ финнамъ западнымъ.

---

[1] Только нѣкоторые представители орлиныхъ, какъ беркуты, иногда уносятъ и дѣтей, но это случается очень рѣдко, и такіе случаи объясняются, наоборотъ, мотивами высокой милости орла, особенной ихъ симпатіей. Слѣдуетъ замѣтить попутно, что причину обоготворенія крупныхъ хищниковъ вообще приходится объяснять ихъ неаггрессивностью по отношенію къ человѣку, тамъ гдѣ человѣкъ самъ по отношенію къ нимъ аггрессивности не проявляетъ.

[2] Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи, выпускъ XVI, 1913 г.

II.

Анализируя воззрѣнія якутовъ на орла, какъ они выясняются по статьѣ г. Іонова и прекрасно переведенной имъ «Пѣснѣ о наступленіи года», приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Орелъ — хозяинъ и повелитель солнца. Власть орла надъ солнцемъ ярко рисуется въ слѣдующемъ пассажѣ изъ «Пѣсни о наступленіи года»:

«Когда онъ (орелъ) въ сторону бѣлаго свѣта
«шесть разъ клекча прокричалъ,
«густой туманъ отдѣляется. . . .
[изъ-за нижняго края взъерошеннаго темнаго лѣса]
«ясное солнце, величиною съ основаніе шестисаженнаго стога,
«плавно стало подниматься. . . (Op. cit., стр. 17).

Одного взгляда и крика орла оказалось достаточнымъ не только для того, чтобы солнце появилось изъ-за тумана, но чтобы оно появилось во всемъ могуществѣ своей великой силы («шестисаженнымъ стогомъ»). Эта яркая, реалистическая картина — отнюдь не метафора: она рисуетъ дѣйствительное воззрѣніе якута на орла, какъ на повелителя солнца. Ниже (пунктъ 4) мы увидимъ, какъ подъ именемъ ajы якутъ чтитъ въ орлѣ высшее божество свѣта и даже творца всей природы.

2) Орелъ — хозяинъ огня. Отчетливо видна эта роль орла въ обрядѣ высѣканія огня при лѣченіи накожныхъ болѣзней, которыя, по воззрѣніямъ якутовъ, *насылаются только хозяиномъ огня*. Этотъ-то обрядъ можетъ исполнять лишь лицо, ведущее свое происхожденіе отъ орла, очевидно, потому, что только такое лицо сродни хозяину огня (стр. 10).

То же представленіе находимъ въ финской миѳологіи, гдѣ орелъ, въ благодарность Väinämöinen'у, приноситъ людямъ огонь.

3) Орелъ — возродитель природы; якутскій Діонисъ. Это отъ его взгляда «сверкающими величиной съ красную чашку глазами, отъ троекратнаго *тренія* его острокрайняго, твердаго, какъ камень, клюва о свою ляжку, рогъ свирѣпаго мороза обламывается, жестокій морозъ отступаетъ; иней осыпается, старая хвоя слабѣетъ — разсыпается, солнце поднимается, приходитъ южный ветеръ, иглистый ледъ раскалывается, воды лѣсныхъ потоковъ слились вмѣстѣ, замерзшее растаяло, тридцатисиний безстрашный годъ смѣнился» (стр. 17). Въ этомъ описаніи возрожденія природы силой орла мы видимъ и ту примитивную психологію, которая создала это воззрѣніе. Тепло родилось отъ троекратнаго *тренія* твердаго, какъ камень, клюва о могучую оперенную ляжку и отъ взгляда сверкающими (т. е. горящими)

величиной съ красную чашку глазами, т. е. весеннее тепло — результатъ двухъ причинъ: 1) чисто механическаго дѣйствія (тренія) могучаго существа, подобно огню, производимому треніемъ рукъ человѣка и 2) отъ необыкновеннаго огня орлиныхъ глазъ.

Какъ возродитель природы, орелъ естественно, подобно Діонису, и богъ плодовитости. Къ нему обращаются безплодныя женщины съ молитвой о дѣтяхъ. Дѣти, рождающіяся послѣ подобныхъ молитвъ, рождаются, повидимому, при реальномъ участіи въ ихъ зарожденіи самого орла, ибо такія дѣти получаютъ названіе «рожденныхъ отъ орла» (стр. 7—8).

Въ финской миѳологіи кукушка, чередующаяся въ этой роли съ орломъ, своимъ кукованіемъ *вызываетъ плодородіе*[1], и чисто діонисіевы обряды умилостивленія кукушки (похороны и воскресеніе) въ примитивнѣйшей формѣ сохранились еще у насъ в Великороссіи[2].

4) Орелъ—ајы̄: буквально творящій, творецъ. В. М. Іоновъ въ своей статьѣ воздерживается отъ анализа этого термина. Между тѣмъ, есть всѣ основанія думать, что терминъ этотъ нужно понимать именно въ смыслѣ «творецъ», — роль, какъ нельзя болѣе подходящая къ хозяину солнца, возродителю природы. Такъ, якуты Туруханскаго края, по сообщенію Н. В. Васильева[3], «господина свѣта, творца міра и людей называютъ Ајы̄ тојон», такъ же, какъ якуты, по словамъ Іонова, величаютъ орла, и, что особенно замѣчательно, этотъ Ајы̄ тојон, по тому же сообщенію, является творцомъ шамановъ, въ каковой роли, какъ увидимъ ниже, фигурируетъ орелъ и по Іонову. Далѣе, въ сообщеніи Васильева есть одна деталь, изобличающая природу Ајы̄ тојон'а: дѣти его — духи, обитающіе, какъ птицы, на вѣтвяхъ взрощеннаго имъ противъ его жилища священнаго дерева. На изображеніи этого дерева, изготовляемаго шаманами, размѣщены на вѣтвяхъ одноголовыя птицы, а на верхушкѣ двуглавый орелъ (тојон кӧтӧр — господинъ птица), повидимому, изображеніе самого Ајы̄ тојон'а[4], ибо, какъ это увидимъ ниже, у другого народа Туруханскаго края, сосѣдей якутовъ, у енисейскихъ остяковъ, именно двуглавый орелъ, какъ и Ајы̄ тойонъ у якутовъ, далъ людямъ шамановъ[5].

Какъ орелъ творитъ у якутовъ, мы видимъ (опять таки въ той же реалистической формѣ) изъ самой статьи В. М. Іонова, гдѣ орелъ *высиживаетъ яйца*, изъ которыхъ рождается избранный шаманъ (стр. 8). Мы находимъ, такимъ образомъ, здѣсь универсальный мотивъ творенія изъ яйца.

---

[1] Castren's Vorlesungen über die finnische Mythologie, стр. 201.
[2] Этнографическое Обозрѣніе, 1912 г. № 1—2. Ст. Похороны и крещеніе кукушки.
[3] Н. В. Васильевъ. Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, 1910 г., стр. 18.
[4] Васильевъ, op. cit., стр. 17.
[5] Сборникъ Музея, т. II. 2, ст. В. И. Анучина, стр. 23.

Замѣчательно, что именно въ наиболѣе родственной якутамъ миѳологіи, именно финской, мы находимъ миѳъ объ орлѣ — творцѣ въ наиболѣе опредѣленной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же конкретной какъ у якутовъ формѣ. На колѣняхъ дѣвы Воздуха орелъ высиживаетъ 7 яицъ, шесть изъ чистаго золота, одно изъ желѣза. Высиживаніе вызываетъ въ дѣвѣ «жгучія» страданія, обжигающія ее до глубинъ мозга — нѣчто вродѣ родовыхъ схватокъ, и она роняетъ яйца въ море. Яйца разбились, но ни малѣйшая частица ихъ не погибла. «Изъ нижней части яйца образовалась земля, изъ верхней — сводъ небесный, изъ верхняго края желтка родилось солнце, изъ верхней части бѣлка — мѣсяцъ ночной, изъ пестрыхъ крапинокъ скорлупы родилась звѣздная рать, а изъ черныхъ пятнышекъ легкія облака. Дѣвѣ воздуха остается только дополнить твореніе, создать горы, заливы, берега, и, наконецъ, она рождаетъ Väinämöinen'a, перваго шамана. Тутъ мы видимъ орла въ полной роли творца и отца колдовства, шаманства [1]. Напомню попутно, что Калевъ, богъ, давшій свое имя странѣ Калевалы, былъ принесенъ въ страну въ клювѣ орла, и самъ онъ тоже орелъ.

Этимъ аналогія съ финской миѳологіей въ этомъ пунктѣ не ограничивается. Поразительно то, что якутскій терминъ ајы̄ мы находимъ въ очень близкой формѣ и въ финской религіозной терминологіи, гдѣ величайшее божество неба Укко носитъ близкое названіе Aijä, у лапландцевъ Aijo, Aije. Что несомнѣнно говоритъ за тождественность обоихъ именъ, это то, что — какъ увидимъ ниже — финскій Aijä, подобно якутскому Ајы̄, является родоначальникомъ шамановъ. Далѣе, собственно значеніе этого термина, по Кастрену, громъ (дѣдъ также) [2]. Этимъ же эпитетомъ «дѣдъ» и якуты въ молитвахъ обращаются къ орлу. Въ молитвѣ, приведенной у В. М. Іонова, женщина говоритъ: «О, орелъ, мой ајы̄, мой дѣдъ!» [3]. Кастренъ совершенно основательно (какъ это подтверждается и въ другихъ миѳологіяхъ) доказываетъ, что терминъ Aijä, какъ и Укко, первоначально служилъ лишь почетнымъ эпитетомъ и только впослѣдствіи сталъ собственнымъ именемъ бога неба, и поэтому именемъ aijä называютъ часто разныхъ dii minores и героевъ, какъ, напр., Väinämöinen'a. То же мы видимъ и съ терминомъ ајы̄ у якутовъ, у которыхъ цѣлый рядъ чтимыхъ существъ, кромѣ орла, тоже часто величаются ајы̄, но это только, по выраженію Іонова, «изъ предосторожности» — эти послѣдніе никогда не смѣшиваются съ настоящимъ творцомъ ајы̄, въ каковомъ значеніи терминъ этотъ примѣняется

---

[1] Калевала, Руна 1, стихъ 270 и слѣд., 1-ое изданіе. Въ европейскихъ переводахъ Калевалы фигурируетъ вмѣсто орла просто птица (напр., пер. Herman Poul'я, по которому данъ перифразъ въ текстѣ), но это потому, что во 2-мъ изданіи Калевалы вмѣсто орла фигурируетъ утка, и поэтому переводчики избѣгаютъ точнѣе обозначить названіе птицы.

[2] Castrén, Kleinere Schriften, 230, 232, и Vorlesungen, стр. 47.

[3] Op. cit., стр. 12.

только къ орлу. Интересно, кстати, отмѣтить, что, когда говорятъ, напримѣръ, о такъ называемомъ бѣломъ шаманѣ, называя его аjы̄ оjӯна, то этимъ хотятъ сказать, что это шаманъ небеснаго солнечнаго существа — представленіе, совершенно тождественное съ финскимъ Аіjä Укко — небеснымъ божествомъ. Наконецъ, укажу, что въ монгольскомъ языкѣ Аіңга означаетъ хозяинъ грома, изъ чего можно заключить, что аjі для обозначенія хозяина грома общій терминъ въ урало-алтайскихъ языкахъ.

5) Орелъ — типичный тотемъ у якутовъ. Родъ, считающій своимъ тотемомъ (таңара[1] — покровитель) орла, называется тоjон тӧрӯттā̄х — происшедшій отъ орла. Якуты, повидимому, представляютъ себѣ такое происхожденіе въ томъ смыслѣ, что орелъ-духъ фактически участвуетъ въ дѣторожденіи. Когда у безплодной женщины, послѣ молитвы орлу о дѣтяхъ, рождаются дѣти, то такія дѣти считаются дѣйствительно рожденными отъ орла (см. выше). Такъ какъ происхожденіе отъ орла, та́кимъ образомъ, связано исключительно съ женщиной-матерью, то орлы-тотемы (таңара) поэтому являются тотемами не отцовскаго, а материнскаго рода (іjä ӯса), и замѣчательно, что каждый такой родъ имѣетъ обязательно своимъ таңара орла, что̀ совершенно согласуется съ представленіемъ объ орлѣ, какъ о творцѣ и божествѣ плодовитости и возродителѣ природы (см. выше).

Какъ тотемъ, орелъ неприкосновененъ. Убивать его — великій грѣхъ. Мертваго орла, какъ сородича и покровителя, необходимо похоронить, «поднять» его. Какъ тотемъ, орелъ «помогаетъ, спасаетъ», но и мститъ за обиды[3]. Ему, въ случаѣ необходимости, приносятъ жертвы, дѣлаютъ изображеніе, въ которое вселяется душа орла, и ставятъ его въ почетномъ углу въ юртѣ, принося ему жертвы[4].

Для орла, прилетѣвшаго къ дому якута, самый бѣдный человѣкъ не щадитъ своей послѣдней скотины, чтобы покормить своего благодѣтеля.

Въ тотемистическомъ почитаніи орла у якутовъ мы находимъ такъ же, какъ и въ другихъ тотемистическихъ культахъ, и элементъ *теофагіи*. Убившій нечаянно орла долженъ *съѣсть его всего*, кромѣ головы, при чемъ непремѣнно поджаривая его на угляхъ (не въ связи-ли съ представленіемъ объ орлѣ, какъ о хозяинѣ огня?), Странно, что столь опредѣленно выраженный и развитый у якутовъ тотемистическій культъ орла, весьма распространенный у многихъ первобытныхъ народовъ, особенно въ Америкѣ (перуанцы, между прочимъ, даже считали весь свой народъ происходящимъ

---

[1] Интересно отмѣтить, что въ обще-тюркскомъ, напримѣръ, у алтайцевъ тäңäра — означаетъ именно солнечное божество.

[2] Іоновъ, стр. 7.

[3] Іоновъ, стр. 5, 7.

[4] Ibidem, стр. 4.

отъ орла), констатированъ *пока* у другихъ сибирскихъ народовъ только въ немногихъ случаяхъ (см. ниже).

6) Орелъ — родоначальникъ и творецъ шамановъ. И въ этомъ случаѣ якуты совершенно *конкретно* представляютъ себѣ эту божественную функцію орла. По ихъ представленію, орелъ съѣдаетъ сӯр (душу) ребенка, предназначеннаго быть шаманомъ, уноситъ ее въ поле «съ солнцемъ и мѣсяцемъ» и тутъ, на спеціально взрощенной здѣсь священной березѣ, высиживаетъ яйцо, затѣмъ пробиваетъ его и спускаетъ вылупившагося ребенка въ желѣзную колыбель, стоящую у основанія дерева. Высиженный и воспитанный потомъ такъ называемой «мать-птицей», онъ становится ајы̄ ојӯна — шаманомъ[1]. Мы увидимъ ниже, что и у другихъ сибирскихъ народовъ шаманство связано съ орломъ, какъ первоучителемъ и покровителемъ шамановъ.

Совершенно явственно это воззрѣніе и въ финской миѳологіи, гдѣ шаманы прямо называются «сыновьями небеснаго бога» Укко Аіјä[2], названіе котораго, какъ мы видѣли, столь близко якутскому эпитету орла — ајы̄. Центральный персонажъ финской миѳологіи, Väinö, столь интимно, какъ мы видѣли, связанный съ орломъ, какъ и его греческій тезка Панъ, в такой же мѣрѣ родоначальникъ шаманства, какъ и музыки и пѣнія. Его обычный эпитетъ «мудрый», по вѣрному указанію Кастрена, понимался исключительно въ смыслѣ искуснаго въ вѣдовствѣ, шаманствѣ. Всѣ подвиги Väinämöinen'а сводятся лишь къ актамъ волшебства. Всѣ его пѣсни въ сущности — шаманскія призванія, посредствомъ которыхъ онъ управляетъ явленіями природы Пѣніемъ создалъ онъ ту сосну, на вершинѣ которой онъ воздвигъ луну, а на вѣтвяхъ ея — Большую медвѣдицу. Отъ его пѣнія сотрясается земля, рушатся мѣдныя горы, валятся своды крѣпостныхъ башенъ.

7) Крайне важную черту съ точки зрѣнія сравнительной миѳологіи представляетъ то, что орелъ у якутовъ ассоціируется со спеціальнымъ священнымъ деревомъ, съ которымъ онъ неразрывно связанъ, именно съ березой (иногда вмѣсто березы фигурируетъ лиственница). Только на священной березѣ орелъ можетъ высиживать шамановъ. Интересную подробность объ этомъ священномъ деревѣ орловъ у якутовъ находимъ у В. Н. Васильева[3]: «При созданіи перваго шамана, Ајы̄ Тојонъ выростилъ у себя во дворѣ, противъ дверей своего жилища, священное дерево, тӯспäт турӯ, съ восемью развѣтвленіями, на которомъ, между его вѣтвями, обитаютъ свѣтлые духи-люди, дѣти самого Творца. На землѣ же, одно-

[1] Іоновъ, стр. 8.
[2] Castren. Kleinere Schriften, 232.
[3] Изображенія долгано-якутскихъ духовъ, стр. 18.

временно съ этимъ, Ајы̄ Тојон выростилъ три дерева и, сидя у ихъ основанія, приготовилъ первому шаману всѣ камлальныя принадлежности и научилъ его, какъ нужно дѣйствовать на пользу человѣку въ борьбѣ его съ враждебными духами. Въ память этого, у каждаго шамана есть здѣсь, на землѣ, свое турӯ, шаманское дерево, которое выростаетъ при призваніи его къ шаманству и падаетъ съ его смертью. Не тѣмъ является тӯспäт турӯ у жилища Творца, которое никогда не старѣетъ и не разрушается». Судя по этому описанію, мы тутъ имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ міровымъ деревомъ или деревомъ жизни и познанія, столь извѣстнымъ изъ вѣрованій многихъ другихъ народовъ И мы увидимъ, далѣе, какую специфическую роль оно играетъ у урало-алтайскихъ народовъ Сибири.

Въ финской миѳологіи въ качествѣ дерева орла фигурируетъ, какъ и у якутовъ, священная береза, единственное дерево, которое герой Väinämöinön, послѣ очищенія Финляндіи отъ лѣсовъ, спеціально оставилъ. Такъ описывается это событіе во 2-ой рунѣ Калевалы: «Съ неба спустился орелъ, черезъ воздухъ прилетѣлъ онъ, чтобы посмотрѣть на это (на оставленную березу), и сказалъ такъ: «Почему ты, старый Вейнемейненъ, оставилъ стройную березу, одну только березу оставилъ стоять?». И отвѣтилъ Вейнемейненъ: «Потому оставлена береза, чтобы на ней отдохновеніе нашли птицы, чтобы могъ орелъ тутъ отдыхать, чтобъ пѣть могла священная кукушка». И сказалъ въ отвѣтъ орелъ: «Хорошо твое рѣшеніе, что священную березу оставилъ ты, какъ мѣсто отдохновенія птицамъ». Въ награду за это орелъ принесъ людямъ огонь. Въ эстонскомъ эпосѣ появленіе шаманства связано съ миѳическимъ дубомъ. Этотъ послѣдній былъ срубленъ героемъ, вышедшимъ изъ-подъ крыльевъ орла, и употребленъ для цѣлей творенія. Изъ послѣднихъ остатковъ его было сдѣлано жилище барда, который первый пріобрѣлъ магическую силу» [1].

Такимъ образомъ, священная береза, играющая такую важную роль въ шаманствѣ якутскомъ, фигурируетъ и въ финской миѳологіи в связи съ Väinö, о которомъ мы говорили, что въ немъ слѣдуетъ видѣть не только перваго барда, но и перваго шамана.

III.

Нѣкоторыя изъ представленій якутовъ объ орлѣ (солнце—творецъ—возродитель природы, приноситель огня, орел и космическое яйцо, орелъ и шаманство, орелъ и міровое дерево) поскольку рѣчь идетъ не о комплексѣ и не о деталяхъ, можно считать общечеловѣческими, ибо каждое представленіе въ отдѣльности иногда встрѣчается у самыхъ отдаленныхъ другъ отъ

[1] W. T. Kirby, The hero of Estonia, L. 1895, v. I, p. 48.

друга народовъ. Для примѣра укажу, что даже такой своеобразный мотивъ, какъ орелъ-шаманъ, мы находимъ у южныхъ австралійцевъ. У нихъ верховное божество Bunjel — орелъ, онъ же творецъ, персонажъ солнечнаго цикла, но въ то же время рисуется старцемъ, обладающимъ магической силой, шаманомъ.

При всемъ томъ такой полный комплексъ и съ такими специфическими деталями, какъ у якутовъ, приходится признать совершенно индивидуальнымъ. Тѣмъ болѣе поразительно, что этотъ комплексъ, мы находимъ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) не у ближайшихъ сосѣдей якутовъ, а у самыхъ далекихъ отъ нихъ представителей урало-алтайскихъ народовъ, именно у финновъ западныхъ, при томъ, какъ мы видѣли, даже съ этимологическими совпаденіями въ эпитетахъ.

Принимая во вниманіе, что западно-финская миѳологія складывалась несомнѣнно подъ вліяніемъ индо-европейской, интересно, прежде всего, указать, какой комплексъ по культу орла даетъ миѳологія сѣверо-скандинавская и германская.

Здѣсь, несмотря на позднѣйшія осложненія миѳа, мы явственно видимъ основной сюжетъ: міровое дерево и орла в качествѣ не только богатворца, но и первоучителя колдовства, призыванія духовъ, врачеванія, и, наконецъ, что̀ особенно интересно, въ качествѣ учителя кузнечества, какъ у якутовъ. Антропоморфированный, превратившись в Одина, творца боговъ и людей, в хранителя валгаллы, образъ орла раздвоется, продолжая существовать то рядомъ съ нимъ, то совершенно сливаясь съ Одиномъ и по имени.

Такъ, въ сѣверо-скандинавской миѳологіи, въ вѣтвяхъ мірового дерева, Yggdrasils askr, Одинъ пасетъ своихъ лошадей, но на томъ же деревѣ обитаетъ «многовѣдающій» орелъ, который воюетъ съ дракономъ, желающимъ уничтожить корни дерева. У корня этого дерева — питающій его священный ключъ, хозяинъ котораго Миморъ научилъ Одина колдовству и кузнечеству[1].

Но вотъ другая, болѣе ясная версія, гдѣ орелъ сливается со своей антропоморфной ипостасью. В качествѣ царя Валгаллы, Одинъ носитъ названіе орла (Qrn), над цитаделью его паритъ орелъ. Но тутъ уже исчезаетъ Миморъ, а онъ самъ, Одинъ — орелъ выступаетъ учителемъ колдовства, врачеванія, поэзіи, письменности (ibid, 342, 343). У Скандинавовъ мы его встрѣчаемъ съ титуломъ Saldrs fadir — отецъ колдовства. Интересно также отмѣтить, что у скандинавовъ міровое дерево, какъ и у сибирскихъ народовъ,

---

[1] Grundriss der German. Philologie v. H. Paul; B. III, Mythologie, v. Eugen Mogk, s. 305, 379.

является деревомъ судьбы. У нихъ это представленіе воплотилось въ образѣ трехъ дѣвъ судьбы, *норнъ*, живущихъ подъ міровымъ деревомъ.

Одинъ — только разновидность того же Зевса и Юпитера съ ихъ священнымъ дубомъ, который въ южной Европѣ игралъ роль мірового дерева[1], и орломъ, который сталъ ихъ священной птицей и эмблемой, но первоначально былъ праобразомъ самого Зевса и Юпитера.

А Зевсъ, в свою очередь, лишь преемникъ древняго Пана, первоначальнаго бога солнца, уступившаго своего орла Зевсу. А Панъ, съ другой стороны, подобно Одину-орлу, былъ богомъ *магіи* и богомъ *врачеванія*, каковымъ мы его видимъ подъ именемъ Ραιάν Ραιήων въ Иліадѣ Гомера, и богомъ музыки, какъ у финновъ. Шаманство у грековъ, какъ и у якутовъ, связано не только съ орломъ, но и съ міровымъ деревомъ.

Дубъ, какъ дерево-оракулъ, сообщающее жрецамъ лишь волю боговъ, отголосокъ болѣе древняго миѳа о первоучителѣ шаманства, орлѣ мірового дерева[2].

Міровое дерево, какъ и у якутовъ, въ связи съ солнцемъ-орломъ, фигурируетъ, какъ дерево судьбы. Оно ассоціируется здѣсь съ солнцемъ, какъ шаромъ или *колесомъ фортуны*[3].

Далѣе, якутскій миѳъ о принесеніи огня орломъ мы находимъ и въ Греціи въ миѳѣ о Pyrros'ѣ (Pyrros — огонь), сынѣ Ахиллеса, рожденномъ отъ орла.

У грековъ же находимъ и миѳъ о сотвореніи міра изъ яйца въ образѣ Хаоса, снесшаго «яйцо, сверкающее и бѣлое, какъ серебро», изъ котораго родился Космосъ.

Наконецъ, въ греческой миѳологіи орелъ, какъ и у якутовъ, является возродителемъ природы.

«Подобно Зевсу, орелъ обычно представляется приносящимъ свѣтъ, *плодородіе* и счастіе»[4]. Его антропоморфный образъ, сынъ Зевса-орла, Діонисъ, богъ злаковъ и возрожденія природы, часто рисуется птицей, а праобразъ Діониса, Таммузъ — обитатель мірового дерева (Sayce, the Religion of the Ancient Babylonians, 238).

Какъ поздно сохранился культъ самого орла въ южной Европѣ, можно видѣть изъ того, что въ римской арміи изображеніе орла разсматривалось,

---

[1] Ср. у Виргилія, Georg. 2, 291 и слѣд.: Aesculus in primis quae quantum vertice ad auras aethereas, tantum radice in Tartara tendit.

[2] Волшебная сила знаменитаго дуба въ Додонѣ была такова, что даже отдѣльные куски его, по отдѣленіи отъ дерева, сохраняли свою вѣщую силу. На суднѣ аргонавтовъ Аѳина водрузила шестъ, вырубленный въ рощѣ Додоны, который въ пути давалъ предостереженія и совѣты.

[3] Roscher, Lexicon, I, 1518, 1541, 1546.

[4] Gubernatis, Zool. Mythology, 196.

какъ божество легіона. Оно хранилось въ особомъ ковчегѣ, и ему оказывалось поклоненіе. Чтобы выразить связь съ Зевсомъ и дубомъ, въ клювъ его помѣщали листъ дуба и золотой перунъ громовержца.

IV.

Европейская миѳологія, естественно, ведетъ насъ къ своему древнѣйшему источнику — къ индо-иранскому миѳу. В Ведахъ орелъ не только персонажъ солнечнаго цикла. Онъ само солнце. Въ Ведахъ оно такъ и называется орломъ — Garutmat ($5{,}45^{9}$), оно — орелъ поднебесья ($7{,}15^{4}$). Въ послѣ-ведійскій періодъ орелъ, подъ именемъ Гаруды, становится колесницей бога солнца, Вишну. Орелъ въ то же время и Агни, богъ огня, онъ же принесъ огонь на землю ($1, 93^{6}$).

Подобно скандинавскому Одину, который въ образѣ орла приноситъ напитокъ безсмертія, такъ и индо-иранскій орелъ или Индра въ образѣ орла приноситъ (похищаетъ) тотъ же напитокъ — soma (иранское haoma). Но сома не просто напитокъ. Орелъ, принесшій напитокъ сома, есть самъ Сома[1], а Сома-орелъ — верховное божество, владыка всего сущаго ($9{,}61^{6}$), праотецъ людей, и, что особенно для насъ интересно, — праотецъ шаманства «ясновидецъ среди жрецовъ» ($9{,}96^{6}$), врачъ — исцѣлитель болѣзней[2], первый пѣвецъ и творецъ гимновъ ($9{,}91^{1}$).

Орелъ — Сома или Наота, по описанію въ Авестѣ, обитаетъ на космическомъ деревѣ, которое именуется «деревомъ орла съ „высокими исцѣленіями", деревомъ всѣхъ исцѣленій, и на немъ сложены сѣмена всѣхъ растеній»[3].

Птица — обитательница этого міроваго дерева, носитъ въ среднеперсидскомъ и современномъ персидскомъ названіе humā. Она рисуется — «самой величайшей среди орловъ, благороднѣйшей и великодушнѣйшей птицей самаго лучшаго предзнаменованія»[4].

Въ связи съ міровымъ деревомъ въ Индіи важно отмѣтить слѣдующее.

Въ памятникахъ древней Индіи есть терминъ для міроваго дерева, гласящій aśvattha. Въ словарѣ Böttling-Roth'a этотъ терминъ переводится: Standort der Pferde — мѣсто стоянки лошадей[5]. Это болѣе чѣмъ странное соединеніе міроваго дерева съ представленіемъ о стоянкѣ лошадей легко находитъ себѣ объясненіе, по моему мнѣнію, въ миѳѣ объ Одинѣ, который

---

[1] Bergaigne. La Religion vedaique, I, 174.

[2] Johnson. Oriental Religions, India, I, p. 100.

[3] Annales du Musèe Guimet. Zend Avesta, trad. Darmstetter.

[4] Optimi augurii, Слов. Vullers (ст. 1472a).

[5] На этотъ терминъ меня навелъ М. И. Тубянский, онъ же сообщилъ мнѣ цѣлый рядъ цѣнныхъ свѣдѣний, связанныхъ съ этимъ терминомъ, за что приношу ему свою глубокую признательность.

пасъ своихъ лошадей въ вѣтвяхъ мірового дерева. Это получаетъ подтвержденіе въ самомъ названіи мірового дерева скандинавовъ: Yggdrasils askr, что̀ значитъ ясень коня Одина (askr — ясень, Ygg — одинъ изъ эпитетовъ Одина, drasil — лошадь).

Въ Индіи образъ этого мірового дерева еще во времена Асоки сохранялся въ видѣ священнаго фиговаго дерева, дерева Kâsyapa Buddha, Kâsyapa — луна, сома, отъ которой родился Гаруда,[1] и съ того времени каждый Будда, какъ въ Сибири каждый шаманъ, ассоціируется со своимъ особымъ деревомъ, такъ называемымъ bodhi taru, деревомъ мудрости, вѣдовства. Подъ такимъ деревомъ Гаутама усѣлся, рѣшивъ не вставать, пока не достигнетъ «совершеннаго знанія».

Культъ орла сохранился въ Индіи и Персіи и въ различныхъ обрядахъ. Въ Индіи перья орла служили для очищенія жертвоприносителя[2], а въ Персіи разбрасываютъ по полямъ перья праваго крыла орла для оплодотворенія.

Комплексъ: орелъ — солнечное божество, оплодотворитель, мировое дерево, магія и врачеваніе — мы находимъ и у народовъ двурѣчья Тигра и Евфрата, давшихъ древнѣйшій миѳъ о мировомъ деревѣ. Древнѣйшее божество Ассиро-Вавилона, Нингирсу, божество Солнца и Грозы, имѣлъ своей эмблемой орла, который считался покровителемъ и его стольнаго города Лагаша, и самъ онъ рисовался всегда крылатымъ[3]. Онъ же богъ плодородія, магіи, спеціально изгоняетъ болѣзни и всегда фигурируетъ въ заклинательныхъ формулахъ. Онъ же владыка небесныхъ предзнаменованій (Yastrow, II, 423).

Этими же шаманскими функціями надѣленъ и смѣнившій его богъ солнца, Мардукъ, «владыка искусства заклинаній». Нигдѣ не сохранился въ такой примитивной формѣ образъ орла, какъ оплодотворителя, притомъ въ связи съ космическимъ деревомъ, какъ именно у ассиро-вавилонянъ. Я имѣю въ виду извѣстный барельефъ съ изображеніемъ фиговой пальмы, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ двѣ антропоморфныхъ крылатыхъ фигуры съ орлиными лицами, держащія въ рукахъ шишковидный плодъ, которымъ оплодотворяютъ космическое дерево. Надъ деревомъ крылатый дискъ солнца. Это изображеніе, создавшее столь распространенный орнаментальный мотивъ дерева и двухъ птицъ по обѣимъ сторонамъ, фигурируетъ, кстати сказать, особенно широко у всѣхъ финскихъ народовъ.

Оставляя семитическій миѳъ, нельзя не упомянуть про Египетъ, гдѣ

---

[1] Cunningham, the Stûpa of Bharhut, табл. XV, гдѣ изображается это дерево съ 2 поклоняющимися слонами.

[2] Hillebrandt, Ritual litterature, 160.

[3] Yastrow. Die Religion d. Assyro-Babyl., II, 799; также таблица 18, фиг. 60.

солнечное божество Горусъ отождествлялось съ орломъ, гдѣ миѳическій фениксъ, ставшій символомъ безсмертія, рисовался въ образѣ орла. Здѣсь, съ выдѣленіемъ особаго бога земли Кеба, роль орла, снесшаго космическое яйцо, перенесена была на гуся, птицу, играющую такую большую роль и въ народныхъ вѣрованіяхъ финновъ. Здѣсь же находимъ миѳъ о міровомъ деревѣ (столбъ Озириса, дерево богини Nûit).

V.

Теперь перехожу къ тому, что намъ извѣстно о культѣ орла у сибирскихъ инородцевъ. Ученіе объ орлѣ, какъ о хозяинѣ солнца, о творцѣ и родоначальникѣ — тотемѣ, пока констатировано только въ немногихъ случаяхъ. У айну орелъ играетъ роль настоящаго божества и интимно связанъ съ солнцемъ. Самостоятельное божество, оно является у этого народа вмѣстѣ съ тѣмъ и посредникомъ между человѣкомъ и высшимъ божествомъ. Конкретное представленіе о воззрѣніяхъ айну на орла, какъ на творца, благодѣтеля и спасителя отъ болѣзней, даетъ слѣдующая въ высшей степени характерная молитва, обращаемая айну къ воспитываемому при домѣ орлу передъ убіеніемъ его: «О, драгоцѣнное божество, о ты, божественная птица, прошу, внемли моимъ словамъ. Ты не принадлежишь къ этому міру, ибо твой домъ тамъ, гдѣ творецъ и его золотые орлы. Когда придешь, собери божества твоего собственнаго рода и поблагодари ихъ за то, что управляли міромъ. Приди опять, прошу тебя, и правь нами. О мой единственный, драгоцѣнный, иди благополучно»[1]. Другой варіантъ того же обращенія къ орлу гласитъ[2]: «Когда ты придешь къ нему (къ своему отцу), скажи: „Я жилъ долгое время среди айну, которые, какъ отецъ и мать, взростили меня. Теперь я прихожу къ тебѣ. Я принесъ разныя хорошія вещи. Когда я жилъ въ странѣ айну, я видѣлъ много бѣдствій. Я видѣлъ, что нѣкоторые люди одержимы злыми духами, другіе ранены дикими звѣрями; иные пострадали отъ обваловъ въ горахъ, другіе потерпѣли кораблекрушеніе, а многіе одержимы болѣзнями. Люди подвержены большимъ бѣдствіямъ. Отецъ мой, услышь меня, обрати твой взоръ на айну и помоги имъ". Если ты это сдѣлаешь, то твой отецъ поможетъ намъ».

Изъ другихъ сибирскихъ инородцевъ — насколько можно судить по имѣющимся пока даннымъ — только у бурятъ орелъ играетъ значительную роль въ теогоніи, и о немъ имѣется выработанный циклъ миѳовъ, большинство которыхъ пока остается неопубликованнымъ. По мнѣнію Агапитова и Хангалова, орелъ — единственное животное, которое буряты почитаютъ божествомъ, хотя религіознымъ почитаніемъ пользуются еще и другія жи-

[1] Rev. J. Batchelor. The Ainu and their Folk-lore, pp. 492, 493, 495, 496.
[2] Ibid., 438.

вотныя[1]. По свидѣтельству В. А. Михайлова[2], личность орла-беркута считается священной и неприкосновенной, какъ потомка легендарнаго Эжина (хозяина) о. Ольхона — Ута саҕаҥ (высокій, бѣлый князь) и его жены Саксагä саҕаҥ хатаҥ (бѣлая княгиня Саксага), которые, не имѣя сыновей, усыновили трехъ беркутовъ. Эти послѣдніе сошли съ западнаго неба и были сыновьями царя птицъ.

Въ поэмахъ этотъ послѣдній всегда фигурируетъ въ видѣ величайшаго орла, сражающагося съ многоголовымъ ядовитымъ змѣемъ, выходящимъ изъ моря. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ орла, какъ у айну, среди категоріи небесныхъ божествъ, и въ то же время образъ его очень напоминаетъ индійскаго Гаруду, вѣчнаго воителя съ т. н. *нага*, а также орла скандинавской легенды, который обитаетъ на міровомъ деревѣ и воюетъ со змѣемъ, подрывающимъ корни дерева.

Въ связи съ якутскимъ миѳомъ о желѣзной люлькѣ, въ которой орлы выкачиваютъ шамановъ, интересенъ слѣдующій эпизодъ, сообщаемый тѣмъ же лицомъ относительно момента рожденія дѣтей орловъ у ольхонскаго Эжина. «Сойдя съ неба на землю, говоритъ В. А. Михайловъ, три беркута воплотились въ жену Эжина и снова родились. Будучи положены въ люльку, они, разломавъ на куски *желѣзную люльку*, разбивъ вдребезги деревянную люльку, вылетѣли на Эжинскія высоты. Этимъ орламъ, называемымъ князьями-птицами, и почитаемымъ, какъ сошедшіе съ неба божества, приносятъ регулярно родовыя и индивидуальныя жертвы».

«Орелъ (хāҥ кӯҥ — царь человѣкъ), сообщаетъ далѣе В. А. Михайловъ, приноситъ людямъ счастье (встрѣча съ орломъ въ дорогѣ — счастливое предзнаменованіе), но, разгнѣванный, онъ посылаетъ самыя различныя болѣзни. Не только самъ орелъ считается неприкосновеннымъ, но даже скотина, имъ задранная, становится табу: ее не закапываютъ, а сожигаютъ» (повидимому, считая ее избранной орломъ. Л. Ш.).

Аналогичное представленіе объ орлѣ, какъ божествѣ небеснаго цикла, находимъ у телеутовъ, гдѣ орелъ фигурируетъ среди божественныхъ птицъ Ак Ульгеня, царя небожителей, царя небеснаго міра. По другой версіи орелъ, какъ персонажъ солнечнаго цикла, фигурируетъ подъ именемъ суйла, и его рисуютъ въ видѣ беркута, съ конскими глазами — «обритками солнца и луны». Онъ спеціально стражъ человѣка[3].

У другихъ сибирскихъ инородцевъ о теогоническомъ положеніи орла

---

[1] Агапитовъ и Хангаловъ. Матер. для изуч. шаманства въ Сибири. Шаманство у бурятъ Иркут. губ., 1883 г.

[2] Излагаю по обширной рукописи его о шаманствѣ, представленной въ Академію для напечатанія въ «Сборникѣ Музея».

[3] По свидѣтельству В. А. Анохина, работа котораго о шаманствѣ у алтайцевъ нынѣ Музеемъ приготовлена къ печати.

свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что у большинства изъ нихъ (остяковъ, тунгусовъ[1], инородцевъ Архангельской губ.[2], также у народовъ Кавказа) орелъ считается неприкосновеннымъ. Объ остякахъ имѣемъ свидѣтельство Палласа, что «дерево, на которомъ орелъ гнѣздится нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, считается священнымъ, и орелъ заботливо оберегается. Нѣтъ большаго оскорбленія, чѣмъ когда проѣзжій убьетъ такого орла или разрушитъ его гнѣздо[3]. Гиляки ставятъ въ надгробный домикъ перья орла, необходимыя покойнику для благополучнаго прибытія на тотъ свѣтъ...

VI.

Перехожу теперь къ роли орла въ *шаманствѣ* у сибирскихъ инородцевъ. Въ этой области матеріалы болѣе обильны и свидѣтельствуютъ, какъ и многое другое въ сибирскомъ шаманствѣ, объ общемъ источникѣ происхожденія этого распространеннаго воззрѣнія на связь орла съ происхожденіемъ шаманства.

Начинаю съ бурятъ.

Объ орлѣ, какъ первомъ шаманѣ, у этого народа существуетъ двѣ легенды: одна — сообщаемая Агапитовымъ и Хангаловымъ (op. cit., стр. 113, 114), другая — А. В. Михайловымъ.

Согласно первой, западныя небесныя божества, создавшія человѣка, увидѣвъ, что восточныя (злыя) вредятъ людямъ, послали этимъ послѣднимъ на помощь орла, въ качествѣ шамана. Но, хотя орелъ помогалъ людямъ, послѣдніе не довѣряли ему, видя въ немъ простую птицу, а, главное, не понимали его языка. Тогда, по совѣту западныхъ божествъ, орелъ долженъ былъ передать свое званіе первому встрѣчному человѣку. Таковымъ оказалась женщина, съ которой орелъ вступилъ въ связь, и родившійся отъ этой женщины ребенокъ сталъ первымъ шаманомъ изъ людей. В. А. Михайловъ записалъ слѣдующую легенду. Орелъ прежде былъ шаманомъ, который превращался въ орла и леталъ по міру; по возвращеніи домой онъ снова превращался въ орла. Однажды, послѣ долгаго утомительнаго перелета, онъ проголодался и сѣлъ на павшую скотину и сталъ ѣсть ее, отчего осквернился и не могъ превратиться въ орла. (Разсказъ бурята Балаганскаго уѣзда, Бальбура). Кстати здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что у бурятъ, какъ у якутовъ, кузнечество связано съ орломъ. У нихъ есть цѣлые роды кузнецовъ-шамановъ, а изъ воззрѣнія, что первымъ шаманомъ былъ орелъ, вытекаетъ, что и кузнечество связано съ послѣднимъ, такъ какъ право на шаманство у бурятъ получается только по наслѣдству.

---

[1] Пекарскій и Цвѣтковъ. Очерки быта пріаянскихъ тунгусовъ (Сборникъ Музея, II, 1, 1913), стр. 113.

[2] A. S. Schrenk. Reise nach dem N.-Osten des Europäischen Russlands, I, 168.

[3] Reise durch verschiedene Provinzen d. Rus. Reichs, 1776. B. III, стр. 61.

У енисейскихъ остяковъ по этому вопросу сообщаетъ В. И. Анучинъ слѣдующее:

«Относительно появленія шамановъ на землѣ существуетъ два разсказа. По одному, первымъ шаманомъ былъ орелъ—ді, по другому—орелъ лишь научилъ человѣка шаманить. И въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ орелъ былъ двуглавымъ, при чемъ онъ лишился второй головы именно за то, что научилъ человѣка шаманить. Орлу отведена большая роль въ шаманскомъ ритуалѣ; его изображенія украшаютъ каждый шаманскій костюмъ. Убивать орла считается грѣхомъ; случайно найденное перо орла укрѣпляется па видномъ мѣстѣ въ чумѣ. Человѣкъ, нашедшій орленка, выпавшаго изъ гнѣзда, считаетъ это добрымъ для себя предзнаменованіемъ.

Въ назиданіе молодымъ шаманамъ, у енисейцевъ есть такая сказка. Одинъ шаманъ хвасталъ: «Я, говоритъ, теперь большой шаманъ». Орелъ спрашиваетъ: «Ты почему большой шаманъ?» Шаманъ говоритъ: «Я вчера на тотъ большой утесъ взобрался». Орелъ говоритъ: «Твой умъ гдѣ? Я на тотъ утесъ всегда испражняться летаю»[1].

У качинцевъ орла мы находимъ и въ роли родоначальника шамановъ, и въ то же время тотемнаго животнаго, эпонима и покровителя определеннаго рода. По сообщенію С. Д. Майнагашева, бѣлый духъ, выбирающій шамановъ—родовой духъ исключительно сöка «Бӳрӳтъ» (беркута) и обитаетъ исключительно среди этого сöка, но изъ этого послѣдняго черезъ женщинъ, вышедшихъ замужъ въ другіе сöки, шаманскій даръ распространяется среди всего качинскаго народа.

У телеутовъ есть тоже сöк (родъ), носящій тотемное названіе беркутъ (меркет). Кстати интересно отмѣтить, что телеуты отождествляютъ орла съ Ильей пророкомъ. По сообщенію Л. Э. Каруновской, Илью называютъ Илья мури (мури—орелъ): Это Теңери пуркан — небесный духъ, живущій на 12-мъ кате (небесной сферѣ). У ороченовъ забайкальскихъ, по сообщенію С. М. Широкогорова, хозяиномъ всѣхъ шамановъ считается существо, именуемое Тамныдіра — птица, хозяинъ грома и молніи.

Укажу, наконецъ, еще на одинъ любопытный примѣръ изъ этой области. На языкѣ гилякъ орелъ носитъ такое же названіе, какъ и шаманъ, именно, *чам*, что̀ несомнѣнно указываетъ на тѣсную связь шаманства съ орломъ.

У другихъ сибирскихъ инородцевъ аналогичныхъ легендъ о происхожденіи шаманства пока не констатировано, но имѣются другіе факты, свидѣтельствующіе о выдающейся роли орла въ шаманствѣ. Приводимъ нѣкоторые наиболѣе характерные факты изъ музейныхъ матеріаловъ (руко-

---

[1] Анучинъ, op. cit., стр. 23.

писей и описаній шаманскихъ костюмовъ). По свидѣтельству г. Эпова[1], у тунгусскихъ шамановъ въ Забайкальѣ на Борзѣ, бурбут, бѣлоголовый орелъ — хранитель и покровитель шамана. Изображеніе его изъ желѣза съ распростертыми крыльями помѣщается на желѣзной коронѣ шамана, на дужкахъ между рогами. Такая же птица на коронѣ у маньчжурскихъ шамановъ (въ музейномъ экземплярѣ отъ П. И. Воробьева). У телеутовъ, по свидѣтельству В. А. Анохина, орелъ называется Ульгень кужубай мӧркӱт— Ульгеня птица большой беркутъ, т. е. птица хозяина неба — онъ непремѣнный спутникъ и помощникъ шамана. Это онъ во время камланія сопутствуетъ ему въ его странствіяхъ на небо и въ подземный міръ, охраняя его отъ несчастій въ пути, а также отводитъ по назначенію жертвенныхъ животныхъ различнымъ божествамъ. Онъ между прочимъ угощаетъ призываемыхъ духовъ и уноситъ домой посуду изъ подъ браги. Его изображеніе вмѣстѣ съ 8-ью другими птицами всегда имѣется на бубнѣ, но изображеніе орла крупнѣе другихъ и между прочимъ рисуется бѣлой краской, какъ существо небеснаго порядка. Особенно важно отмѣтить изображеніе орла на одномъ изъ шаманскихъ онгоновъ у сойотовъ. На этомъ онгонѣ, на которомъ нашитъ цѣлый рядъ фигуръ — духовъ-покровителей, предковъ шамана, въ самомъ центрѣ вырѣзанная изъ бѣлой жести фигура человѣка съ орлиной головой, напоминающая подобную фигуру на *ассирійскомъ* барельефѣ, упомянутомъ выше (коллекція музея, № 1340—7).

Наконецъ, укажу, что у большинства сибирскихъ народовъ на облаченіи шамана фигурируютъ части тѣла орла — кости, перья, когти (послѣднія, особенно у тунгусовъ — самыя могучія орудія шамана). Наконецъ, вѣроятно, въ связи съ орломъ шаманскій кафтанъ, по воззрѣніямъ инородцевъ, является изображеніемъ птицы. Согласно этому у тунгусовъ, енисейскихъ остяковъ и у многихъ другихъ инородцевъ кафтанъ выкраивается на подобіе птицы и обшивается длинной бахромой, символизирующей перья и крылья этой птицы.

VII.

Перехожу къ другимъ специфически индивидуальнымъ особенностямъ у сибирскихъ народовъ. У цѣлаго ряда послѣднихъ въ легендахъ о шаманахъ фигурируетъ, какъ у якутовъ и у финновъ, въ связи съ орломъ *міровое дерево*, чаще всего береза, далѣе, особое дерево каждаго отдѣльнаго шамана, съ которымъ связана его жизнь, и, наконецъ, эпизодъ вскормленія перваго шамана въ особой *люлькѣ* на березѣ.

О роли этихъ элементовъ у якутовъ мы подробно говорили выше. Весьма близко къ якутскому сюжету — легенда гольдская. Первый шаманъ

[1] Рукопись — описаніе шаманскаго костюма, хранящагося въ Музеѣ (Списокъ № 1879—22).

по имени Хадо́ — солнечный персонажъ и въ то же время, подобно скандинавскому Одину, хозяинъ подземнаго міра — родился на березѣ, «близко около солнца», и былъ вскормленъ въ люлькѣ на этой березѣ. Выкормила его птица. Существуетъ три міровыхъ дерева: одно на небѣ (на немъ живутъ всѣ души до своего рожденія въ образѣ неоперившихся утиныхъ птенцовъ), другое — такое же въ подземномъ мірѣ, въ царствѣ мертвыхъ, третье — на землѣ. Это послѣднее носитъ названіе конгор-джагда́, тонгор-джагда́ — т. е. *береза* съ шаманскими принадлежностями. Съ этого дерева первый шаманъ Хадо́ и получилъ шаманскія принадлежности[1].

Интересно, что по якутской легендѣ происхожденіе шаманскихъ принадлежностей тоже связано съ міровымъ деревомъ. Они были приготовлены «творцомъ» у взрощенныхъ на землѣ трехъ деревьевъ (Васильевъ, 18), и можно думать, что они были повѣшены на одно изъ нихъ. Далѣе, какъ у якутовъ, каждый гольдскій шаманъ, также шаманы орочскіе и орокскіе, имѣютъ свои особые деревья, съ которыми связана ихъ жизнь и, кромѣ того, по внушенію духовъ, возлѣ своего дома они воздвигаютъ либо особыя деревья, либо изъ особо отобраннаго дерева высокій обтесанный столбъ, на стволѣ котораго вырѣзываютъ своихъ духовъ-помощниковъ, а на вершинѣ укрѣпляютъ громадное изображеніе птицы. Въ Музеѣ имѣется два такихъ монументальныхъ столба. Якутскіе шаманы, по описанію Васильева, воздвигаютъ особыя «шаманскія деревья» въ видѣ высокихъ шестовъ съ перекладинами, на подобіе лѣстницы, а на вершинѣ ихъ водружаютъ изображеніе птицы-орла (op. cit., рис. 16, стр. 17, 18, 19). Эти шесты, судя по эпитету «тӱспӓт» — непадающій, вѣчный, символизируютъ міровое дерево. По этому «дереву» самъ шаманъ или его молитвы восходятъ на небо. Даже у сибинцевъ, живущихъ въ Илійской области и Торбагатаѣ, совершенно уже отчуждившихся, начиная съ XVII столѣтія, отъ своихъ сородичей маньчжуровъ, сохранился тотъ же сюжетъ.

У нихъ, согласно сообщенію Н. Кроткова[2], при посвященіи, шаманъ долженъ подниматься по особо воздвигнутой вертикальной и укрѣпленной въ землѣ высокой лѣстницѣ, ступеньками которой служатъ мечи, для представленія небеснымъ духамъ. Ступени называются заставами (небесными). Такую же лѣстницу, поменьше, съ девятью ступенями, каждый шаманъ устраиваетъ въ своемъ домѣ. Эти лѣстницы несомнѣнно не что иное, какъ видоизмѣненіе міроваго дерева. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его названіе

[1] Интересно сопоставить несомнѣнно общаго происхожденія названія для различныхъ шаманскихъ принадлежностей: гольдское, конгор, кунгур, алтайское кунгру (подвѣски на внутренней сторонѣ бубна); урянхайское кургура́, монгольское хонгерик; общетюркское тӱнӱр, (бубенъ).

[2] Краткія замѣтки о современномъ состояніи шаманства у Сибо, живущихъ въ Илійской Области и Тарбагатаѣ. СПб., 1912.

чакурапь — чернокожая береза (op. cit., 6, прим. 2). И роль орла въ шаманствѣ сохранилась у сибинцевъ. «Когда шаманъ, говоритъ Кротковъ, при лѣченіи болѣзни идетъ къ двери, ведущей на дворъ, и молится, онъ призываетъ къ себѣ на помощь, прежде всего, орловъ и ястреба (ibidem, 19).

Поразительно, что и у бурятъ центральный моментъ посвященія въ шаманы — это восхожденіе на особо воздвигнутое дерево, причемъ происходитъ его высшее пріобщеніе къ божествамъ путемъ бракосочетанія съ небесной дѣвой. И, далѣе, также, какъ у сибинцевъ, такое же дерево поменьше воздвигается въ его юртѣ.

Промежуточную форму между бурятскимъ деревомъ восхожденія на небо и сибинской лѣстницей находимъ у телеутовъ. Согласно сообщенію Л. Э. Каруновской, на торжественномъ праздникѣ сока шаманъ камлаетъ передъ особо воздвигнутой березой съ 16 зарубками-ступеньками, соотвѣтствующими такъ называемымъ 16 катамъ — небеснымъ сферамъ. Среди алтайскихъ коллекцій В. А. Анохина въ Музеѣ имѣется подлинная лѣстница (№ 1853—27), по которой шаманъ восходитъ на небо.

Якутско-бурятскій мотивъ: береза — шаманъ — люлька находимъ и у южныхъ урянхайцевъ. По сообщенію проф. Б. Я. Владимірцова, у урянхайцевъ кошуна Barūn amoṇ есть особый родъ, отъ котораго произошли всѣ шаманы. Родъ этотъ такъ и называется Bō Khānākn Хано — шаманскій родъ. Родоначальникъ этого рода родился отъ небесной женщины, которая устроила ему люльку подъ березой, такъ чтобы березовый сокъ могъ попасть ему въ ротъ. У орочеповъ Забайкалья шаманъ тоже связанъ съ міровымъ деревомъ. Согласно объясненію С. М. Широкогорова къ переданному въ Музей шаманскому костюму, «на рисункѣ шаманскаго нагрудника, изображающемъ всѣ три міра (верхній, средній и нижній), фигурируетъ міровое дерево-лиственница (ира́кта), дерево, по которому шаманъ взбирается въ верхній міръ. Паденіе шамана съ этого дерева внизъ (повидимому, вмѣстѣ съ деревомъ) повлечетъ за собою гибель всего міра». У орочеповъ только вмѣсто громовой птицы — орла выступаетъ утка. Но подобную замѣну находимъ и у другихъ народовъ, какъ напримѣръ, у финновъ, гдѣ то фигурируетъ орелъ, то утка, или какъ у египтянъ, гдѣ героемъ космическаго яйца является гусь. Повидимому, эта замѣна связана съ сезоннымъ прилетомъ и отлетомъ какъ утки, такъ и орла.

По поводу «шаманскаго дерева» важно отмѣтить еще слѣдующее. Замѣчательно, что и у якутовъ, и у разныхъ тунгусскихъ народовъ, (а можетъ быть окажется, что и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ Сибири) оно носитъ одно и то же названіе туру́, торо́.

Откуда взялось это слово и что оно собственно означаетъ? В. Н. Васильевъ неправильно переводитъ его ничего не объясняющимъ словомъ

«стояніе», смѣшивая его, какъ любезно мнѣ сообщилъ Э. К. Пекарскій, съ другимъ якутскимъ словомъ турӯ (от тур — стоять). Гольды, амгунцы и др. народности тунгусскія, при разспросахъ о туру́, всѣ мнѣ отвѣчали: это — «дорога», желая выразить этимъ, что это дорога, по которой шаманъ или его молитва восходятъ къ небу. Очевидно, это — слово, которое не имѣетъ обыденного, бытового значенія. Вѣрнѣе всего смыслъ этого слова находимъ у орочонъ Забайкалья. У нихъ упомянутое изображеніе на шаманскомъ нагрудникѣ, представляющее всѣ три міра, и на которомъ фигурируетъ міровое дерево, называется, по сообщенію Широкогорова, туру́, и они прямо переводятъ это словомъ міръ. Отсюда, повидимому, и дерево міровое, корни котораго въ нижнемъ мірѣ, а крона въ верхнемъ, тоже получило названіе туру́.

По маньчжурски тура, дуру значитъ столбъ (сравни китайск. джу-столбъ, колонна). Но первоначально туру́ не могло означать «столбъ», ибо туру означаетъ, какъ у гольдовъ, напр., и дерево, водружаемое по внушенію духовъ, и первоначально, безъ сомнѣнія, воздвигались только деревья. Ороки и вовсе не воздвигаютъ столбовъ, а только деревья. Мало того, у всѣхъ амурскихъ тунгусовъ, передъ сезономъ охоты, избирается особое дерево въ лѣсу, на которомъ вырѣзывается изображеніе божества и по которому восходятъ молитвы охотника къ хозяину неба, и такое дерево тоже называется торó. Очевидно, это слово не маньчжурскаго происхожденія.

Если это слово заимствовано, а, судя по всему, такъ оно и есть, то происхожденіе его, какъ и происхожденіе термина «шаманъ», нужно искать въ Индіи, гдѣ dru, taru въ санскритскомъ означаетъ дерево и гдѣ каждый Будда, а еще раньше, надо думать, каждый духовдохновенный, имѣлъ, какъ каждый шаманъ въ Сибири, свое особое дерево, съ которымъ связана его сила, такъ называемое bodhi taru, дерево мудрости, вѣдовства. Изъ Индіи же, повидимому, идетъ легенда о томъ, что на міровомъ деревѣ росли шаманскія принадлежности. Священное дерево Будды рисуется с листьями изъ сверкающихъ драгоцѣнностей. Въ Китаѣ заимствованныя изъ Индіи пагоды увѣшиваются колокольцами и другими металлическими побрякушками, которыя служатъ принадлежностями шаманскаго костюма (серебряная модель такой пагоды имѣется въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи). А пагода съ ея постепенно съуживающимися кверху, подобно вѣтвямъ дерева, галлереями, безъ сомнѣнія, эволюціонная форма мірового дерева. Но, что болѣе всего говоритъ въ пользу происхожденія термина туру́ изъ Индіи, это слѣдующее. Среди «шаманскихъ деревьевъ» имѣются странные экземпляры *съ корнями обращенными кверху*. Одно такое дерево имѣется въ музеѣ Академіи (№ 2331 — 1) отъ орочей побережья Татарскаго пролива. Далѣе, во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, у гиляковъ, на могилахъ нѣкоторыхъ избранныхъ людей ставятъ тоже деревья съ вывороченными

корнями. И вотъ поразительно, что міровое дерево въ Индіи рисуется именно въ такомъ же видѣ. Въ Ката Упанишадахъ 6,1 читаемъ буквально слѣдующее: «Вверхъ корнями, внизъ вѣтвями вотъ вѣчный aśvattha (міровое дерево). Вотъ что чисто, вотъ что есть Брахма, вотъ что называется безсмертнымъ». Аналогичное описаніе въ Bhagavadgītā 15, 1—3[1].

Замѣчательно, что аналогичное представленіе о міровомъ деревѣ находимъ у древнихъ скандинавовъ. Дерево это имѣетъ три корня въ различныхъ мѣстахъ, и одинъ изъ нихъ на небѣ, т. е., обращенъ кверху[2].

Наконецъ, не могу не указать на то, что у маньчжуровъ персиковое дерево, которое у нихъ, какъ въ Китаѣ, играетъ большую роль въ миѳологіи, въ качествѣ древа солнца, древа жизни, носитъ названіе торо, какъ и шаманское дерево у тунгусскихъ народовъ.

VIII.

Сравнительный обзоръ культа орла, произведенный нами, позволяетъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) У разсмотрѣнныхъ нами народностей, наряду съ отдѣльными общечеловѣческими мотивами культа орла, имѣется общій комплексъ особенностей, вплоть до деталей, которыя должны быть признаны совершенно индивидуальными, только этой группѣ народовъ свойственными.

2) Особенности эти такого характера, что нахожденіе ихъ у отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ не можетъ быть результатомъ конвергентности. Онѣ должны были сложиться въ результатѣ былого тѣснаго общенія.

3) Комплексъ этихъ особенностей мы находимъ съ одной стороны у представителей всѣхъ урало-алтайскихъ народностей: маньчжуровъ, тунгусовъ, монголо-бурятъ, тюрокъ и финновъ, при чемъ наиболѣе полное совпаденіе находимъ у самыхъ дальнихъ урало-алтайцевъ: тюрковъ крайняго сѣверо-востока Сибири, у якутовъ, и у самыхъ западныхъ финновъ Европы.

Съ другой стороны этотъ же комплексъ находимъ у народовъ Средиземноморской культуры (въ обширномъ смыслѣ этого слова), начиная съ индійцевъ, иранцевъ, семитовъ, грековъ, римлянъ, и, наконецъ, у германцевъ.

4) Значительная роль, которую играетъ въ этомъ комплексѣ міровое дерево, ясно указываетъ, что источникъ его нужно искать не въ Сибири, а на далекомъ югѣ, хотя-бы на низинахъ побережья Персидскаго залива, тамъ, гдѣ эта концепція особенно широко развилась и гдѣ, по гео-ботаническимъ условіямъ, имѣлась наиболѣе благопріятная почва для зарожденія этой концепціи.

5) Наличность въ этомъ комплексѣ миѳа о связи орла съ кузнечествомъ, о связи металлическихъ принадлежностей шаманства съ міровымъ

[1] Указанной цитатой обязанъ М. И. Тубянскому.

[2] Ср. The Prose of the younger Edda, translated by Dasent, p. 16. Любопытно, что и у якутовъ міровое дерево съ тремя корнями (Іоновъ, op. cit., 10).

деревомъ, опять таки несомнѣнно говоритъ о сравнительно позднемъ періодѣ культурныхъ связей между народами урало-алтайскаго круга и средиземноморскаго.

6) Культурная связь между этими послѣдними должна была быть очень тѣсной, потому что, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло не со странствующимъ миѳомъ, который легко переносится отъ одного народа къ другому, а съ комплексомъ культовыхъ обрядностей и дѣйствій, какъ это мы видѣли въ церемоніи восхожденія на мировое дерево, въ изготовленіи особыхъ шаманскихъ столбовъ съ орломъ па верхушкѣ и т. д. Что такія вещи не легко и быстро заимствуются, видно изъ того, что айну, живущіе много вѣковъ рядомъ съ гиляками, до сихъ поръ въ своемъ шаманствѣ не знаютъ шаманскаго костюма, заимствовавъ отъ гиляковъ только бубенъ, который они не всегда употребляютъ, и то же можно сказать о сѣверныхъ палеоазіатахъ, чукчахъ и корякахъ, не знающихъ типичнаго шаманскаго костюма и совершенно оставшихся внѣ комплекса культа орла, несмотря на вѣковое сосѣдство съ тунгусскими народностями.

А изъ этого слѣдуетъ, что народы, причастные къ этому комплексу и нынѣ столь отдаленные другъ отъ друга, нѣкогда имѣли другое географическое распространеніе.

7) Съ другой стороны — совпаденіе терминовъ этого комплекса [*турý* — для шаманскаго дерева, общность названій шаманскихъ принадлежностей, о которыхъ мы говорили выше, общее названіе бубна у гилякъ (хась), у бурятъ (хэсэ), у енисейцевъ (хать), у монголовъ (кеце), полное совпаденіе нѣкоторыхъ деталей бубна, особенно въ формѣ внутренней крестовины и въ орнаментальныхъ мотивахъ, совпаденіе термина шаманъ у большинства сибирскихъ народовъ съ индійскимъ терминомъ śramaṇa, samaṇa] — все это говоритъ за то, что комплексъ этотъ имѣлъ какой-то общій центръ происхожденія, откуда онъ постепенно распространился, послѣ долгаго странствованія перваго усвоившаго его народа и долгаго тѣснаго общенія или, быть можетъ, скрещиванія съ другими урало-алтайскими народами.

8) Крайне близкое совпаденіе деталей комплекса у якутовъ и у финновъ западныхъ позволяетъ предполагать непосредственное въ древности сосѣдство этихъ двухъ этническихъ группъ. Это подтверждается совпаденіемъ нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ деталей въ ихъ матеріальной культурѣ. Я имѣю ввиду въ особенности совершенно тождественную и своеобразную форму прикрѣпленія тетивы въ лукѣ и полное совпаденіе деталей орнамента на берестяной обшивкѣ лука у якутовъ и у всѣхъ финскихъ народностей, о чемъ я докладывалъ въ свое время въ Радловскомъ кружкѣ.

9) Если судить по полнотѣ деталей комплекса у якутовъ, по яркимъ слѣдамъ тотемизма, и по еще болѣе яркимъ слѣдамъ матернитета, въ такой

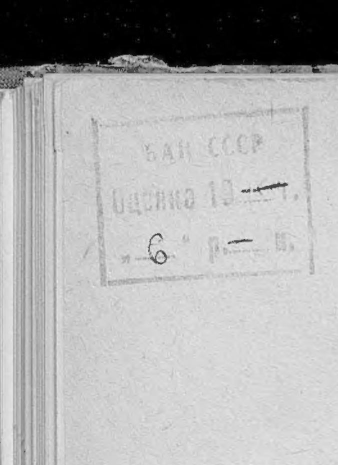
яркости ни у одного сибирскаго народа не встрѣчающагося, можно было бы заключить, что отъ нихъ распространился этотъ комплексъ среди народовъ Сибири. Но съ другой стороны, отсутствіе въ ихъ языкѣ термина šаman для обозначенія шамана и нахожденіе, наоборотъ, этого термина у всѣхъ тунгусскихъ народностей вмѣстѣ съ терминомъ туру, въ то время какъ у другихъ тюркскихъ народовъ, кромѣ якутовъ, этого послѣдняго не находимъ, и многое другое въ тунгусскомъ шаманствѣ говорило бы за пріоритетъ тунгусовъ. Но это уже вопросъ, тѣсно связанный съ общимъ вопросомъ о культѣ сибирскихъ народовъ, и рѣшать его отдѣльно не представляется возможнымъ.

10) Большой интересъ представляетъ любопытное совпаденіе нѣкоторыхъ чертъ въ культѣ орла у сибирскихъ народовъ съ нѣкоторыми сѣвероамериканскими. У многихъ народовъ сѣверо-западной Америки орелъ не только пользуется поклоненіемъ, но часто служитъ тотемомъ отдѣльныхъ клановъ; съ нимъ, какъ въ Сибири, связываютъ происхожденіе шаманства. Но все это, пока мы бо́льшихъ деталей не знаемъ, еще не является показательнымъ. Поразительно только крайне близкое сходство слѣдующаго миѳа, который находимъ у пріаянскихъ тунгусовъ и у индѣйцевъ Сѣверной Америки.

«Вначалѣ земля была, разсказывала одна тунгуска, потомъ въ теченіе семи лѣтъ огонь былъ, земля кончилась. Все сдѣлалось потокомъ, моремъ; всѣ тунгусы сгорѣли, только мальчикъ съ дѣвочкой взлетѣли на небо, а изъ птицъ, не умирая, орелъ взлетѣлъ. Мальчикъ и дѣвочка летая спустилась туда, гдѣ море испарилось; вмѣстѣ съ ними спустился орелъ». (Пекарскій, op. cit., 114).

Аналогичную легенду разсказываютъ индѣйцы Дакоты въ связи съ потопомъ. Всѣ люди, разсказывается въ этой легендѣ, погибли, остались только одна женщина да орелъ, за ногу котораго она ухватилась и была вынесена имъ на высокую гору. Отъ этого орла и женщины произошли всѣ краснокожіе. Несмотря на различіе въ деталяхъ, общее въ обѣихъ легендахъ — что послѣ міровыхъ катастрофъ на землѣ остаются только человѣкъ и орелъ. Въ данномъ случаѣ легко можно предположить заимствованіе черезъ американоидныхъ палеоазіатовъ крайняго С.-В. Сибири.

Въ заключеніе позволительно выразить пожеланіе, чтобы, въ виду важности вопроса, будущіе изслѣдователи дополнили наши свѣдѣнія о комплексѣ культа орла, особенно въ связи съ міровымъ деревомъ у разныхъ народовъ Сибири. Относительно нѣкоторыхъ народностей мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ, а о другихъ очень мало. Въ общемъ, за исключеніемъ развѣ якутовъ, детальное обслѣдованіе этого вопроса у каждаго отдѣльнаго народа весьма настоятельно.

БАН СССР
Оценка 19
„6" р.— к.

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕ
№
Академии Наук

